

ПУТЕВОДИТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

7/2005

Роман-журнал **XXI** век

**СВЕТ
АРХАНГЕЛЬСКА**

**Царский путь:
АЛЕКСАНДР III
и его семья**

Лауреаты премии и руководство компании «АЛРОСА»

М. Зайцев и К. Скворцов

АЛМАЗНАЯ ПРЕМИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 июля 2005 года в Москве прошла 5-ая юбилейная церемония вручения учрежденной совместным решением Союза писателей России и акционерной компании «АЛРОСА» (Якутия-Соха) в 2000 году, ежегодной премии в области литературы — «Большой литературной премии России» (БЛПР) за лучшие литературные произведения, — ставшей в писательском сообществе одной из самых авторитетных.

Созвездие лауреатов-2005 пополнилось именами в высшей степени авторитетными. В соответствии с решением Комиссии лауреатами «Большой литературной премии России», за лучшие произведения 2004 года объявлены:

I премия (общероссийская) — член-корреспондент РАН **Ф.Ф. Кузнецов** за исследование «**«Тихий Дон»: судьба и правда великого романа**»; поэт и драматург **К.В. Скворцов** за книгу драматических сочинений «**Сим победиши**»; писатель, ветеран Великой Отечественной войны **С.И. Шуртаков** за книгу «**Славянский ход**».

II премия (региональная, для писателей Республики Саха-Якутия) — поэт и писатель **С.И. Тимофеев** за книгу «**Минувшие годы**» и поэт и переводчик **С.Д. Шевков** (посмертно) за книгу «**О друзьях-товарищах**».

**БОЛЬШАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРЕМИЯ РОССИИ**

*За лучшее произведение
2004 года*

ДИПЛОМ
№1

КУЗНЕЦОВ
Феликс Феодосьевич

За книгу
**«Тихий Дон»: судьба и правда
великого романа»**

Президент АК «АЛРОСА»

НИЧИПОРУК А.О.

Продседатель
Союза писателей России

ГАНИЧЕВ В.Н.

29 июля 2005 года
г. Москва

III премия (региональная) — краснодарский поэт **Н.А. Зиновьев** за книгу стихов «**На самом древнем рубеже**» и волгоградский поэт **М.Ф. Зайцев** за книгу стихов «**Верста**».

В этом году, в связи с пятилетием БЛПР, 60-летием Великой Победы и 50-летием акционерной компании «АЛРОСА» в рамках «Большой литературной премии России» учреждена Специальная премия «**На благо России**», лауреатом которой стал поэт **В.Н. Исайчев** за книгу стихов «**Искренне ваш**».

На торжественной церемонии вручения премии присутствовали государственные и общественные деятели, деятели науки, культуры и искусства, коллеги по перу, друзья, родные и близкие лауреатов, представители печатных и электронных СМИ.

«Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битья,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитвы»

А. С. Пушкин

ПУТЕВОДИТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Роман-журнал XXI век

№ 7 (79) 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ДНЕВНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

2 Свет Архангельска

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ СОБЫТИЙ

9 Александр ДОРИН

Архангельский Север – форпост
духовной культуры России

14 Вперед к Ломоносову!

Обращение участников Архангельского
плenums СП России

16 Елена ГАЛИМОВА

Литература Архангельского
Севера – наследница духовно-
нравственных традиций великой
русской литературы

ЛЮБИМЫЕ СТИХИ

21 Евгений СЕМИЧЕВ

Небесная крепь. Стихи

90 Николай РАЧКОВ

Стихи

РУССКАЯ ДУМА

24 Павел КОВАЛЕВСКИЙ

Александр III – царь-националист

32 И. В. КУДРИНА

Императрица

40 Владимир МЕЛЬНИК

Князь-мученик Сергей
Александрович

ПРОЗА

48 Николай ДОРОШЕНКО

Запретный художник. Повесть

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

92 Лариса МАКСИМОВА

В память В. Я. Данильченко-
Данилевской

93 Валентина ДАНИЛЬЧЕНКО-

ДАНИЛЕВСКАЯ

К 180-летию со дня рождения
Н. Я. Данилевского

ГРЕНАДЕРЫ, ВПЕРЕД!

94 Итоги конкурса

«Гренадеры, вперед!»

РУССКИЙ КОСМОС

97 От Бога оправдан, от людей

оклеветан.

Материалы Соборной встречи
«Преодоление средостения. Церковь,
власть, народ.
К 400-летию со дня рождения патриарха
Никона»

110 Галина АКСЕНОВА

На родине патриарха Никона

Главный редактор

Валерий Ганичев

Михаил Алексеев

Лев Анисов

Александр Арцибашев

Лариса Баранова-Гонченко

Вадим Белкин (главный художник)

Бронтой Бедоров (Горный Алтай)

Василий Белов (Вологда)

Владимир Бондаренко

Виктор Будаков

Николай Бурляев

Марина Ганичева (зам. главного редактора)

Владимир Гаврилов

Владимир Гусев

Геннадий Гусев

Георгий Зайцев

Геннадий Иванов

Валерий Исаев

Владимир Костров

Николай Коняев (Санкт-Петербург)

Сергей Котьяло

Лев Котиков

Владимир Крупин

Феликс Кузнецов

Станислав Куняев

Валентин Курбатов (Псков)

Виктор Лихоносов

Владимир Личутин

Юрий Лопусов

Сергей Лыкошин

Николай Лугинов (Якутск)

Игорь Ляпин

Исхак Машбаш (Майкоп)

Михаил Ножкин

Гарий Немченко

Виктор Николаев

Сергей Перевезенцев

(первый зам. главного редактора)

Николай Переслов

Андрей Печерский

Андрей Поздняев

Михаил Попов

Геннадий Попов (Орел)

Александр Проханов

Валентин Распутин

Кавад Раш

Иван Сабилло (Санкт-Петербург)

Александр Сегень

Николай Сергованцев

Валентин Сорочкин

Николай Скотов (Санкт-Петербург)

Константин Скворцов

Виктор Смирнов (Смоленск)

Александр Стручков

Леонид Фролов

Валерий Шамшурин (Нижегород)

Олег Шестинский

Семен Шуртаков

Михаил Чванов (Ифа)

Михаил Числов

Игорь Янин

Издание выпускается при финансовой поддержке Группы компаний «Гренадеры»

Журнал издается при участии:

Союза писателей России,
Всемирного Русского Народного Собора,
Фонда подвижничества и просветительства
«И возродится Великая Русь!»,

издательства «Московский писатель»,

Основан в 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77-3069 от 10 апреля 2000 г.

Адрес редакции:

119146, Москва, Комсомольский проспект, 13.

Тел./факс: (095) 246-03-47

Выходит один раз в месяц
Журнал рекомендован к подписке
Министерством образования
Российской Федерации

Подписные индексы

на полугодие:

48542 — для индивидуальных подписчиков

48543 — для библиотек и учебных

учреждений

на год:

79172 — для индивидуальных подписчиков

79173 — для библиотек и учебных

учреждений

Дневник главного редактора

СВЕТ АРХАНГЕЛЬСКА

Есть в России немало заповедных земель и мест, сохранявших русскость, ее потаенный смысл, тайну и слово. Архангельский Север принадлежит к русскому Лукоморью, где чудеса и леший соседствовали, но всегда возобладали над этим краем русский дух, ибо не осилил его оккупант и иностранный вражина. Невиданной пыливости и созидательной упругости пружина толкала отсюда «встречь солнцу» умелых, опытных, закаленных, храбрых христиан-поморов по дуге севера к Ямалу, Таймыру, Якутии, Чукотке, Аляске, Сан-Франциско. Они и шли, неся с собой заповедное русское слово, умение налаживать отношения с коренными жителями тех мест, умение строить, земледельствовать и управлять крепким морским судом. Их путь отмечен был крестами и часовнями. Вера православная возвышала их, а память о Родине укрепляла. Да, и тут, на Севере, Русь утвердилась, как земля «светлым светом украшенная», земля многих изумительных деревянных церквей и всероссийских монастырей, с яркой звездой Соловецкой, как земля сельского христианско-крестьянского люда, как место избы-крепости и опоры для большой семьи и хозяйства, место истовых священников и монахов, спасительных для нас всех святых. Для нас, писателей, Архангелогородчина — заповедная зона Слова. Тут сохранились не изгнанные пустословием русские былины и сказы, жар-птицы народного образа, слова, которые удалось услышать в начале XX века у великих сказительниц М. Крюковой и... Помню еще в послевоенных учебных и хрестоматиях их почти сказочные портреты и два-три сказания. Ныне они исчезли из школьных программ, как вирус для компьютерных мозгов, — это сложно, услышать голос русского слова. Да, так, ибо Новая Россия (вернее, ее власти), изменив социальный строй, меняя ценностный культурный ряд, изменила свои границы и очертания страна. Она добровольно отказалась от исторических выходов на Балтику и Черное море. Казалось, что и русскому Северу несдобровать — он попадал в сферу американских «стратегических интересов». Вот так, Сан-Франциско, основанный русскими, не сфера российских интересов, а Архангельск вполне может быть заманив для американских глобалистов. И если будем звать, верить «демократическим» и либеральным златоустам, если будут множиться в эфире, кинотеатрах, издательствах, школах клетки чужебесия, то «сфера интересов» может довольно быстро превратиться если не в военную, то духовно-культурную базу глобалистов, представляющих интерес одной страны.

А Север внутри России приобретает все большее и большее значение. Уже сегодня он приносит 25% национального дохода и 60% валютных поступлений. Всероссийский и всесоюзный лесозавод и поставщик древесины, Архангельский край тоже

приобретает новое лицо и предназначение. Сюда перемещается стратегический центр тяжести России, сюда смещаются грузопоток и морская мощь. (Среди моряков бытует серьезная шифровальная шутка: Балтийский флот, БФ — Был Флот; Черноморский, ЧФ — Чи флот, чи не флот; Тихоокеанский, ТОФ — Тоже Флот; Северный, СФ — Современный Флот.) Да, тут у нас самый современный флот, наш щит, наша опора. Тут сейчас, после потери мощнейших Николаевских судостроительных заводов, — серьезная судостроительная база — Северодвинск. Тут на собственной территории России возник космодром в Плесецке, где с нас не «сдирают» территориальную пошлину. Только что торжест-

венно объявлено, что в области начинается промышленное производство алмазов. Архангельск — алмазодобывающий центр! Якутия, Ангола, ЮАР! Дух захватывает. И действительно, это надо осознать, да еще суметь извлечь из этого свою областную прибыль. Как сделали это при Президенте Якутии М. Е. Николаеве, сумевшем поднять культуру Республики, создать детские школы, поддержать национальные театры, художественные коллективы, музеи народного творчества, издательства, выпускающие книги якутских писателей. Когда в Москве проходила декада якутской культуры, это был один из самых ярких праздников наших земель, национальных республик. И алмазы Якутии играли тут важнейшую роль. Надо, чтобы алмазы Архангельской земли тоже помогли поднять благосостояние и культуру архангелогородцев, и помогли заметно. Хватит обогащать гранитщиков алмазов за дальними морями.

Губернатор Николай Иванович Киселев со сдержанной радостью и гордостью сказал нам при беседе, что скоро нефтяные платформы шагнут от побережья вглубь моря. Нефтяные и газовые запасы делают Архангельскую область новым нефтегазовым районом страны. Новая нефтедобывающая Норвегия! Этот бурно развивающийся промышленно-экономический узел севера России становится практической реальностью, требует осмысления и духовного оформления. Ведь если будут строиться только многоэтажные ячейки для жизни, модой города станет изоманный постмодерн, а не чистая, северная линия, корневое слово предков, а в эфир на нефтяные платформы, в космические общежития, каюты моряков будут устремляться только всепожидающие шварценегеры, крепкие американские десантники, косящие направо и налево лазерными лучами иракских, вьетнамских, сербских недочеловеков, а с детьми будет вести разговор только Гарри Поттер и Черепашки Ниндзя, то скоро Дикий американский Запад станет нашим Диким Севером.

Мне уже приходилось писать, как стараниями местных властей и жителей бывший барачный, невзрачный Остяко-Вогульск, он же Ханты-Мансийск, и его ожерелье из других городов встали важнейшим культурно-духовным центром не только Приполярья, но и всей России. Мощный университет, плавающий над всем городом белый храм, оснащенный первоклассным оборудованием краевая библиотека, мировой биатлонный центр с пятизвездочными отелями и изумительным биатлонным стадионом — гордость России. А замечательный Дом искусств для юных ханты-мансийцев, обучающихся игре на фортепьяно, скрипке, виолончели, баяне, овладевающих искусством графики и живописи, и, конечно, художественная галерея. Я был ошеломлен, когда под полярным сиянием, нередко украшаю-

щим город, побывал в светоносном царстве русской иконы XV, XVI, XVII, XVIII веков. Мастера Новгорода, Суздаля, Твери, Москвы, Архангельщины, божественные лики, созданные ими, вошли в наше время. А рядом в зале картины и рисунки Репина, Архипова, Айвазовского, Боголюбова, Врубеля, Касаткина, Сурикова, Пластова. «Откуда такое богатство?» — вопрошали в прошлом году мы, участники расширенного секретариата Союза писателей. Губернатор округа, размеренный и спокойный А. Филипенко не скрывал: «Это плод наших усилий с теми, кто добывает здесь нефть и газ, и нашего фонда... который мы создали, чтобы поддерживать и укреплять культуру, духовную жизнь и общественное гражданское самочувствие наших людей, живущих и работающих в нелегких природных условиях». «Мы выделяем средства, — продолжал губернатор, — из этого фонда и закупаем иконы, картины на международных аукционах у нас в стране с помощью Санкт-Петербургских специалистов, искусствоведов, реставраторов. Восстанавливаем их и представляем нашему зрителю».

Честное слово, подступал комок к горлу. Здесь, на дальнем полюсном и полярном Севере, находится одна из лучших художественных галерей, одно из лучших собраний светоносных икон у нас в России, один из лучших культурных центров. «Мы чаще, особенно раньше, несколько лет назад, — сказала я Александру Васильевичу, — видели, как художественные, национальные ценности уплывали из России за рубеж. И вот вы развернули этот поток. Низкий поклон вам от всех отечестволюбцев России, от культуры, от писателей». Нас убеждает этот пример, что там, где есть рвание и желание служить людям, в России можно добиться высочайших образцов создания культурных очагов. Ничего не хочу сказать плохого, ибо не знаю, в адрес бывших и нынешних руководителей нефтеносной Тюменской области. Но вот не стала Тюмень культурной столицей Западной Сибири, имея не меньший потенциал, чем Ханты-Мансийск. Ну не столицей,

так центром, как стал Иркутск с его днями русской духовности и культуры, которые проводит Валентин Распутин и губернатор Борис Александрович Говорин, как Орел, где губернатор Егор Семенович Строев, писатели, культурные силы области разожгли литературный очаг, поддерживая славу «третьей литературной столицы России», куда впервые за все годы (после Москвы) прибыл и съезд Союза писателей России. Или тот же Белгород и его радители — губернатор Евгений Степанович Савченко, сенатор Николай Иванович Рыжков, архиепископ Иоанн, утвердившие почетную и известную на всю Россию премию «Прохоровское поле», и сделавшие область всероссийским центром патристического воспитания. Но, к сожалению, некоторые наши губернские центры предпочитают оставаться центрами глухой культурной провинции, отделяясь от культуры шоу-концертами, «аншлагами», заезжими или своими поп-группами. Об этих культурных потерях и опорных пунктах и говорили мы на расширенном секретариате Союза писателей в Архангельске в июле этого года. Как сшить воедино культурное и духовное полотно Святой Руси, дореволюционного прошлого России, лучших традиций советского периода и сегодняшнего дня? Как при технологическом размахе не утратить душевную чуткость, человеческое сострадание? Орлу в 1994 году пленум Союза писателей даровал название «третьей литературной столицы России», так и Архангельские писатели определили предназначение стать «форпостом духовной и культурной жизни на севере России». Большая ответственная роль. Откуда взять силы. Ну, во-первых: наше будущее, это прошлое. А у Архангельска такое духовно-культурное прошлое, что сохранить, возродить его это уже задача форпоста.

Возьмем православие. Оно утвердилось здесь, на северных землях, дыханием Андрея Первозванного с Ладожского Валаама, сотнями с любовью рубленых церквей, десятками известных на всю Русь монастырей. Затеплятся лампы в оставшихся, замкнутся куполами полуразрушенные доселе стены церквей,

загорится свет в братских корпусах монастырей, придут в воскресные школы дети — форпост начнет приобретать очертания выдвинутого вперед боевого сооружения. Но тут далеко не все в порядке. Воспользовавшись ослаблением церкви хлынули, в щели сознания разного рода сектанты, оккультные группы. Только что Архангельскому отделению Всемирного Русского Народного Собора вместе с писателями пришлось даже протестное обращение принять против проведения съезда иеговистов в Архангельске. Ничего себе! Где этот центр Иеговы — в Айове, что его связывает с Архангельском? А ничего, просто надо форпост основать. На Белом море. Вот это забота о передовых рубежах и щупальцах.

Или вот провели очень неплохо во всей стране дни памяти 60-летия Победы. И в Архангельске тоже. Пример. Журнал «Двина» прекрасные материалы и художественные и документальные посвятил Великой Отечественной. Главный редактор «Двины» Михаил Попов, награжденный премией «Хранитель памяти народной» имени Бориса Шергина, поместил замечательную передовую «Небесные зовы» из писем, пришедших с фронта в Мезень, Архангельск, в двинские города и села в 1941–45 годах. Вот некоторые страницы из них:

...Виктор Лупандин, ст. сержант, — в Каргополье, 5 августа 1941 года. «Три раза были в окружении, выходили из них с тяжелыми боями. Но рано или поздно Гитлер будет бит». (Погиб в конце 1941 г.)

Михаил Теплов, ст. сержант, — родным на Пинежье 7 декабря 1941 г. «Нахожусь на защите родной столицы Москвы, враг рвется к Москве, но ему это не удастся. А мы стоим здесь и посылаем немцу стальные лепешки по 16 килограмм». (Погиб, подорвавшись гранатой в окружении гитлеровцев, Герой Советского Союза.)

Роза Лупандина, снайпер, Устьянский район. «Пошла за батальоном, который спешил к месту боев, попала в серьезные стычки с врагом. Я стреляла. Забрала в плен здоровых дядей...» (Смертельно ранена 28 января 1945 г.)

Алексей Чоусов, гвардии ст. сержант, — жене в Архангельск, летом 1944 г. «Лидок! Это маленькое чудачество с моей стороны. Но одни письма скучны, а эти цветы сорваны мной под пулями и разрывами снарядов на передней линии. Целую тебя и детей». (Погиб через полгода.)

Какие люди отдали жизнь за нас, за страну, за край родной! Какое мужество, надежда, свет были у этих воинов, бойцов, любимых и любящих (почти все они погибли). Да, вот это и есть кирпичи в здание форпоста. Есть, есть этот незримый строительный материал на Архангелогородские для утверждения духа наших людей. А в миллионной области в войну погибло 113 тысяч человек. Одна девятая! В хорошем холмогорском районном музее много исторических экспонатов, диаграмм, последний зал посвящен «холокосту». Понятно человеческое сочувствие русских людей к погибшим всех национальностей. Но спрашиваю: сколько погибло на войне людей из района? Не знают. Как отражена их память? Молчат. А это уже беспамятство, разрушающее уважение к прошлому, не позволяющее относиться с самоуважением к себе.

Великая незамутненная культура создавалась, выстраивалась здесь. Возьмите песню. Когда в Москве выступал Северный народный хор под руководством Лидии Константиновны Мешко, все знали, что это эталон народной песни — без подлаживания под модные ритмы, под агитпроповские идеи, под интуристовский стиль «а-ля рус», под этот «бабкинизм» (употребил этот термин ошалево мотающий головой от шоу певицы Бабиной старей искусствовед). На 280-летие Московского университета в зале Чайковского удалось услышать и хор, и Лидию Константиновну Мешко, легендарного руководителя хора, воспитавшую таких выдающихся певцов, как Татьяна Петрова, Елена Сапогова, Татьяна Синицина и других. Зал приветствовал хор, но не так бурно, как обычно приветствуют рок-ансамбли. Испортили мы

нашу публику. Надо возвращать русскую песню людям. Может, архангелы осуществят это?

Когда шла пресс-конференция о нашем секретариате-племуне с повесткой дня «Архангельский Север — форпост духовной и культурной жизни России», то одна журналистка задала вопрос: «Повестка хорошая, мои друзья очень доброжелательно отнеслись к задаче, но какой же Архангельск форпост? В городе полно хулиганья, молодежь на каждом углу сосет пиво, задрала голову. Какой форпост?»

Да, есть над чем задуматься. Форпост-то возводить надо всем миром. Город имеет немало исторических памятников, их надо оберегать, облик города, конечно, должен соответствовать северному русскому городу. Если говорить откровенно, то Петр I тут в конце XVII века задумался о северной столице России, он почувствовал, что Архангельск — город державного устремления и смысла. И думаю, что, в нем построив верфи, оградив торговый флот, он смоделировал модель Санкт-Петербурга. Именно тут он спустил на воду, сам подрубив опоры, корабль «Святой Павел», а затем всю компанию корабельщиков под звуки выстрелов угощал. Тут впервые был поднят русский торговый флаг. Россия замыслила стать океанической, мировой державой. И вот это державное, российско-устойчивое устремление края надо сохранить, не дав превратиться ему в захолустный глобалистский городок.

Форпост — это укрепление духовных основ края. Мудрый, многознающий владыка, епископ Архангельский и Холмогорский Тихон пригласил делегацию писателей к себе в здание недавно построенного епархиального управления. Перед домом выразительная скульптурная фигура несущегося поразить нечистые силы Архангела Михаила. Несмотря на все гонения, погромы, которые на Архангельщине были, как нигде, разрушительны (бесовские силы чувствовали светоносность края). Архангельск один из немногих городов страны, который сохранил свое историческое и духовное название. Как это произошло, какие попытки были стереть с лица земли ангельский город, предстоит еще исследовать и рассказать архангельским историкам и краеведам, но факт тот, что город имеет ограждение сил небесных. Конечно, антирусские, антиправославные силы неистовствовали. Одна за другой разрушались церкви. «Возведем главный епархиальный храм — Архангельск будет форпостом», — рассудительно и убежденно говорит епископ Тихон. Он показал нам план — чертежи будущего собора. Мы приложились к изумительному письму громадной иконе святителя Тихона, патриарха, мученика и борца за православие. Икону писали софринские мастера по благословению Святейшего патриарха, образ святого обрамлен житейными клеймами. Патриарх торжественно вручил икону архангельской епархии, ее встречали сотни православных верующих. Теперь она в епархиальном церковном зале ждет своего часа, своего епархиального собора. «Будет собор — Архангельск будет форпостом Севера», — вспомнились слова владыки.

Да, создание форпоста требует усилий. Повсеместных, общих, гражданских, церковных, властных, человеческих. Скажем, не главная, конечно, черта города, заросшие лебедой и крапивой не самые, конечно, центральные, но проезжие улицы города. Удивительно, конечно, почему улицы Орла, Белгорода в цветах, вычищены, деревья подбелены, города — загляденье. А я уверен, что дворники и там и там платят одинаково, администраторы районов Архангельска зарплаты имеют почти такие же. Но привыкли, по-видимому, внимания не обращают, подумаешь, травка, а это облик города. А что касается «Сосущих вместе» пиво, то их занять надо, соединить, дать дело. Взять хотя бы такой факт: Архангельск один из немногих городов, в котором побывал великий адмирал Федор Ушаков. Ныне, когда Ушаков признан Святым праведным воином непобедимым Русской Православной Церковью, во многих городах создаются иконошеские отряды ушаковцев. На недавнее празднование прославления

Федора Ушакова в Санакарском монастыре прибыли группы ушаковцев из Нижнего Новгорода, Казани, а в деревне Бурнаково, где родился адмирал, собрались юные мореходы-ушаковцы из Ярославля, Рыбинска, Москвы.

В Москве создан Центр духовного и патриотического воспитания имени св. праведного Федора Ушакова, он соединяет юных. Почему бы не организовать мощное северное движение ушаковцев в Архангельске? Тем более что в будущем году будет проводиться по примеру этого года Всероссийский конкурс сочинений, моделей, песен, лагерей по теме «Вера. Флот. Ушаков». В общем, дел у архангелогородцев и у нас у всех немало. И форпост в белых перчатках не сотворишь. Нужны волевые, мозговые, физические, психологические, нравственные усилия, чтобы эта цель стала явью. И тут уж ничего не остается, как сказать: «За работу, товарищи! С Богом».

Духовный сеятель

Первородная гладь Святого озера, обреченная зелёным ожерельем северного берендеева леса, проявляла чудные очертания некоего Китежа на своей поверхности. Нет, сказочные строения были не там, в глубинах, а на берегу и каким-то естественным образом сливались с водяными видениями. В этот сиятельный июльский день один из красивейших и значимых монастырей России — Антониево-Сийский — предстал перед писателями, учёными, чиновными людьми, приехавшими для исполнения серьёзной миссии учреждения Архангельского отделения Всемирного Русского Народного Собора.

Не в городских конференц-залах, а здесь, в стенах старейшего, основанного 485 лет назад монастыря, после литургической службы предстояло учредить отделение Собора.

Это придало событию глубинный, знаковый характер. Какой-то восторженный холодок пробежал по спине, ощущавшей, что здесь в 1520 году преподобный Антоний основал свою обитель, виденье которой явилось ему в начале иноческого пути,

когда перед ним предстал световидный старец в белых ризах с крестом и благословил на пустынножительное наставничество многих иноков.

Вот и тогда, 485 лет назад вышел священник-монах Антоний с иноками к озеру и стал на молитву. Их увидел ловец (охотник) Самуил и поведал, что те, кто здесь охотится, часто слышат звон, пение монахов и даже звук топоров, и народ считал, место это предназначено для святой обители. Антоний здесь, на берегу озера, через который протекала река Сия, поставил крест, срубил с помощниками часовню.

Было трудно, холодно, но монахи молились, пахали землю, принимали страждущих. Что поражает, Антоний посылает своих сподвижников к Великому князю Василию Ивановичу в Москву, и тот их принимает и даёт право на учреждение Свято-Троицкого монастыря, дарует земли вокруг. Еще за двести лет перед этим основал и посвятил Святой Троице свою обитель игумен земли Русской Сергей Радонежский, придав этому христианскому догмату смысл живого единства. Антоний к такому единству на всех краях Руси стремился, и, на мой взгляд, название Свято-Троицкого монастыря на Сие неслучайно. Постепенно монастырь крепнет, становится заметным духовным центром Подвинья. Предсказание световидного старца сбылось. Антоний стал «наставником множества иноков». А наставником он был мудрым, учительным и, несмотря на свой авторитет, в трапезной на общем собрании обсуждал с братией все монастырские дела общины, тем самым приучал иноков мыслить, высказываться и отвечать за сказанное, за дела, поступки. Тем более, что исполнение решений было обязательным для каждого.

Все монахи, как предписывал преподобный, постоянно молились, соблюдали посты, соблюдали все монастырские правила в келье, в трапезной, во всем соединяли молитвенные и хозяйственные труды.

Казалось бы, дебри, леса, реки, озёра отдалают монастырь от Вологды, Новгорода и тем более от Москвы. Можно впасть в уныние, забвение, дикость. Но нет, идёт по дорогам, тропам,

двигается по водным путям православное знание, книжная премудрость, примеры святости и чудотворения Руси и всего христианского мира.

Здесь на Севере близкими становятся имена первоучителей церковных Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста. Русь связывается незримыми нитями и со всем православным миром и крепкими узами единения со всеми своими землями.

Преподобный Антоний считал необходимым просветить монахов и силой православного книжного знания, положив начало переписыванию книг, завёл библиотеку. Так здесь на Севере Руси собралось одно из богатейших книжных собраний. Монастырь стал и центром хозяйственной жизни, возделаны кругом поля, разводятся скот. Доходы приносит солеваренье, искусством которого монахи овладели в совершенстве так же, как выделкой кожи, портняжным либо тарным ремеслом. К монастырю тянутся бедные, убогие, просто ищущие душевного покоя и духовного покровительства.

Преподобный Антоний никого не отгонял, братии завещал: «Живите в общении равно духовно и телесно, пищу и одежду по заповеди святых Отцов, нищих же кормите в довольстве и милостиво подавайте, да не оскудеет место сие святое».

Преподобный был рачительный хозяин монастыря, большой заботник о людях, но, главное, был великий молитвенник, дважды уходил из обители в пустынножительство, где неуспешно молился, «осветлял душу» и неустанно трудился: пахал, сеял, ловил, как подбирает святому, рыбу; всё, что добывал, отсылал в монастырь. Был беспощаден к своей плоти, постоянно вёл «мысленную брань» с «помыслами», истязал её, борясь с исступлением. Всё это дало ему великую силу духа, дар прозрения.

В 1556 году Антоний умер, а уже в 1579-м произошла его канонизация. Это было промыслительно, ибо это был истинный век русской святости, в это время Русь постигает себя. Это было время митрополита Макария, при котором было канонизировано к общерусскому прославлению около 40 русских святых, почитаемых до этого местно. Именно в это время составлены великие Минеи Четьи — свод книг о жизнях святых. Все местночтимые святые подтягивались к Москве, которая становилась духовным центром Руси с опорой на этих святых. К Антонию-Сийскому монастырю недаром благоволил сам царь Иван Грозный, ибо в такого рода опорных духовных, экономических пунктах он видел скрепы Руси, её молитвенную, засечную линию. Где же ныне державные, духовные центры у сегодняшней власти? Ведь великая трагедия Отечества состояла в XX веке в том, что эти молитвенные и державные центры были разгромлены. «Бог мудрый, а дьявол проворный», — это часто говорит Святейший патриарх. Ныне монастырь возрождается. Молитва к молитве, камень к камню, паломник к паломнику. Надеемся, что монастыри снова займут важное место в духовной, культурной, экономической жизни страны.

Да, и мы в тот день были и молитвенники, и паломники, и создатели. Светоносная и красивая литургия, которую торжественно провёл епископ Архангельский и Холмогорский Тихон, знакомство с монастырём, его возрождающимися храмами, которое провёл настоятель монастыря игумен Трифон, и работа всех по созданию, закреплению на земле Архангельской Всемирного Русского Народного Собора, Глава которого Святейший Патриарх, соединили нас воедино.

Перед началом соборной встречи преклонились перед плитой, где находятся мощи Святого, и все в единодушии молились: «Святый Отче, Антоний, моли бога о нас!»

А он и стоял, молился за нас грешных все эти годы, несмотря на погром и закрытие в 1923 году монастыря, создание в его стенах «коммуны», проевшей все запасы и ликвидированной в скорости, а затем инвалиды, пионеры, облитполкомовцы. Разрушено было многое, возведена лишь «Попова баня». Но это

не монашеская мыльня, а банька, построенная для руководителей области Попова.

В 1992 году пришёл сюда иеромонах Трифон — умный, остроглазый, хваткий. Казалось, его и не хватает обители. Чувствуется, что монастырь обживается, обустроивается, укрепляется. В пять тридцать утра там служит молебен преподобному, основателю монастыря Антонию. Этим укрепляется всё вокруг. Высокой, торжественной, уже утвердившейся, традицией завершается вечерня: идут монахи, богомольцы, паломники, крестным ходом обходя храмы и всю площадь монастыря, впереди фонарь и икона Божьей Матери. Звучит «Богородице Дево, радуйся». Богородица к обители благосклонна. Духовное поле монастыря разрастается, его подворья выросли в Емецке, Сельце, Архангельске, Санкт-Петербурге.

В северной столице строится деревянный храм в честь преподобного Антония Сийского. Продолжаются усилия святого и в собрании книг. Библиотека уже имеет десять тысяч книг и журналов. Внесли свою лепту и мы. Иконописная мастерская антонио-сийцев известна за пределами обители. Братия издаёт газету «Духовный сеятель», приложение «Педагогический семинар», альманах «Сийский хронограф».

Так духом и молитвой, трудами епископа и настоятеля, монахов и тружеников, местных властей и благотворителей в северной Европейской части России, среди лесов и вод снова встал и укрепляется замечательный монастырь, духовный центр, опора церкви и православного народа.

И, наверное, неслучайно по своей дерзостной дороге в Москву сюда зашёл юный Михаил Ломоносов. Ясно, что помолвился, попросил доброго совета и благословения у своего дяди Ивана Дорофеевича, обитавшего в монастыре, прикоснулся к благословенной земле. Прикоснулись и мы.

Холмогоры

Из Архангельска езда на машине летом недолгая. А каково зимой, в мороз, по скрипучему снегу в наступающих сумерках, когда убыстряется шаг лошадей и трусящих рядом для разогрева ездовых. Оглядываясь на «небо, ельник и песок», стараясь представить начало звёздного пути упорного, уверенного в себе, получившего знак свыше холмогорского парня. То, что он был таким: уверенным, упорным, решительным, боговдохновенным, нисколько не сомневаюсь. А ведь мало кто нынче без тугого кошелька решится самостоятельно идти в столичный вуз, хотя при вполне приличных железной и автомобильной дорогах, за день-полтора можно оказаться в столице, а при достатках — два часа, и вы в Москве приземлитесь в аэропорту.

В музее Ломоносова на Кий-острове копия картины художника Н. Кислякова «Юноша Ломоносов на пути в Москву». Розовощёкий парень идёт «солнцу и ветру навстречу, на битву и радостный труд». Из-за расстёгнутого ворота полшубка торчат «Врата учёности», «Грамматика» Смотрицкого и «Арифметика» Магницкого. Энергично, широко шагает юноша к цели, академическому будущему, как во время написания картины устремлялись вперед комсомольцы-целинники, рабфаковцы, будущие космонавты. Как вихрь ворвался в царство иноземных властей науки и слова поморский парень, голова которого была предрасположена многое понять, проанализировать, выстроить — и всё во славу Отечества и народа российского. Я и сейчас не сомневаюсь, поставь сегодня сибирский, уральский, поморский парень эту непоколебимую цель, утвердись в собственном предназначении, прояви упорство и настойчивость, и всё ему будет по плечу. Съездит он и в Оксфорды, и в Гарварды и вернётся в Россию ещё более закалённым и искушённым в науке и в смысле жизни. И многое сделать сможет для любезного Отечества. Волю надо проявить современному юноше, ум и, главное, родину любить. Держайте, русские! Планы и быстрые разумом Невтоны!

...Холмогоры обозначились вдали бескупольным храмом, ширью Двины и спокойными чёрно-белыми коровами. Что на юге, что на севере страны корова — кормилица, а порой и спасительница наша. На Прохоровском поле стоит, как символ победы, звонница, венчаемая Божией матерью с четырёх сторон барельефы главных победителей. Маршалы и генералы, солдаты-пехотинцы, летчики, артиллеристы, моряки, танкисты, рабочие у станков, крестьяне за плугом, женщина-мать — труженица, и рядом с ними коровушка, без которой ни тыл, ни фронт бы не выжил. У Дмитрия Балашова в одном из романов Русь сожжена, истреблена, разорена после татарского набега. Мертво, холодно, беспросветно, но в эпилоге идет через лес и пепелище женщина и ее мальчик, они ведут с собой корову, и автор возгорается надеждой и уверенностью: «Выживет Русь, выдюжит». Спасительницей корова была и здесь, на севере. Холмогорская порода известна многим. Ей даже мемориал соорудили, и на нем торжественное слово:

**На двинских просторах
В Холмогорах рожденная,
Студеными ветрами закаленная,
По праву народом кормилицей
названная,
СЛАВА ТЕБЕ НА ВСЕ ВРЕМЕНА!**

Да, холмогорская корова была известна последние два столетия своим особым качеством молока, удоями до 6 и более тысяч литров, выносливостью и невзыскательностью. Молока даст столько, сколько труда в неё вложишь. А наши доярки это делать умели. Четыре Героя Соцтруда были в районе. Сейчас труд не замечают. «Мы и не знаем, кто лучше всех трудится. Вот даже во время войны в 1942 году Совет Народных Комиссаров принял постановление о поддержании холмогорской породы, выделить на это жмых и сахар», — говорит глава района, уверенный в жестах крепко с настораживающей фамилией Ющенко. Он улыбаётся: «Да, я давно помором стал, после распределения из Львовского лесного института сюда в лесхоз, в леса северные. Дочери здесь на Архангельщине живут, а я в последние годы вот районной властью стал!» Район любит, знает досконально, рассказывает о его истории, многие сегодняшние события увязывает с прошлыми. Посмотрел и я документы, исторические очерки. Холмогоры никогда не были захолустьем. Отдалённые от моря, они не могли быть захвачены врагами, разбойниками, пиратами. В то же время полноводная Двина выносила холмогорцев на рыбные промыслы, на охоту, на тюлений промысел, на морские просторы. Ходил туда, в Белое море, с неводом и ружьём отца юный Михаил Ломоносов. Северное Белое море не баловало морехода, оно трепало его ледяной волной, срывало своими шквалами паруса, ломало мачты, швыряло, как тряпки. О его свирепости говорит и то, что отец Ломоносова Василий Дорофеевич так и не вернулся из своего последнего промысла. Северные ладьи были особой оснастки и конструкции. Многие холмогорцы умели их возводить, владели искусством судостроения. Отец Ломоносова сам имел небольшую верфь.

Надо думать, что эти умения править, владеть вёслами и снастями, ориентироваться в море, зорко вглядываться в острова, высматривать стойбища тюленей, косяки рыб, узнавать путь по ночным светилам, бороться со шквалами, управлять парусами формировали внимательный, мужественный, быстро реагирующий на изменения в море, на небе, в природе характер. Как и все поморы, Михаил Ломоносов не выходил в море без иконы покровителя моряков и рыбаков Николая Чудотворца.

То, что Холмогоры как оплот православия и Москвы в XVIII веке не захолустье, говорит утвердившаяся тут северная Холмо-

горская епархия. Да ещё с таким епархиальным владыкой, как известный на всю Русь ученый, книголюб, блюститель чистоты православия, сподвижник Петра I епископ Афанасий Холмогорский. Наши исследователи справедливо считают, что северный люд, крестьяне, рыбаки были наиболее грамотной частью населения России. Причём образование, передачи исторических, былинных знаний, православной веры, книжной культуры шли от поколения к поколению и чаще всего были традиционным, домашним образованием. Даже небольшие блёстки знания о юношеском периоде жизни Ломоносова показывают, каким он был окружён полем учёности и знания. По мнению многих, мать Михаила Елена Ивановна Сивкова, дочь дьякона, «знала грамоте», и сын получил первые азбучные знания именно от неё. Затем Миша обучался грамоте у Ивана Афанасьевича Шубина (отца Федота Шубина, будущего академика Шубина. Пусть сегодня похваляются губернские города, вышло ли из них двое академиков). Дальше учился у куроостровского дьячка Семёна Никитича Сабельникова. «Псалтырь» стал первым и главным чтением Михаила. Затем в доме Христофора Дудина в соседней деревне Луховской он увидел книги, которые вывели его в большую науку и стали его «воротами учёности». Первая — «Грамматика» М. Смотрицкого, изданная в 1619 году, сразу после восшествия Романовых на престол, вторая — «Арифметика» М. Смотрицкого, изданная в 1703 году. Исследователи говорят о том, что Михаил Ломоносов пользовался книгами и из Антониево-Сийского монастыря, да и на Соловках бывал.

...Подъезжаем к берегу, обьежаем райцентр, а там дальше через водную гладь сам Кий-остров, где и родился Михаил Васильевич! На берегу остаются машины, автобус, а пассажиры, преодолев первую песчаную преграду, ступают на ветхий паромчик. Речной капитан говорит, что через час надо возвращаться. Ющенко отвечает, что за час не управимся. Небольшая перепалка, и мы на том берегу. Газик Ющенко, переправившись с нами, делает невиданные зигзаги по вязкому песку, взывает и, кажется, безнадежно застревает, но потом, сдав назад, выскакивает к поселковой дороге. Пешеходы, сняв туфли, подтягиваются. Спрашиваю: «А что, мост не пытались строить хотя бы понтонный?»

— Да нет, водой всё уносит, весной до десяти метров вода поднимается, песком всё заносит, а все мостики сносит.

Ясно, что мост надо строить. Впереди 300 лет — юбилей. Дата великая. Ну, Президент на вертолёте прилетит. А вдруг английская королева захочет честь оказать, ведь отважный английский капитан Ченслер первым достиг Белого моря и устья Двины, был принят самим Иваном Грозным. Нужен мост. А турист хлынет на юбилей не наш массовый, он и сейчас не устает, а тот, кто захочет поизучать жизнь гения, поудивляться, полюбоваться, поинтересоваться. Гостиница нужна. Может, две. Дорогая и подешевле. Деньги, которых у Ющенко нет, в Холмогорах будут оставлять паломники, туристы, учителя и ученики, которые приедут сюда в эти годы.

Песчаный поход вознаграждён музеем. Славно, славно рассказывает нам экскурсовод Юлия Лохова о Холмогорах, Кий-острове, деревне Мишанинской, где родился Ломоносов (а не в Денисовке, как учили мы раньше). Нынче весь посёлок, объединяющий эти деревни, называется Ломоносово. Думал, что это по революционной советской привычке объединять, переименовывать произошло. Ба, нет! Сам Александр II в 1868 году указом объявил о объединении и переименовании, даже волюсть назвал «Ломоносовская». Начальник Юли, директор музея А. Короткий, корректирует, уточняет, обращает наше внимание. Ломоносовских строений, вещей не осталось. Очень уж много преобразователей, революций, реформ прокатилось по этому краю. Хотя с гордостью все говорят, что вражеская иноземная нога по земле холмогорской не ступала. Но «заклятый друг» и вдохновенный цивилизатор бываю опасней. Правда, один экспонат, наверное, из того времени. Это купель из сгоревшей куроостровской церкви, и, по мне-

нию музейщиков, именно в ней крестили Мишу. Из неё вошёл в свет православный Михаил Ломоносов.

...Страна перед Великой Отечественной войной чувствовала дыхание грозы, приближающихся боёв. Главной и укрепляющей, вдохновляющей силой становилась отечественная история, ее патристические традиции; подвиг великих предков, как было сказано идущим в последний бой 7 ноября 1941 года, должен был вдохновлять на битву. Стране, как никогда, нужен был Ломоносов.

Ломоносовский сельский совет обращается летом 1940 года в Архангельский облисполком — надо отстроить на его родине музей. Под музей был передан сельский клуб, бывшее ломоносовское училище, расположенное неподалёку от исчезнувшей ломоносовской усадьбы. Музей Ломоносова стал создаваться. И... подумать только (!), был открыт в августе 1941 года. Началась и идёт вначале непобедоносная война, а здесь на Севере, как свидетельство русского духа, открывают музей гения и великого патриота Отечества.

Первый директор А. М. Богданов ушёл на фронт, в музей расположился военный пункт — Центр духовной подготовки, — армейский клуб, где как нельзя кстати на стенах были высказывания Ломоносова об Отечестве, о немецком упрямстве и наглости. В 1945 году надо было поднимать страну, вдохновлять изголодавшихся, израненных людей на самоотверженный труд, и снова был нужен Ломоносов, его пример для тысяч сельских и городских парней и девушек, его трудолюбивое бесстрашие, его беззаветное служение державе, вокруг которой «возгоралась холодная война».

Музей заработал в полную силу. Рядом с музеем ныне вполне уважаемая средняя школа. Московский Ломоносовский университет оснастил её компьютерами, сделал современный химический кабинет. К 300-летию прародителя университета, конечно, развернётся его ректор Виктор Антонович Садовничий, о котором тут самые хорошие отзывы. Виктор Антонович сам в неслыханном повторил путь Ломоносова. Оба мы жили после войны на Полтавщине. Он рассказывал, чтобы получить паспорт, «завербовался» работать на шахты Донбасса. Там работал, учился в вечерней школе. Окончил её почти «на отлично», но директор предпочёл отдать серебряную медаль своей любовнице. Виктор запечатал документы и отослал в Минск, в институт сельхозмашиностроения. Когда возвращался с почтового отделения, партгор, который отсылал свои документы в МГУ, стал уговаривать поступать вместе. «Да я уже документы опустил в ящик», — сомневался будущий академик.оборотистый партгор пошёл к девочкам-связисткам, угостил их конфетами, уговорил вынуть из почты пакет, который и препроводили в МГУ. Сельский парень, шахтёр, «вечерник» прекрасно сдал экзамены в ведущий вуз страны, учился в университете успешно, продвигался по линии науки, настойчиво овладевал умением собирать людей, единомышленников, организовывать, и вот ныне во главе университета. Этот человек — один из выдающихся учёных страны, математик, академик, почётный доктор ведущих университетов мира, многих академий. Ему устремления Ломоносова близки и понятны, поэтому он с такой страстью воюет за бесплатное образование, за перворядность отечественной науки, за отбор в МГУ подлинно талантливых и способных из всех районов страны, за проведение олимпиад и против единого госэкзамена, создающего ложную иллюзию равенства. Мы уже соединили усилия университета и Союза писателей в уважении к великой дате. И в Холмогорах на Кий-острове, конечно, должна быть в эти годы обширная ломоносовская программа. Говорим с Юенко об этом. Он, конечно, вынашивает планы: и строительства дорог, и гостиницы, и моста, и расширения музея, и дооснащения школы, и расширения производства, и строительства новых котелёв, и успешных торгов «холмогорками», и создания школы ремёсел, и эффективных связей с благотворителями и спонсорами по поводу восстановле-

ния храма. Но надо дать всему этому лад, войти в федеральные и областные программы, да и самим засучить рукава.

А храм, Спасо-Преображенский собор — это «гордость и боль Холмогор». Восстановлена звонница — Преображенская колокольня. С колокольной площадки открывается захватывающий вид на дальние луга, пасущихся там «холмогорки», на Куростров, на Ломоносово. Храм величественно стоит на возвышенности, на холме, который и казался подлинной горой на этой равнине. Может быть, отсюда и это название «Холмогоры». «Храм обезглавлен, в соседней восстановленной церкви Святого духа служба идёт, народу бывает немного», говорит светящийся добротой и желанием рассказать о истории храмов и бывшего здесь раньше монастыря отец Леонтий, рассказывает и о энергичном, вдохновенном пастыре северян Афанасии Холмогорском. Тот был первый архиепископ, присланный из Москвы в созданную в 1682 году Холмогорскую епархию. Действительно, Афанасий Холмогорский (Любимов) был одним из самых просвещённых и вдохновенных людей своего времени. Он имел тут большую библиотеку, знал греческий, латинский, другие языки, интересовался развитием науки, особенно астрономией, географией, медициной, архитектурой. Родился в Сибири, в Тюмени. Прошёл большой путь в церкви. Монах, игумен Долматовского монастыря, с 1679 года в Москве, в приближении к Патриарху Иоакиму и, будучи рукоположен в архиепископы, был послан в Холмогоры.

На Руси всегда понимали необходимость духовного наполнения северных земель, укрепляющих верой и силой. На мой взгляд, было это неслучайно, по особому предрасположению. Отсюда Пётр искал выхода к морям, к Европе, поэтому хотел опереться на эти земли. И в архипастыре Афанасии он получил вдохновенного страстного помощника. Во время Северной войны Афанасий проявил себя и как дипломат, и как государственный муж, и как вдохновитель воинов. Он благословил и оказал материальную поддержку строительству крепости в устье Двины, изучил всё северное побережье Швеции — Норвегии и дал стратегические советы Русскому флоту на этом направлении.

Афанасий стал на Севере истовым помощником проведения реформ Петра и одновременно борцом с латинством, папизмом. Будучи учёным, всячески поддерживал развитие науки, благожелательно рассматривал научные открытия (например, шарообразность земли). Вот вам и то поле знания, которое не могло не соединиться с Ломоносовым.

Афанасий был решительный противник невежества, самосожжения старообрядцев. Он стремился уберечь Россию от раскола, от «безумных мужиков», доказав, что в святых Божьих храмах России «благотворение». Книгу «Свет духовный» он написал летом 1682 года по следам прений православных иерархов со старообрядцами, проходивших в Грановитой палате. В этом же году книга вышла сразу большим тиражом (1200 экземпляров), а он поехал в Холмогоры утверждать православие. И когда кто-то пытается сказать, что Холмогоры были чуть ли не вотчиной старообрядцев, влиявшей на Ломоносова, — это выдумка, ибо при таком духовном поле, которое создавал Афанасий в Холмогорах, вряд ли там были силы, которые могли серьезно повлиять на юношу. А книги архиепископа Афанасия «Шестоднев», «Свет духовный», «Щит веры» и другие сочинения, включая составленный им «Лечебник», вполне могли быть доступны Михаилу в пересказе или в оригинале в библиотеке того же Спасо-Преображенского собора, расположенном всего в трех километрах от Мишанинской.

В общем, Михаил Ломоносов уходил в Москву с возделанного поля грамотности, знания духовного, и поэтому мы просто обязаны восстановить храмы Холмогорья, откуда и распространились эти зёрна на ниве Подвижия, и на всю Россию, обязаны придать Холмогорам, Кий-острову облик святого места Отечества, как Михайловскому, Тарханам, Спасскому-Лутовинову, Вешенской.

Валерий ГАНИЧЕВ

АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР – ФОРПОСТ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Под таким девизом 15–17 июля 2005 г. в Архангельске прошёл выездной расширенный секретариат Союза писателей России, приуроченный к празднованию 70-летнего юбилея его Архангельского регионального отделения.

Поморские писатели, под руководством их неутомимого председателя поэтессы Инэлы Яшиной, радушно принимали своих многочисленных коллег, и в первую очередь солидный московский писательский десант в составе — Председателя СП России В. Н. Ганичева, секретарей СП Л. Г. Барановой-Гонченко, С. И. Котыкало, В. В. Личутина, Ю. М. Ложица, В. А. Кострова, В. Г. Верстакова, В. А. Устинова, А. Б. Дорина, С. Н. Лебедева, членов Высшего творческого совета СП России С. И. Шуртакова, М. П. Лобанова, Ю. Н. Пахомова-Носова, главного редактора журнала «О Русская земля!» М. В. Ганичевой, зам. председателя Архангельского землячества, поэта В. П. Аушева, доктора филол. наук В. М. Гуминского, профессора Литинститута В. П. Смирнова, поэтов М. Н. Аввакумовой, Д. А. Ушакова, И. А. Русанова, прозаика Н. И. Редькина, консультанта по оргработе Г. Г. Рыбниковой и др.

Гостями выездного секретариата СП России стали первый секретарь Союза российских писателей С. В. Василенко и координатор Литературного центра Баренц-региона М. П. Лунд-Безрукова (Оверкаликс, Швеция).

В работе Секретариата также приняли участие писатели из различных уголков Северо-Запада России, в том числе руководители региональных писательских организаций — И. И. Сабитов (СПб.), М. И. Карачев (Вологда), Е. В. Козлова (Сыктывкар, Республика Коми), К. В. Гнетнев (Петрозаводск, Республика Карелия); прозаики В. Г. Фокин (Киров) и И. А. Лапина (Старая Ладога)... Из Архангельской области — В. В. Ноговицин (Котлас), П. А. Захарьин (Няндом), А. А. Логинов (Каргополь), Т. С. Полежаева (Плесецкий р-н), онежцы В. И. Киселёв и И. А. Иконников, П. А. Явтысий (Нарьян-Мар, Ненецкий АО), А. А. Антипин (Мезень), А. В. Париев (Новодвинск), северодвинцы — А. Н. Бурлов, Г. П. Аксёнов,

А. В. Прудникова, А. И. Климов, О. Б. Химанч; архангелогородцы — Е. Н. Кузьмина, Е. Ш. Галимова, Л. В. Егорова, М. К. Попов (гл. ред. ж-ла «Двина»), А. Н. Коткин, В. Ф. Толкачёв, Р. А. Ханталин, А. И. Тутов, А. А. Росков, В. Н. Чубар, Е. Б. Антропова и др.

ПИСАТЕЛЬСТВО — ЭТО ЧЕСТНЫЙ РАЗГОВОР О ЖИЗНИ

Выездной расширенный секретариат, превратившийся в представительнейший писательский форум Северо-Западных областей России и выросший до масштабов полноценного Пленума СП России, девизом которого стали слова Фёдора Абрамова «Писательство — это честный разговор о жизни», начал свою работу в конференц-зале Областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова.

Открыл работу писательского форума Председатель СП России В. Н. Ганичев, который, сердечно поздравив архангельских писателей с 70-летним юбилеем их творческой организации, сказал:

«Архангельская региональная писательская организация является одной из ведущих в Союзе писателей России. 70 лет — дата важная, почтенная. Есть за что отчитаться, есть над чем подумать. Но если посмотреть несколько шире, не формально, то мы, безусловно, уменьшаем возраст наших писательских организаций, например, можно с полным основанием исчислять этот возраст с момента появления первых литературно-художественных изданий, т. е. с возникновения сложившегося вокруг них круга авторов, единомышленников... А если говорить о выдающихся личностях, то на вашей земле почти 300 лет назад родился Михаил Васильевич Ломоносов — это великий праписатель, сослуживший великую службу не только архангельский, но и всей российской литературе...»

И все-таки именно 70 лет назад, в 1935 году, на съезде писателей Северного края была образована Архангель-

ская областная писательская организация. Она почти сразу заявила о себе как новый, яркий, самобытный очаг русской литературы — продолжатель великих традиций. И поэтому совсем не случайно в теме нашего писательского форума Архангельский Север обозначен как — форпост духовной культуры России.

Во время интервью на местном телевидении был задан вопрос — дескать, какой же здесь форпост, ну есть отдельные писатели, есть достижения в культуре... но улицы грязные, молодёжь пьёт, идёт разложение морали? Да, мы живём в очень сложное время, время глубочайшего социально-экономического, культурного, духовного кризиса... Но именно потому здесь и есть истинный форпост, что на этой земле живут и творят люди, которые умеют сражаться, умеют отстаивать свои идеалы, отстаивать те многовековые культурные и духовные ценности, которые утверждают такие вечные понятия, как Родина, патриотизм, любовь и служение своему Отечеству. Среди архангельских писателей таких большинство...» Далее В. Н. Ганичев обратился к богатейшей литературной истории Архангельской организации, у истоков которой стояли замечательные писатели П. Калашников, В. Жилкин, И. Молчанов, И. Шубин... публиковали свои произведения Е. Коковин (широкую известность получила его книга «Детство в Соломбале»), С. Нордин, А. Миронов, С. Мусиков, Г. Шелест, С. Баренц, С. Марков, П. Семенин, А. Яшин... Отсюда вошли в литературу представители коренных народностей, такие писатели, как Пэлю Пунуха, которого по праву называют первопроходцем ненецкой темы, А. Пырерко, Н. Вылко... в 30-е годы здесь ярко проявился талант С. Писахова и Б. Шергина, которые способствовали «вокниживанию» фольклора... Неповторимый северный говор оставили в русской литературе продолжатели традиции устного сказания знаменитый пинежанки М. Кривополеновой — сказительницы М. Крюкова, А. Гладкобородова, М. Голубкова... Вошли в литературу писатели-фронтовики — прозаики Н. Жернаков, Е. Богданов, П. Лысков, И. Полуянов, поэты О. Думанский, Ф. Ширшов, критик А. Михайлов, детский писатель В. Калинин... Здесь вышли из печати первые сборники замечательных русских поэтов Н. Рубцова, О. Фокиной... Полновесно раскрылся талант литературоведа Г. Галимова. Из архангельской литературной кладовой вышли такие яркие современные писатели как В. Личутин, В. Устинов, В. Истомин, В. Беднов, И. Яшина, А. Логинов, А. Трапезников, П. Явсыйт... Пришли в литературу талантливые прозаики А. Лысков, М. Попов, Л. Егорова, Н. Редькин, М. Пузырёв, литературовед Е. Галимова, поэты Е. Токарев, Л. Жукова, С. Дубровская, В. Матонин, Е. Кузьмина, В. Чубар и многие другие.

«...Забора об отечественном слове — корневом слове, истинном слове, — продолжил В. Н. Ганичев, — всегда была особым качеством Архангельской писательской организации. Да и сейчас в нашей литературе одним из самых ярких словотворцев, словоутвердителей, работников является присутствующий на Пленуме наш земляк Владимир Личутин (аплодисменты)...

Мы приехали сюда не столько выступать, высказывать какие-то мысли, сколько познакомиться с вашими новыми авторами, их творчеством, услышать ваше слово, обращённое ко всей отечественной литературе...

И второй, очень важный вопрос нашего писательского форума — приближающееся 300-летие выдающегося сына Отечества, великого русского учёного М. В. Ломоносова.

Предстоящий юбилей М. В. Ломоносова потребует от всех нас, и в первую очередь от Архангельской писательской организации, исключительных усилий для превращения этого праздника в большой общероссийский духовно-культурный праздник».

От имени губернатора Архангельской области Н. И. Киселёва всех участников писательского форума (особо юбиляру — Архангельскую писательскую организацию) поздравил заместитель губернатора по социальным вопросам М. Н. Ситкин и зачитал поздравительный адрес, особо выделив:

«...Творческий писательский союз в Архангельске с момента своего создания был и остаётся ведущим на Северо-Западе России. За 70 лет писательская организация внесла заметный вклад в развитие литературы Севера. Писатели Архангельской области всегда были в центре творческой жизни нашего края. Несколько поколений северян воспитывались на книгах С. Писахова, Е. Коковина, Е. Богданова, Н. Жернакова...

Желаю вам сохранить силу слова, верность российской писательской традиции...» После чего Н. М. Ситкин (под бурные аплодисменты) сообщил о подписанном распоряжении выделить Архангельской писательской организации СП России в связи с 70-летием со дня её рождения из областного бюджета за счёт резервного фонда главы администрации 100 тыс. руб., а также вручил нескольким членам писательской организации Почётные грамоты Администрации области.

Заместитель председателя областного собрания депутатов Е. А. Старыгина от имени руководства и членов обл. собрания от всей души поздравила писателей с их праздником, вручила И. П. Яшиной поздравительный адрес и наградила нескольких архангельских писателей Почётными грамотами Областного собрания депутатов.

Заместитель мэра г. Архангельска В. В. Орлов, передав приветствие и поздравления от мэра А. В. Донскова, пожелал ещё молодой (по сравнению с городом) писательской организации никогда не терять этого свойства, творить на благо отечественной литературы.

Со словом приветствия и поздравления к писателям обратился епископ Архангельский и Холмогорский Тихон, с особой радостью отметив, что со многими из присутствующих он неоднократно встречался в Москве в период работы Всемирного Русского Народного Собора, возглавляемого Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II, в частности с В. Н. Ганичевым, являющимся заместителем главы ВРНС:

«...Не так часто происходят такие события, которые напоминают всем нам о том, что не хлебом единым жив человек. Писатель — это призвание. А писательство — не работа, а служение. Служение тем людям, в среде которых живёт писатель. Любая литература — это продукт своего времени, голос общества, голос нации. Русская литература испокон веков была проникнута духом православия — теми корнями, которые веками скрепляли наш народ... Целью настоящей русской литературы, по словам замечательного русского композитора Георгия Свиридова, является пробуждение совести в человеке. К этому веками стремились наши классики. Николай Васильевич Гоголь говорил, что Слово есть величайший дар Божий. А творчество — это один из важнейших моментов богоподобия... Господь — Творец Вселенной. А писатель, воспеватель того, что сотворил Господь.

Как литература может воспитать человека, так она может и сломать его. Это зависит от того, какую роль поставил перед собой тот или иной писатель. Мы знаем

массу тому примеров. Чего только не увидишь в современных киосках, но это не есть литература. Подлинная литература несёт в себе дух нации... Чингиз Айтматов сказал, что человека легко сделать рабом — достаточно заставить его забыть родителей... Отечество... — и человек не существует как личность. Поэтому наша общая задача — и священнослужителей, и писателей — служить людям, поддерживая в них неразрывную духовную связь с историей рода, воспитывая, в духе преданного служения Отечеству. Служение писателя и священника весьма созвучно. И на нас лежит большая ответственность за то, что будет с нашим народом впереди. Помня это, исходя из этого, мы должны строить всю свою деятельность...

Замечателен девиз сегодняшнего форума «Архангельский Север — форпост духовной культуры России». Это так. Мы знаем, что вера православная всегда была крепка на Севере. Именно за счёт этого северянин всегда отличался высокой крепостью духа...

Поэтому наша задача, задача нашей писательской организации — объединить усилия для воплощения этого девиза в реальные дела Архангельского Севера.

Вы все видите, что творится вокруг, — нравственный, моральный беспредел, засилье лжеучений, различных сект. Священнослужители в одиночку не смогут духовно очистить наше общество, необходимо объединять усилия и писателей, и всей национальной интеллигенции... Я обращаюсь к вам, потому что именно вы — носители русского духа... Таким носителем должен быть каждый из нас, если мы хотим видеть Россию великой и могучей страной...

И всё-таки, возвращаясь к юбилею, я хотел бы вручить видимые знаки благословения и уважения к нашей Архангельской писательской организации...» Владыка Тихон вручает И. П. Яшиной образ Архангела Михаила — Небесного Покровителя всего Архангельского Севера, разъясняя, что копьё в его руке — это символ охранения края от чуждых нам духовных наслоений, а пальмовая ветвь — милующая рука и благословляющая тех, что трудится на благо людей, при этом владыка высказал желание, чтобы этот образ был для Архангельской писательской организации охраняющим от всех наветов — видимых и невидимых, после чего он также подарил писательской организации книгу «Сказания о святых подвижниках Архангельской земли».

Перед началом работы Пленума состоялась торжественная и радостная церемония вручения писательских билетов новым членам СП России — В. В. Киселёву (Онега), А. И. Климову (Северодвинск) и А. А. Антипину (Мезень).

В дискуссии о проблемах жизни писателя в современной России, задачах и смысле творчества приняли участие писатели из различных регионов Северо-Запада России.

Открыл писательскую дискуссию В. Личутин, который, тепло поздравив своих новых коллег по перу и по Союзу, Архангельскую организацию, её руководителя И. Яшину и своих давних друзей со славным юбилеем, поделился воспоминаниями об архангельском периоде своей литературной жизни, где его, тогда ещё, по мнению выступающего, «графомана», всё-таки приняли в Союз писателей, рассказал об истории написания первой повести «Белая горница», о добром, дружеском участии в его творческой судьбе прекрасного русского писателя Н. Жернакова, о В. Белове и Ф. Абрамове, сразив же откликнувшихся на первую публикацию В. Ли-

чутина, о той удивительной ауре, которая в те времена жила в культуре России, душевной открытости, которая присутствовала в каждом русском сердце, отметив при этом, что чем выше был мастер, тем беззаветнее и откровеннее старался помочь... В заключение В. Личутин высказал свои мысли о великом русском слове, которым каждый должен «любоваться, как драгоценной вещью. Но если её оставить где-то в забытый, то она постепенно тускнеет и превращается как бы в ничто... Русский народ, по природе его языка, должен говорить только красиво, потому что красивое русское слово — это поэтическое, духовное, нравственное оформление души русского человека...».

С поздравлением в адрес своих коллег выступил старейший архангельский писатель, участник Великой Отечественной войны, председатель Совета ветеранов области А. Коткин.

В. П. Смирнов высказал глубокие и давно выношенные мысли о тайной природной красоте русского Севера, запечатлённой в характере и внешности живущих здесь людей, в глубокой народности культурных традиций, в богатстве фольклора... — все эти отличительные качества выступающий назвал северностью срединной великой и вечной России, которую не удастся уничтожить никакой «демократической шпане».

В. М. Гуминский, высказав слова поздравления архангельским писателем, поделился своими размышлениями о сути «побега с Севера в Москву» многих творческих людей, т.е. об органичной и естественной связи Поморья с русским Центром, предполагая, что этот путь продолжил ещё рыбный обоз М. Ломоносова, о котором говорил Гоголь, что великий поморец стоит перед нашими поэтами, как вступление перед книгой:

В. П. Аушев рассказал о своём жизненном пути учителя истории, литературы и русского языка, когда, осуществляя свою давнюю мечту работать на родине Ломоносова, он распределился из Подмоскovie в Холмогорский район, на Куростров — отсюда истоки идеи снять трёхсерийный фильм о Ломоносове не парадно, а по-человечески — каким же он был на самом деле, начиная с детства, опираясь на документальные источники... Как он добирался до Москвы... По данным, которыми располагает выступающий, М. Ломоносов посетил Антониево-Сийский монастырь, а буквально на том месте, где родился Николай Рубцов, находился дом, в котором он останавливался...

Ю. Лощин ещё раз обратился к предстоящему юбилею Ломоносова, подчеркнув, что учение о трёх стилях абсолютно современно, так как идёт мощнейшая атака на русский язык, начиная с того, что уже слышатся предложения о замене кириллицы на латиницу, которая, дескать, должна нас ввести в число цивилизованных народов, что является абсолютным заблуждением, так как, во-первых, единой латиницы не существует (есть л. итальянская, очень несовершенная, там нужно запоминать целые гнезда букв, не совпадает звучащее слово с написанным, достаточно несовершенная и л. английская, например, чтобы написать букву Щ, необходимо использовать четыре буквы, а на немецкой л. это потребует уже пяти букв и т.д.). Ломоносов же стоял на страже нашего великого языка, и его учение о трёх стилях — это учение о иерархии языка, начиная с самого высокого — церковно-славянского языка... Второе реформаторское деяние Ломоносова — утверждение (параллельно с Тредиаковским) новой системы русского стихосложения — силлабо-тоники... что вернуло (после

разрушительных деяний С. Полоцкого) русской поэзии музыкальности, фонетической красоты...

В. А. Устинов и С. Н. Лебедев (от лица МСПС, Московской организации СП России, Московской областной организации СП России, Литературного фонда России) сердечно поздравили архангельских писателей, вручили адреса, уникальное подарочное издание «Города великой России» и медаль «70 лет СП СССР» (от МСПС, как преемника СП СССР). В. Устинов также вручил адрес от Академии поэзии, которую он возглавляет.

С. В. Василенко от имени Союза российских писателей поздравила Архангельскую писательскую организацию СП России с юбилеем и напомнила, что уже несколько раз осуществлялась попытка объединения двух творческих союзов в Ассоциацию, но всё это шло сверху, а вот такие добрые встречи, дружеское общение объединяет нас всех по-человечески, а для тех, кто любит Россию, русская литература едина.

Во время небольшого перерыва высокое исполнительское мастерство участникам Секретариата продемонстрировала Архангельская городская любительская капелла, ансамбль «Северные жемчуга», трио «Подруженьки»...

Поблагодарив артистов за доставленное их искусством наслаждение, В. А. Костров, поздравив с юбилеем своих коллег, выразил восхищение красотой архангельских женщин и прочитал стихи.

С. И. Шуртаков признался в своей давней любви к Русскому Северу, обратился в своих размышлениях к многовековой истории великой славяно-русской культуры, сделал особый акцент на том факте, что породниться в те времена с Киевским домом считали за честь многие правители Европы (к примеру, французский король Генрих долго добивался руки дочери Ярослава Мудрого Анны, которая не только была умнейшей женщиной, владевшей тремя языками, но и прекрасно разбиралась в различных жанрах искусства, по сравнению с ней Генрих был просто неграмотный). Русь была страной с очень высокой степенью грамотности, что подтвердили найденные в Новгороде берестяные грамоты, которые относят к концу XI века, прошли века, войны, былого Киева не стало, и только на Севере сохранилось то великое русское слово, из которого мы узнали — кто мы? что мы? и зачем? Здесь сохранились летописи, «Слово о полку Игореве» XII века, пытались учёные поскрести по сусекам Европы, но ничего равного не нашли. На Севере, в монастырях, сохранились удивительнейшие богатства древнерусской культуры. Вот какое значение имеет Север в истории нашей культуры, честь и слава Архангельску, сказал, завершая свое выступление, С. И. Шуртаков.

И. И. Сабилло сердечно поздравил архангельских писателей от имени их петербургских коллег, поделился воспоминаниями о встречах с Ф. Абрамовым...

Но, конечно же, одной из основных обсуждаемых тем, стала подготовка СП России к празднованию 300-летия М. В. Ломоносова. В завершение работы первого дня Пленума писатели обсудили проект Обращения к народу России, её Президенту, органам законодательной и исполнительной власти, общественно-политическим движениям — «Вперёд, к Ломоносову!».

В ходе работы писательского форума была вручена премия «Хранитель памяти народной» имени Бориса Шергина по разряду «Мир русского человека», учрежденная Союзом писателей России, журналом «Новая книга России» и ИИПК «ИХТИОС», М. К. Попову (г. Архангельск)

за патриотическое служение литературе Русского Севера и издание журнала «ДВИНА».

Почётными грамотами правления Союза писателей России за большой вклад в развитие литературы русского Севера награждены архангельские писатели И. П. Яшина (кроме того, и за талантливое руководство Архангельской писательской организацией), Е. П. Токарев, А. А. Логинов, Н. И. Редькин, М. Д. Пузырёв, Т. С. Полежаева, а также М. П. Лунд (за большой вклад в развитие международных литературных связей).

А по итогам Всероссийского литературно-художественного конкурса для детей и юношества «Гренадеры, вперед!» (авторов лучших сочинений о боевой дружбе, стихов, строевой песни, моделей военной техники времен Великой Отечественной войны), посвящённого 60-летию Великой Победы и проведённого Союзом писателей России, группой компаний «Гренадёры» совместно с Министерством обороны РФ, Министерством образования РФ и редакцией Всероссийского детского журнала «О Русская земля!» победителями стали, в том числе, и архангелогородцы — В. Алексеев (школа № 46), Л. Харламова (школа № 25), Д. Дубов (школа № 34). Церемонии их награждения провели В. Н. Ганичев, С. И. Котыкало, М. В. Ганичева.

В адрес Архангельского писательского форума поступила правительственная телеграмма со словами приветствия от министра культуры и массовых коммуникаций А. С. Соколова.

Состоялись встречи Председателя СП России В. Н. Ганичева с губернатором Архангельской области Н. И. Киселёвым (где было подтверждено совместное желание сделать Архангельск центром подготовки к празднованию 300-летия М. Ломоносова) и руководителями города, на которых лидер писателей России проинформировал руководителей области и города о целях и задачах собравшегося в Архангельске столь представительного писательского форума, заострив внимание на проблемах воспитания современной молодёжи в духе патриотизма, возрождении традиционных духовных, нравственных основ общественной жизни, обсудил планы и координацию действий в период подготовки празднования 300-летия со дня рождения М. В. Ломоносова, предложив при принятии государственных решений по этому вопросу приложить максимум усилий для того, чтобы именно Архангельская область стала центральным местом проведения мероприятий, освещённых именем великого земляка.

На прошедшей в здании Администрации Архангельской области пресс-конференции для местных и центральных СМИ, а затем в телестудии области на вопросы журналистов ответили Председатель СП России В. Н. Ганичев, статс-секретарь СП Л. Г. Баранова-Гонченко, секретарь правления СП по информационно-издательским вопросам С. И. Котыкало, председатель Архангельского регионального отделения СП России И. П. Яшина.

В 17.00 состоялся Торжественный вечер, посвящённый 70-летию Архангельской писательской организации.

НА РОДИНУ РУССКОГО ГЕНИЯ

16 июля писатели разъехались по районам области — в Малые Карелы, в Северодвинск, а одна из групп под руководством В. Н. Ганичева отправилась в Холмогорский район, на родину М. В. Ломоносова, где была радушно встречена главой местной администрации

В. В. Ющенко, рассказавшим гостям о социально-экономических показателях района, с гордостью — о знаменитой племенной холмогорской породе — неприхотливой, выносливой, дающей 5–6 тыс. литров молока в год (и даже до 10 тыс.), текст на воздвигнутом памятнике которой гласил: «На двинских просторах/В Холмогорах рожденная,/Студёными ветрами закалённая,/По праву народом кормилицей названа, СЛАВА ТЕБЕ НА ВСЕ ВРЕМЕНА!» А потом в сопровождении В. Ющенко (и его помощники по социальным вопросам К. Прокöpfeвой) писатели поспешили на паром, который, преодолев водную преграду — речку Курополку (рукав Северной Двины), доставил делегацию на остров Ломоносово (ранее Куростров), где в с. Ломоносово (ранее д. Мишанинская) в 1711 году родился великий русский учёный. Замечательную экскурсию по Государственному историко-мемориальному музею им. М. В. Ломоносова (недавно отметившему своё 65-летие и находящемуся в здании училища им. Ломоносова, построенного в 1866 г. на месте, где стоял дом великого земляка) в сопровождении его директора А. Н. Короткого провела сотрудница музея М. С. Лохова. С 1969 г. на базе музея проводятся Ломоносовские чтения. Оставив памятную запись в книге посетителей и подарив библиотеке привезённые книги, все сфотографировались на память у Музея и памятника М. Ломоносова, и вернулись в Холмогоры, где, посетив местный краеведческий музей, отправились на долгожданную встречу с о. Леонтием, настоятелем Спасо-Преображенского собора (построенного при архиепископе Афанасии/Любимове/ в 1685–1691 гг., находящегося сейчас в плачевном состоянии). И только полуразрушенная Преображенская колокольня, на которую в сопровождении батюшки поднялись писатели, как символ бывшего величия, гордо возвышается над Холмогорами), который подробнее рассказав гостям о трагической истории собора. Сейчас о. Леонтий служит в восстановленной церкви Святого Духа (постр. 1865 г.). Дружеское общение продолжили в трапезной, где, передав и свои гостинцы, перекусили «чем Бог послал» — ароматной ущицей, гречневой кашей и зеленью — луком, салатом, редиской, чесноком, укропом и петрушкой — с батюшкиного огорода...

СОБОР ПРИРАСТАЕТ РУССКИМ СЕВЕРОМ

А 17 июля, в день завершения работы Архангельского пленума СП России произошло яркое, памятное и воистину знаковое событие, всей своей сутью подтверждающее значимость и высоту писательского слова, роли русских писателей в общественно-политической жизни государства.

Рано утром все участники пленума вместе с заместителем губернатора Архангельской области М. Н. Ситкиным выехали в Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь (заложенный преподобным Антонием 485 лет тому назад на мысу живописнейшего Большого Михайлова озера), где после Божественной литургии, посвящённой памяти царственных страстотерпцев императора Николая II, императрицы Александры, цесаревича Алексея и благоверных дочерей, которую возглавил епископ Архангельский и Холмогорский Тихон, а сослужил ему настоятель монастыря архимандрит Трифон, открылась соборная встреча (выездное заседание Всемирного Русского Народного Собора, главой которого является Свя-

тейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, а одним из заместителей — Председатель СП России В. Н. Ганичев) духовенства и православной творческой интеллигенции.

Открывая соборную встречу, В. Н. Ганичев рассказал её участникам об истории создания Всемирного Русского Народного Собора, обратил особое внимание собравшихся на тот факт, что созданный в период глубочайшего социально-экономического и духовного кризиса в современной России Всемирный Русский Народный Собор за более чем 10 лет существования всей своей работой, общегосударственным, общенациональным, общепланетарным масштабом обсуждаемых проблем доказал, что, по сути своей, он сейчас является единственным интеллектуальным общественным форумом, на котором постоянно проводится глубокий анализ тенденций, развития, хода национальной и мировой истории, даётся взвешенная оценка современного состояния экономики, культуры, духовной жизни нашего государства с учётом современных геополитических реалий... Именно здесь ведётся постоянный поиск путей примирения или хотя бы выработки поля для диалога, поиска общих ценностей для различных общественно-политических, национальных движений страны.

Именно поэтому чрезвычайно знаменательно, что Соборная встреча в Антониево-Сийском монастыре завершилась очень важным для общественно-политической и духовной жизни России событием — с благословения Святейшего Патриарха Алексия II, при поддержке губернатора Архангельской области Н. И. Киселёва было объявлено об учреждении Архангельского регионального отделения Всемирного Русского Народного Собора, главой которого был единогласно избран епископ Архангельский и Холмогорский Тихон, который после голосования обратился к участникам соборной встречи:

«Я, как сын Церкви, находясь в послушании церковному и все мы, епископы, смотрим на нашего Первосвященителя, Председателя — Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия, который очень много делает для страны в плане духовного объединения разных людей, жителей нашего Отечества. Принимая приглашение быть главой Архангельского регионального отделения ВРНС, понимаю, что это очень ответственно, так как впереди большая работа, но я знаю и то, что у меня есть немало хороших помощников. Во время нашей недавней беседы губернатор Н. И. Киселёв по-доброму воспринял сообщение о создании Архангельского отделения ВРНС и о моем предполагаемом назначении на пост его главы. Т. е. моё назначение произошло с общего согласия — благословения Святейшего и поддержки нашего губернатора. Надеюсь, мы сегодня изберём и тех людей, которые станут моими помощниками в этом ответственнойшем деле...»

С общего согласия одним из заместителей только что избранного главы Архангельского отделения ВРНС стала профессор, заведующая кафедрой Поморского государственного университета М. Ю. Елепова, специалист по русской истории и культуре...

Безусловно, коснулись и темы будущего празднования 300-летия М. В. Ломоносова, ещё раз обсудили и приняли проект Обращения к народу России, её Президенту, органам законодательной и исполнительной власти, общественно-политическим движениям.

Александр Дорин

ВПЕРЁД, К ЛОМОНОСОВУ!

Обращение участников Архангельского пленума СП России,
принятое в г. Архангельске в преддверии
300-летия М. В. Ломоносова

Собрание писателей Северо-Запада России в городе, омываемом четырьмя морями, носящем имя высшего ангельского чина, — явление для российской духовной жизни незаурядное.

Нас позвал в Архангельск, в первую очередь, Ломоносов. Притяжение гения оказалось сильнее всех обстоятельств и препятствий современной жизни.

Сложившаяся буквально во всех без исключения отраслях российской действительности критическая ситуация (в науке, производстве, культуре, образовании) немедленно требует и ищет нового осмысления и применения в сегодняшней жизни всего наследия, оставленного нам уникальным национальным гением — М. В. Ломоносовым.

Следуя главной идее Томаса Манна, высказанной им в XX веке в лозунге «Назад — к культуре», мы, русские писатели, собравшиеся на земле Ломоносова, скажем по-своему: «Вперёд — к Ломоносову».

Особенно важной в прикосновении к Ломоносову нам представляется сегодня его гражданская позиция, высказанная в целом ряде исторических, философских и литературных работ, в его социальных проектах, в программе образования и просвещения России. Ибо Ломоносов — подлинный служитель государственности, патриот России и славянства, радетель и борец за здоровье, сохранение и приумножение народов России. Как никогда важными являются мысли из его письма «О сохранении и размножении русского народа».

Ломоносов дал нам примеры дерзостного прорыва во всех важнейших сферах, необходимых для продвижения России вперёд.

Он заявляет о себе как учёный, химик, физик, геолог, открывает научные законы, становится практическим мастером по созданию новых материалов и веществ. Он признан как великий филолог, ритор и литератор, создав первую и наиболее полную русскую грамматику, показав образцы поэтического слова и стихосложения для того времени. Его трудами был создан в 1755 году храм науки — Московский университет. Он осмысленно бросил взор на все границы России, восхитился её мощью и возможностями, обозначив направления приращения её богатств Сибирью и нашим Севером, его Арктикой, — тем Севером, который спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, — краем трудовых традиций, землепроходцев, полярников, воинов.

Ломоносов снова вызывает к своим землякам-северянам превратить Север в форпост России — её экономики, культуры, духовности.

Он был подлинным поэтом Севера, его работником.

Он, великий мастер, художник, в поэзии, мозаичных картинах, исторических трудах провозглашал главным для себя «любовь к Российскому слову, и прославлению российских героев, и достоверному изысканию деяний нашего Отечества». Противник «норманнской теории» происхождения Руси, Ломоносов своими изысканиями подтвердил древность славянского мира, восславил российский народ, который «не токмо не расточился, но на высокую степень могущества и славы достигнул».

Он высоко ценил звание русского писателя, заботился о просвещении народа, боролся с невежеством, с внедре-

нием иноземного «варварийства» в наш язык, нашу жизнь. Власть давал наказ: «Развивать ревность в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оного без искусных в нём писателей затмится слава всего народа». Великий Ломоносов всё это совершал в глубокой вере, будучи ревностным служителем православия.

Однако необъятное поле русской мысли и универсально-практического деяния, широко распахнутое гением Ломоносова, зарастает на наших глазах. Мы трезво осознаём эту беду России. Между тем нас не покидает предчувствие, что Россия находится в состоянии собирания внутренних сил, накануне прихода долгожданных времён духовного пробуждения и продвижения вперёд.

В этом смысле грядущий 300-летний юбилей Михаила Васильевича Ломоносова может стать важнейшим стержнем и катализатором утверждения созидательной, духовно-культурной, экономической, государственной, общественной программы России на ближайшие пять лет.

Здесь, в Архангельске, на Пленуме Союза писателей России, на областной соборной встрече Всемирного Русского Народного Собора мы принимаем решение широко отметить это знаменательное духоподъёмное событие, создать Международный комитет по празднованию 300-летнего юбилея великого национального гения с привлечением различных общественных, политических, культурных, научных сил. Такой общественный комитет мы создали и при Союзе писателей России.

Мы обращаемся к Президенту РФ, к Правительству РФ, Министерству иностранных дел, Федеральному агентству по образованию, Министерству здравоохранения и социального развития, Министерству культуры и массовых коммуникаций, Московскому государственному университету, а также ЮНЕСКО и целому ряду международных и российских общественных и научных организаций — поддержать главные направления работы Комитета на ближайшие пять лет с тем, чтобы:

— Сделать наследие Ломоносова, его подвижничество, патриотическое служение предметом широкой пропаганды и популяризации в научной, культурной и образовательной сферах.

— Разработать программу празднования юбилея Ломоносова в статусе государственного и всенародного праздника, как в центре, так и на местах.

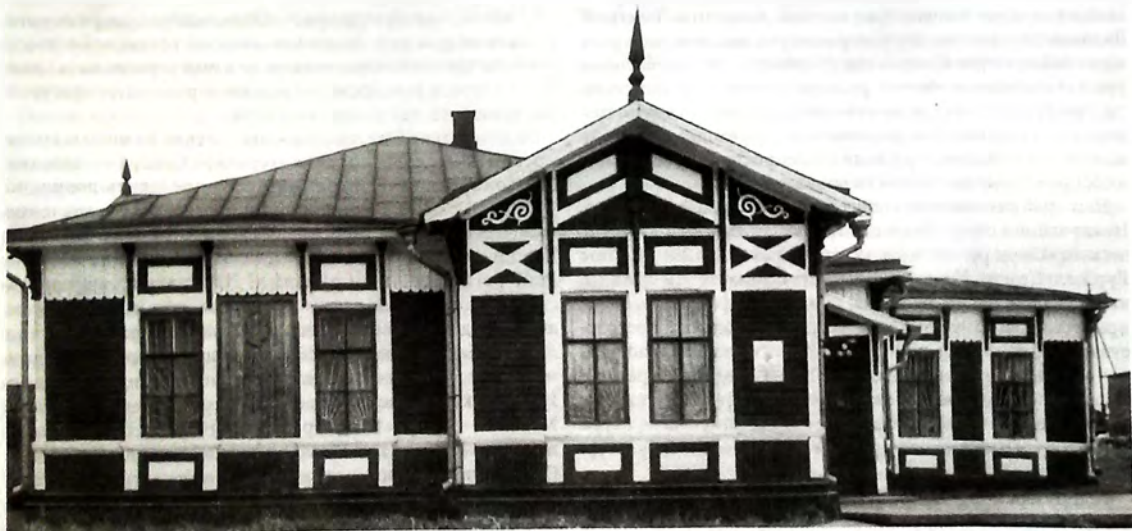
— Приступить к подготовке проекта издания Единой ломоносовской энциклопедии, выпуску книг ломоносовской серии.

— Поддержать предложение руководителей администрации и общественности Архангельской области о специальной программе по восстановлению ломоносовских памятных мест, храма, всей инфраструктуры Холмогор и других мемориальных центров.

Мы поддерживаем решение общественных, административных, писательских сил, епархии Русской Православной Церкви Архангельской области превратить этот край в форпост отечественной духовной и культурной жизни, достойный края великого гения.

Мы не можем не закончить наше обращение словами великого академика, обращёнными к молодым возрастом и духом, с его надеждой на служение Родине:

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

Литература Архангельского Севера — наследница духовно-нравственных традиций великой русской литературы

Особенности современного литературного процесса в нашей стране делают очевидным то особое задание, которое получила сегодня литература русской провинции, точнее — глубинной России. Это задание может быть определено как трепетное сбережение и органичное, полнокровное развитие лучших традиций великой русской словесности. Погоня за литературной модой, ориентация на не свойственные отечественной традиции явления и тенденции внутренне чужды литературе русской провинции. Не случайно попытки некоторых современных авторов из российской глубинки работать в русле литературы абсурда или по шаблону беспочвенного постмодернизма производят жалкое, часто — пародийное впечатление, являясь тем исключением, которое лишь подтверждает правило.

На Русском Севере это задание ошутимо, может быть, наиболее отчетливо, так как сберегающая, охранительная роль выпала на долю нашего края искони. Академик Дмитрий Лихачев писал о том, что Север «сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы, полярники и беспримерные по стойкости воины».

Наш край называют богатейшей сокровищницей фольклора. Не случайно в серии «Былины» издающегося сейчас академического «Свода русского фольклора» из 25 томов 20– былины Русского Севера. Но нельзя забывать о том, что эти былины, как и сказки, песни, баллады, обрядовый фольклор, были принесены на Север выходцами из новгородских, ростово-суздальских, московских земель. То есть изначально важнейшим источником зарождавшейся на Севере литературы было устное поэтическое творчество всего русского народа. И современные писатели-северяне осознают, что литература нашего края имеет очень прочные исторические и культурные корни.

Федор Абрамов писал: «Народно-поэтическое творчество Севера всегда жило в дружбе с книжной культурой. Крестьяне

Севера... сплошь и рядом были владельцами личных библиотек, и не случайно, что факел учености на Руси зажег крестьянский сын из-под Холмогор Михайло Ломоносов.

Пройдут немногие десятилетия, и русская литература по своему идейному и нравственному накалу станет самой мужиковствующей в мире. В лучшем смысле этого слова. И это несмотря на дворянское и разночинное происхождение ее мастеров. Отныне народное словотворчество Севера, особенно после того как в конце девятнадцатого — начале двадцатого века русская общественность познакомится со знаменитыми былинами, записанными в Карелии и на Архангелогородчине, станет постоянно питать и обогащать русскую и советскую литературу. Назову хотя бы двух таких писателей, как Михаил Пришвин и Леонид Леонов, жизненные орбиты которых не раз пересекались с Севером. А Борис Шергин, Алексей Чапыгин, Степан Писахов...»

Современная литература Архангельского Севера помнит и осознает свое родство с многовековой традицией отечественной словесности, развиваясь не в узко региональных рамках, а в тесной взаимосвязи с исконной русской литературой как прошлого, так и современности.

Являясь одной из плодоносных ветвей на общем древе российской словесности, литература Севера — явление не изолированное, и границы его определить довольно трудно. В самом деле, можно ли ограничивать значение творчества Бориса Шергина, Федора Абрамова, Николая Рубцова, Ольги Фокиной, Владимира Литучина какими-либо региональными рамками? Называть их архангельскими писателями столь же нелепо, как московскими, ленинградскими, вологодскими. Их произведения — в числе лучших достижений отечественной литературы и принадлежат всей России. Однако то, что они родились на архангельской земле, на берегах Северной Двины, Пинеги, Мезени — не просто биографический факт. Родная земля взрастила их талант и стала главной темой творчества. О значении родины в становлении личности и развитии дарования писателя Борис Шергин сказал так: «Глубокое, ценное слово о родимой стороне может сказать только тот

человек, для которого его родина не есть «край», а центр. Я исхожу из родимого дома в городе Архангельске. И снова, и снова возвращаюсь туда. Домой. Там, когда не стало отца и матери, живой речью заговорила со мною вся обстановка поморского дома, поморского письма иконы, модели кораблей, деревянные солонки в виде птиц, даже «коренные» ложки, изящно украшенная «Иисусовой молитвой» посуда соловецкой работы».

В то же время Север становится второй родиной для многих писателей, приехавших сюда из других краев России, — уроженца Рязанщины Анатолия Левушкина, ивановских земель — Николая Журавлева, волжанки Инэль Яшиной.

Переходя к обзорной характеристике сегодняшней жизни Архангельской писательской организации, отмечу, что за последние 10 лет писательский творческий союз вырос в три раза — с 15 до 45 человек. Этот количественный показатель говорит о многом: и о том, что северная земля не скудеет талантами, и о том, что творчеству молодых уделяется большее внимание. Выявлению и развитию дарований способствуют и регулярно проводимый в старинном Каргополе фестиваль молодых литераторов, получивший статус всероссийского, и издававшиеся в 1990-х годах Михаилом Поповым альманахи «Белый пароход» и «Красная пристань», и, конечно, начавший выходить, благодаря многолетним усилиям Инэль Яшиной, с 2001 года долгожданный журнал «Двина», главным редактором которого также является Михаил Константинович Попов.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что журнал выполняет ту миссию, о которой говорила, открывая его первый номер, Инэль Яшина: он стал «форпостом нравственности на беломорском Севере, ратником в борьбе за сохранение единого духовного пространства России».

Нужно отметить и издающийся в Северодвинске стараниями Людмилы Жуковой умный и содержательный журнал «Гиперборей», и подвижническую деятельность Ангелины Прудниковой, публикующей сборники произведений северодвинских авторов.

Нельзя не вспомнить о том, что за те же истекшие десятилетия ушли из жизни такие маститые архангельские писатели, как Евгений Богданов, Анатолий Лёвушкин, Василий Ледков, Шамиль Галимов; трагически рано закончился жизненный и творческий путь Андрея Сазонова, Анатолия Порохина, Сергея Ярыгина, Надежды Миммы. Но их имена, их произведения не канули в забвение, как и наследие дорогих сердцу читателей-северян Николая Жернакова, Николая Журавлева, Вадима Беднова. Им посвящаются статьи, радиопередачи, воспоминания, литературные вечера, продолжается публикация их литературного наследия.

Памятливость — неотъемлемое свойство русского характера, и оно в полной мере присуще литературной жизни и самой словесности Архангельского Севера.

Охарактеризовать творчество всех сорока пяти членов Архангельской писательской организации в рамках доклада невозможно, поэтому остановлюсь на общих тенденциях и наиболее значительных явлениях современной литературы нашего края.

Общие черты, объединяющие творчество писателей, живущих сегодня на Архангельском Севере, проявляются вполне отчетливо: это несуетность, основательность, приверженность традиции, интерес к самым глубинным, сущностным проблемам бытия, любовь к родной земле и Отечеству, их истории и современности.

Неизменно важными ценностями, вдохновителями творчества остаются для писателей-северян те богатства, которыми славен наш край. Это прежде всего люди, измученные разрушительными реформами, но сохраняющие в своих душах

и в своем отношении к миру и ближним свет истинного добра и любви; это и природа, до сих пор, несмотря на хищническое отношение к ней новых «хозяев», грандиозная и прекрасная; это и то, что Федор Абрамов назвал самым большим, самым непреходящим вкладом Севера в сокровищницу национальной культуры слово, «которое и сегодня сохранило строй и дух русского языка древнейшей поры».

Север — песенный, поэтический край. Не случайно большинство членов Архангельской писательской организации — поэты. Среди самых ярких поэтических имен — Алексей Пичков, Прокопий Явтысий, Александр Логинов, Александр Росков, Инэль Яшина, Елена Кузьмина.

Инэль Яшина — поэт мощного лирического темперамента, очень тонко чувствующая и точно передающая живое народное слово. В 1974 году вышел первый сборник — «Гремячий ключ» — молодой поэтессы, приехавшей на Русский Север с берегов Волги. За прошедшие четверть века ее имя прочно вошло в число наиболее заметных явлений поэзии поморского края. На мой взгляд, в стихотворении «Красно слово», которое я сейчас процитирую, как в фокусе сошлись все особенности лирики Яшиной: и потребность делать, действовать — до конца, до предела, каким бы мучительно трудным ни было это делание; и эстетический аскетизм, стремление к лаконичности; и удивительный слух, позволяющий создавать насыщенные смыслом звукообразы; и сжатая до сгустка энергия, экспрессивность:

*Расшитались красна,
Вкось идёт основа.
До чего непросто
Выткать красно слово!*

*Закрепила красна,
Выворнялась нитка.
А на сердце — слёзно,
Как же слово выткать?*

*Чтоб гляделось разно,
Понималось просто.
Вытку слово красно,
Доломаю красна.*

Образна и мелодична поэтическая речь Алексея Пичкова. Родившийся в Канинских тундрах, Алексей Ильич остался верен родным краям. Он пишет на русском языке, и кажется, будто русское слово, воспевающее заполярный ненецкий край, обретает какие-то новые краски. У него в стихах «рыбой море шевелилось, блестя на солнце чешуёй», «Аркан набросив на туманы, тянул их ветер своенравный, и след их в травах оставался, как блеск тюленьих светлых глаз». Дома, которые «понаставила» на берегу студеного моря деревня, «серы от соли крепкой и звенят, как струны, на ветру»; а о мчащейся по мартовской тундре собачьей упряжке он говорит: «На собачьих пестрых спинах скачет солнце целый день». О своей верности родной земле Пичков пишет во многих стихотворениях. Прочитав лишь одно:

*Тундра — снежные дали без края,
Серебристый песцовый мех.
Без меня проживешь ты, знаю,
Без тропинок моих и вех.
У тебя их, тропинок, — без меры,
Словно косы, сплелись на снегу.
Только я вот без тундры, наверно,
Вдалеке прожить не смогу.*

Ненецкий поэт Прокопий Явтысый, как и Алексей Пичков, окончив в Ленинграде пединститут имени Герцена, вернулся в Ненецкий округ. Впрочем, Прокопий Андреевич — не только поэт, но и прозаик, драматург, а еще — талантливый художник. Он пишет на ненецком языке, но и в переводах ощущается упругость его строки, выразительность ритма. Явтысый говорит не только о красоте родной тундры, но и о том, как хрупкая природа Заполярья становится изувеченной жертвой гусениц вездеходов, разлитой нефти, искореженного металла:

*Резцом в лик тундры врезано:
измятые кусты,
соллярное, железное
да древние кресты...
Но поэт верит в то, что душа народа не убита:
Рассветною улыбкою,
в восторге не дыша,
как гусь, над тундрой зыбкою
взмахнет крылом душа!*

*В цвета весны окрасится
вся даль перед тобой...
лишь затаится на сердце
дробинкой черной боль.*

Один из любимых детей державы — поэт Александр Логинов — узнаваем по каждой своей строке: мощь и экспрессия его стиха завораживают. Мир лирики поэта масштабен и динамичен, в нем сопрягаются современность, историческое прошлое и вечность, зримость конкретного северорусского пейзажа и его вписанность в просторы Вселенной. «Я живу в тихом городе, окруженном тайгой», — говорит он, и в то же время видит себя живущим «на северном склоне Земли», где «такие созвездья цветут!», где «за горизонт течет земля отцов, во все пределы». Мир, открывающийся взору поэта, «расшищен грозой и огромен, свеж и светел». Александр Логинов ощущает себя неразрывно связанным с историей своего рода, народа, Родины. Эта связь передается с помощью сквозных для его лирики образов Матери сырой земли, дерева, корней, мотивов прорастания, слияния:

*Я спал на военной дороге,
и пыль покрывала меня.
Врастали в поля мои ноги,
а волосы —
в ветреность дня.
Там, где мои губы алены,
расправилось древо любви.
И в кроне ветвистой шалели
в закатном огне соловьи.*

При разнообразии лирических настроений и интонаций доминирующими в лирике Логинова остаются восхищение жизнью, восторг, который вызывает красота мира, обостренно воспринимающаяся всеми органами чувств. Негодование, яростный отпор, порожденные состоянием современного общества, сменяются уверенностью в конечной осмысленности и целесообразности мира. В лирике Александра Логинова был и остается главным, ведущим, мотив притяжения жизни сквозь страдания, скорби, беды. Двадцать лет назад он сказал:

*А жизнь в самом главном всегда хороша,
была бы способна к страданью душа
да было б окно зарево.*

И, пройдя долгий и трудный путь сомнений, горестей, боли, вызванных судьбой Родины, два года назад, в канун своего пятидесятилетия, поэт опубликовал стихотворение, завершающееся такими строчками:

*Пусть в небесах вытаскивает млечность,
И сыпет сверху звездная капель.
Всё впереди, куда Бог и вечность
Раскачивают жизни колыбель.*

Александр Росков — один из самых известных среди живущих сегодня в Архангельской области авторов, издавший три стихотворных сборника и одну книгу прозы. Его произведения печатаются в коллективных сборниках, антологиях и журналах, выходящих не только в нашей стране, но и за рубежом.

Для многих читателей знакомство с творчеством Александра Роскова началось со сборника «Всё, что осталось от лета», вышедшего в 1994 году. Перечитывая стихотворения этого сборника сегодня, убеждаешься в том, что обаяние их не потускнело со временем. Напротив, как-то по-особому светло и остро воспринимаются их чистота, ясность, родниковость.

Образ маленькой деревни — родины поэта — символически разрастается до образа Родины, заставляя вспомнить рубцовское: «Мать России целой — деревушка, / Может быть, вот этот уголок»:

*Домов в деревне было семь,
Один родник, двенадцать ёлок.
За лесом, рядышком совсем,
Лежал метельный зимний волок.
Под вой ветров в лесной глуши
Машины выли, выли волки.
Тяжелый снег с густых вершин
Роняли пасмурные ёлки.
От родника к семи домам
Тянулись узкие тропинки.
В семи домах по вечерам
Горели лампы-керосинки
И месяц у окна дремал,
Ронял в окно лучи косые...
И я еще не понимал,
Что за окном лежит — Россия.*

В стихах Роскова последних лет доминирующим становится эпическое начало. Сегодня он пишет уже не этюды, а настоящие эпические полотна — масштабные, объемные, пространные. Меняется и само звучание стихов: они становятся ближе к прозаической и разговорной речи, не теряя при этом своей поэтичности, а утверждая ее в новом качестве.

Все написанные за последние годы стихотворения Роскова складываются в своего рода Книгу Памяти, в которой бережно собраны все свидетельства исчезающей жизни. Поэт не обманывает себя иллюзиями и не тешит надеждами, горькой безысходностью проникнуты многие из лучших его стихотворений, общий пафос которых передает строка из цикла «Зимы печальные мотивы»: «Но родина моя больна, больна...»

Однако само творчество Александра Роскова, как вообще всякое созидание, — это способ противостоять забвению, распаду и гибели.

Потому так много у него мемориалов — стихотворений, посвященных конкретным людям, землякам, стихотворений, призванных уберечь их имена от забвения и высветить глубинную сущность их внешне обычной жизни. Одно из самых любимых мною стихотворений этого жанра:

* * *

Горние звёзды как росы.
Кто там в небесном лугу
Тошит лазурные косы,
Гнёт за дугою дугоу?

Николай Клюев

...Анатолий Абрамов — простой деревенский мужик, патриот своей родины, ею же битый и мятый просто так — ни за что, защищавший ее рубежи с автоматом в руках с сорок первого по сорок пятый, до Берлина дошедший еще безбородым юнцом, положивший начало холодной войне (но не миру), в грудь и в правую щеку отмеченный

вражьим свинцом, сорок лет отпахавший в деревне своей бригадиром, в сенокосные дни выводивший народ на луга, что тянулись вдоль тракта — грунтовой шоссеиной дороги, — он умел и любил аккуратные ставить стога, на абрамовских пожнях скульптуры стояли —

не стоги!

Он в любую жару «самолечно» взбирался на стог, брал за длинную ручку стальные трехрогие вилы и при помощи вил и — стог надо утапывать — ног создавал «монумент», да такой, что взглянуть —

любо-милу!

Как стога украшали подстриженный наголо луг! (он их сам у себя принимал по бумажному акту). Из кабин любовалась твореньем абрамовских рук (ну и ног) шоферня, проезжая по этому тракту... Анатолий Абрамов, болевший всегда и всерьез за добро за народное, честный, простой как лопата, ныне спит под крестом и под сенью веселых берез, — не дала поглядеть застарелая рана солдату на развал той страны, где он жил и где ставил стога, за которую кровь проливал на сражения поле. Он сумел бы поднять Горбачева на вилы рога — на трехрогие вилы — была бы возможность, а воля у него бы была. Хорошо, что под крест он свой лег в 90-м году, при живом еще СССРе. Он на этот бардак равнодушно смотреть бы не смог, он бы горькую запил и запер ворота и двери, чтоб не видели люди запойного вида его, чтоб действительность вся обернулась на время кошмаром.

...На абрамовских пожнях теперь не увидишь стогов — там торчат среди трав одиноко сухие стожары.

На стожарах в плохую погоду сидит воронье, будто время само здесь на многие годы застыло. Луг не кошен стоит. Зарастают тихонько быльем сенокосные дни и трехрогие длинные вилы. Но мне хочется верить, что нынче не здесь, а в раю Анатолий Абрамов стога аккуратные ставит, на небесных лугах ему ангелы песни поют, и он Господа видит во всем его блеске и славе. И когда в жаркий полдень по небу плывут облака над жильем городским, над крестами старинными храмов, — я умом принимаю, что это и есть те стога, что поставил в раю мой земляк Анатолий Абрамов...

Уникально лирическое дарование Елены Кузьминой. Чистота ее поэтического голоса — высшей пробы. Волшебная

особенность ее лирики — особый ракурс видения привычной реальности, точнее — множество различных ракурсов. Она способна увидеть сон, снащийся птице, а в этом сне — женщину, всю прожитую ею жизнь; она получает «драгоценное наследство» — возможность «вспомнить» чужое детство, рассказать нам о чьем-то «восемнадцатом лете»; она умеет показать увиденный ею (не придуманный, не сочиненный, буквально — увиденный) летящий «по расколотым плитам ослепительно-белый песок», гудящие улицы «белого города, белого вечного города». При этом в самой сердцевине поэтического мира Елены Кузьминой — образ «небесного сада», «легкие отсветы» которого иногда можно различить и в мире сем. «Золотая дрожащая нить» света, связующая мир дольний с миром горным, может быть спрятана в ткани стихотворения, и тогда мы лишь угадываем, смутно ощущаем ее потаенное присутствие, но может и выходить на поверхность, словно для того, чтобы мы не потеряли эту путеводную нить. В последние годы Елена Кузьмина буквально поражает стремительным и мощным творческим ростом. И все чаще в ее стихотворениях соединяются далекое прошлое Святой Руси, сегодняшней день и чаемая жизнь будущего века. При этом каждое ее стихотворение может быть воспринято как отражение духовного пути отдельного человека, его жизни от рождения до смерти и воскресения, и в то же время — как воплощение исторической судьбы всей России.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

... Он приплыл, когда север сгустил холода.
Брызги — жала пчелиного роя.
Вроде август, но темная нынче вода.
И над водами тучи — горою.
Свет не светит. Молчит приграничная Русь.
Берег моря открыт и пустынен.
И сказал: «Коли плачу я так и томлюсь,
Свет-то есть, да на горней вершине,
Высоко! Я же точно в колоде на дне...»
Помолился. «Господь Всемогущий,
Ты же знаешь, как здесь хорошо по весне!»
И построил для Господа кушчу
Там, где остров не так прокуваем и гол,
Там, где сосны и скалы оградой...
Крест из веток смолистых, да камень — престол,
Да в коричневой плошке — лампада.
Словно в Божьих ладонях, заснул на земле.
Буря ветры ломала о скалы.
Бездны Бога хвалили, и всюду во мгле
Тварь безликая трепетала:
Се, грядут времена!.. На вечерней заре
Только ветра порывы недужны.
Только радость на сердце о светлой поре.
Свете тихий... и воды жемчужны.
Се, грядут времена... И дробить, и колоть
Будут иноки скалы упрямо.
И отдаст просветленную новую плоть
Белый остров на белые храмы.
И когда дни настанут — пусты и черны,
И падут с неба звёзды... Лукуя,
Малый камень, обломок церковной стены,
Будет петь на огне «Аллилуйя!»
И сотрется имен и названий словарь.
Но по-прежнему верная Чуду,
«Не забуди!» — восплечет безлика тварь.
И услышит в ответ: «Не забуду».

К сожалению, невозможно в рамках доклада хотя бы кратко характеризовать поэзию таких самобытных авторов, как Людмила Жукова, Евгений Токарев, Василий Матонин, Ангелина Прудникова, Татьяна Полежаева, Елена Николихина, Андрей Чулкин, Павел Захарын, Илья Иконников, а также молодых, недавно принятых в союз авторов.

Наш прозаический цех не очень велик, однако года к суровой прозе клонят и поэтов — так, удачным оказался прозаический дебют Александра Роскова, выпустившего в 2004 году автобиографическую повесть «В ночь с пятницы на понедельник».

А старейшина архангельских прозаиков — Алексей Степанович Коткин. Когда создавалась Архангельская писательская организация, ему было 10 лет. Вряд ли мог тогда представить себе мальчик из заполярного села Коткино, что спустя десятилетия он станет самым почетным членом писательского союза, автором повестей и романов. В своих произведениях Алексей Степанович рассказывает о прошлом и настоящем родного Заполярья. Так, в романе «Красная ласточка», публиковавшемся не только в Архангельске, но и в московском издательстве «Современник», рассказывается об установлении советской власти в Печорском крае. А в последние годы он возвращается памятью к Великой Отечественной войне, и это не удивительно: юный солдат служил в авиадесанте, на его счету — 42 прыжка с парашютом, в том числе четыре — в тыл врага. Его воинский путь отмечен не только орденами и медалями, в том числе орденом Славы 3-й степени и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», но и тремя ранениями. В этом году коллеги по творческому союзу поздравили Алексея Коткина с восьмидесятилетием.

Одно из самых известных сегодня на Севере литературных имен — Михаил Попов. Дарование Михаила Константиновича разностороннее, и работает он в самых разных жанрах, нередко удивляя читателя. За двадцать лет, прошедших с момента выхода его первой книги, он выпустил несколько повестей и сборников сказок для детей, ряд публицистических книг, главная тема которых — Великая Отечественная война. В 1990 году в журнале «Север» была напечатана повесть Михаила Попова «Последний патрон», о которой одобрительно отзывался на страницах «Литературной газеты» Виктор Астафьев. Наибольшую известность автору принесли сборник прозы «Мужские сны на берегу океана» и роман «Час мыши, или Сто лет до рассвета». О книге «Мужские сны...» Александр Алексеевич Михайлов писал: эта «книга прозы» позволяет сказать, что Михаил Попов — писатель думающий, владеющий разнообразным арсеналом выразительности, способный в художественном творчестве соотносить быт и бытие, частное и общечеловеческое, сиюминутное и вечное». Фрагмент повести Михаила Попова «Дерево 42-го» экранизировали и демонстрировал по центральному телевидению, а некоторые из его произведений переведены на иностранные языки.

Я отмечала, что внимательность, живой интерес к прошлому — характерная черта современной северной литературы в целом. И это, в частности, подтверждается и романом, над которым Михаил Попов работает последние годы, вновь удивляя читателя широтой своего творческого диапазона: посвящен он жизни Михаила Васильевича Ломоносова.

Выступает Михаил Попов и как литературный критик. О своем младшем собрате по писательскому цеху Валерии Николаевиче Чубаре он пишет: «Валерий Чубар начинал как стихотворец. Он и сейчас пишет стихи и время от времени выпускает поэтические книжки. И все-таки полновеснее и значительнее, на мой взгляд, он выглядит в прозе». Я полностью разделяю это мнение Михаила Константиновича, как и высказанное им убеждение в том, что наиболее значительные произведения Илья Чубара написаны в русле магистральных традиций русской реалистической литературы. Чубар — автор нескольких книг прозы, среди которых выделяется вышедший в 2002 году сборник избранной прозы писателя «Конюшня Анны». Важным достоинством

творчества Валерия Чубара является способность показывать жизнь в ее головоломной сложности и всеобъемлющем многообразии. И в то же время эта сложность не оборачивается в его произведениях хаосом, за всеми коллизиями и противоречиями, деталями и подробностями он умеет не потерять из виду главное русло — «чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл». Эта нить соединяет между собой разрозненных героев и удаленные эпохи, переводит изображение из горизонтального плана в вертикальный, сообщает его прозе притчевый характер, смысловую многомерность и многоплановость.

Безусловно, это очень перспективный автор, и мы надеемся, что его творческий рост будет продолжаться.

Жизнь другого архангельского писателя — Виктора Федоровича Толкачева сама может стать сюжетом не одной, а нескольких книг, настолько она ярка и насыщена. Он совершал восхождение на Эльбрус, походы по Среднему Уралу и реке Вишер, лыжный поход по Онежскому району, участвовал в агитационных лыжных переходах Нарьян-Мар — Архангельск и Архангельск — Нарьян-Мар, в шестидесятые годы был заведующим и киномехаником кочевой Карской агитгруппы, литсотрудником ненецкой окружной газеты, зимовал в 1971–1973 годах на острове Колгуев в качестве гидрометеоролога и техника-радиоператора полярной станции, был собкором областной газеты «Правда Севера», внештатным корреспондентом «Советской России» и собкором журнала «Северные просторы», депутатом Архангельского областного совета от Ненецкого округа. Фамилия сценариста Толкачева — в титрах документальных фильмов «Вайгач», «К Новой Земле!», «Архипелаг НЗ», «Шаги к храму», «России соль — земля Архангельская» и ряда других, а также множества сюжетов киножурнала «Поморские вести». Большинство фильмов, в создании которых принимал участие Виктор Толкачев, отмечены дипломами и премиями.

Ведущий жанр творчества Толкачева-писателя — документальная проза. Первая его книга «Звени, тиньган!» о ненецкой тундре и ее людях, вышедшая в 1982 году, стала лучшей книгой Северо-Западного книжного издательства, а вторая «Через снега и годы» — принесла автору звание лауреата премии Архангельского комсомола. И все последующие книги Толкачева — «Смотри вперед, ясовей», «Священные нарты», «Ненецкий край: сквозь выюги лет», а также изданная в 2004 году документально-художественная повесть «Закон капкана» становятся заметными событиями в культурной жизни края. Виктор Федорович — неутомимый труженик, и его заслуги, его вклад в развитие культуры нашего края трудно переоценить.

Людмила Егоровой сочетание незаурядного таланта фотохудожника и писательского дарования позволяет создавать своеобразные и запоминающиеся книги. Ее перу и фотокамере принадлежат книги «Пинежские зарисовки», «Сурские бывальщины», «Мой Федор Абрамов». Поэтические зарисовки, очерки-портреты передают искренний интерес Людмилы Егоровой к людским судьбам и присущее ей редкое чувство слова.

К сожалению, я вынуждена только назвать других ярких прозаиков-северян: Николая Редькина, Бориса Рябова, Владимира Истомина.

В заключение отмечу, что не обходят своим вниманием архангельские писатели и детскую читательскую аудиторию: увлекательные повести и рассказы, адресованные подросткам, пишет Геннадий Аксенов, добрые и интересные сказки Елена Антропова, стихи для самых маленьких — Нина Власенкова.

Думаю, есть все основания говорить о том, что каждый из названных и не названных мной в этом обзоре писателей-северян, как и в целом современная литература нашего края, достойно продолжают традиции не только литературы Русского Севера, но и великой русской словесности — каждый в меру своих сил, но в едином русле.

Елена Галимова

Евгений СЕМИЧЕВ

НЕБЕСНАЯ КРЕПЬ

* * *

Майским салютом расцвел небосклон,
Славя весну и Победу.
Литерный в небе идет эшелон —
Павшие воины едут.

Через разливы цветущей весны,
Через небесные кущи
Павшие воины едут с войны
К нашим потомкам грядущим.

Мимо крылечка родного села,
Мимо заводов и пашен...
Всех их в один эшелон собрала
Память священная наша.

Сполохи мирной рассветной зари
К горним возносятся высям.
В небе весеннем парят сизари,
Как треугольники писем.

Гулом объята небесная даль
Отчей родимой округи.

Солнце надраено, словно медаль
«За боевые заслуги».

Головы воинов снежно белы.
Лица светлы и бесстрашны.
Вот они — русской Победы орлы,
Соколы Родины нашей.

Им колокольный звучит перезвон,
Славя весну и Победу.
Литерный в небе идет эшелон —
Павшие воины едут.

Мимо крылечка родного села,
Мимо заводов и пашен...
Всех их в один эшелон собрала
Память священная наша.

К однополчанам своим боевым
Через сраженья и беды
Павшие воины в гости к живым
Едут на праздник Победы.

* * *

Спит народ, как солдат на ходу,
Утомленный в тяжелом походе.
Сплю и я, но с народом иду.
И во сне остаюсь я в народе.

И во сне от него ни на шаг
Никуда я себя не пускаю.
Упираюсь в походный большак.
Мать-землицу ногами толкаю.

Запевалы охрипли. Храпят.
Командиров сморило истомой.
Спит народ, с головы и до пят
Убаюканный чуткою дремой.

Эй, взбрыкнувший во сне обормот,
Что кричишь о продажной свободе?
Видишь, спит утомленный народ
На ходу, как солдаты в походе.

Спит служивый в строю человек.
Отдохнуть на ходу рад стараться.
Может, день, может, год, может, век...
Боже! Дай мужикам отоспаться.

Звезды космос вселенский коптят.
Зорьки в небо всплывают и тают.
Мародеры-шакалы не спят —
Неусыпно народ обирают.

Но не рушится воинский строй
И на милость врагам не сдается.
Вот народ — богатырь и герой!
Берегитесь, когда он проснется!

* * *

Катятся волны, камня граня.
Бисер по берегу мечут.
Мелкие реченьки громко звенят.
Реки глубокие шепчут.

Что нашептала мне Волга моя?
Истины Божьи простые:
Для человека родные края
В жизни извечно святы.

Где наша удаль — была не была?
Не оскудела покуда!
Волжские волны, как колокола,
Полные грозного гуда.

Сколько покоится храмов на дне
Волжской стремнины раздольной!
Вот почему мне в её глубине
Слышится звон колокольный.

Русь вознеслась не единой Москвой...
Волжские вольные волны
То выводили набат вечевой,
То — величальные звоны.

Что приуныла, заводжская степь,
Локти воткнув в подоконья?..
Матушка-Волга — небесная крепь,
Русской души колокольная.

* * *

Читал стихи мои и плакал,
Печаль не в силах превозмочь...
Спать не давал своим собакам —
Стихами их травил всю ночь.

К утру его подушки взмокли.
Постель насквозь проволгла вся.
Собаки от волнения сдохли,
Печали не перенеся.

Он встал, шатаясь, словно пьяный,
Себя не помня, как в бреду.
Лопату взял, чтоб вырыть яму
И закопать собак в саду.

Хотел от горя застрелиться,
Припомнив все свои грехи.
Подумал и решил напиться.
И больше не читать стихи.

Он пил полгода без закуски,
Устроив знатную гульбу.
Он был отважный «новый русский»,
А вот теперь лежит в гробу.

Как пошутила беспристрастно
Над ним насмешница-судьба!
Поэзия небезопасна...
Помянем Божьего раба!

ЛЕГЕНДА

Римские солдаты на посту
Видели, хотя и были пьяны, —
Приходила кошка ко кресту
И Христу зализывала раны.

Презирая воинскую власть
Псов, что на расправу шибко рьяны,
На Голгофу кошка поднялась
И Христу зализывала раны.

Кошка безбоязненно прошла
По голгофской праведной дорожке...
Потому, когда на сердце мгла,
Люди говорят: «Скребутся кошки...»

Первой проложила кошка след
Грешным Божьим чадам во спасенье.
А потом уже пришел рассвет.
А за ним пришло и Воскресенье.

* * *

Забродила осень, словно брата.
Дух хмельной и в поле, и в лесу.
Пей, народ российский — бедолага!
Господа тебе не поднесут.

Непонятны им родные дали.
Не печалься, мой родимый край.
Нас с тобой, как липку, ободрали.
Налегке идти сподручней в рай.

Дни стоят ядреные, как чарки.
И душа взывает: «Отхлебни!»

Будто Божьей милостью подарки,
Нам с тобой обещаны они.

Сами норовят уткнуться в руки...
Разве оттолкнешь их, абы как?
Пусть лакают буржуины-суки
Укус в заграничных кабаках.

Он им отрыгнется черной кровью
И срамной иудиной виной...
...Не вредит народному здоровью
Воздух русской осени хмельной!

* * *

С крыши ли, свыше, из рая ли?
Хлипкий доносится глас.
Блудные дети Израиля
Русский обсели Парнас.

Ножки короткие свесили —
Высоковат русский трон.
Над городами и весями
Вопли картавых ворон.

Знаю ответ ваш заранее —
Все вы и всюду правы...
Блудные дети Израиля,
Не заблудились ли вы?

* * *

Закатилось за осинник лето.
Потемнело речки серебро,
Где, лучась как звонкая монета.
Солнце становилось на ребро.

А теперь оно не ярко светит.
Свечечкой рассеивает мрак.
И печально богомолка крестит
Солнышка копеечный кругляк.

Жители села и горожане,
Этот мир принадлежит не нам.
Все мы в этой жизни прихожане
И зашли случайно в Божий храм.

* * *

Русь вырастила меня, меня поит и кормит.
И я знаю — ей больно, когда я вдали.
Можно вырвать меня, но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце земное вросли.

Ничего не нажил для себя в жизни, кроме
Горемычной моей материнской земли.
Можно вырвать страну, но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце сыновье вросли.

Нашу землю, политую отчею кровью,
Никакие враги не возьмут в оборот.
Можно нас истребить, но останутся корни.
И из них прорастать будет русский народ.

* * *

Боже святой, Боже правый,
Упаси мир грешный наш!
Дикий Запад — желтый дьявол
Переплыл через Ла-Манш.

Он Святую Русь кровавит,
Яко лютый зверь во мгле.
И мохнатой лапой правит
Сатанинский бал в Кремле.

Иноземный змий лукавый
Русь берет на бордаж.
Дикий Запад — желтый дьявол
Переплыл через Ла-Манш.

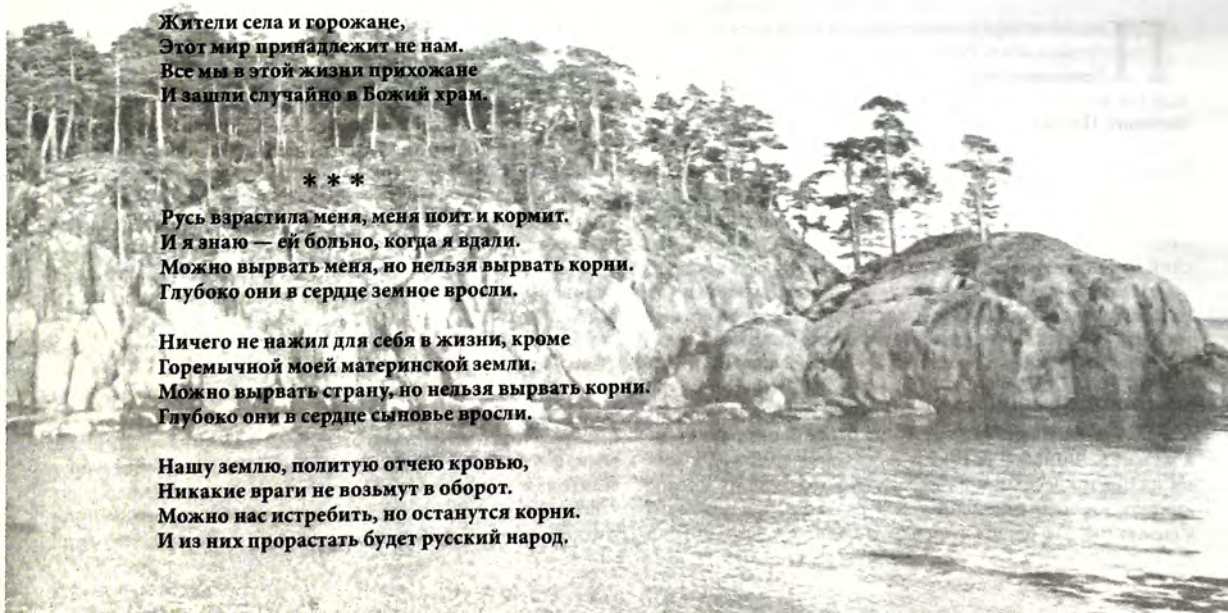
Ненасытный гад заклятый.
Он Руси пророчит крах.
Кровожадный аллигатор —
Толстокожий олигарх.

* * *

Небес взыскающее пламя.
Вьсь, отраженная в реке,
Русь разговаривает с нами
На материнском языке.

Как разговаривает млеком
Кормящая младенца мать.
И надо быть не человеком,
Чтоб слов ее не понимать.

Дождями, облаками, снами...
Про наше кровное житье
Русь разговаривает с нами.
Почто не слушаем ее?

АЛЕКСАНДР ЦАРЬ-НАЦИОНАЛИСТ

Павел КОВАЛЕВСКИЙ

Писать историю императора Александра III очень трудно. Он войн не вел, земель не завоевывал, особенными воинскими подвигами не отличался. А между тем это был Великий император, достойный наследник Великого Петра.

Величайшая заслуга Александра III состояла в том, что он был отцом своему народу. Этот царь знал свой народ, понимал его дух и нужды, жил его потребностями и любил его, любил горячую народную душу и всеми силами заботился о его счастье, благе, мощи, силе и величии. Это был поистине русский народный царь, царь-националист.

Существует такой рассказ: однажды в присутствии императора зашел разговор о том, какое прилагательное к его имени в будущем создаст ему история. Предлагали различные прилагательные и, между прочим, «Справедливый».

— Нет, — сказал царь, — я был и буду императором крестьян. Некоторые из близких мне людей так называли меня в шутку и этим возбудили во мне особенное сочувствие к мужику. Я пробовал также доставлять средства к жизни низшим классам, и я нахожу, что это лучший способ двигать жизненную машину. Как только народ приходит к сознанию, что он обеспечен от голодной смерти, он бла-

гословляет Бога и любит своего монарха, представляющего земного Бога. Я искренне желаю заслужить имя царя крестьян.

Император был прав для того времени. Образованные классы России, воспитанные в духе нигилизма и интернационального либерализма, не понимали своего царя и не любили. Царь был оценен теми, кого он воспитал, и только теперь русский образованный класс, проникнутый духом искреннего национализма, понимает своего покойного царя, любит его и высоко его почитает. И пусть он будет не царь крестьян, а царь русского народа, царь-народник. Из дальнейшего мы увидим, что он заслужил это имя и вполне достоин его.

Царь Александр III родился 26 февраля 1845 года. Его отец — император Александр II, царь-освободитель, и мать — императрица Мария Александровна, женщина необыкновенной доброты и любви к детям, но слишком слабая и болезненная.

Воспитание Александра было поручено бонне англичанке, которую он очень любил всю жизнь, и, будучи уже императо-

ром, когда она умерла, он не постеснялся идти за ее гробом до места ее вечного упокоения.

Александр III был вторым сыном. Старшим его братом был наследник престола — Николай Александрович. Эти два брата представляли резкую противоположность, росли и воспитывались вместе, характерами дополняли друг друга, несомненно влияли друг на друга и крепко любили один другого.

Цесаревич Николай был тихий, кроткий, вдумчивый и склонный к дружбе и общению. Великий князь Александр, напротив, был живой, веселый, искренний, резкий, общительный, добрый, но вспыльчивый, прямой, откровенный и правдивый.

Император Александр III получил в наследство государство, истощенное славной победоносной войной, оскорбленное в своем прирожденном национальном чувстве унижением Берлинским трактатом, разьедаемое внутренней смутной, политической анархией и терроризмом и распущенное административным произволом.

Стоя в стороне в период времени, когда он был наследником престола, Александр III все это видел, наблюдал и обдумывал. Но вот он вззошел на престол. Бок о бок с ним стояли: справа Победоносцев, слева Лорис-Меликов. Ангел и аггел. Россия национальная и Россия западничающая. Самодержавная Россия, требующая исправления прошлого для медленного постепенного исправления, укрепления и покойного течения, — и конституция, дающая быстрое развитие, могущее повести к полному банкротству.

Зная ум, характер и искреннюю любовь Александра III к России, можно с глубоким убеждением сказать, что если бы он видел спасение России в ее конституции, то он не только не колеблясь принял конституцию, но отказался бы даже и от престола. Как увидим ниже, счастье и благо государя воплощалось в счастье и благе его Родины. Его сильнейший эгоизм всецело выливался в благе для России. Эта черта присуща только великим монархам.

Первые шаги царствования Александра III в России были приняты либеральным обществом неодобрительно. Александр III избрал направление самодержавия. Его советники стали такие непопулярные люди, как Победоносцев, Катков и др. Лорис-Меликов и его единомышленники удалились. Это возбудило почти всю интеллигентную Россию. А она была почти вся либеральна. Либеральны были министерства, их департаменты, губернские учреждения, университеты, литература, общество... А народ? Народ спал. Все ошатинилось против молодого государя. Уста говорили лесть, а сердца были противны. Еще более вооружало против государя то, что это был человек уравновешенный, спокойный, выдержанный, убежденный, решительный и непоколебимый. Настал конец «прогрессу». Как это обидно для либерального духа. И несомненно, огромное большинство интеллигентного общества чувствовало внутреннее недовольство. Не мог не видеть этого и тот, к кому такое недовольство относилось. Но он решил дать России покой, мир и благосостояние и не колеблясь объявил войну слишком преувеличенному либерализму, расшатанности и разнузданности. Решил и объявил. Вступил в войну и победил. Его победа была неполная...

Было введено земство, улучшена была забота о народном здравии. Особенное внимание было обращено на образование и школы, а так как земских школ было недостаточно, то учреждены были церковно-приходские школы, которым царь придавал особенно важное нравственно-просветительное значение. Заботу об этих школах он поручил духовенству, высказав надежду, «что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом

важном деле»... «дабы совокупными трудами и примером собственной жизни воспитывать в детях страх Божий, преподавать им знание веры, вселять в сердца их любовь к Святой Церкви и преданность царю и Отечеству»... Много также государь заботился об уничтожении пьянства в среде крестьян, причем лучшими средствами для спасения народа от пьянства и безделья, голодовки и нравственных недугов почиталось введение разумного труда, ремесел и просвещения.

Не оставил без внимания и участия император Александр III и вернейших своих слуг — старообрядцев, дав им льготы и облегчив их существование.

В заботах об отечественной заводской и фабричной промышленности значительно повышены были таможенные налоги и тем давалась возможность фабрикантам и заводчикам поднять и поставить на надлежащую высоту свою отечественную деятельность¹. Но, оказывая помощь капиталистам, Александр III проявил особенную заботу и к фабричному рабочему люду. Учрежден был фабричный инспекторат, на обязанности которого лежала охрана здоровья и правильно не утомительной деятельности рабочих. Обращено было внимание на количество рабочих часов, отменены были работы для женщин в ночные часы, улучшены питание, гигиенические условия в помещениях для работы, лечение и т.п. Учрежден был податный инспекторат за правильным распределением и взыванием налогов; обращено было внимание на продажу алкогольных напитков, их доброкачественность и прочее.

Желая поднять народное благосостояние, государь облегчал крестьянам кредит, улучшал подъездные пути, устраивал элеваторы, железные дороги и прочее. Были изданы правила, которыми правительство покровительствовало русским промышленникам в разведении хлопка, производстве чугуна, железа, стали и других металлов, каменного угля, нефти, соли, лесных материалов. При помощи правительства на русских заводах из русского материала и русскими рабочими стали изготовлять такие предметы, кои раньше выписывались из-за границы за большие деньги: машины, огнестрельные орудия, боевые снаряды и т.п.

...Новый университетский устав принес несомненную пользу; тем более, что в эту же пору в профессорской коллегии, под обаянием национального направления монарха, и между профессорами стала возникать партия русских националистов.

Нельзя не отметить, что это возникновение национализма в профессорской среде обязано всецело обаянию императора. Пишущий эти строки испытал на себе это влияние и с тех пор остался навсегда искренним глубоким приверженцем заветов великого императора-националиста.

Много ли мы успели в этом направлении — другой вопрос. Но национальное самосознание возникло, главным образом, в эту пору. Много оно имело противления, много неудач, — но об этом здесь не место говорить. Могут только сказать одно, что в то время не было националистов-карьеристов, которых теперь больше, чем можно думать.

Итак, первая задача молодого монарха была поднять материальное благосостояние своего народа, вторая — поднять его нравственный и умственный уровень. И император Александр III твердо и настойчиво шел к намеченной цели.

¹ В исследовательском очерке анализируется деятельность, дается этнополитическая и психологическая характеристика выдающегося, мудрого русского императора Александра III. Его правление уже более 80 лет замалчивается в литературе, хотя именно этот государь дает современным политикам достойный патриотический пример для подражания. Работа печатается с сокращениями и по новой орфографии с книги, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1912 г.

Император Александр III был человек необыкновенно доброй души, любил свою Родину и любил все человеческое. Насмотревшись во время войны с Турцией на все ужасы войны, он возненавидел войну, даже со всеми ее успехами, славой и почестями. Он решил — войны не вести. Он начал бы ее только в крайности. Но если бы он начал ее, то уже довел бы до того конца, который он предназначил. Таков он был в намерениях и действиях. Это все знали, понимали и умели понимать и ценить.

Но помимо нелюбви к войне, Александр желал мира для славы, укрепления и счастья своей драгоценной России. России нужен был мир. Ей нужно было окрепнуть и стать мощной, — и великий император решил это сделать.

Поэтому при вступлении на престол русский царь заявил иностранным державам, что он «призван охранять общий мир» и что «на России прежде всего лежит забота о самой себе и только долг защищать честь свою от опасности может отвлекать ее от внутренней работы». Но сказать и доказать не одно и то же. Недостаточно сказать: я хочу мира, — а нужно иметь силу заставить других не нарушать этого мира. Европа знала силу и мощь России лучше самой России. Поняла она и личность русского царя, и потому его слово, волей-неволей, было для нее свято.

Русский флот начинает соизидаться и достигать по тогдашнему времени должной высоты. Появился флот и на Русском море, и своим появлением он обязан был всецело воле и велению императора Александра III среди европейских держав. 6 мая 1886 г. в Севастополе спущен был первый новый броненосец «Чесма». Особенно же важно то повеление императора Александра, чтобы русский флот строился в России, русскими рабочими и из русских материалов. Этот завет великого русского царя, однако, скоро был забыт.

До царствования Александра III Россия представляла собою страну, воевавшую за интересы других народов и ничего не делавшую для себя. Она воевала с венграми за австрийские интересы, с французами в Италии за австрийские и итальянские интересы, воевала с турками за греков, румын, сербов, болгар и прочих. И только свои собственные интересы она оставляла в стороне. А между тем все эти войны стоили ей и людей, и денег, и материального растрояства. Проф. Ключевский был прав, говоря: «Если бы Россия хотя половину своего достоинства, принесенного ею на службу за других, употребила на свою пользу, на благо своего народа, то культурный уровень и облик ее были бы иные и давно установились бы к ней нормальные отношения других народов»².

Эту истину едва ли можно оспаривать и еще менее оспаривать. К сожалению, уроки прошлого нас не научили.

Такое постоянное кровопускание, такая постоянная трата миллиардов за интересы других была вескою причиною нашей бедности, нашей культурной отсталости, нашей полной зависимости от «заграницы». Правдивы следующие слова генерала Золотарева: «Немцы не довольствовались тою данью, которую брали с нас, сбывая нам свои дешевые товары, наделяя нас подданными своих сограждан. Они смотрели на землю нашу, как на площадь своих будущих колонизаций, — на интеллигенцию, как на своих воспитанников, ближайших и верных помощников им в их планах — уничтожения русской народности, на простой народ, как на батраков, вечно готовых работать в поте лица на сыто-

го немца, — на нашу армию, как на свою, готовую служить их эгоистическим целям»³.

Все это русский царь видел. Все это он понимал и решил, что так вперед не должно быть. Прежде Россия была для всех. Теперь «Россия должна быть для русских». Это был девиз великого русского царя. Его понимают немногие в России, кто мог его понимать, тот действовал в единении с ним.

Это не значит, что Александр III замкнул свою Россию и уединил ее от Европы. Нет, он не чуждался Европы, он не чуждался ее знаний, он брал всюду все для России, но вводил это в Россию, не калеча ни характера, ни нравов своего народа. А самое главное, он устранил чужеземные попользования и чаяния на господство и пользование русским народом и русскою землею.

Желая охранить утечку русских денег за границу, по приказанию Александра III пересмотрен был таможенный тариф, на многие производства, могущие выполняться в России, наложены были большие пошлины. Но рядом с этим император поощрял постройку фабрик и заводов русскими, из русских материалов. Это сразу подняло и русскую производительность, и русское благосостояние, и русское самосознание. Многие производства достигли такой высоты, что наполнили весь русский рынок и с успехом вытеснили товары Германии, Англии и Франции, отечественные изделия вывозились в Турцию, Персию, Китай и проч. Русский баланс ввоза и вывоза не только сравнялся, но вывоз стал превышать ввоз, причем вывозилось не только одно сырье, но и обработанные товары.

Россия начала оживать, просыпаться и сознавать себя в самой себе. К великой радости должно сказать, что это воскресение, это пробуждение совершилось по державному желанию и по державному слову русского царя...

Александр III был возмущен тем принижением, в каком в прибалтийских губерниях находилась Православная церковь, как нагло и открыто шла германизация народа, поставленного материально в тяжкую зависимость от дворянского сословия, — как враждебно эти круги относились к русской государственной власти и всеми силами старались приводить ее деятельность к нулевым результатам, благодаря тому, что как законодательство, так и судебная и полицейская власть всецело находилась в руках немецкой партии, присвоившей себе политические права... При таком положении русская власть не только не могла влиять на точное исполнение законов, но даже не имела надлежащих сведений. Эксплуатация населения небольшою группою немецкой партии, захватившей власть в свои руки, велась самым бесстыдным образом. Коренное население лишено возможности не только отстаивать свои права, но даже искать себе правды и справедливости, так как суды были пародией на суд, совесть народа насилывалась фанатизированными пасторами, а школы открыто онемечивались и воспитывали население в духе коренно-враждебном всему русскому, причем, разумеется, русский язык был изгнан как из школы, так и из суда и административных учреждений.

В 1882 г. назначена была в прибалтийские губернии ревизия сенатора Манасина. Много, много скверного раскрыл там этот честный русский деятель. Нет слов, многие законы и положения существовали там еще со времен Петра, оставившего их как свою милость завоеванному им когда-то исконно русскому краю. Но немцы так все расширили, дополнили

² Эта позиция императора весьма поучительна. Ведь последующая история Отечества показала пагубность игнорирования роли и интересов русского крестьянства высокими политическими лидерами и правителями нашей страны (ред.).

³ «Если хочешь мира, будь готов к войне», — гласит древняя истина, которой руководствовался царь-мировор. Разрушение, ослабление, не является гарантией безопасности страны (ред.).

и изменили, что терпеть дальше эти злоупотребления русской добротой, попустительством и делового неряшливостью было невозможно. Нужно было решить раз и навсегда, что это Россия и такового она должна быть навсегда.

Поэтому прежде всего восстановлена была в полной силе русская государственная власть, причем губернаторами назначены русские люди, исповедующие русские идеалы. В 1885 г. восстановлен был русский язык в школе, суде и администрации. Введены были русские суды. Попечитель учебного округа вел во всем округе дело воспитания в русском духе. В университете преподавание велось на русском языке. Начальниками округов назначены также русские люди. Привилегии и господство немецкого дворянства и немецкий деспотизм были уничтожены. Православные церкви были восстановлены по указанию императора, — ее права были поставлены на должную высоту.

Боже, Боже, какой гвалт поднялся за границей... Бисмарк был обозлен до крайних пределов. Его национальные мечтания и вождения были разрушены в корне и разрушены прочно. В немецко-еврейских газетах поднялся невероятный вой и изрыгание всяких мерзостей и гадостей... «Вековая немецкая культура рушится азиатами, варварами»... Чего только не говорилось... Более же всего издевательств сыпалось на голову русского царя.

Но царь был непоколебим. Он делал свое русское дело, и делал его так прочно, что мы даже до сих пор не успели разрушить содеянное государем...

Последнее его решение было самое ужасное. Русский царь приказал уничтожить в исконных русских городах немецкие названия и восстановить прежние русские. Так, Дерпт был переименован в Юрьев, а русская крепость Динабург в Двинск. Вот уж тут и слепые увидали, что русский царь решил в России заводить Россию...

Теперь русский царь, которого очень настойчиво и за границей называли именем русского царя, твердо, систематически и настойчиво повел дело обрусения России. Нужно сказать, что несчастная, всеми теснимая и обижаемая нация — евреи, под собственным шум и гвалт о притеснении их, потихоньку и незаметно не только нарушили черту оседлости, но успели «ожидовить» столь русские города, как Москва и проч. Вспыхнуло русское моление и русский вопль об избавлении русских в России от нашествия двенадцати колен израилевых. Пускай уж они доедают тех несчастных русских, которые обречены съедению еврейскому в черте оседлости... И император внял мольбе его подданных. Вышел строявший указ — водворить всех незаконно проживающих в России евреев за черту оседлости. Евреи переселились из земли халдейской в землю ханаанскую. Которое это было переселение в их истории... К сожалению, опять не добровольное....

Особенно много было выселено евреев из Москвы. Целые тысячи их поселились в Варшаве. И вот здесь разыгралась история жалкая, грустная и, к несчастью, обычная для нас, русских.

Нет слов, русский царь, император Александр III был истинно и глубоко убежденным русским националистом и беспрдельно проникнутым русским национальным чувством. Ставил он и людей от себя, таких же чистых и честных русских деятелей, твердо и настойчиво проводивших веления своего царя. Но третьестепенные и дальнейшие деятели вели дело часто далеко не в согласии с велением императора. И на этой почве часто разыгрывались жалкие и больные пьесы.

Всем известно, что губернии с польским населением почти на 30—35% населены евреями. Сознывая свою национальную беспочвенность, эта нация пытается примкнуть к той нации, среди которой живет. Так было и здесь...

Важным фактором, поставившим Россию в политическом отношении на недосягаемую высоту, являлась взаимная любовь русского царя к своему народу и русского народа к своему царю.

«Он был отцом своего народа, — справедливо говорил Сильвестр. — Как отец, обожая свой народ, готовый, подобно льву, защитить его, он успел оградить от всякого вредного иностранного проникновения великий поток славянской крови. Он был из тех, для кого дорожке всего родная земля».

Член Парижского института Анатолий Леруа-Болье говорит следующее: «История назовет Александра III истинно русским царем». Да, он был вполне русским и любил это показать. Невзирая на высоту занимаемого им положения, простой русский мужик видел в нем плоть и кровь своей расы. Он, что редко удается видеть у трона, обладал всеми достоинствами честного человека, но вместе с тем не был лишен и тех свойств, коими отличается величие монарха... Царь, подобный земному Богу, властный, как цезарь в Риме, как калиф в Багдаде, самодержавный монарх, державший в руках своих всю империю, был преисполнен только одною мыслью возможно лучше выполнить выпавшую на его долю тяжелую задачу. Облеченный всевластием, создавшим Неронов и Калигулу, он оставался неизменно добрым и великодушным.

Проф. Ключевский писал: «Европа признала, что царь русского народа был и государем международного мира и порядка, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по ее политической организации, в воле царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью царя. Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизации, стояла и стоит на ее страже, понимает, ценит и оберегает ее основы не хуже ее творцов; она признала Россию органически необходимой частью своего культурного состава, кровным природным членом семьи своих народов».

Важное условие развития: сила и мощь России, которые сама Россия не сознавала в себе и не понимала.

Поэтому, не любя войны, будучи в душе истинным поклонником идеи мира всего мира, не будучи великим воином и славным полководцем, русский царь Александр III держал мир Европы в своих руках и ни разу не вышел из этого своего положения, несмотря на то, что Бисмарк очень толкал обстоятельства к тому, чтобы вызвать Александра III то на войну со славянскими народами, то на войну с Австрией, то на войну с Англией...

Как великий монарх был в политике правдив, бесхитроушен и открыт — ясно видно из его знаменитого тоста в честь черногорского князя Николая. Черногорский князь был в Петербурге. И вот на торжественном обеде государь император произнес замечательный тост:

— Пью за здоровье единственного моего друга, черногорского князя Николая...

И прав был черногорский князь, произнес следующие слова по смерти своего великого покровителя:

«История мира не запомнит человека, миропомазанника Божия, который, как Он, с большим самоотвержением посвятил бы благу человечества свое сердце, свою жизнь, свои мысли, свое неисчислимое оружие. Равным образом история славянства не знает более верного носителя и осуществителя Славянской идеи. Его идеи и святость его стремлений в течение царствования затупили меч истребителей в руках искателей тщетной славы... Честь человечеству, честь племени славянскому, что оно родило столь великого сына, каким был Александр III. Честь и хвала великой России, что ее царь

был защитником мира и блага человечества. Честь и для нас, черногорцев, составляет незабвенная и неоценимая любовь и дружба его...»

Так великий монарх стал царем мира для России. Теперь русского царя знали и искали с ним союза вне государства. Такого союза особенно настойчиво добивалась Германия, — того же искали Англия, Италия и Франция. Но Александр III держался политики свободных рук. Эта политика дала мир его империи. Но Александр III желал мира и всему миру и достиг этого вполне...

Последовал даже запрос из Франции: признает ли государь основательным со стороны Франции, если она прервет свои сношения с Германией? На это русский царь отвечал, что приезд вдовствующей германской императрицы в Париж никоим образом не может быть признан оскорбительным для национального чувства французов, а потому он уверен, что французское правительство сумеет оградить императрицу от неприятностей. В заключение государь заявил, что он не может серьезно смотреть на возможность возникновения франко-германской войны. Холодный душ подействовал. Всякие неприятности были предотвращены, ибо русский царь хотел не войны, а мира, — не смут, а спокойствия и равновесия.

Теперь действительно и на деле мировой мир держался в руке русского императора.

«Прямым, честным и непоколебимо твердым направлением внешней политики своей Александр III умел сдерживать воинственные стремления некоторых государств, благодаря чему за время его царствования не было ни одной войны».

Я позволю себе привести здесь отзывы некоторых французских писателей о нашем миротворце. «Из государей Европы самодержавный повелитель всея России первый протянул братскую руку Французской республике и удостоил нашу страну своей дружбы. Перед всем миром он громко удостоверял нашу силу, выразив тем полное доверие нашим жизненным силам».

«Александр III не вел войн. Другим способом он снискал себе славу, а своей стране преобладание. На мировых весах он положил тяжесть своей огромной империи на чашу весов. Не вынимая шпаги из ножен, он сделал Петербург центром европейской политики, а Россию вершиной судеб континента. Он имел самое ценное из качеств — характер. Благодаря этому он оставил след на современных событиях и приобрел себе имя в истории... Он твердо желал мира, он желал его страстно. И он его сохранил, защитил, сделал необходимым».

«Этот колосс, — говорит Эрнест Жодэ, — в своей мистической простоте, избрал или восстановил способ действия, который разрушал все макиавеллистические лукавства хитрецов и всякую наглость насилия. Пред ним сокрушались все подвиги духа Бисмарка. Он принудил признать силу справедливости, до тех пор гнувшейся под силою военною. Он очистил воздух, зачумленный дипломатическими хитросплетениями и циническою испорченностью последнего тридцатилетия».

«Александр III обладал даром покорять сердца. Никогда ни один государь не был столь популярен в своей стране, каким был самодержавный монарх всея России в нашей стране, столь гордой своими либеральными и демократическими принципами, столь преданной своему республиканскому режиму. В силу инстинкта и врожденной общности чувств, он понял состояние души великой нации, еще не оправившейся окончательно после незаслуженно понесенного испытания и с неутомимой энергией работавшей для возрождения Родины. Он сумел затронуть чувствительную струну народа, страстно верящего в будущее величие своей национальности...»

«Это был высококачественный человек. Как в России, так и в остальной Европе, каждый сознавал, что ему можно довериться, можно вполне положиться на его царское слово. Он был беззаветно храбр и вместе с тем в высшей степени прост. Он смело, не колеблясь, шел навстречу опасности, раз признавал это необходимым для блага страны. Он отличался прямою мудростью и непоколебимою волею. Раз он это решил, все знали, что так это и будет, что он доведет до конца начатое дело. Он был верен себе, как и другим. Он обладал достоинством, мало присущим властителям, — он умел властвовать над собою. Он отличался удивительным терпением, умел ждать, сознавая, что для сильного время представляет собою дорогого союзника».

Великую истину сказал и Поль де Кассаньяк: «При Александре III Россия управляла миром».

* * *

Александр III был высокого роста и атлетического сложения. Лицо открытое с широким и высоким лбом, глаза голубые, лицо — с большою русскою бородою. Выражение лица спокойное, серьезное, величественно добродушное. Речь и движения serene, скорее медленные, как бы обдуманные, тихие, ровные и покойные. Своей фигурой, независимо от своего царственного положения, он на всех окружающих действовал покоряюще. Государь не любил много говорить и допускал других говорить столько, сколько он желал. Излишняя болтовня при нем сама собой не допускалась. Его величественная фигура как бы являлась символом его власти и мирового положения государя великой страны, страны, составляющей 1/6 часть всего земного шара.

По внешности это был человек великой вдумчивости, царственного величия, беспредельной доброты, справедливости, твердости и решительности.

В детстве и юности Александр III искренно и глубоко любил своего брата, цесаревича Николая, а затем перенес свою любовь и великую дружбу на свою августейшую супругу — Марию Феодоровну. Александр III был примерный семьянин, что оказало огромное воспитательное влияние на самое русское общество.

Учился Александр III менее охотно, чем его брат-цесаревич, и многое он почерпнул из разговоров с братом. Говорят, его словами были следующие: «Я достаточно знаю для того, чтобы быть хорошим помощником и слугою моему брату».

Кто знает, — не лучше ли было и для него и для России, что он учился не слишком много. Все, допускаемое для организма в излишке, является для него вредным и не остается безнаказанным. Мы, русские, боясь быть отсталыми и невеждами, всеми силами стараемся начинить наших детей возможно большим количеством знаний. При этом мы совершенно не рассуждаем о том, что, быть может, мы даем слишком много и тем самым забываем в наших детях самостоятельность, способность разобратся и ориентироваться и сводим на жизненный шаблон. Во всяком случае я с глубоким убеждением это утверждаю по отношению к современным нашим женским гимназиям, особенно частным женским гимназиям.

Александр III получил полные основные знания всего того, что ему нужно. В этом полученном он вполне, своим умом, разобрался и выбрал из него то, что ему было наиболее симпатично. На счастье, ему наиболее симпатичными оказались познания Родины, в прошлом и настоящем. И вот он обратил особенное внимание на ее изучение. А знать он мог многое, имея руководителем нашего знаменитого историка профессора Соловьева. Александр III с любовью изучал русскую историю, русскую литературу, русское искусство, русскую жизнь.

Это была душа открытая, чистая, правдивая, прямая, не терпевшая лжи, обмана, хитрости и вылиний. При своей русской прямоте, честности и прирожденном реализме, Александр, зная и любя русскую жизнь, снизошел к самому народу, стал его изучать, его душу, познавать его нужды, сживаться с его страданиями и болями и болей душой о его нуждах. Он стал русским в силу своего прирожденного чувства и в силу познания всего русского. Что и говорить... Нужно много любви, доброты, терпения, участия, самопожертвования, чтобы, будучи царевичем, снизойти к грязному, немытому, оборванному и бедному мужику. Для этого нужно иметь слишком доброе, чуткое, внимательное и снисходительное сердце, — и Александр его имел. Вероятно, он в это уже время понял душою, что его величие и власть заключаются в тесном единении владыки со своим 120-миллионным народом. Он искал это единение и нашел его. На этом создалось его движение «Россия для русских» и из этого вытекало устранение фаворитизма и господства иностранцев в России.

Прежде чем вступить на престол, Александр III познал мужика, понимал его, любил его, сострадал им и страдал с ними. Это было искренно, естественно и непритворно.

Женившись, Александр повел по тому же пути и свою августейшую супругу. Мы нисколько не сомневаемся, что королевской дочери, выросшей среди другого народа, отличного от русского и по языку, и по вере, и по нравам и обычаям, и по культуре, и по гигиеническим условиям жизни, не легко привыкать ко всей этой обстановке. Но судьба наделила будущую русскую царицу добрым материнским сердцем и она с легкой душой пошла рядом со своим супругом по пути добра, ласк и приветов своему народу. Кто не видал императрицы Марии Феодоровны с ее ласковым любящим выражением лица... Это поистине была «Звезда Севера». Ее черные глаза, глубокий ласкающий взгляд, чарующая ласка могли покорить самого непокорного человека.

Александр III поселился с августейшею супругою в Аничковском дворце и зажил тихую покойную жизнью, вдали от дворцового шума, увеселений и празднеств. Он первый весной покидал столицу для Гатчинского дворца и парка и осенью последний въезжал в столицу. Не диво, что при своей простоте, правдивости, откровенности и доступности его все любили и он всюду приобретал всеобщую популярность, — за исключением иностранцев и инородцев. Русские любили своего русского царя, инородцы боялись будущего русского царя.

Время было странное. Большой двор был переполнен инородцами. Там господствовали немцы, шведы, финляндцы, поляки и прочие и даже русская аристократия была только терпима. Высшие государственные должности были в большинстве в руках инородцев или русских, не умеющих говорить по-русски. Русская интеллигенция, уже во многом состоящая из инородцев, была либеральна, космополитична и антинациональна. Русская молодежь была нигилистична.

Понятно, что русский наследник престола возбуждал во всей этой братии недоумение и сомнение и невольно заставлял думать и говорить:

— Что-то будет, что-то будет...

А делалось при дворе русского наследника действительно что-то странное. Прежде всего там были русские люди. Наследник окружил себя русскими людьми... Странно... Там говорили все по-русски... Не слышно было ни немецкого, ни французского, ни английского языка... Еще более странно... Там тихо, скромно, по вечерам собиралась русская молодежь, играли на музыкальных инструментах русские пьесы... Сам наследник тоже нередко принимал участие игрою на корнета-пистоне... Там читались русские книги.

Там занимались живописью, как супруга наследника, так и он сам, под руководством русского художника... Там в почете была и русская наука... Диковинно...

Видимо, наследник действительно привязался ко всему русскому, увлекся русским... Разве это не достойно сожаления и не вызывает на грустные размышления... Один наследник престола обо всем этом ничего не думал и жил такою жизнью, какую требовала его душа.

1 марта сильно потрясло молодого государя. Ему было всего 26 лет, когда он взошел на престол. Все обстоятельства этого момента еще более заставили задуматься молодого государя, который и без того ко всему относился вдумчиво и осторожно.

Александр III был глубоко религиозным человеком и верил в Промысл Божий. Это было основой его души и это давало ему спокойствие, уверенность и непоколебимость. Он не отличался особенно радужным взглядом на жизнь, но он и не тяготился и своим долгом. Такова воля Божия, и он со спокойствием шел по своему пути.

Это был характер цельный. Раз наметивши известную цель, он неуклонно и твердо шел к достижению ее. Его действиями как во внутренней, так и во внешней политике руководили не симпатии и антипатии, а только справедливость, польза народа и нравственный долг. Отличаясь великим здравым умом, способностью во всем разобраться, Александр III очень любил выслушивать мнения знающих людей и всегда оценивал их по достоинству. Его ум был ум чисто русский, реальный, и не уклонялся в сторону фантазий и отвлеченности. В вопросах государственных он не задавался отдаленным будущим, но все, что касается данного времени, обсуждал здраво и добросовестно. «Это был ум человека честного, который во всяком деле прежде всего старался понять, чего требует справедливость, и, уяснив себе это, уже без всяких отступлений, неуклонно поддерживать» (Stead. Truth about Russia)⁴. Свой долг он нес прямо, бодро и добродушно, с ясным взглядом и лицом человека, умевшего среди всех забот сохранить детскую чистоту сердца.

Александр III во всем любил порядок и правильность. Самая его жизнь протекала в известном порядке. Утром он читал корреспонденцию и принимал министров. В час — завтракал с августейшею супругою и детьми. В четыре часа — по ливне пятого, по окончании государственных дел, он любил побродить по лесу с детьми и побыть наедине с природою, чистою и неиспорченною. Иногда рубил дрова или распиливал бревна по длине. В зимнее время помогал расчищать снег с ледяных гор. Вообще государь отличался домовитостью и любил проводить минуты отдыха в семейном кругу у себя дома или у родных в Копенгагене. Семья его обожала, а служащие были очарованы его добротою и ласкою. Он был примерный супруг, нежный отец и друг детей. Любили государя дети и свои собственные, и чужие. «Дядя Саша» был обожаем всеми кружками детей, его знавших.

У себя дома Александр III был необыкновенно приветлив, ласков и гостеприимен. Иногда он любил пошутить и пошутиться и вообще в минуты отдыха умел забыть о заботах и трудах. Леди Черчилль не без удивления говорила, что «при русском дворе существуют странные обычаи, трудно согласующиеся с идеей о самодержавном деспотическом правительстве. Вид царя, стоящего во время ужина, разговаривающего с молодым офицером, остающимся сидеть за столом, — просто пугает вас... Нет нации, — говорит она, — где бы патриотизм и преданность религии были так сильно развиты, как в русской, — и если бы цивилизация России через своих правителей достигла боль-

⁴ В изложении этого вопроса сделаны сокращения (ред.).

шей степени развития, то нам (англичанам) пришлось бы поступиться нашим первенством и идеалом» (Pall-Mall Gazette, 1894).

Александр III всегда необыкновенно много и усиленно занимался государственными делами, и ничто серьезное ни в каком ведомстве не проходило мимо его рук. Он много занимался наедине, но часто также участвовал и в разных советах и комиссиях. Причем всегда любил краткость, сжатость и прямоту доклада.

Однажды министр финансов Бунге в своем докладе поместил большое количество иностранных технических слов. Император выслушал и сухо сказал: «Пришлите мне человека, умеющего говорить по-русски...» Скоро после этого Бунге был сменен Вышнеградским.

Но, занимаясь государственными делами, государь не забывал науки и искусства. Он занимался военным делом, интересовался археологией, помогал научным экспедициям и способствовал обнародованию важнейших исторических документов. Он любил следить за развитием русской литературы и поощрял русских писателей. Так, он помогал Достоевскому, Островскому, Манассеиной и другим. Он поощрял русский и малороссийский театр, поощрял частные предприятия в этом отношении, — любил он русскую живопись и многое покупал для дворца, — любил и русскую музыку.

Вот картинный отзыв проф. Ключевского об Александре III. «Государь, который сосредоточивал в своих руках многочисленные нити управления необъятной империей, направлял или сдерживал разносторонние течения мировой международной жизни, которому, казалось, необходимо было удвоенное количество суточных часов для решения многообразных государственных вопросов, ежеминутно, на каждом шагу его выраставших из земли, этот государь умел находить досуг для скромной ученой работы, особенно по изучению отечественной истории и древностей, и был глубоким знатоком некоторых отделов русской археологии, иконографии. Все мы знаем его постоянное и близкое участие в заседаниях и издательских трудах Русского истори-

ческого общества, председателем которого он был с самого его открытия. Глубокий научный интерес, приданный сборнику этого общества содействием и покровительством государя, живое внимание, с которым Государь относился к предпринятому обществом изданию громадного Биографического русского словаря — этот высокий пример поощрял и ободрял ученые общества, будил и поддерживал энергию отдельных исследователей...»

Александр III был всегда необыкновенно правдив и не любил лжи. Он, не стесняясь, прямо указывал на ошибки и проступки других, даже высокопоставленных лиц, но особенно не любил тех, кто хотел затемнить истину, скрыть погрешность и представить дело в ложном свете. Привыкая к преданным сотрудникам, ценя их прямоту и без стеснения выражения мнения, он сам входил в каждое дело и откровенно говорил и писал свои суждения. Он никогда не решал дела, не выслушав противной стороны и, если ему докажут ошибку его взгляда, честно и справедливо соглашался с оппонентами, откровенно признавал свою ошибку и охотно исправлял несправедливость. Таким он был и в политике. Он всегда стоял за мир, но мир с честью для своей великой державы.

Государь отличался необыкновенно личной храбростью, неустрашимостью и непоколебимым спокойствием. Он представлял собою необыкновенное сочетание свойств, присущих славянской нации: храбрость и неустрашимость, — и вместе с тем любовь, милосердие, сострадание и самопожертвование. Вера в Бога и в Его непоколебимый Промысел делали императора всегда выдержанным и бесстрашным...

Царь Александр III безусловно является самородком. У него был свой ум, свой характер, своя воля. Он носил в себе дар Божий, и ничто не заглушило его и не затерло его. Александр III носил в себе воплощение русской славянской природы, во всей ее чистоте и неиспорченности. Он был плоть от плоти славянского народа и кровью от крови славянской нации. Вот почему он жил в русском народе, жил с русским народом и жил для русского народа...

УЧЕНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

Мы представили работу выдающегося мыслителя, опытного теоретика национального вопроса, историка, психиатра — человека энциклопедических знаний и способностей — Павла Ивановича Ковалевского (1849–1923). Как и некоторые другие ученые-патриоты, Павел Иванович незаслуженно забыт в наше смутное время, тогда как либерально настроенные деятели прошлого, слепо преклонявшиеся перед Западом, а подчас и фактически предававшие интересы России, поднимаются на щит. Один лишь перечень историософских, национально ориентированных работ П. И. Ковалевского впечатляет: «История России с национальной точки зрения» (Санкт-Петербург, 1912); «Психология русской нации» (Петроград, 1915); «Основы русского национализма» (СПб., 1912); «Русский национализм и национальное воспитание в России» (СПб., 1912); «Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки» (СПб., 1911); «История Малороссии» (СПб., 1914); «Александр III — царь-националист» (СПб., 1912) и т.д.

Трагедия в первой школе Бесплана в сентябре 2004 г., предшествовавший почти одновременные взрывы на двух российских самолетах и другие теракты, сопровождавшиеся неизменной в течение столетий антирусской пропагандой на Западе, всколыхнули общественное мнение в России. Замаячила новая угроза распада Отечества. Тем более что это происходило на фоне продолжающегося геноцида государствообразующего русского народа, мягко говоря, более чем обделенного в ходе «шоковой» приватизации природных богатств и предприятий, основанных и защищавшихся в основном руками русских людей в кооперации с другими коренными народами страны. Разрушение Советского Союза, либерально-монетаристские реформы, уничтожение великого единого народнохозяйственного комплекса СССР, устранение квалифицированных русских патриотов из важнейших сфер государственного строительства, обвинения либеральными и западными СМИ именно русских практически во всех межэтнических конфликтах, подчас спровоцированных именно русофобами в ходе осуществления стратегии «разделяй и властвуй», — все это серьезно обострило интерес общественности к творчеству классиков отечественной этнополитологии, к которым безусловно относится и Ковалевский.

Павел Иванович не стал кабинетным ученым. Он был, например, активным членом Русского собрания и Всероссийского национального собрания, участвовал в патриотических акциях.

*Где трудно дышится,
Где горе слышится,*

Будь первым там!

— писал великий русский поэт Н. А. Некрасов. П. И. Ковалевский, как выдающийся врач, патриот и человеколюбец, неуклонно следовал таким благородным принципам. Об этом свидетельствуют и отзывы благодарных людей, и сам перечень хотя бы части его медицинских книг. В числе таких трудов укажем на следующие: «Душевные болезни. Для врачей и юристов». Изд. 5, т. 1 и 2; «Судебная психиатрия». Изд. 2; «Прогрессивный паралич»; «Мигрень и ее лечение». Изд. 2; «Эпилепсия и ее лечение». Изд. 3; «Гигиена и лечение душевных и нервных больных». Изд. 3; «Признание эпилептиков в Европе и Америке»; «Отсталые дети (идиоты, отсталые и преступные) и их лечение»; «Лечение и излечение сифилиса»; «Пуэрильные психозы»; «Альбом душевнобольных»; «Психология пола. Половое бессилие и другие половые извращения». Изд. 3; «Борьба с преступностью путем воспитания»...

Как видим, диапазон плодотворной деятельности Павла Ивановича обширен и богат. В этом смысле он является достойным продолжателем традиций титанов мировой культуры — таких, как Леонардо да Винчи, химик и экономист Д. И. Менделеев, композитор и химик А. Бородин.

Профессор Ковалевский основал первый в России психиатрический журнал «Архив психиатрии, неврологии и судебной психиатрии». В период развала некогда самой лучшей на планете медицины переиздание хотя бы части трудов великого психиатра было бы благом для страждущих, число которых быстро растет в ходе либерально-монетаристских реформ, распространения наркомании, разврата, все большего обострения контрастов между баснословным богатством и вопиющей нищетой.

Научные изыскания Ковалевского должны быть востребованы в свете современной криминальной, геополитической ситуации, сложившейся в России. Он был крупнейшим экспертом по проблемам судебной психиатрии. Учебник патриота выдержал до 1917 г. несколько изданий. Труд написан с учетом этнополитических реалий.

Целый ряд русских и зарубежных ученых отмечали, что политика правящих кругов США ведет к распространению на многие регионы планеты, в том числе и на Россию, «закона джунглей». Примечательно, что посетивший нашу страну профессор российской и советской истории Университета Южной Флориды Гольфо Алексопулос в своем письме в редакцию влиятельного американского журнала «Форин афферс» писал, что в связи со стремительным развитием преступности, коррупции многие русские граждане сравнивают современную Россию с Чикаго 30-х годов прошлого столетия, побившим по криминалу «все рекорды», установленные до того. (В 1990 г. в России было 500 тыс. осужденных, а в 1999 г. уже 1300 тыс.).

Словом, труды Ковалевского нужны для излечения болезней российского общества в период реформ.

Из вступительной статьи составителя сборника «П. И. Ковалевский. Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III — царь-националист» доктора философских наук, академика Евгения Троицкого.

Представители семьи Романовых князь Дмитрий Романов, проживающий в Дании, и князь Николай Романов, проживающий в Италии, обратились к российским властям с просьбой о перезахоронении императрицы Марии Федоровны. Предполагается перенести ее прах из Роскильского собора, что недалеко от Копенгагена, где уже на протяжении 75 лет покоится прах российской императрицы (она умерла в 1928 г.), в Петропавловский собор Санкт-Петербурга, где рядом с могилой ее супруга императора Александра III имеется место, предназначенное для Марии Федоровны. После рассмотрения этого вопроса правительственными кругами Дании и России было решено осуществить этот акт перезахоронения в сентябре 2006 г. к 140-летию юбилею ее приезда в Россию.

Почти четыре десятилетия после смерти Императора Александра III Мария Федоровна носила титул вдовствующей императрицы и находилась в центре всей царской семьи Романовых. И неумудрено — ведь прожила она в России более 50 лет и стала свидетелем и даже очевидцем трагических событий в российской истории.

Более 80 лет назад последние Романовы покидали Россию. Среди августейших пассажиров, поднявшихся 11 апреля 1919 года на борт отплывающего из Кореиза английского крейсера «Мальборо», была бывшая российская императрица Мария Федоровна.

Имя ее в течение многих десятилетий упоминалось лишь в общем историческом контексте, между тем Мария Федоровна — одна из самых примечательных фигур датской королевской династии, а позже и Российского Императорского Дома.

Датская принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмар (Мария Федоровна — после присоединения к православной церкви) ставшая супругой императора Александра III и матерью последнего российского императора Николая II, прожила в России более 50 лет.

Вхождение принцессы Дагмар в Российский Императорский Дом началось с драмы — скоропостижно скончался ее жених (в 1864 г.) старший сын Александра II великий князь Николай Александрович, а закончилось — круше-

ИМПЕРАТРИЦА

*Ея Императорскому Величеству
Государыне Императрице
Марии Федоровне*

**К Твоим стопам, Страдалица Царица,
Держаю я смиренно положить
Разрозненные первые страницы
Своей тоски и мыслей вереницы,
И о прощеньи Родины молить.
И верю я, что Ангел Утешитель,
Собравши слезы Царственных очей,
Их отнесет в Священную Обитель,
И Сам Христос, Великий Искупитель,
Утешит скорбь и боль души Твоей.**

Павел Булыгин. 1920 г.

нием этого Дома и гибелью его главы, ее сына Николая и всей его семьи. Убит большевиками был и ее младший сын Михаил. Ранее умерли два других ее сына: Александр (в 1870 г.) и Георгий (в 1899 г.). Свекор Александр II скончался на ее глазах в Зимнем дворце от бомбы террориста, один из братьев мужа — Сергей Александрович также стал жертвой террора. В 1913 г. был убит и родной брат Марии Федоровны принц Вильгельм, греческий король Георг I. Сильный характер, ум, развитое чувство долга, глубокая религиозность, непоколебимая уверенность, что «на все воля Божия», позволили Марии Федоровне не только не согнуться под ударами судьбы, но и остаться в памяти современников, по словам князя П. С. Урусова, «Императрицей с головы до ног». Недаром князь Ф. Ф. Юсупов, муж внучки Марии Федоровны Ирины Александровны, признавался, что «несмотря на маленький рост, в ее манерах было столько величия, что там, куда она входила, не было видно никого, кроме нее». Ему же принадлежит замечание, что «по своему уму и политическому чутью Мария Федоровна играла заметную роль в делах империи».

Схожие оценки встречаются и у государственного секретаря А. А. Половцова, и в известных «Воспоминаниях» графа С. Ю. Витте, выделявшего два главных качества Марии Федоровны — ум и дипломатические способности.

Природный ум и политическая интуиция жены безусловно оказывали влияние на принятие Александром III важных политических решений. Общепризнанно, что Мария Федоровна пользовалась глубоким уважением императора Александра III; возможно, в Российском Императорском Доме это был самый удачный брачный союз.

Когда в девяностых годах XIX столетия Россия изменила свою внешнеполитическую ориентацию с германской на французскую, не последним в этом вопросе было мнение Марии Федоровны, с юношеских лет настроенной антигермански (потеря Данией Шлезвига в 1864 г. расценивалась там как национальное поражение и не могла не оставить следа в душе датской принцессы).

Огромная общественная деятельность императрицы как главы организации Ведомства императрицы Марии играла важную роль в жизни России конца XIX — начала XX веков. В ведении Ведомства находились учебные заведения, воспитательные дома, приюты для обездоленных и незащищенных детей, богадельни. Немалые средства на их содержание вкладывала царская семья. Благотворительные учреждения Ведомства были созданы практически во всех крупных городах Российской империи. В Москве и московской губернии их насчитывалось не менее 10, в Петербурге и его окрестностях более 17.

Среди них были: Общество попечения о детях лиц, ссылаемых по судебным приговорам в Сибирь; Братолюбивое общество по снабжению неимущих квартирами; Приют для неизлечимых больных; Александро-Маринский дом призрения; Благотворительное общество при Обуховской больнице; Маринский институт для слепых девочек и Институт взрослых слепых девиц; Мариинский родовспомогательный дом и находящаяся при нем школа повивальных бабок; многочисленные общины сестер милосердия, попечительства для пособий нуждающимся семействам воинов, дома призрения детей бедных жителей, приюты для сирот, оставшихся после павших воинов, и т. д.

По инициативе Марии Федоровны в 1882 г. возникли Мариинские женские училища для девушек-горожанок (промежуточная ступень между начальными школами и средними учебными заведениями). 30 ноября 1902 г. она была избрана почетным членом Казанского университета. Императрица попечительствовала также женскому Патристическому обществу, Обществу спасения на водах, Обществу покровительства животных и др.

На протяжении многих лет она была шефом полков, в том числе гвардейских — Кавалергардского и Синих кирасиров, — и постоянно оказывала им необходимую поддержку.

Деятельное участие принимала Мария Федоровна и в возглавляемом ею Российском Красном Кресте (РКК). За попечение о раненых и больных воинах в период русско-турецкой войны 24 апреля 1878 г. указом императора Александра II она была награждена знаком отличия Красного Креста первой степени. В 1900 г. ей был вручен диплом Международной выставки Красного Креста в Париже. Особенно много лично ею было сделано в годы Русско-японской и Первой мировой войн по созданию условий для эффективной работы РКК.

После ухода из жизни мужа и вступления на престол сына для Марии Федоровны начался новый период жизни. Умная, властная женщина, обладавшая, как уже говорилось, глубокой политической интуицией, постоянно стремилась

направить сына в его делах, уберечь от чуждого вредного влияния, окружить нужными людьми. И действительно, в первые годы царствования Николая II мать оказывала на него большое влияние. «Спросите матушку», «я спрошу у матушки», «надо спросить Маман», — так отвечал Николай II по поводу назначения очередного министра.

В эти годы в России существовали как бы два двора: двор вдовствующей императрицы Марии Федоровны и меньший — Николай II и Александры Федоровны. По меткому замечанию принадлежавшей к аристократической верхушке блестящей мемуаристки княгини Л. Л. Васильчиковой, Мария Федоровна «обладала как раз теми качествами, которых нехватало ее невестке. Светская, приветливая, любезная, чрезвычайно общительная, она знала всё и вся, ее постоянно видели, и она олицетворяла в совершенной степени ту обаятельность, то собирательное понятие «симпатичности», которое так трудно поддается анализу и которому научить невозможно. Она была любима всеми, начиная с общества и кончая нижними чинами Кавалергардского полка, которого она была шефом». «Главная прелесть Марии Федоровны», — писал в своих воспоминаниях С. М. Волконский, — была ее детская свежесть, которую никогда она не утрачивала; ни потери ее, ни претерпленные несчастья, ни возраст не сняли с нее яркости ее детской души».

Мария Федоровна не спешила уступить свое место новой императрице: на официальных приемах Николай II вел под руку мать, Александра Федоровна шла позади с одним из великих князей, большей частью с Михаилом Александровичем.

Правда, следует отметить, что влияние на сына вдовствующей императрицы, жившей после смерти мужа в Аничковом дворце в Петербурге, было недолгим. Причиной тому была неприязнь, возникшая между нею и Александрой Федоровной. «Болезненный мистицизм молодой государыни, — считал князь Феликс Юсупов, — не мог согласоваться с прямой и уравновешенной натурой императрицы Марии».

Мария Федоровна пыталась воздействовать на сына в вопросах назначения на ответственные государственные посты того иного политического деятеля. Она поддерживала Витте и его политику — накануне конфликта с Японией пыталась употребить все свое влияние на царя с тем, чтобы предотвратить военные действия. Задолго до событий 1905 г. Мария Федоровна, родившаяся и выросшая в эпоху «скандинавского патриотизма», неоднократно обращала внимание Николая II на характер развития политической ситуации в Финляндии, где генерал-губернатор Н. И. Бобриков, жесткими методами проводя «русификацию» Финляндии, пытался ввести военное положение. «Все, что здесь (в Финляндии. — Ю. К.) уже сделано и делается теперь, покоится на лжи и обмане и ведет прямо к революции», — писала императрица сыну в письме от 19 октября 1902 г. — Ради Бога, попытайтесь остановить деяния Бобрикаова. Я вижу только один выход: ты должен немедленно отозвать его обратно — все население ненавидит его и не может даже слышать его имени. Я убеждена, что это лучший выход из создавшегося положения...»

Россия была накануне революции, и Мария Федоровна, через которую, по словам П. Н. Миллюкова, «просачивались кое-какие либеральные воззрения Фреденсборга», хорошо понимала необходимость государственных преобразований. Когда в 1910 г., благодаря действиям П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова, законопроект П. А. Столыпина о введении земств в губерниях Севера и Юго-Западном крае был провален в Государственном совете, после чего Столыпин обратился к государю с прошением об отстав-

ке, Мария Федоровна попыталась вмешаться в ситуацию и защитить последнего. Общеизвестно, чем эта ситуация закончилась.

Первая мировая война застала Марию Федоровну в Европе. После возвращения в Россию она жила под Петербургом в Каменноостровском Елагинском дворце, откуда писала своим родственникам письма, полные боли и страдания. 7 сентября 1914 г. великому князю Николаю Михайловичу: «Труднее и тяжелее жить здесь, так далеко от всего, когда всем сердцем и душой хотелось бы быть там. Такая тоска и такое постоянное мучение знать, что везде бьются из последних сил, и ожидать и узнавать результаты. Ужасно думать, что это только начало...»

15 декабря 1914 г.: «Я посещаю госпитали так часто, как только могу. Это единственное мое утешение. Все наши дорогие раненные возвышают нашу душу: какое терпение, какая скромность и какой великолепный подъем духа! Я ими люблю от души и хотела бы стать на колени перед каждым из них...»

В начале июня 1915 г. вдовствующая императрица переезжает в Киев, где активно занимается попечительской деятельностью по линии Российского Красного Креста. Она регулярно посещает госпитали и лазареты, всегда находит теплые слова для раненых солдат. Особое внимание уделяла она инвалидам, слепым и калекам. При ее содействии организовались специальные курсы и школы, где раненные после окончания лечения могли овладеть каким-либо ремеслом. Особенно часто Мария Федоровна посещала главную госпиталь Киева, попечительскую работу по которому вела ее дочь Ольга Александровна.

Вдовствующая императрица поддерживала Датский Красный Крест (ДКК) и его деятельность в России. В годы войны многие датские офицеры, врачи и другие лица работали в России в качестве добровольцев. Особое Отделение Б при ДКК решало целый комплекс вопросов, в частности инспекцию лагерей военнопленных на всей территории Российской империи, оказывало посредничество в доставке корреспонденции, раздаче продуктов питания и лекарств.

Занятая делами Красного Креста Мария Федоровна не утрачивала интереса к событиям политическим. Во время конфликта, разразившегося между царем и министрами в 1915 г., когда после падения Варшавы Николай II решил стать во главе армии, Мария Федоровна в саду Елагинского дворца в Петрограде около двух часов уговаривала его отказаться от своего решения. Как вспоминала А. А. Вырубова, «государь передавал, что разговор с матерью был еще тяжелее, чем с министрами, и что они расстались, не поняв друга».

Находясь в Киеве, Мария Федоровна вела регулярные дневниковые записи и обширную переписку со своими родственниками, и прежде всего с сыном — императором. В один из октябрьских дней 1916 г. царь вместе с сыном Алексеем приехал в Киев. Это был последний визит Николая II в материнский дом и последнее свидание Марии Федоровны с внуком.

С возмущением отнеслась Мария Федоровна к предложению Германии о заключении мира. 3 декабря 1916 г. она писала царю в Ставку: «Мы все находимся под впечатлением немецких предложений (предложений о заключении мира. — Ю. К.). Все время одно и то же, он (германский император Вильгельм. — Ю. К.) стремится стать в позу миротворца и возложить всю ответственность на нас, если они не будут приняты. Я совершенно надеюсь, что мы и наши союзники сохраним твердость и единство и отвергнем эту «великодушно» протянутую руку...»

Отношения между Данией и Россией во время войны естественно нашли отражение в ее переписке с сыном. Так, в декабре 1916 г. она обращала внимание сына на то, что «Дания уже год тому назад предлагала переправить к себе больных военнопленных, чтобы они были, по крайней мере, хорошо накормлены и остались в живых. К сожалению, однако, им так и не дали никакого ответа... Мне непонятно, — писала Мария Федоровна, — почему, ведь это делается из чувства христианского милосердия и не будет ничего стоить, так как датчане подготовили все за свой счет. Я надеюсь, что после твоего приказа военному министру, дело наконец сдвинется с места».

Но не один только военный противник вызывал мучительные раздумья Марии Федоровны. Окружение царя также составляло предмет ее не меньших тревог. В придворных кругах, о чем свидетельствуют воспоминания фрейлины императрицы Александры Федоровны А. А. Вырубовой, вдовствующую императрицу часто называли «Гневной». Действительно, многое из того, что творилось в высших сферах императорского двора, вызывало ее гнев и негодование. Современники отмечали, что Мария Федоровна близко к сердцу принимала историю с Распутиным.

17 февраля 1917 г. императрица-мать, обеспокоенная развитием событий после убийства Распутина, писала Николаю в Ставку: «Так много случилось с тех пор, что мы не виделись, но мои мысли тебя не покидают и я понимаю, что эти последние месяцы были очень тяжелыми для тебя. Это меня страшно мучит и беспокоит. Ты знаешь, как ты мне дорог и как мне тяжело, что я не могу тебе помочь. Я только могу молиться за тебя и просить Бога подкрепить тебя и подвигнуть на то, чтобы ты мог сделать все, что в твоей власти, для блага нашей дорогой России... Так как мы теперь говеем и стараемся очистить наши души, надо и простить всем и самим просить прощение у тех, которых мы чем-либо обидели. Я уверена, что ты сам чувствуешь, что твой резкий ответ семейству (т. е. членам царской фамилии, великим князьям. — Ю. К.) глубоко их оскорбил, т. к. ты бросил в их адрес ужасные незаслуженные обвинения. Я надеюсь всем сердцем, что ты облегчишь участь Дмитрия, не пустив его в Персию, где климат летом столь отвратителен, что ему с его слабым здоровьем просто не выдержать... Это так не похоже на тебя с твоим добрым сердцем поступать подобным образом. Это причинило мне много боли».

Известие о том, что Николай II 2 марта 1917 г. подписал отречение от престола, по словам великой княгини Ольги Александровны (сестры Николая II), «поразило нас как гром среди ясного неба... Мы все были парализованы. Моя мать была вне себя, и я всю ночь провела у нее. На следующий день она поехала в Могилев, а я возвратилась назад к моей работе в госпитале». В Ставке, куда Мария Федоровна прибыла вместе со своим зятем — великим князем Александром Михайловичем, она в последний раз встретилась со своим сыном.

В чудом сохранившейся памятной книжке за 1917 г. (начатой 1 января и оконченной 24 апреля 1917 г.) ею сделаны краткие записи о пребывании в Могилеве и последних встречах и беседах с сыном, передающие атмосферу в Ставке.

4 (17) марта 1917: «... В 12 часов прибыли в Ставку в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции... Горестное свидание! Он открыл мне свое кровото-чащее сердце, оба плакали...»

Бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Сначала пришла телеграмма от Родзянко, в которой говорилось, что он должен взять все с Душой в свои руки, чтобы поддержать порядок и остановить революцию, затем — чтобы спасти страну — предложил

образовать новое правительство и... отречься от престола в пользу своего сына (невероятно!). Но Ники, естественно, не мог расстаться со своим сыном и передал трон Мише! Все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое, и он... подписал манифест. Ники был неслыханно спокоен и величественен в этом ужасно унижительном положении».

По возвращении в Киев Мария Федоровна, по воспоминаниям дочери Ольги Александровны, была неузнаваема. «Я никогда не видела мать в таком состоянии. Сначала он молча сидела, затем начинала ходить туда-сюда, и я видела, что она больше выведена из себя, нежели несчастна. Казалось, она не понимала, что случилось, но винила во всем Аликс (Александру Федоровну — жену Николая II. — Ю. К.)».

Неделю спустя в письме в Павловск к великой княгине Ольге Константиновне — греческой королеве — она писала: «...сердце переполнено горем и отчаянием. Представь, какие ужасные, не поддающиеся никакому описанию времена нам еще предстоит пережить... Я благодарна Богу, что была у него (Ники. — Ю. К.) в эти 5 ужасных дней в Могилеве, когда он был так одинок и покинут всеми... Он был как настоящий мученик, склонившийся перед неотвратимым с огромным достоинством и неслыханным спокойствием. Только дважды, когда мы были одни, он не выдержал, и я одна только знаю, как он страдал и какое отчаяние было в его душе! Он ведь принес жертву во имя спасения своей страны... Это единственное, что он мог сделать, и он сделал это!»

С глубокой болью писала она о ситуации в армии: «Началось брожение в армии, солдаты убивают офицеров и не хотят больше сражаться. Для России все будет кончено, все будет в прошлом».

Несмотря на уговоры ближайших родственников, Мария Федоровна не хотела покидать Киев и переезжать в Крым, мотивируя свой отказ тем, что желает быть ближе к своему сыну Ники. Она продолжала посещать госпиталь к большому беспокойству окружающих. Только после того, как в один из дней, подъехав к зданию госпиталя, она увидела закрытые госпитальные ворота, а главный врач, ссылаясь на мнение медперсонала, прямо заявил, что ее присутствие является нежелательным, вдовствующая императрица дала свое согласие на отъезд из Киева. К этому времени Киевский местный совет издал приказ о необходимости всем членам бывшей императорской семьи покинуть город.

В конце марта 1917 г. Мария Федоровна с дочерьми Ксенией и Ольгой и их мужьями — великим князем Александром Михайловичем и полковником Н. А. Куликовским переехала в Крым. Здесь вдовствующая императрица находилась в течение двух с половиной лет, до апреля 1919 г. сначала в Ай-Тодоре, затем в Дюльбере и Хараксе. Это пребывание стало для нее практически домашним арестом, полным постоянных лишений и унижений.

В имении Ай-Тодор, кроме императрицы, проживали ее дочери: старшая — Ксения Александровна с мужем и их семеро детей: Андрей, Никита, Ростислав, Федор, Дмитрий, Василий. Младшая дочь — Ольга Александровна жила здесь со своим вторым мужем и новорожденным сыном Тихоном. Вместе с ними были графиня Менгден, фрейлина великой княгини Ксении Александровны Софья Дмитриевна Евреинова и генерал Фогель.

Размышляя о причинах случившегося, императрица 4 мая 1917 г. писала своему брату, датскому принцу Вальдемару: «Я, конечно, давно предчувствовала, что это случится, о чем несколько раз уже писала, но именно такую

катастрофу предвидеть было нельзя! Как, оказывается, уже в прошлом году были возбуждены умы! Как долго играли с огнем, действуя наперекор здравому смыслу, закрывая глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать, и тем самым — способствовали революции.

Одна ошибка следовала за другой, почти каждую неделю смена министерства и, наконец, это невероятное назначение Протопопова, который оказался настоящим подлецом и предателем, а она считала его самым лучшим и преданным другом! Чтобы оправдать себя, он, наверное, говорил: «А как мне надо было себя вести с этими двумя сумасшедшими...» Какой низкий человек, негодяй, он все время лгал им в лицо, что все хорошо и что она умнее, чем даже Екатерина Вторая! Что, должно быть, она думает и чувствует сейчас, несчастная!

Я не получала от них совсем никаких известий, очень беспокоена и не знаю, как чувствует себя мой бедный Ники и как с ним обращаются. Все более чем жестоко, и ты можешь представить, как все это мучает и терзает меня день и ночь. К тому же неизвестно, каково будет их денежное обеспечение, так как земли у семьи уже конфискованы, и потому, наверное, им остается питаться лишь воздухом и водой».

В имении Чаир жили великий князь Николай Николаевич с супругой Анастасией Николаевной, князь С. Г. Романовский, граф С. В. Тышкевич с супругой, князь В. Н. Орлов, почетный лейб-медик, доктор Б. З. Малама и генерал Болдырев. В имении Дюльбер обосновались великий князь Петр Николаевич с супругой Милицей Николаевной, их дети Роман и Марина, генерал А. И. Сталь с дочерьми Еленой и Марией. В Кореизе жила внучка Марии Федоровны Ирина с мужем князем Ф. Ф. Юсуповым (младшим). Все эти имения находились под наблюдением команды, состоящей из 72 человек, большей частью матросов Черноморского флота и солдат из Ялтинской дружины под командованием прапорщика В. М. Жоржалиани. Караульные посты были соединены между собой, а также с канцелярией начальника охраны, находившейся в имении Чаир, полевыми телефонами. Телефонная связь с Ялтой и Севастополем поддерживалась через станцию Кореиз.

За всеми лицами, проживающими в имениях Ай-Тодор, Чаир и Дюльбер, устанавливалась «тайная охрана». Наблюдение осуществлялось с согласия ЦИК Севастопольского совдепа. «Мы состояли под домашним арестом, — вспоминал зять Марии Федоровны великий князь Александр Михайлович, — и могли свободно передвигаться лишь в пределах Ай-Тодорского имения на полутора десятинах между горами и берегом моря. Комиссар являлся представителем Временного правительства, матросы же действовали по уполномочию местного Совета. Притеснения следовали одно за другим. Был составлен целый список запретов и список тех лиц, которых разрешалось принимать. Временами разрешение на посещение неожиданно отменялось, но затем без всяких объяснений вновь давалось. И так все время».

В апреле 1917 г. в Ялту приезжала следственная комиссия. По указанию Петроградского совета были произведены обыски, в частности, личного имущества Марии Федоровны, изъяты дневниковые записи. Матросы забрали Библию, которую она привезла из Дании, не тронув, по счастливой случайности, шкатулку с фамильными драгоценностями.

4 мая 1917 г. Мария Федоровна в письме в Павловск, где находилась тогда греческая королева Ольга Константиновна, подробно описывала те унижения, которые ей тогда пришлось пережить. «Я была бы рада умереть, только не переживать весь этот ужас. Однако на все Воля Божья!

Трудно, правда, понять, как Господь допускает эту ужасную несправедливость и все плохое, что происходит вокруг».

«...На прошлой неделе во время домашнего обыска с нами обращались очень грубо и непристойно. Половина шестого утра: я была разбужена морским офицером, вошедшим в мою комнату... Прямо у моей кровати он поставил часового и сказал, что я должна встать... Я была вне себя от гнева и возмущения... Он (офицер. — Ю. К.) сел за мой письменный стол и стал брать все мои письма, записки, трогать каждый лист бумаги, лишь бы найти компрометирующие меня документы. Даже мое датское евангелие, на котором рукою моей любимой мамы было написано несколько слов, — все было брошено в большой мешок и унесено. Я страшно ругалась, но ничего не помогло...

Никто не может представить себе, что я чувствовала от гнева и негодования! Такой стыд и позор! Никогда в жизни я не забуду этого и боюсь, что никогда не смогу простить это их ужасное поведение и беспардонное обращение... Все это было для меня шоком...

Невозможно было поверить, чтобы наш собственный народ обращался с нами так же, как немцы обращались с русскими в Германии в начале войны».

Родственники Марии Федоровны и близкие ей люди удивлялись тому, с каким мужеством держалась она в те трудные для ее семьи дни. Князь Г. Д. Шервашидзе в письме к великому князю Николаю Михайловичу отмечал: «Ее Величество приводит нас в восторг тем достоинством, с которым себя держит. Ни одной жалобы на стеснительное, не снисшедшее ей положение, в каком она пребывает, спокойное и приветливое выражение, одним словом такая, какую всегда была... Такое ее поведение немало подымает

и наше расположение духа и помогает нам легче переносить тягости заключения и царящее уныние».

В сентябре — октябре 1917 г. Мария Федоровна перенесла тяжелое простудное заболевание, которое надолго приковало ее к постели. Близкие всячески поддерживали ее и помогали ей преодолеть болезнь.

Большим утешением для бывшей императрицы было общение с внуками, особенно с маленьким Тихоном, сыном Ольги. Как свидетельствовал лейб-казак Ящик, Мария Федоровна «изредка получала от сына короткие письма или почтовые открытки. Императрица была им очень рада, хотя, естественно, они не могли много рассказать о том, что в действительности происходило в Тобольске, где находилась императорская семья».

В ноябре 1917 г. она направила в Тобольск сыну ответное письмо, где подробно рассказывала о своей жизни и жизни ее родственников в Крыму. Она писала: «Дорогой мой милый Ники! только что получила твое дорогое письмо от 27 октября, которое меня страшно обрадовало. Не нахожу слов тебе достаточно это выразить и от души благодарю тебя, милый. Ты знаешь, что мои мысли и молитвы никогда тебя не покидают — день и ночь о вас думаю, и иногда так тяжело, что кажется нельзя больше терпеть, но Бог милостив... Слава Богу, что вы все здоровы... и все вместе... Я только живу воспоминаниями и переживаю прошлое и стараюсь забыть, если возможно страшное...

Живем мы очень тихо и скромно. Мой новый внук Тихон нам всем приносит огромное счастье... Ольга и Ксения каждое утро бывают у меня... Мы всегда голодны. Продукты так трудно достать...

Я была очень обрадована милыми письмами Алексея и моих внуков, которые мне пишут. Я их всех благодарю и крепко целую. Мы всегда говорим о Вас и думаем. Грустно быть в разлуке. Так тяжело не видеться, не говорить...

К весне 1918 г. обстановка в Крыму резко обострилась. Ялтинский совет требовал немедленной казни всех Романовых, а Севастопольский — ждал приказа от Ленина. Комиссар Задорожный от имени Севастопольского совета объявил Романовым, что они, как и лица их свиты, должны поселиться в имении Дюльбер, ранее принадлежавшем великому князю Петру Николаевичу. По его словам, эта акция была продиктована прежде всего заботой о безопасности членов бывшей императорской семьи. Замок Дюльбер по сравнению с открытым и незащищенным Ай-Тодором представлял собой крепость, в которой можно было укрыться.

В намерения Ялтинского совета входил захват и расстрел заложников. Севастопольский совет действовал в значительной степени по указанию Москвы. Положение с каждым днем становилось все опаснее. Однажды ночью к Дюльберу прибыл отряд Ялтинского совета, намереваясь проникнуть во дворец. Задорожный отказался впустить кого бы то ни было. Ялтинский совет наступал, и Задорожный вынужден был направиться в Севастополь за поддержкой. Тюремщики Романовых превратились в их защитников. Задорожный, желая спасти своих поднадзорных от расправы, объявил им, что из-за недостатка людей он не может гарантировать безопасность и поэтому настаивает, чтобы члены царской семьи также взяли на себя охрану Дюльбера. По его требованию была создана ночная сторожевая вахта.

Судьба всех членов бывшей императорской семьи висела на волоске. К началу лета временем Ялта была занята немцами, начавшими оккупацию Крыма. Для узников Дюльбера это оказалось в тот момент спасением. О судьбе сына Михаила — великого князя Михаила Александровича

с конца 1917 г. не было известно ничего, хотя, правда, в своем письме Николаю в Сибирь от 21 ноября 1917 г. Мария Федоровна писала, что Миша написал ей о последнем свидании двух братьев «в присутствии свидетелей» (Керенского и др. — Ю. К.) перед отъездом семьи Николая в Сибирь.

18 июля императрица практически всю ночь не сомкнула глаз. 19 июля, в четверг, в первую половину дня произошло весьма неожиданное, прямо мистическое событие. После завтрака откуда ни возьмись появились никому не известные цыгане и стали приставать к Марии Федоровне с гаданием. «Они, — писала императрица в дневнике, — желали непременно погадать мне, и, хотя я отказывалась, одна из них уже успела разложить карты и стала требовать денег». Напуганная Мария Федоровна позвала на помощь адмирала Вяземского. Ему удалось прогнать цыган. Вяземский был очень разгневан, но вместе с тем и напуган. По всей вероятности, он тоже почувствовал что-то неладное в этой необычной ситуации.

Наступило 21 июля 1918 г. С невероятной быстротой отовсюду поползли слухи об убийстве царя и его семьи. «Распространяются страшные слухи о судьбе нашего любимого Ники. Не могу и не хочу им верить. Не представляю, как я смогу вынести такое напряжение!..»

По свидетельству Ксении Александровны, силы вдовствующей императрицы из-за нервного напряжения были на исходе, и, боясь за ее здоровье, они с Александром Михайловичем противились проведению церковных панихид по Николаю II.

7 августа императрицу навестила дочь Ксения с сыном Васей и прочитала ей напечатанные в одной из газет отрывки из дневников Ники — «моего бедного Ники, — писала Мария Федоровна, — которые некогда украли у него, а теперь публикуют». Из этой информации уже нетрудно было сделать вывод, что дневники и вещи бывшего императора уже не находятся в его владении, а попали в чужие руки. Мария Федоровна и здесь почувствовала, что с сыном и его семьей произошло самое непоправимое. «Что же, — замечала она, — тем хуже для них, ведь записи свидетельствуют о том, как сильно крепок он духом, и это производит глубокое впечатление на людей и заставляет их еще лучше понять, как гнусно с ним поступили и кого народ лишили!»

Не спадающая жара и постоянные грозы, буйство природных катаклизмов, характерные для крымского лета 1918 г., постоянное какое-то грозное смятение в природе находилось в полном соответствии с душевным состоянием Марии Федоровны. Ее нервы были постоянно напряжены до предела; она пребывала в сильном волнении, напряжении и все время ждала, как она говорила, «достоверных сообщений» о судьбе своих сыновей. Дневниковые записи каждый новый день она начинала с одной и той же фразы: «По-прежнему никаких известий, что меня убивает...»

В сентябре 1918 г. Марию Федоровну по заданию Датского Красного Креста посетила датская медицинская сестра Ингеборг Ларсен, доставившая императрице письма от датской королевской семьи. Мария Федоровна сказала ей, что очень тоскует по Дании и особенно по Видере (королевский дворец под Копенгагеном), но выразила сомнение, что в ближайшем будущем ей удастся приехать в Данию. По словам Ларсен, Мария Федоровна «была убеждена в том, что ее сын — царь Николай II — жив, и не верила слухам о его убийстве. Поэтому она хотела остаться в России».

Осенью 1918 г. один из самых верных Марии Федоровне людей из ее ближайшего окружения князь Георгий Шервашидзе направил в Петроград датскому посланнику Харальду Скавениусу письмо, в котором просил сделать все возможное для выезда императрицы из России:

«...В нынешних условиях Ее Величество подвергается различного рода опасностям и унижениям, которые постоянно возрастают. В связи с этим крайне необходимо переправить Ее Величество в безопасное место, укрыв ее там от несчастья и бед, где она могла бы иметь гарантии безопасности.

Я вижу только два таких места: Данию, которая является дорогой родиной Ее Величества, и Финляндию, где Ее Величество всегда пользовалась любовью и уважением населения.»

3 октября 1918 г. Мария Федоровна получила от своего племянника, датского короля Кристиана X, письмо, в котором он выражал соболезнование по поводу гибели Николая II. В ответном письме, направленном тогда же в Копенгаген, она писала: «Ужасающие слухи о моем бедном любимом Ники, кажется, слава Богу, не являются правдой, т.к. после нескольких недель жуткого ожидания я поверила в то, что он и его семья освобождены и находятся в безопасности. Можешь представить себе, каким чувством благодарности к нашему Спасителю наполнилось мое сердце!

Я ничего не слышала от него с марта, когда они были еще в Тобольске, так что ты можешь понять, какими страшными для меня были все эти месяцы. Теперь, когда со всех сторон мне говорят об этом (что Николай жив. — Ю. К.), должна же я надеяться, что это действительно правда. Дай-то Бог!.. Ужасно быть отрезанным от всех когда-то любимых и даже не получать писем — единственного утешения в долгой разлуке.

В данный момент мы живем свободно и спокойно, надеясь на светлые времена. Мы все здоровы. Сын Ольги бегает сейчас вокруг, и он такой милый и всегда в хорошем настроении. Это радость видеть, как она счастлива. Она и Ксения просят меня кланяться тебе и Александрино».

Осенью 1918 г. в Крым с семьей приехала княгиня Л. Л. Васильчикова. Она с трудом вырвалась из Петрограда, где была подвергнута допросу в ЧК. В своих воспоминаниях княгиня описала разговор, состоявшийся между ней и Марией Федоровной на следующий день после приезда. «Императрица во всех подробностях расспросила меня про мое пребывание в Петербурге и Москве, про условия жизни, настроения жителей, допрос Урицким и заключение в ЧЕКА. «Мне говорили, что Вы сидели в одной камере с Н. С. Брасовой. Какие у нее известия о Мише?»

Боясь вопроса о Государе, я старалась растянуть рассказ о том немногом, что я знала про Михаила Александровича, но, наконец, она меня спросила: «А что Вы слышали про моего старшего сына?» Я ответила, что до Москвы дошли самые страшные слухи. Видя мое смущение, Императрица сказала успокоительным тоном: «Да, я знаю, что говорят, но у меня другие сведения!» Когда я упомянула об этом разговоре великой княгини Ольге Александровне, она мне прямо сказала: «Я знаю, все думают, что мой старший брат убит, но у Мама имеются сведения, что он жив!»

Васильчикова далее отмечает, что некоторые приписывали такой оптимизм известию, привезенному в Крым женой киевского губернского предводителя дворянства, члена Государственного Совета Ф. Н. Безака Еленой Николаевной Безак, «что слухи об убийстве Государя будут ложные». «... В июне 1918 г. — рассказывает Л. Л. Васильчикова в своих воспоминаниях, — в Киеве князь Долгоруков, который командовал войсками гетмана Скоропадского, позвонил вечером по телефону и вызвал к себе последнего предводителя дворянства Безака, прося его никому этого не разглашать. Кроме самого хозяина и его супруги, он застал там некоего графа фон Альвенслебена, генерал-адъютанта германского кайзера Вильгельма II, который

состоял при фельдмаршале фон Эйхоре, командовавшего немецкими войсками на Украине. После того как все присутствующие принесли клятву о молчании, Альвенслебен объявил, что через несколько дней разнесется слух, что Государь умерщвлен. В действительности же немцы его спасут. Г-жа Безак немедленно поехала в Крым, чтобы предупредить императрицу, а сам Безак и князь Долгоруков остались в Киеве. Точно в назначенный Альвенслебеном день известие об убийстве государя разнеслось по городу. Нечего говорить, ни Безак, ни Долгоруков не присутствовали на официальной панихиде в дворце гетмана и, чтобы избежать неудобных объяснений, оба они уехали на пару дней за город.

Вернувшись в Киев, они к своему превеликому удивлению узнали, что граф Альвенслебен не только присутствовал на панихиде, но что он обливался слезами. Считая, что граф слегка «переборщил», они отправились к нему за объяснениями. Граф или был занят, или уехал за город. Когда им наконец удалось его разыскать, Альвенслебен с видимым смущением признал, что намечаемое спасение не удалось, и Государь действительно погиб.

Как все это объяснить? Не исключено, что всемогущие тогда немцы действительно планировали спасение Государя с тем, чтобы убедить его расписаться под постыдным Брест-Литовским договором, и, когда он отказался это сделать, они предоставили его своей судьбе. Какой бы ни была истинная версия, я лично не сомневаюсь, что эпизод с Альвенслебеном объясняет убежденность императрицы, что Государь еще жив.

С приближением Красной армии к Крыму весной 1919 г. над крымскими изгнанниками снова нависла угроза. Европейские королевские дома предпринимают шаги к спасению Марии Федоровны и ее ближайшего окружения. Датский король Кристиан X несколько раз обращается к английскому королю по этому вопросу. В результате — 7 апреля 1919 г. вдовствующую императрицу в Хараксе посетил командующий британскими военно-морскими силами в Севастополе и заявил, что английский король Георг V, племянник Марии Федоровны, предоставляет в ее распоряжение дредноут «Мальборо» для немедленного отъезда с семьей. Он настаивал на отплытии из Крыма в тот же вечер.

Однако Мария Федоровна, проявляя твердость характера, что было свойственно ей в трудные минуты жизни, вначале наотрез отказалась уезжать — бежать — из России. Родственникам стоило большого труда убедить ее в необходимости отъезда. И 11 апреля 1919 г. на английском дредноуте Мария Федоровна покинула страну, бывшую ее второй родиной. Через Константинополь и Мальту она в мае 1919 г. прибыла в Англию, где находилась все лето.

Итак, погибли ее сыновья и внуки. Она не была уже императрицей России, и та прежняя страна Россия уже не существовала. Теперь ее звали маленькая Дания, где находились могилы ее отца и матери — датского короля Кристиана IX и королевы Луизы.

В сопровождении брата, датского принца Вальдемара, и других ближайших родственников, а также двух казаков, которые всю жизнь служили ей верой и правдой, 19 августа 1919 г. императрица на борту парохода «Фиония», принадлежавшего известной датской Восточно-Азиатской компании, возвратилась на родину.

В первые годы после возвращения в Данию Мария Федоровна жила в Копенгагене в королевском дворце Амалиенборг. Сама имея очень ограниченные возможности, она старалась помогать всем обращающимся к ней за помощью. А таких — русских беженцев — было немало. Материально поддерживал Марию Федоровну английский

королевский дом. По указанию Георга V вдовствующая императрица получала ежегодную пенсию в десять тысяч фунтов стерлингов. Король Кристиан X относился к тетушке довольно прохладно. В литературе сохранилось немало историй, рассказывающих об их постоянных стычках. Одна из них произошла из-за счета за электричество. Кристиан X неоднократно предлагал Марии Федоровне продать или заложить драгоценности, привезенные ею из России. Однако Мария Федоровна упорно отказывалась это сделать, храня их вплоть до своей смерти в шкафу под кроватью.

В 1920 г. Мария Федоровна переехала в замок Видёре, к северу от Копенгагена, который был куплен ею и сестрой Александрой в 1907 г. после смерти их отца — датского короля Кристиана IX. Здесь английская королева часто гостила до своей смерти в 1925 г.

В 1921 г. в баварском курортном городке Рейхенгале состоялся общероссийский монархический съезд, на котором присутствовало 150 человек. На съезде был избран Высший монархический Совет в составе бывшего члена Государственной Думы Н. Е. Маркова-второго, бывшего члена Государственного Совета князя А. А. Ширинского-Шихматова и А. Н. Масленникова. Представители монархической эмиграции занялись поисками кандидата на пост «Временного блюстителя престола до окончательного решения вопроса о его замене законным государем-императором». Митрополит Антоний (Храповицкий), генерал-адъютант В. М. Безобразов и Н. Е. Марков обратились по этому вопросу к Марии Федоровне, но она предпочла уклониться от того, чтобы возглавить монархическое объединение.

В конце ноября 1922 г. датская пресса сообщила, что Мария Федоровна покидает Данию, чтобы обосноваться в Англии. За этим решением вдовствующей императрицы стоял директор датской Восточно-Азиатской компании Х. Н. Андерсен. Дело в том, что в 1920 г. произошел крах датского Ландсмансбанка. Мария Федоровна имела в банке заем в размере 803 000 крон, из которых гарантированными были 639 000 крон, и Восточно-Азиатская компания несла ответственность за эти суммы. Родной брат Марии Федоровны — принц Вальдемар, оказавшийся разоренным в результате биржевых спекуляций и неосмотрительных инвестиций банка, также не мог оказать финансовую помощь вдовствующей императрице. Когда банк обанкротился, гарантом кредита стала компания Х. Н. Андерсена. В эти годы Андерсен стал сторонником установления дипломатических отношений с Советской Россией, надеясь на то, что ему удастся вернуть утраченные в результате революции капиталы. Бывшая российская императрица, являясь центром притяжения русских эмигрантов, вызвала раздражение большевистских функционеров, Андерсен, находясь в дружеских отношениях с Марией Федоровной, убедил ее выехать в Англию.

В декабре 1922 г. датское правительство объявило о закрытии старой русской миссии в Копенгагене и вскоре обратилось к правительству РСФСР через находящегося на Лозаннской конференции нарком по иностранным делам Г. В. Чичерина с предложением об урегулировании советско-датских отношений. 23 апреля 1923 г. было подписано так называемое предварительное соглашение на правительственной основе. Вскоре соглашение было одобрено ригсдагом и королем Кристианом X, и 5 июня 1923 г. состоялся обмен ратификационными грамотами.

Между тем Мария Федоровна страстно желала вернуться в Данию, но не имела для этого необходимых средств. Спасение пришло от Большого северного телеграфного общества, которому она, еще будучи российской императ-

рицей, оказывала помощь и поддержку: в апреле 1923 г. руководством общества собрано 20 000 крон для бывшей русской императрицы.

В конце августа 1923 г. Мария Федоровна вернулась в Данию и поселилась в Видере неподалеку от Копенгагена со своими двумя лейб-казаками и небольшим штатом прислуги. Примечательно, что БСТО, заинтересованное в расширении своей деятельности в России, не афишировало свою помощь бывшей императрице, выплачивая ей ежегодно 45 тысяч крон тайно.

Когда Мария Федоровна вернулась в Данию, она, по свидетельству лейб-казака Тимофея Ксенофоновича Ящика, сильно постарела и выглядела усталой. В Лондоне вдовствующей императрице было одиноко. На официальные ужины и приемы сестры Александры ее не приглашали. Там ей еще раз дали понять, что она лишь бедная родственница и «компрометирующая гостья». Как признавалась Мария Федоровна своему любимому зятю Сандро, «мы с ней <Александрой. — Ю. К.> гораздо ближе друг к другу на расстоянии, когда я жила в Лондоне, я чувствовала себя чужой».

Но и в Дании было невесело. Если позволяло здоровье, она старалась все-таки выезжать. Однако постепенно императрица теряла аппетит и физически слабела, хотя и продолжала интересоваться политической и общественной жизнью. Приведем ее письмо от 21 сентября/4 октября 1924 г. к великому князю Николаю Николаевичу по поводу манифеста о принятии в 1922 г. великим князем Кириллом Владимировичем императорского титула: «Болезненно жалось мое сердце, когда я прочла манифест вел. князя Кирилла Владимировича, объявившего себя Императором Всероссийским. Боюсь, что этот манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России. Если Господу Богу, по Его неисповедимым путям, надо было призвать к себе моих любимых сыновей и внука, то я полагаю, что Государь Император будет указан нашими основными законами, в союзе с Церковью Православной, совместно с русским народом. Молю Бога, чтобы Он не прогневался на нас до конца и скоро послал нам спасение, путями Ему только известными. Уверена, что Вы, как старший член Дома Романовых, одинаково со мной мыслите, Мария».

Ноябрь 1925 г. принес Марии Федоровне очередную утрату — умерла ее сестра, английская королева Александра.

Несмотря на то что уже не оставалось сомнений в гибели царской семьи, императрица надеялась, что Николай II и его семья «чудодейственным способом» спасены. Она запретила близким служить панихиды по членам царской семьи. И хотя она и оказала финансовую поддержку следователю Н. А. Соколову, когда тот проводил расследование в Сибири, как только ей стало известно, что в живых никого не осталось, она отказалась принять как самого Соколова, так и собранное им досье и «коробку с находками».

Долгие часы просиживала теперь императрица в Видере, держа в руках Библию. «Я завидовал своей теще, — писал Александр Михайлович. — Ее слепая вера в истинность каждого слова Писания давала еще нечто более прочное, нежели просто мужество. Она была готова ко встрече с Создателем; она была уверена в своей праведности, разве не повторяла она все время "на все воля Божья!"»

Мария Федоровна умерла 13 октября 1928 г. в Видере под Копенгагеном. Проводить в последний путь бывшую русскую императрицу в Копенгаген съехались сотни русских эмигрантов из Парижа, Лондона, Стокгольма, Брюсселя. Но Кристиан X не спешил устроить ей торжественные похороны. Он считал, что это событие является чисто

семейным делом. Лишь под давлением общественности и по настоянию дочерей Марии Федоровны — Ксении Александровны и Ольги Александровны он вынужден был изменить свое решение.

Однако уже во время организации панихиды в Русской церкви возникли определенные трудности. Чтобы отслужить панихиду по православному обряду, по настоянию короля о. Леонид Колчев, духовник императрицы, вынужден был при входе в церковь облачиться в специальное длинное пальто, надв его поверх церковного платья. Кристиан X король полагал, что в противном случае сторонники римско-католической церкви будут отстаивать для себя право совершать в русской церкви свои богослужения.

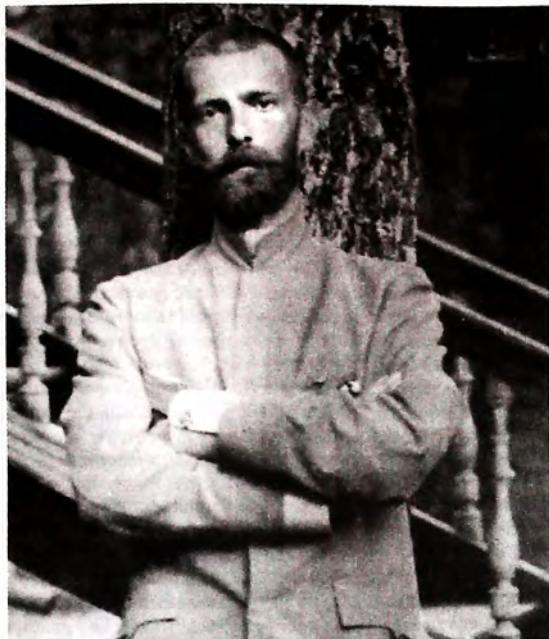
Отпевание состоялось 19 октября. На панихиде были представители всех королевских домов Европы — норвежский король Хоко, племянник императрицы, бельгийский король Альберт с наследником Леопольдом, будущие короли Англии братья Эдуард и Георг, а также большое количество других высокопоставленных лиц, был и великий князь Кирилл Владимирович, принявший на себя в 1922 г. императорский титул.

А вот как описывал похороны бывшей российской императрицы полномочный представитель Советов в Дании М. Кобецкий 5 ноября 1928 г. в депеше на имя заместителя наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова: «Похороны бывшей царицы Марии Федоровны были, по желанию короля, организованы как «семейное событие». Из дипломатов приглашен был только дуайен. Вообще король и МИД проявили в этом случае по отношению к нам полную корректность: нигде не было вывешено ни одного старого русского флага, эмигрантам-офицерам было запрещено стоять в почетном карауле в мундирах и т.д. Друг эмигрантов, латышский генконсул датчанин В. Христиансен вывесил было трехцветный флаг, но мы позвонили в МИД, и флаг был убран... Смерть старухи, — заканчивал свое сообщение Кобецкий, — несомненно, будет способствовать дальнейшему разложению местной белой колонии. Большинство газет по поводу похорон писало, проливая слезы умиления, что это похороны старой России».

В действительности похороны прошли торжественно. Копенгаген давно не видел ничего подобного. Длинная процессия, возглавляемая церковными служителями, в сопровождении эскорта датской гусарской гвардии проследовала через центр Копенгагена до станции Ёстепорт, и далее гроб с телом датской принцессы Дагмар, бывшей императрицы России Марии Федоровны, задрапированный пурпурной мантией, направился поездом в г. Роскилле к знаменитому Роскилльскому собору.

Как писал в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович, «в последний раз в своей жизни и в первый раз после революции Мария Федоровна оказалась во главе столь блестящей процессии... Со своей смертью она обрела то, что потеряла в тот день, когда ее сын отрекся от престола, — свое почетное место».

По воспоминаниям дочерей, Мария Федоровна при жизни не раз высказывала мысли о своем желании быть похороненной в России в Петербурге в Петропавловском соборе, где покоится прах ее супруга, императора Александра III и где есть специальное место для ее захоронения. Однако императрица всегда подчеркивала, что это может произойти лишь тогда, когда в России все будет спокойно. Настанет ли это время?

КНЯЗЬ-МУЧЕНИК СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Сто лет назад, 5/18 февраля 1905 года террорист Иван Калаяев бросил бомбу в карету с Великим князем Сергеем Александровичем Романовым. Взрыв был такой силы, что тело князя было разорвано на части. Уже через несколько минут над ним склонилась выбежавшая на звук взрыва жена — будущая преподобномученица Елисавета, чьи мощи не так давно встречала вся Россия. Подвиг всей семьи Романовых, а наипаче Великого князя Сергея, чья память была особенно оболгана современниками — не только революционерами, но и иными представителями высшего света, — еще требует своего осмысления. Думається, в скором времени должна восстановиться справедливость — и историческая, и небесная. Этой публикацией мы хотим отдать долг памяти Великому князю и его жизненному подвигу.

История России последних веков непостижимым образом связана с таинственным апостольским словом об «удерживающем теперь»: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес., гл. 2, ст. 7). Всемирный человеческий опыт не ясно ли показал, против кого, иногда вопреки всякой логике, восставало мировое беззаконие? На кого накатывали — волна за волной — мировые и иные войны? — Это была Россия, это был православный русский народ. Но это были и его великие православные самодержцы, которые первые принимали на себя направленный против Веры и Отечества удар. Они и удерживали. Удерживать беззаконие, не допустить его разгула в мире век от века становилось все труднее. Только Россия, с ее православным укладом жизни, с ее материальной мощью и геополитическим положением одна была в силах «удерживать». И тогда, как и в нашем жестоком веке, когда беззаконие уже почти

не скрывается под маской, удар стал направляться против конкретных личностей. Началась изматывающая борьба скрытых тьмою и во множестве своем обезличенных «рыцарей» плаща и кинжала, с одной стороны, и личных, но ответственных перед Богом волевых устремлений — с другой. Посягали на здоровье, на покой, на свободу действий. На самое жизнь. Последние два века до революции русское Самодержавие в лице избранной Богом семьи Романовых сознавало и чувствовало в полной мере, как близко прореченное Апостолом Павлом «беззаконие», как оно кровожадно и напористо. Эта семья и приносила самые большие жертвы. Во-первых, это были Самодержцы, пытавшиеся сохранить Православие и самостоятельность России. Император Павел Петрович первым пал от коварной руки невидимого врага. Его убили в собственном Михайловском замке в Петербурге и объявили едва ли не сумасшедшим. Таковым его и считали почти два столетия. Второй жертвой стал Император Николай I, умерший далеко не старым неожиданной смертью как раз в момент напряжения всех сил России в Крымской войне. Далее Император Александр II был уже открыто убит террористами в 1881 году. На 49-м году жизни умирает в Крыму человек богатейшего здоровья — Император Александр III. Наконец, вместе со всей семьей приносится в жертву за Православную Россию последний Император — Николай II. Бог лишь знал, чего стоило нашим Царям Русским «удерживать тайну беззакония», какого накала и напряжения достигала неравная борьба. Но и кроме самих Императоров, сколько

Романовых отдали жизни в этой борьбе! Многие из них уже просияли в лике святых: Императрица Александра, Великие княжны Анастасия, Мария, Ольга, Татiana, Наследник престола Алексей, Великая княгиня Елисавета. Русской Зарубежной Церковью прославлены в лике святых сыновья известного Православного поэта Великого князя Константина Романова — Константин и Иоанн. Наконец, можем ли мы забыть еще одно замечательное имя — Великого князя Сергея Романова? Его жизнь, личность и подвиг еще предстоит нам осмыслить.

Самое главное в его жизни связано, конечно, с преподобномученицей Елисаветой, его женой. Долгие годы терпеливо князь Сергей — нет, не вел ее к Православию из чужеземной веры. Он сам, его любовь и его личный пример святой жизни подвигли чуткую душу Елизаветы Федоровны к принятию новой веры, в которой ей и суждено было прославиться у Бога, за которую отдала она свою жизнь. Роль, которую Господь отвел князю Сергию в совершении этого чуда — превращению уроженки протестантской Германии в святую мученицу за Православие в России, — пока не осмыслена по-настоящему. Другое большое дело его жизни — Русское Палестинское общество, которым он руководил в течение многих лет. Обе жизненные задачи Великого князя таинственно связаны между собой. Именно в Иерусалиме, рядом с Гробом Господним, еще при жизни захотела быть похороненной протестантка Елизавета, его жена. Там и упокоилась Великая русская княгиня, преподобномученица Елисавета Романова. Наконец, едва ли не главнейшее: революционные круги не без оснований считали главой «партии сопротивления» московского генерал-губернатора Великого князя Сергея. Да, смеем думать, Великий князь был не только украсителем Москвы, при котором снова, как древле при

Святой Руси, засияла благочестием древняя столица, — он был главой сопротивления — чему? — мировому беззаконию, ставившему глобальный эксперимент именно в России. За это и принял мученическую смерть сто лет назад — от руки террориста Каляева.

Сегодня мы знаем о Великом князе до обидного мало. В Новоспасском монастыре, где покоится ныне его прах, издана пока лишь тонкая брошюра о его жизни. И хотя в последнее время начали появляться работы, в которых рассматривается его личность, — масса документов, которые должны пролить свет на многие стороны его деятельности, выстроить логику его жизни, пока не поднята и пылится в отечественных архивах. Но верится, что не долго они пролежат нетронутыми: слишком очевидны и неординарности личности Великого князя, и его роль в истории Православия в России, совершенная необычность, избранный характер его жизни.

Великий князь Сергей был четвертым сыном Императора Александра II. Он родился 29 апреля 1857 года. Крещение совершили в день Пресвятой Троицы, 29 мая. В дневнике фрейлины Императрицы Марии Александровны — Анны Федоровны Тютчевой (а ей и суждено будет воспитывать младенца-князя) появилась запись: «Государь направился в церковь в сопровождении Великих князей... Наследник (Великий князь Николай Александрович. — В.М.) был восприемником от крещения своего маленького брата и с большим достоинством и умением выполнил роль крестного отца. Восприемницей была Великая княгиня Екатерина Михайловна» (Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. Тула, 1990. С. 261–262).

ВОСПИТАНИЕ

Главную роль в христианском воспитании князя Сергея сыграла его мать, Мария Александровна. Когда в 1881 году Архимандрит Антонин (Капустин), подвизавшийся в Иерусалиме и хорошо знавший тайные благочестивые дела Императрицы, ее пожертвования на Святой Земле, увидел Великих князей Сергея и Павла Александровичей в Иерусалиме и убедился в глубине и чистоте их христианской веры, он записал в своем дневнике: «Чистые, благие и святые души Царевичей пленили меня. Это, несомненно, Она, высокая Боголюбица и смиренная Христианка, возматерила и сохранила их такими в уладу и похваление всем, ревнующим о духе, небе, Боге. Мир духу Ее». После отъезда из Иерусалима Великих князей архимандрит Антонин пишет к Василию Николаевичу Хитрово: «От высоких гостей майских тут все в восторге. Независимо от своего царского рода и положения, это наилучшие люди, каких только я видел на свете. Да пребудет с ними и в них вовек неугаснута благодать Божия! Меня они очаровали своею чистотою, искренностью, приветливостью и глубоким благочестием в духе Православной Церкви. Пробыли здесь 10 дней, от 21 до 31 мая, и половину ночей этого периода провели у Гроба Господня в молитве. От щедрот их и мне на мои постройку выпала не скудная лепта. Благодать возблагодарить, по слову Евангелия».

Повезло князю Сергию и с воспитательницей. Анна Федоровна Тютчева была женой славянофила Ивана Сергеевича Аксакова и дочерью поэта Федора Тютчева. Это и заложило, вероятно, здоровое основание мировоззрения Великого князя. Во времена его генерал-губернаторства в Москве (1891–1904) многие будут обвинять его в негибкости и консерватизме. Но перед кем и чем должен был гнутья в период подготовки всепроникающей «швондеровщины» Великий князь? Не согласный со все новыми и новыми уступками,

лишь разжигающими аппетит революционной своры, он вынужден будет уйти с 1 января 1905 года в отставку, дабы не поступиться своими принципами. А принципы эти закладывались еще в детстве. Корни его здорового консерватизма уходили в глубины русской почвы, чему много способствовала А. Ф. Тютчева. «Глубоко убежденная, широко просвещенная, обладавшая огненным словом, она рано научила любить свою родину, русскую землю, Православную веру и Церковь, самодержавную историческую истину, создавшую Всероссийскую империю. По словам ее, она не скрывала от Царских детей, что они не свободны от терний жизни, от скорбей и горя, неизбежных спутников человеческой судьбы, и должны готовиться к мужественной их встрече. Она просветляла его миросозерцание, закаляла характер и направляла его сердце к любви родной истории. Великий князь впоследствии не раз посещал свою воспитательницу и несказанно благодарил за те добрые спасительные семена, кои она посеяла в его душе в юные детские годы» (Авчинников А. Г. Великий князь Сергей Александрович. Иллюстрированный биографический очерк, Екатеринославль, 1915. С. 2). Таким образом, с детства он не поверхностно, а всей силой своей натуры усвоил Православный образ мыслей. Его воспитатель капитан-лейтенант Д. С. Арсеньев видел уже плоды воспитания Тютчевой: «Первые дни жизни при Сергии Александровиче были мне очень отрадны, он молился при мне еще в это время вслух и молился всегда очень усердно и внимательно».

Закон Божий Великому князю преподавал протоиерей Иоанн Васильевич Рождественский. Это был священник, отличавшийся высокими духовными качествами, которые еще более укрепились в посланных ему Божиим Промыслом испытаниях: перед принятием священства он потерял жену и всех детей. Конечно, не случайно именно такой священник, которому столь понятен был духовный путь Иова, должен был воспитать будущего мученика и супруга мученицы. Отец Иоанн собственноручно составил для князя Сергея специальную книгу для изучения Закона Божия. Эту книгу Великий князь хранил до своей кончины. В жизни Великого князя многократно проявлялась его искренняя любовь к Богу и Церкви, к обрядовой стороне Православия. Любимыми его святыми с детства стали Преподобный Сергей Радонежский и его ученик — преподобный Савва. Преподобный Сергей был тезоименитым святым Великого князя. Не потому ли, родившись в Петербурге, князь постоянно тяготел к Москве, к ее святыням, Москве отдал свои силы — и в ней же окончил свои дни? Еще в 1865 году, когда ему было всего восемь лет, Анна Федоровна Тютчева привезла его в древнюю русскую столицу. Здесь он посещал монастыри: Чудов, Николо-Угрешский, Саввино-Сторожевский и другие. Здесь постигал он красоту и святость русских древних монастырей. В этих монастырях настраивалось на русский лад его сердце. Здесь услышал он много исторических преданий. Встреча с Чудовым монастырем была знаменательна: именно здесь упокоится прах Великого князя в 1905 году. Но до этого была еще целая непржитая жизнь. В Чудовом монастыре почивали мощи святителя Алексия, неутомимого труженика на благо Московского царства, духовного друга преподобного Сергея Радонежского. В Чудовом монастыре после архиерейского Богослужения произошла знаменательная для Великого князя встреча. Он знакомится с викарным епископом Леонидом (Красноповским). Их дружеские отношения продлятся до самой смерти владыки в 1876 году. Воспоминания владыки о посещении царского дворца в 1873 году дают представление о том, как развивалась духовная жизнь князя Сергея: «Обедали четверо: оба Великих князя и я с воспитателем... Во время обеда продолжался разговор, предметом коего бы-

ло монашество... Поэтому много говорилось об Угреше, где еще в детстве с А. Ф. Тютчевым был Великий князь Сергей... Воспитатель сказал: «Сергей Александрович, покажите Преподобному Вашу моленую». Великие князья привели меня в просторную высокую комнату с двумя-тремя окнами... Тут я увидел и образ св. Саввы, 6 или 8 вершков, о котором Великий князь сказал, что он всегда с ним, равно как и складень, также мною данный, с изображением Божией Матери с Богомладенцем, Сергия и Саввы. Уже давно, сказал мне Сергей Александрович, что ежедневно молится преподобному Савве» (Авчинников А. Г. Указ. соч. С. 10).

Когда Великий князь повзрослел, ему стали преподавать серьезные науки. Богу было угодно, чтобы среди других профессоров, обучавших князя Сергия, был и Константин Петрович Победоносцев. Его «Сергей Александрович хорошо знал с детства, полюбил, всегда наслаждался его умными беседами» (Авчинников А. Г. Указ. соч. С. 13). Эта встреча, как покажут дальнейшие события, оказалась неслучайной.

ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Весьма важным в жизни Великого князя стал 1881 год. В этом году он впервые посетил Святую Землю, с которой, по Божиему Промыслу, оказалась в дальнейшем связана вся его жизнь. Как свидетельствуют современники, пребывание Сергия Александровича и Павла Александровича в Иерусалиме «прошло в непрерывных молениях у Гроба Господня и на Голгофе и в посещении достопримечательных мест Иерусалима и его окрестностей и произвело глубокое впечатление как на Августейших путешественников, так и на всех, кто имел счастье видеть их» (Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века [1881–1907]. Историческая записка. Составлена проф. А. А. Дмитриевским. СПб., 1907. С. 176).

Во время поездки он «самолитно увидел безотрадное состояние Православия в Палестине, убедился в тяжелом и беспомощном положении русских богомольцев, особенно простого народа» (Архиепископ Дмитрий Самбикин. Предсмертные мысли и думы о заслугах Православного Палестинского Общества. СПб., 1908. С. 8). Долгое время инициатором основания Палестинского общества выступал Василий Николаевич Хитрово. В силу ряда причин учреждение общества было под вопросом. Постепенно сторонниками В. Н. Хитрово стали люди, близко стоявшие к Великому князю Сергию: его бывший преподаватель Закона Божьего протоиерей Иоанн Рождественский, несколько позже бывший воспитатель Великих князей — генерал-адъютант Дмитрий Сергеевич Арсеньев. Большую роль сыграли, кроме того, К. П. Победоносцев и граф Е. В. Путятин. Председательство в этом обществе Великого князя Сергия сразу, несмотря на многие препоны, решало вопрос о его официальном открытии. Князь Сергей не сразу согласился встать во главе Палестинского общества, взвешивая свои возможности принести действительно пользу делу. Но после поездки на Святую Землю для него это стало вопросом личной веры. Важно и то, что к Святой Земле тяготели и родители Великого князя: Император Александр II и Императрица Мария Александровна. Еще до начала деятельности Палестинского общества русские начали водворяться на Св. Земле. Известен своей деятельностью архимандрит Антонин (Капустин), опиравшийся, судя по всему, на те средства, которые ему выделяла Императрица. В 1868 году он купил знаменитый Мамврийский дуб, а затем «принялся усиленно скупать участки земли, имеющие в каком-нибудь отношении важное для поклонников (паломников. — ред.) значение, и устраивал приюты для них (Императорское Православное Палестин-

ское Общество и его деятельность...). 5 августа 1886 года все участки земли в Бет-Джалле были принесены архимандритом Антонином в дар князю Сергию. Князь Сергей становится во главе Православного Палестинского общества, председателем которого он был 23 года, до конца своей жизни. Палестина вошла в сердце князя Сергия, стала святым покровом его души. В его деятельности в Православном Палестинском обществе проявилась вся его горячая любовь к Богу. Есть свидетельства, что еще его отец, Император Александр II, в свое время сказал первому председателю, статс-секретарю Палестинского комитета князю Оболенскому: «Это для меня вопрос сердца...». «Вопросом сердца» стала Святая Земля и русское на ней присутствие и для князя Сергия. Дальнейшая жизнь Великого князя показала, что здесь не было ничего случайного. В 1888 году Николай II поручил князю Сергею представлять Императорскую Семью на освящении храма св. Марии Магдалины в Гефсиманском саду, который был построен Романовыми в память Императрицы Марии Александровны, столько сделавшей при жизни для достойного присутствия Русской Церкви на Святой Земле. Храм находится у самой Елеонской горы. Красота и величие Святой Земли потрясли Великую княгиню Елисавету. «Как я хотела бы быть похороненной здесь», — произнесла княгиня. Она подарила храму Евангелие, потир и воздухи. Посещение Святой Земли укрепило княгиню в решении принять Православие. Более того, Господь исполнил ее молитвенное пожелание: мощи святой преподобномученицы Елисаветы погребены именно здесь.

Как председатель Общества князь Сергей приложил много сил для коренного изменения ситуации с русскими паломниками в Святой Земле. Для того чтобы понять, как на рядовом паломнике отразились образование и деятельность Палестинского общества, достаточно сослаться, например, на мемуары протоиерея Кл. Фоменко. «В то время, в которое я предпринял первое мое путешествие в Св. Землю, Палестинского общества еще не существовало. Путешествие на Восток было соединено с большими затруднениями и лишениями. Все это я и мои спутники почувствовали на опыте, когда о. Вассой перевез нас из Пантелеимоновского подворья на пароходе австрийского Ллойда для дальнейшего путешествия в Св. Землю. Мы оказались в положении обездоленных сирот. Провизией на дорогу мы не запаслись. А нам предстояло плавание суток на десять. Поверьте ли, нам на пароходе Ллойда не продавали даже чистой кипяченой воды для чая, а за 5 коп. давали какую-то бурду после отваренной вермишели! Нам на палубе толкали матросы, как рабочий скот. За что?! — я недоумевал. Наши паломники обращались ко мне за защитой (я был единственный Православный священник на палубе). Но мне наносили оскорбления еще более обидные, чем моим соотечественникам... Отдавшись поклонению святым местам Палестины, я мало заботился о потребности дня. Могу сказать только одно: было не без скудости... Все это происходило до открытия Палестинского общества.

Второе путешествие в Св. Землю я совершил уже под покровительством и руководством Палестинского Общества. Положение дела оказалось совершенно иное. Во-1-х, Общество значительно удешевило издержки для путешествия по св. местам Востока, выпустив по уменьшенным ценам «Паломнические книжки» для путешественников I, II и III классов. Книжки эти — сущее благодеяние для паломников. Книжки выдаются туда и обратно на год. Цена? — Из Киева, напр. <имер>, 3-й класс 38 руб. 50 коп. туда и обратно. Во-2-х, Общество устроило обширные странноприимные дома в Св. Граде. Это так называемые «Палестинские постройки», при которых имеются: чайные, столовые, читальни, прачешные помещения и даже русские бани. Чего больше! В-3-х, уже

у берега Яффы нашего неопытного паломника ожидают кавассы Палестинского общества. Кавассы эти по преимуществу черногорцы, знающие и турецкий, и русский языки. Кавассы эти — образец услужливости, порядочности и бдительности по своей службе. Они точно дядьки для наших паломников на Востоке...

Палестинское общество воспользовалось, по окончании последней войны с Турцией, отменой того пункта Парижского трактата, заключенного после Крымской войны, в силу которого наши корабли могли доходить только до вод Золотого Рога в Царьграде. Мраморное море, Дарданелльский пролив, Архипелаг и Средиземное море были закрыты для наших кораблей и даже торговых пароходов. Вот почему в Константинополе мы должны были пересаживаться на австрийские пароходы. Теперь наши торговые пароходы свободно проходят все прописанные выше воды. Палестинское Общество вошло в соглашение с русским обществом пароходства и торговли по понижению цен для паломников. Садясь на пароход в Одессе или Севастополе, наш паломник теперь водворяется на родном пароходе дешево до самой Яффы. Здесь он как у себя дома. Капитанам пароходов дана инструкция не стеснять на пароходах наших паломников в отправлении сими последними богослужебных священнодействий. Теперь на русском пароходе вы в течение дня слышите или чтение акафистов паломниками, или пение священных песнопений. И особенно это заметно по утрам и вечерам. Это христианская заслуга Палестинского общества. Во время второго моего путешествия я накануне праздника Св. Троицы мог безпрепятственно совершать в каюте I класса вечернюю и утреннюю и прочую коленопреклоненные молитвы дня Св. Троицы. А на пароходе Ллойда нам и втайне помолились не давали. Спасибо Палестинскому обществу! (Прот. Кл. Фоменко. Личные воспоминания. Киевские епархиальные ведомости. 1907. № 21).

Но самое умиленное замечание протоиерея Фоменко — о том, что сделало Палестинское общество на Св. Земле для христианского воспитания местного населения: «Раз, по дороге из Вифлеема в Иерусалим я зашел в школу в селе Бет-Джала. Мне сказали, что там будет выпускной экзамен. На этот экзамен приехал и патриарх Герасим (уже почивший). С ним приехала большая свита греческого духовенства. Экзамен производился на русском языке. Женская школа в Бет-Джале. Положительно могу сказать, что этот прекрасный экзамен напомнил мне экзамены в наших епархиальных женских училищах. Русский выговор арабов был безупречен. Патриарх экзаменовал по катихизису и св. истории на арабском языке. Посещал я школу Палестинского общества еще и в городе Бейруте. Меня поразила масса детей. Это просто был цветник малюток, жизнерадостных, приветливых. Таких школ Общество основало в полудикой Палестине и Сирии немало».

Великий князь Сергей пошел еще дальше, он не только открывал школы, в которых обучали местное население русскому языку. Он хотел, чтобы русский язык звучал в Иерусалиме и на Божественной литургии в Храме у Гроба Господня. В декабре 1885 года он обращается к Иерусалимскому патриарху Никодиму с просьбой: «Есть одно обстоятельство, которое нельзя не признать существенно важным для духовных потребностей наших богомольцев в Св. <ятом> Граде. Достигнув своих стремлений, понятно, им хочется помолиться по душе, внимая молитвенным словам на родном, знакомом им языке, но это им почти не удается. Они, конечно, могут слушать службу на русском языке в Троицком соборе на русских постройках, но Троицкий собор для наших поклонников не храм Гроба Господня, не Вифлеемский вертеп, не погребальная пещера Богоматери, между тем на этих

именно святых, кажется им, молитва их скорее дойдет до Престола Всевышнего». Подобные просьбы, — князь Сергей знал это, — должны были вызвать раздражение Иерусалимского священноначалия, но он все равно, упорно и последовательно, как это было вообще ему свойственно, отстаивал интересы русских людей на Святой Земле.

Благодаря Обществу значительно подешевели для паломников поездки на Святую Землю. По свидетельству Архиепископа Дмитрия (Самбикина), «прежде всего Палестинское общество озабочено было об улучшении и удешевлении путешествия русских богомольцев в Св. Землю... Оно с этой целью вошло в сношение с железнодорожными и пароходными обществами и достигло того, что наши богомольцы за крайне дешевую плату, с возможными для них удобствами, отправляются в Св. Землю: там их встречают с радушием, дают удобное помещение, крайне дешевый и хороший стол» (Архиепископ Дмитрий Самбикин. Предсмертные мысли и думы о заслугах Православного Палестинского общества. СПб., 1908, с. 8). В современном жизнеописании преподобного Кукши Нового (Одесского) есть фраза, выражающая удивление по поводу путешествия преподобного в 1894 году (кстати, на одном корабле вместе с Императрицей): «Как видно из рассказов о. Кукши, в то время его земляки — крестьяне часто имели возможность и средства путешествовать во Святую Землю». Дело, конечно, не столько в материальных возможностях крестьян, сколько в результатах деятельности Палестинского общества.

Свою жизнь с будущей святой, принцессой Гессен-Дармштадтской Елизаветой, князь Сергей связал в 1884 году. Принцесса произвела сильное впечатление на всех, кто ее увидел в России. Друг ее жениха, Великий князь Константин Константинович (известный поэт К. Р.) записал в дневнике: «... скоро подошел поезд невесты. Она показалась рядом с Императрицей, и всех нас словно солнцем ослепило. Давно я не видывал подобной красоты. Она шла скромно, застенчиво, как сон, как мечта...» Еще более ярко его впечатление от избранницы Великого князя Сергея выразилось в его стихах:

*Я на тебя гляжу, любясь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно, под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто
Средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту.
И всякий, увидав тебя, прославляя Бога,
Создавшего такую красоту!*

Супружеская молодая пара вызвала всеобщее восхищение. Брак был явно благословен Богом, — это показала вся последующая жизнь Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны до самого их смертного часа. Великокняжеская чета жила в браке как брат с сестрой — а это удел немногих Божиих избранных! Анна Федоровна Тютчева благословила молодых образом «Божией Матери Трех радостей». Она писала Великому князю: «Я бы хотела, чтоб Ваша невеста приняла этот образ как благословение, идущее от Вашей матери и от святого, который столько веков являлся покровителем России и который вместе с тем и Ваш покровитель». Дело

в том, что образ этот в свое время был подарен ею матери князя Сергея, Императрице Марии Александровне — у раки Преподобного Сергея Радонежского. В этот день князь Сергей был благословлен еще одним образом. Великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Я был у него, когда он одевался на свадьбу, и благословил его образом с надписью «Без Мене не можете творить ничего»...» Думал ли Великий князь, избирая себе невесту по сердцу, о том, что его выбор даст Русской Православной Церкви новую святую? Конечно, мысли его были тогда о другом. Но именно его усилиями Великая княгиня Елисавета перешла в Православие, укрепившись в вере и истине. Ему, человеку горячему в вере, пришлось многое перетерпеть, проявить крайнюю и многолетнюю деликатность. В письме от 11/23 января 1891 года к брату Эрнсту Великая княгиня признавалась: «Не думаю, что только земная любовь привела меня к этому решению, хотя я и чувствовала, как Сергей желал этого момента, и я знала много раз, что он страдал от этого. Он был настоящим ангелом доброты. Как часто он мог бы, коснувшись моего сердца, привести меня к перемене религии, чтобы сделать его счастливым; и никогда, никогда он не жаловался; и только теперь я узнала через жену Павла, что у него были моменты, когда он приходил в отчаяние. Как ужасно и мучительно сознавать, что я заставила многих страдать: прежде всего — моего родного, моего любимого мужа». В письме от 18 апреля 1909 года к Императору Николаю II Княгиня Елисавета приоткрыла завесу над этой тайной духовной жизни Великого князя Сергея: «Ты пишешь о духе прелести, в который, увы, можно впасть и о котором мы часто говорили с Сергеем. Когда я была протестанткой, Сергей, с его большим сердцем и тактом, никогда не навязывал мне своей религии; то, что я не разделяла его веры, было для него большим горем, но он находил силы стойко переносить его — благодаря отцу Иоанну, который говорил: «Оставьте ее в покое, не говорите о нашей вере, она придет к ней сама». Слава Богу, все произошло именно так. Сергей, который знал свою веру и жил по ней настолько истинно, насколько может настоящий Православный Христианин, и меня (так) возматил и, благодарение Богу, предостерег от этого «духа прелести», о которой ты говоришь» (Материалы к житию... с. 25). Князь Сергей действительно «возматил» для Православной Церкви святостью своей супруги, что было бы совершенно невозможно без его личного примера, о чем и пишет Великая княгиня. Это неложное свидетельство о святости жизни Великого князя Сергея. Именно через личный пример своего мужа усваивала будущая преподобномученица Елисавета красоту и истинность Православной веры. В письме к отцу из Петербурга 8/20 марта она писала: «Земное счастье я всегда имела — когда была ребенком в моей старой стране, а как жена — в моей новой стране. Но когда я видела, каким глубоко религиозным был Сергей, я чувствовала себя отставшей от него, и чем больше я узнавала его Церковь, тем больше я чувствовала, что она приближает меня к Богу. Это чувство трудно описать». В другом письме к своему отцу она снова говорит о Православии именно как о «вере своего мужа»: так тесно слиты для нее оказались истины Православия и личный пример благочестивой христианской жизни князя Сергея: «Это было бы грехом оставаться так, как я теперь, — принадлежать к одной церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым: никогда не старался принудить меня никакими средствами, предоставляя все это совершенно одной моей совести. Он знает, какой это серьезный шаг, и что надо было быть совершенно уверенной, прежде чем решиться на него. Я бы это сделала даже и прежде, только мучило меня то,

что этим я причиняю Вам боль». И в этом же письме снова тот же мотив: «Я так сильно желаю на Пасху причаститься Святых Тайн вместе с моим мужем».

Зато какая, наконец, полная радость была у князя Сергея, когда его жена приняла решение о переходе в Православие! Он был тронут до слез: «Великая княгиня по собственному внутреннему побуждению решила присоединиться к Православной Церкви. Когда она сообщила о своем намерении своему супругу, у него, по словам одного из бывших придворных, «слезы невольно брызнули из глаз»...» (Архиепископ Анастасий Грибановский. Светлой памяти Великой княгини Елисаветы Федоровны. М., 1995. С. 71).

12/25 апреля в Лазареву субботу было совершено таинство миропомазания Великой княгини Елисаветы Федоровны с оставлением ей прежнего имени, но уже в честь святой праведной Елисаветы — матери святого Иоанна Предтечи. В жизни не бывает ничего случайного. Приняв святое имя матери св. Иоанна Предтечи, Елисавета Федоровна удостоилась в 1911 году посещения Иоанно-Предтеченского скита в Оптиной пустыни, куда женщин никогда не пускают. Там получила она из рук настоятеля скита, иеромонаха Феодосия, икону Св. Иоанна Предтечи с благословением: «Примите, Ваше Императорское Высочество, образ Св. Иоанна Предтечи, покровителя скита сего. Да будет он покровителем и вашим и да хранит вас на всех путях вашей жизни». После Миропомазания Император Александр III благословил свою невестку драгоценной иконой Нерукотворного Спаса, с которой Елисавета Федоровна не расставалась всю жизнь и с ней на груди приняла мученическую кончину в Алапавске. Теперь она могла сказать своему супругу словами Библии: «Твой народ стал моим народом, твой Бог — моим Богом» (Рувф 1: 16).

МОСКВА

В 1891 году Великий князь назначается генерал-губернатором Москвы. Жить ему осталось 14 лет. Это были лучшие и плодотворнейшие годы его жизни, в Москве он проявился не только как государственный человек, но и как духовная личность. В эпоху всеобщей распущенности, в преддверии прихода «великого хама», князь не просто занял консервативную позицию по отношению ко всему совершающемуся. В своей деятельности он пошел духовным путем «удерживающего». Следует помнить о том, как тесно переплеталась в тот момент защита Монархии и защита Православия. В основе разрушения лежали, как всегда, духовные причины. Недаром вскоре после убийства князя Сергея, в 1906 году, в дни Страстной седмицы, хорошо знавший его, неоднократно с ним встречавшийся будущий священномученик митрополит Владимир (Боголюбский) в своей проповеди в церкви Московского епархиального дома говорил об этом времени: «Ни для кого не тайна, что мы живем во время не одной только политической, но и религиозной борьбы». Современники свидетельствовали: он «старался поднять нашу древнепрестольную столицу в различных отношениях, особенно в смысле хранения в ней, как исконно русском центре, ее национально-исторических преданий. И поникшее было в прежнее время, под воздействием чуждых нам влияний, значение ее святынь, исторических достопримечательностей, самого уклада жизни московской при нем поднялось, возвысилось и стало виднее во всех концах России» (Неоцененной памяти скончавшегося мученической смертью Великого князя Сергея Александровича. М., 1905). Либерализация и бездуховность начали захлестывать Россию. В этих условиях Великий князь не считал себя вправе идти на безконечные уступки, лишь разжигая аппетит

толпы. Революционные круги считали его главою «партии сопротивления». Историк С. С. Ольденбург в книге «Царствование императора Николая II» (СПб., 1991) писал: «Великий князь Сергей Александрович, много лет занимавший пост московского генерал-губернатора, действительно был человеком твердых консервативных воззрений, способный в то же время и на смелую инициативу» (с. 271).

В 1899 году, когда до революции было еще далеко, лишь немногие видели ее страшную опасность. Среди этих немногих, пытавшихся реальными действиями предотвратить угрожающий ход событий, были такие люди, как К. П. Победоносцев и Великий князь Сергей. Разложение было настолько всеобщим, что князя не понимали иногда даже близкие люди. Великий князь Константин Константинович записывает 30 марта 1899 года в своем дневнике: «Другой лагерь состоит из 3-х человек: Победоносцева, Горемыкина... и Боголепова. Они сумели «подействовать» на Сергея, который всегда склонен преувеличивать политическую неблагонадежность учащих и учащихся, из Москвы то и дело пишет «зажигательные» письма...» (К. Р. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 256). Однако последующие события подтвердили правоту князя Сергея, расплатившегося за свою приверженность Православию и Монархии мученической кончиной. Уже после его смерти Великий князь Константин Константинович запишет в своем дневнике совсем иное: «Хороши думские порядки! Грабежи и убийства по всей России продолжают, грабители и убийцы большей частью благополучно скрываются...» (Там же. С. 306). Более того, сам Константин Константинович расплатится за всеобщее безволие и благодушие мученической кончиной от рук большевиков двух своих сыновей, уже причисленных Русской Зарубежной Церковью к лику святых. Иоанн и Константин были брошены в 1918 году в шахту в городе Алапаевске — вместе с преподобномученицей Елисаветой. Графиня А. А. Олсуфьева писала по поводу убийства Великого князя: «Подобно отцу, Александру II, он стал жертвой революционеров с той лишь разницей, что в 1881 году убили Императора, который должен был на следующий день подписать самую либеральную конституцию; в то время как Великий князь Сергей никогда не скрывал своего мнения относительно дара свободы молодым людям, которую следовало ограничить во избежание злоупотребления ею. Теперь мы видим, что его опасения были оправданы...» (Кучмаева И. К. Жизнь и подвиг Великой княгини Елизаветы Федоровны. С. 122).

Среди тех обвинений, которые выдвигаются против князя Сергея как генерал-губернатора Москвы, главное — трагедия на Ходынском поле, случившаяся во время коронации Императора Николая II в 1896 году. Действительно, на Ходынском поле погибло очень много людей из-за давки. Считают, что власти Москвы должны были выставить гораздо более полиции, чем ее было в дни коронации. Может быть, генерал-губернатор и допустил какую-то ошибку, хотя надо помнить пословицу: «Не ошибается тот, кто ничего не делает». Но следует учесть и другое. Люди — и простонародье, и приближенные Императора — чувствовали, что Ходынка — не просто катастрофа, а лишь мистическая увертюра к настоящей эпохальной катастрофе, которая случится в царствование Николая Второго. Обвинявший «по-родственному» Великого князя Сергея его двоюродный брат Константин Константинович записывает не после революции 1917-го или хотя бы 1905 года, а 26 мая 1896 года в своем дневнике, что в событиях на Ходынке «сказалась воля Божия». Люди понимали, что Бог недаром попустил при коронации такие жертвы. Эта же мысль просматривается и в известных описаниях Ходынской драмы. Дело в том, что в неофициальных

описаниях коронации 1896 года невольно прорываются свидетельства того, что народная масса к этому времени уже в значительной степени груба и развращена, дышит предреволюционными настроениями, ведет себя не по-христиански. Поведение народа на Ходынском поле пробуждает самые мрачные мысли относительно того, чем же являлась народная толпа к концу XIX века. В Москву («на народные гулянья») пришло людей в несколько раз более того, чем ожидалось, — по одним сведениям около полумиллиона, а по другим — более миллиона крестьян со всей подмосковной округи и европейской части России. Многие из них пришли совсем не для того, чтобы помолиться вместе за нового Царя (а молитва за Царя — главный смысл собрания Русской Земли на коронации!) или просто хотя бы «посмотреть на Царя». Пришли за бесплатными подарками, за бесплатным медом и пивом, бочки которого были выставлены на Ходынке. Даже враги русского Царя не могли скрыть своего презрения к той обезумевшей от возможности получить «бесплатные подарки» людской массе, которая медленно давила сама себя на огромном поле под необычным майским солнцепеклом. Описания, данные в книге «главного обвинителя» царской власти по поводу Ходынки Василия Краснова «Ходынка. Записки не до смерти растоптанного» (М. — Л., 1926), ужасают. Перешагивая через трупы, люди рвались за бесплатным вином, черпая его картузами, ладонями. Было много утонувших в бочках. Краснов пишет о том, что Ходынка являлась прежде всего «отражением тупости, темноты и зверства» толпы, которая «не справилась сама с собой, впервые собравшись в таком множестве, собранная приманками небывальными».

Удерживая руку разрушителей веры и государства, Князь Сергей на посту генерал-губернатора Москвы неустанно созидал. Несмотря на свою занятость, он участвовал в деятельности многих просветительских и благотворительных организаций: Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей; Комитета для оказания пособий вдовам и сиротам, пострадавшим на войне; Московского общества покровительства беспризорных и освобожденных из мест заключения несовершеннолетних; Московского Совета детских приютов, Иверской общины сестер милосердия. Много лет он заботился о становлении Московского исторического музея. Его усилиями приобретались новые экспонаты и музейные коллекции. Великий князь проявлял внимание ко всему, что отзывалось восстановлением духовных и национальных традиций. В 1904 году он издал распоряжение «о собирании и представлении самых точных сведений о существующих в Москве частных духовно-певческих хорах» (Кучмаева И. К.). Верной помощницей при этом была ему его жена, Великая княгиня Елисавета, также склонная к прямому, честному, а потому и деятельному проявлению веры. Еще до организации Марфо-Мариинской обители она стремилась к деятельной христианской жизни.

Это стремление супругов жить для Бога, ежедневно благотворить проявилось и в их подмосковном имении Ильинское. В Ильинском Великий князь Сергей построил родильный дом для женщин-крестьянок. В этой больнице часто совершались и крещения новорожденных детей. Восприемниками бесчисленных крестьянских младенцев были Сергей Александрович и Елизавета Федоровна. В праздники (преп. Сергия Радонежского, св. пророка Илии, св. прав. Елисаветы) в Ильинское стекались люди со всей округи. Современник рассказывает: «Чем только не обязаны им (великокняжеской чете — В. М.) здесь крестьяне: и школами... и больницами, и щедрой помощью в случаях пожара, падежа скота и всякой другой беды и нужды... Нужно было видеть Августейших помещиков в селе Ильинском в день престольного праздника,

в Ильин день, среди крестьян после обедни на ярмарке. Почти все привозимое скупается ими и здесь же раздается крестьянам и крестьянкам от мала до велика. Крестьяне сел Ильинское, Усова и других, как дети, сердечно сроднились с Их Высочествами» (Неоцененной памяти скончавшегося мученической смертью Великого князя Сергея Александровича. М., 1905).

Недалеко от Ильинского расположился Саввино-Стожаровский монастырь. Впервые здесь Князь Сергей был в 4 года. Монастырь истари пользовался благосклонным вниманием русских государей. На поклонение мощам преподобного Саввы приезжал еще царь Иоанн Грозный с супругой Анастасией Романовной, а позже — царь Федор Иоаннович. Когда при царе Алексее Михайловиче монастырь стал царской загородной резиденцией, здесь были возведены царские палаты и дворец Государыни. Здесь Князь Сергей дышал воздухом русской коренной истории. Не от того ли так любил он Ильинское?

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

Мы мало знаем о почитании Князем Сергеем русских святых. Знаем лишь о его личном благочестии. Однако исключением является преподобный Серафим Саровский, в прославлении которого Великий князь принял самое деятельное участие. Присутствие на торжествах во дни прославления преподобного в июле 1903 года стало большим событием в жизни Великого князя Сергея и Вел. кн. Елисаветы. Государь Николай Александрович отметил в своем дневнике: «15 июля тронулись в путь на богомолье в Саровскую пустынь... 16 июля... утром в Москве к нам сели в поезд дядя Сергей и Элла...»

О пребывании в Сарове Князя Сергея и Княгини Елисаветы свидетельствуют воспоминания архимандрита Сергея Страгородского, будущего патриарха: «Из-за угла вылетела тройка: подъехал встречавший на границе губернии губернатор. Вскоре за ним оттуда же показалась четверка, а в открытом ландо Царь и Царица. Непосредственно за ними еще четверка, на которой приехала Царица-мать. Далее — экипажи с Великими князьями и княгинями... Когда Государь приблизился к воротам, на минуту звон прекратился, Владыка митрополит сказал краткое приветствие, царственные особы приложились ко кресту, приняли кропление святой водой, поздоровались с Владыкой и впереди прежней духовной процессии, при звоне колоколов, при пении «Спаси, Господи, люди твоя...» направились в Успенский собор. От ворот до собора направо стояли духовенство, хоругвеносцы, дивеевские монахи, народ; налево — саровские иноки, духовенство и народ. Момент — в высшей степени торжественный... По желанию Государя, из собора его провели в церковь Зосимы и Савватия... И Государь со всей царственной фамилией здесь впервые преклонился пред угодником Божиим... Владыка Митрополит осенил всех крестом, один из саровских иноков, в мантии, поднес Государю при входе во дворец хлеб-соль (черный хлеб на деревянном блюде)... И обитель с этого момента приняла в свои стены Августейших гостей... На торжества в Саров прибыли также Великие князья Сергей Александрович с супругой Елисаветой Федоровной...»

Архимандрит Сергей вспоминает, как священнослужители ранним утром перенесли гроб, в котором пребывали мощи преподобного, в часовню. «Мы с отцом Никоном крышку принесли немного пораньше гроба, минуты на две — три. В часовне было несколько монахов, иереев... Пришли офицеры из охраны... Вдруг сюда же входят военные генералы, дамы, барышни... Я стоял у крышки и не обратил сначала

особенного внимания... Но всматриваюсь... И что же? Это — Великий князь Сергей Александрович с Великой княгиней Елисаветой Федоровной, и Великая княгиня Ольга Александровна с принцем Петром Александровичем Ольденбургским. Тронули они нас всех до глубины души... Когда им ответили, что принесли гроб, в котором лежал в земле преподобный, они преклонились перед крышкой гроба (а гроб опускали в могилу), целовали ее. В гробу, от ветохости его, есть нечто вроде праха, пыли... Они брали эту пыль, завертывали ее в бумажки и уносили с собой... А Великий князь Сергей Александрович даже помогал опускать гроб в могилу...» Гроб со святыми мощами преподобного был перенесен в Успенский собор из церкви святых Зосимы и Савватия Крестным ходом. Вместе с Государем Николаем Александровичем гроб нес Великий князь Сергей. Великий князь был человеком горячей веры. Как и другие, веровавшие в заступление Божиего угодника Серафима, он унес с собою частичку гроба преподобного. Кроме того, ему была подарена великая святыня — мантия Преподобного Серафима, которая по возвращении из Дивеева была выставлена для всеобщего почитания в Большом Успенском соборе Кремля. В то время многие москвичи, приложившись к ней, получили исцеление от болезней. Впоследствии мантия была перевезена в храм св. пророка Божия Илии, который находился в имении Великого князя — селе Ильинском (Кучмаева И. К. С. 69). Мантия Преподобного Серафима осеняла Князя Сергея и после его мученической кончины: она была положена в храме-усыпальнице Великого князя.

19 июля 1903 года Архимандрит Сергей записывает в своем дневнике: «Вдоль толпы иногда проходит В. К. С. (Великий князь Сергей. — В. М.) и раздает народу книжки и листки...»

Князь Сергей и Княгиня Елисавета были свидетелями многих чудесных исцелений, происходивших у мощей преподобного Серафима. Например, на следующий день после прославления в Успенском соборе мать немой девочки отерла своим платком гроб с мощами преподобного, а потом лицо своей дочери, и та сразу заговорила. В письме из Сарова Княгиня Елисавета писала: «...Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру! Казалось, мы живем во времена земной жизни Спасителя. И как они молились, как плакали — эти бедные матери с больными детьми, — и, слава Богу, многие исцелялись. Господь сподобил нас видеть, как немая девочка заговорила, но как молилась за нее мать!»

МУЧЕНИЧЕСКАЯ КОНЧИНА

Разрушители русской государственности справедливо считали Великого князя главой «партии сопротивления», и они неминуемо должны были сделать его одной из своих первых кровавых жертв. И хотя он, будучи не согласен с нерешительными мерами правительства против серьезной угрозы государственного переворота, подал 1 января 1905 года в отставку с поста генерал-губернатора Москвы и остался лишь на должности командующего Московским военным округом, революционеры не оставили его в покое. 5/18 февраля 1905 года Великий князь выехал из Николаевского дворца в губернаторский дом. В 2 часа 47 минут уроженец Варшавы Иван Каляев бросил в карету Князя бомбу. Тело убиенного князя Сергея было разорвано и страшно изуродовано. Великий князь Гавриил, любивший «дядю Сергея» и помнивший его с детства, в своих воспоминаниях пишет: «Говорили, что сердце дяди Сергея нашли на крыше какого-то здания. Даже во время похорон приносили части его тела, которые находили в разных местах в Кремле, и клали их завернутыми в гроб» (Великий князь Гавриил Констан-

тинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб. — Дюссельдорф, 1993. С. 41). Вместе с Великим князем мученическую гибель от бомбы террориста принял его кучер Андрей Алексеевич Рудинкин. Сразу после взрыва Великая княгиня выбежала из дворца, она еще имела в себе силы с великим самообладанием собирать по частям разбросанное тело мужа. Уцелели нательный крест и образки. Останки Великого князя Сергея были покрыты солдатской шинелью, на носилках отнесены в Чудов монастырь и поставлены близ раки святителя Алексия, Небесного покровителя Москвы и духовного друга преподобного Сергея Радонежского. Потом шинель, которой было покрыто тело князя Сергея, и носилки были помещены в храм-усыпальницу, как и многие иные вещи, с которыми оказалась связана духовная жизнь и мученическая кончина князя. Отпевал Великого князя 10 февраля будущий священномученик Митрополит Владимир (Боголюбский) со всеми викарными Епископами и духовенством столицы.

То, что террористы совершили свое злодеяние спустя месяц после отставки Великого князя, свидетельствует об одном: преступление было не столько политическим, сколько духовным. Мученический характер его кончины сразу почувствовали современники. Так, протоиерей Митрофан Сребрянский записал: «7 февраля. Сейчас служили мы панихиду по новомученику Царствующего Дома Великом князе Сергие Александровиче. Царство Небесное мученику за правду!» (О. Митрофан Сребрянский. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 250). Именно как мученичество восприняла смерть мужа и Великая княгиня Елисавета. В телеграмме от 8 февраля 1905 года она писала представителям Московской городской думы: «Искренно благодарю Думу за молитвы и за выраженное Мне сочувствие. Великим утешением в Моем тяжелом горе служит сознание, что почивший Великий князь находится в обители Святителя Алексия, память которого Он так чтит, и в стенах Москвы, которую Он глубоко любил и в Святом Кремле которой Он мученически погиб».

Три года спустя, в 1907 году, протоиерей священномученик Иоанн Восторгов в день памяти преп. Сергея Радонежского сказал: «Сегодня именины Преподобного отца нашего Сергея, память святых мучеников Сергея и Вахка; в честь одного из них и назван великий радонежский подвижник и всея России чудотворец. Не вспоминается ли нам невольно умерший смертью мученика, сонмищенный преподобному Сергию и имевший его небесным покровителем, царственный витязь и подвижник за землю русскую благоверный Великий князь Сергей Александрович... В этот час заупокойного о нем моления, продолжая в любимой им Москве любимое им дело, мы призываем его светлый дух, и, прощая его к радости подвига во имя Церкви и России, мы умоваем на невидимое его нам воспоможение духом его любви, его загробного дерзновения в молитве к Богу» (Прот. Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. СПб., 1995. С. 350-353). А архимандрит Анастасий в память о Великом князе сказал, что злодеи хотели запятнать Кремль царственной кровью, но лишь «создали новый опорный камень для любви к Отечеству», дали «Москве и всей России нового молитвенника».

Известно, что Великая княгиня Елисавета навестила в тюрьме убийцу своего мужа, террориста Каляева, и простила его от имени мужа. Много лет сотрудничавший с князем Сергием В. Ф. Джунковский писал по этому поводу: «Она, по своему характеру всепрощающая, чувствовала потребность сказать слово утешения и Каляеву, столь безжалостно отнявшему у нее мужа и друга». Узнав, что Каляев — человек крещеный, она подарила ему Евангелие и маленькую иконку, призвав его к покаянию. Она же просила Императора о помиловании

убийцы. Но Каляев не проявил раскаяния и отказался просить о помиловании. Он даже дерзновенно писал Великой княгине, что лишь «посочувствовал» ее горю, потому и говорил с ней, но не жалеет о содеянном зверстве...

2 апреля 1908 года на месте гибели Великого князя Сергея был установлен памятник-крест сооруженный на добровольные пожертвования пятого гренадерского полка, шефом которого при жизни был покойный. Крест был сделан по проекту художника В. Васнецова, на кресте запечатлена была Евангельская строфа: «Отче, отпусти им, не ведают бо что творят». После революции крест был разрушен, причем 1 мая 1918 года его собственноручно сбросил веревкой с постаментов — Ленин. Сейчас копия этого креста установлена в Новоспасском мужском монастыре, куда в 1995 году были торжественно перенесены останки Великого князя Сергея. Ему поклоняются все, кто проходит в храмы Новоспасского монастыря. Надгробие князя Сергея находится в нижнем храме — во имя св. Романа Сладкопевца. Храм является родовой усыпальницей Романовых.

Великий князь Сергей был погребен в Чудовом монастыре, который был разрушен в начале 30-х годов. Вместе с тем был уничтожен и храм-усыпальница. Но все-таки, по Божию Промыслу, пришло время собирать разбросанные камни. В 90-х годах, когда в Кремле производились ремонтные работы, было обретоено место погребения убиенного князя Сергея. 17 сентября 1995 года его останки были перенесены в Новоспасский монастырь. В храме Романа Сладкопевца проходят службы, и князю Сергию верующие люди поклоняются как святому мученику. Перед его надгробием постоянно можно увидеть молящихся на коленях людей. Известно, что в монастыре уже начали записывать случаи исцелений, связанных с мощами князя Сергея. Например, женщина, в течение 15 лет страдавшая экземой на руках, свидетельствовала, что получила исцеление, когда разбирала личные вещи Великого князя, обретенные на месте его захоронения.

При жизни Великого князя преподобномученица Елисавета Федоровна свидетельствовала, что именно личный пример истинной христианской жизни князя Сергея Александровича привел ее в Православную Церковь. Мученическая кончина, которой он удостоился, не только подтвердила ее слова, но показала и большее, о чем она не могла сказать при его жизни: его жизнь была воистину личным подвигом «удерживающего». Не отсюда развела столь озлобленная клевета, которой, как правило, подвергались в нашей истории самые чистые, самые патриотически настроенные и много сделавшие для Отечества личности? В. В. Вяткин в своей книге «Христовой Церкви цвет благоуханный. Жизнеописание преподобномученицы Великой княгини Елисаветы Феодоровны» (М., 2001) пишет: «Он был оклеветан не только революционерами, врагами великой национальной России, но и многими представителями «высшего» общества. Его неутомимо чернили за рубежом, чем особенно прославился германский император Вильгельм II. Но он, помня слова Спасителя, «в мире скорбни будете» (Ин.16, 33), высоко неся имя Православного Христианина, не воздавал им злом за их беззакония. Мать-Церковь обильно подавала ему свои утешения, и он наслаждался Ее святинею. Однако безбожный мир продолжал жестоко преследовать его, и, наконец, он был зверски убит» (с. 47). Не так давно мощи его благоверной супруги преподобномученицы Елисаветы простествовали по всей необъятной России. Думается, не так уж и далек тот день, когда мы сможем восстановить историческую справедливость, воздать должное святой душе и святому жизненному подвигу Великого князя.

В. И. МЕЛЬНИК

Николай ДОРОШЕНКО
ЗАПРЕТНЫЙ ХУДОЖНИК
Повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ, сообщающая о том, как к торговцу Сумарину явился художник Шадрин, которого, если рассуждать здраво, уже не должно быть.

На Тверской улице, ранее отличавшейся мрачноватой, почти в одну краску, имперской самодостаточностью, а теперь нетерпеливо изукрашенной рекламной мишурой, есть одна витрина, способная своим слишком уж незатейливым видом озадачить любого самого опытного дизайнера. Ее широкий подиум едва прикрыт серенхим, то ли как бы, то ли действительно наспех брошенным льняным полотном; в складки же этой простенькой тряпицы утопают остриями нетвердых шарнирных ножек очень ветхий этюдник; слева от этюдника — действительно допотопного, в усохших остатках краски, — располагается явно дорогушая рама, обрамляющая, однако, не живописную картину, а установленный сзади нее кувшин с кистями, тоже бывшими в употреблении. И наконец, в верхней части витрины сияет молочного-белая вывеска, на которой строгим школьным курсивом начертано: «Художественный салон на Тверской. Выставка-продажа».

Впервые эту витрину я увидел года два назад, когда выпала мне надобность вместе с одним приятелем, весьма склонным к изобретению разного рода риторических фигур, прогуливаться от Пушкинской площади в сторону Белорусского вокзала. «Вот, обрати внимание, — не преминул заметить он, указывая на вдруг обнаруженную нами в самом центре столичного торгового царства столь очевидную аллегорическую простодушную, — ежили торгуешь ты предметами, адресованными самой вечности, то тебе и не важно, как выглядит твоя витрина». Признав такое суждение остроумным, я, тем не менее, владельца худсалона представил себе не в виде самонадеянного негоцианта, а эдаким бородачом-художником, привыкшим работать сутками, выставляющим водку, колбасу и хлеб нечаянным своим гостям непременно на газету, чтобы остатки устроенного на скорую руку пирата затем в этой же газете выбросить в мусоропровод.

Впрочем, Дмитрий Иванович Шадрин, с которым я знаком уже много лет, ни в лучшие свои годы, когда только его имя было на устах у наиболее жадной к искусству столичной публики, ни в период своего классического изгойства отрачивать бороду и закусывать с газеты не научился. Причина тому, однако, проста: его мастерская располагается в том же подъезде по улице Дорогомиловской, где и квартира; так что всегда, незримо и зримо, присутствует рядом с ним его тихая жена Даша, к которой он за четверть века их совместной жизни не утратил своей то беспомощной, то покровительственной привязанности.

Но, я более чем уверен, что Дмитрий Иванович, однажды обнаружив на Тверской улице вышеозначенную витрину, во владельце салона предположил, как и я, скорее родного брата-художника, чем коммерческого небожителя. Потому в один из самых щепетильных моментов своей судьбы (это значит, что от долгов у него уже кружилась голова!) он посмел заявиться именно сюда.

Разумеется, Дмитрий Иванович вошел в салон той особой уверенной походкой, которая сразу же выдала в нем человека, пребывающего в крайнем отчаянии. А чтобы получить возможность заново сгруппироваться и следующие этапы этого своего столь, оказывается, мучительного предприятия выполнить более хладнокровно, стал он делать вид, что изучает живопись, густо, до самого потолка, повешенную по стенам небольшого, ярко освещенного зала. Но все картины оказались одинаково декоративными, так что Дмитрию Ивановичу выпало лишь вращать головою, ни на одном из живописных творений своего даже нарочитого внимания не задерживая.

Поскольку других посетителей в салоне, как нарочно, не оказалось, слишком быстро (худя быстрее, чем он успел собраться с духом) появилась перед Дмитрием Ивановичем юная и тоже вполне декоративная особа.

— Вам в чем-то помочь? — спросила она с тем чисто служебным энтузиазмом, который ни к чему не обязывает лишь вполне уверенных в себе людей.

— Вот, работу хочу предложить на реализацию... — поспешил сообщить Дмитрий Иванович. И тут же принялся возиться с узлом на шпагате, опоясывающем его закутанную в картон картину. Барышня, едва взглянув на антикварный шпагат (проще же было скотчем воспользоваться!), сразу поскучнела. Но — дожидаясь она терпеливо. Хотя — эта её терпеливость тоже была весьма кукольной, так что Дмитрий Иванович, у которого узел никак не спешил распутываться, ощутил себя уже полным ничтожеством.

А когда картина была и распечатана, и водружена на маленький столик в углу зала, невольная мучительница художника вмиг преобразилась. Глаза ее, и без того огромные, вдруг широко распахнулись, маленький, плотно окрашенный ротик тоже, словно в беззвучном вскрике, открылся.

— Какое чудо! — наконец-то вымолвила она. И тут же торпливо добавила: — Вам надо к директору зайти!

Директор — вовсе не бородач, а молодой человек лет тридцати, с болезненно гладким и мягким, но в то же время весьма энергичным лицом, одетый в широкий серый костюм без галстука, — располагался за узкой, едва различимой меж картин дверью.

— Тут вам, Виктор Петрович, самому придется решать... — едва отворив дверь в директорский кабинет, доложила барышня почти шепотом.

Дмитрий Иванович, умудрившийся из чрезмерной деликатности на директора даже не взглянуть, нашел для своей картины место в промежутке между породистым сейфом и таким же, с солидной осанкой, шкафом. А барышня, едва убедившись, что и на шефа картина произвела отнюдь не рядовое впечатление, ничего не стала добавлять к своим предварительным словам, тут же исчезла.

— Так мог писать только Шадрин! — Вот первое, что вымолвил директор после продолжительной паузы. — Вы, может быть, слышали о таком художнике?

Дмитрий Иванович, не сумев преодолеть внезапного сильного волнения, промолчал.

— Но я вас должен огорчить! — то ли кривовато, то ли действительно виновато вдруг усмехнулся директор. — Мы тут, я извиняюсь, бижутерией торгуем, а вы нам принесите, скажем так, авторскую работу!

Далее хозяин салона еще и в более замысловатых выражениях продолжил называть Дмитрию Ивановичу причины, по которым картину оставить в салоне — невозможно.

Наконец художник, осторожно ткнув пальцем в нижний правый угол живописного полотна, где можно было различить авторскую подпись, вымолвил:

— Но вроде бы как я и есть Шадрин...

Директор сначала стал тереть кулаком свое широкое и мягкое переносье, затем, спохватившись, протянул художнику руку и скороговоркой представился, затем усадил гостя в мягчайшее кожаное кресло возле небольшого чайного столика.

— Ах, была бы у вас минутка! — тающим, как дым, голосом воскликнул он. — Есть ли у вас хоть одна минута, а?

— Да времени-то у меня достаточно...

— Я ради такого случая все свои дела могу отменить! — Директор плюхнулся напротив художника на такой же, видимо, как и кресло, необыкновенно мягкий диван. — А все же,

я прошу прощения, вы случайно в наш салон пришли или вам кто-то посоветовал? Мне это важно знать...

— Деньги мне нужны... — сказал Дмитрий Иванович и нервно зевнул.

— Да, да... — вымолвил директор.

Но когда Дмитрий Иванович, все-таки справившись с нервной зевотой, вдруг принялся рассказывать о наиболее тяжелых обстоятельствах своей жизни, то стало ему казаться, что хозяин худсалона в слова его уже особо не вникает. Тем не менее остановиться Дмитрий Иванович не мог. Уныло поведал он Виктору Петровичу Сумарину (так звали директора) и о том, что все его более чем достаточные финансовые запасы пятнадцать лет назад превратились в пыль, и о своей жене, искусствоведческие статьи которой теперь публикуют лишь те издания, которые гонораров не платят, и о сыне Иване, который семьей обзавелся, но зарабатывает копейки, и о давно проданном автомобиле, и о ценах на краски, ставших запредельными, и даже о новых порядках на Миусском телефонном узле, при которых, чуть помешкав с оплатой, сразу же остаешься с отключенным телефоном. А Виктор Петрович Сумарин нетерпеливо ерзал на своем просторном диване, и можно было подумать, что бывшую знаменитость он не прерывает лишь ради приличия. Так что Дмитрий Иванович немало душевных сил потратил еще и на то, чтобы вся его и без того чистая правда выглядела как можно правдоподобнее.

— Честное слово, — заметно дрожащим голосом вымолвил под конец он, — я действительно с этой картиной влип... Вроде бы и писал же я ее специально, чтоб кто-то купил... Не каждую же картину можно повесить на стену... А одних только эскизов к ней я написал больше десятка... Я ведь без подготовки, не подумавши, даже табуретку не стану писать!

— А может быть, вы согласитесь выпить по капелюшке! — предложил директор, дождавшись возможности вставить свое слово, и впервые более или менее внятно взглянул Дмитрию Ивановичу в глаза. Но тут же с предложения выпить вдруг переключился на иное: — Должен вам признаться, пока вы говорили, я тут сидел и думал: ну, почему, почему мне раньше никогда в голову не пришло, что вы еще, я извиняюсь, живы и что вам, наверняка, не больше... ну-у, может быть, пятьдесят лет!

— Пятьдесят один год исполнился, — скорбно уточнил художник.

— Да у меня же дома хранится и ваш альбом знаменитейший! И вас я теперь узнаю по «Автопортрету» из этого альбома! Но, — тут Сумарин развел руками, — по какой-то дьявольской логике... по невероятнейшей, так сказать, логике я полагаю, что вы остались в прошлой, в прошедшей, так сказать, жизни, что в нынешней жизни, скажем так, вы самым законным образом отсутствуете... Прямо-таки бред какой-то! Да если б сам Саврасов вот так же ко мне пришел, то точно так же я не поверил бы!

Дмитрий Иванович, услышав о Саврасове, опять зевнул, а Сумарин решительно поднялся, подошел ко встроенному в осанистый шкаф холодильнику и, не успев Дмитрий Иванович из чувства собственного достоинства от угодения отказать, извлек оттуда весьма солидного вида бутылки с коньяком да водкой.

— Вы что будете пить? Впрочем, тут в холодильнике, будто специально к вашему приходу, имеется у нас и сёмгочка, и ветчина. Может быть, водочки выпьем под такую закуску?

Сразу же аппетитно пахнуло давно забытым сладковатым запахом свежесолёной семги. Шадрин (буду я, для краткости, называть своих героев по фамилии), стараясь не замечать ни сёмгу, ни сочную, матово розовеющую на безукоризненно

белом фарфоре ветчину, все-таки не устоял и соблазнился явно добротным кизлярским коньяком. Но желание, не мешкая, взять еще и кусочек приманчивой сёмги да и положить в рот было настолько острым, что, выпив коньяку, он позволил себе отщипнуть лишь кусочек хлебушка.

— У вас тут можно курить? — спросил затем Шадрин и еще более засмущался, потому как показалось ему, что голос его прозвучал обидно.

— Конечно, курите! — воскликнул Сумарин и придвинул к нему поближе массивную пепельницу, которая, оказываясь, стояла посреди столика. — Но для начала давайте еще по рюмочке, а то вы пока к закуске даже не притронулись. А между прочим, отличнейшая сёмга! И ветчина — харьковская! Ручная, так сказать, работа!

Мягко и беззвучно, как маслом, наполнились крошечные водочные рюмки золотистой, солидно пахнущей кизлярской влагой. Но Шадрин сначала все-таки закурил.

— За знакомство и за здоровье! — предложил Сумарин. И опять не преминул подчеркнуть, сколь великим для него событием явился вот этот визит Шадрина: — А ваш альбом мой отец, между прочим, купил у какого-то фарцовщика аж за сто советских рублей! Я это запомнил, потому что мать устроила ему настоящую выволочку. Он, наверно, ни одну вашу выставку не пропустил! Хотя работал по строительной части. Вот так-то!

— Теперь у меня только в Союзе художников несколько работ висят... Потому что открыты персональную выставку на Крымском Валу или, например, еще где-то... тут надо денег много иметь, — сообщил Шадрин.

— Но я все-таки хочу, чтобы мы с вами также и за наше сотрудничество выпили!

— То есть...? — Шадрин замер.

Сумарин вздохнул, выпил коньяк и тоже закурил.

— Видите ли, я отцу своему расскажу, что вы заходили сегодня, он и не поверит, — сказал Сумарин уже более обыкновенно. — Кстати, у нас дома даже одна картина наша висит... Отцу, как самому верному вашему поклоннику, министерство на юбилей эту картину подарило... Там опушка леса такая приятная, а на переднем плане — роскошнейший иван-чай! Да я и сам, можно сказать, по отцовской линии к живописи постепенно пристрастился. Хотя, вы же знаете, чем теперь торгуют наши картинопродавцы... — последнее слово он вымолвил с ударением, почти как «христопродавцы».

— Да... — кратко согласился Шадрин.

— И вот у меня есть к вам предложение... — Мягкие глаза Сумарина вдруг торжественно помрачнели. Он еще раз наполнил рюмки коньяком, поднялся с дивана и медленно, словно на ходу продолжая обдумывать свой внезапный замысел, сказал: — Я, входя в ваше, так сказать, более чем трудное финансовое положение, могу, в конце концов, купить у вас за пару тысяч долларов какие-либо не самые дорогие вещицы. Для себя. А если среди них окажутся более или менее узнаваемые наброски к тем картинам, которые в вашем некогда знаменитом альбоме опубликованы, то старик мой будет на седьмом небе от счастья. Но и вы мне позволите включить вашу фамилию в список экспертного совета. Это мое ноу-хау. Я организовываю выставки-продажи в офисах даже самых именитых фирм. А все начинается у меня с письма и буклетика. Мол, лауреаты государственных и международных премий, и все такое прочее, предлагают организовать у вас выставку-продажу картин современных художников. Просим, так сказать, поддержать наших талантливейших живописцев. А эти, я извиняюсь, олигархи любят, чтобы у них все было только по самому высшему разряду!

— Но если мое имя что-то будет значить для них в письме, то почему же именно мою работу они не могут приобрести

для себя в вашем салоне или на ваших выставках? — Шадрин наконец-то нашел повод для того, чтобы вернуться к разговору об отвергнутой директором картине.

Сумарин смутился. То есть лицо директора на миг приобрело такой же простодушный, как и у витрины его салона, вид. Это Шадрина лишь прибавило смелости, и он повторил свой вопрос еще настойчивее:

— Объясните же мне, наконец, почему вы так уверены, что картины мои никто не купит?

— Видите ли... Ни вашего, ни какого-либо иного стоящего имени уже никто не помнит. Ну, любители, подобные моему отцу, конечно, помнят, но — не такого сорта люди теперь при деньгах! А те, у кого деньги есть, не могут себе позволить единственного: жить на свой вкус. Да и откуда вкусу взяться у этой нашей, я прошу прощения, вороватой элиты? В лучшем случае пластинка «битлов» им напомнит о честной советской юности. Вы только, так сказать, не обижайтесь на меня за эту прямоту...

— Да не бойтесь вы меня обидеть! Я уже такой обиженный, что дальше некуда! Но, допустим, моими лауреатскими званиями можно не только письмо подписать, а и картину! Мне, в конце концов, плавать, что у меня купят: звания или работу! — Шадрин, дав волю голосу (так на него кизлярский коньяк подействовал), теперь уже и в кресле помещался не сжужжившись, а, как когда-то на выставках «Росизо-пропаганды», монументально — с согнутыми под внятным углом коленями, с чуть выставленным вперед правым плечом, с лицом, развернутым к собеседнику всем фронтом...

Впрочем, Сумарина эта перемена в Шадрине лишь взбодрила. Решив для себя, что твердым обещанием выручит столь редкого, но теперь обнищавшего художника аж двумя тысячами долларов он получил право и на удовольствие от беседы с ним, Сумарин стал энергично морщить свой крупный и мягкий лоб, щурить глаза, а когда столь заметного умственного усилия хватило ему, чтобы сформулировать свою мысль более или менее внятно, он сказал:

— Вот, послушайте... Я, так сказать, теперь изложу вам все прямо! То есть в расчете на то, что вы и сами все прекрасно понимаете! Вот, было же когда-то принято беспредметную живопись не замечать, делать ставку, так сказать, на изобразительные возможности художника, на его талант... То есть вам тоже Репинскую и Государственную премии дали за эту, скажу так, изобразительную мощь в самые, можно сказать, невероятно юные ваши годы! А теперь установка появилась, чтобы, значит, реалистический портрет или пейзаж сменился каким-нибудь кичем, чтобы мастерство заменила примитивная стилизация... Вместо содержания теперь, так сказать, нарочитая пустота. Да, пустота! — Сумарину очень понравилась эта мысль, и далее он стал изъясняться побойчее: — То есть у нас теперь — все с обратным смыслом! Все, что для культурного человека было запретным, стало нормой, а то, что для культуры является основой, стало запретным! Такая теперь, так сказать, идеология у нашего государства! Если облаканный властью мастер слова, то — сквернослов, если крупный чиновник, то непременно вор, если образцовая семья, то — у трансвеститов или у геев, если совесть нации, то — иностранный агент влияния и тому подобное... Вы должны были заметить, что теперь у всего появились значения, строго противоположные прежним, культурным, так сказать, значениям! Такая, то есть, теперь политическая установка! Мы, можно сказать, живем в посткультурном времени, где такой, как вы, настоящий художник — непременно запретный!

— Да никто сегодня никаких установок не дает! — не согласился Шадрин. — Это вы, торговцы, сами же и превращаете своих покупателей в круглых идиотов!

Но и услышав о себе столь нелицеприятное мнение, Сумарин не утратил вкуса к беседе с бывлой знаменитостью.

— Вы правы! — азартно воскликнул он. — Но только в том, что никто мне прямых указаний не дает! Но я ведь уже сам знаю, что если выставлю у себя ваши, так сказать, не посткультурные и к тому же, извиняюсь, русофильские работы, то не бульдозеры приедут меня закрывать, а придет ко мне пожарник или, что еще хуже, налоговый инспектор! А я бизнесмен самодеятельный, не номенклатурный!

— Да с чего вы взяли, что работа у меня русофильская? — искренне возмущился Шадрин. — Обыкновенный же пейзаж!

— Заметьте, русский пейзаж! А я, прежде чем салон этот купить, три года поставлял энергопроизводителям от энергопотребителей, вместо их долгов, электрооборудование. Бартером это называется. Затем мне удалось денюжат заработать, поставив в столицу под видом лекарства питьевой бальзам с Алтая. Затем меня братва чуть не искалечила, когда я за небольшую взятку аж три бензозаправочные точки попробовал открыть. Я, можно сказать, только-только получил возможность жить более или менее без страха. И нарушать правила безопасности я уже не стану. Да мало ли о чем я мечтаю! Но даже при всем моем особом отношении к вам — выше собственной головы я не прыгну. Вам это понятно?

— Пожарнику, как и бандиту, до картин дела нет, он приходит, чтоб вы отстегнули ему сотню долларов, а не из политических соображений, — опять сникнув, сказал Шадрин. — Мы сами демонизируем своих пожарников!

— Любый чиновник теперь, когда у вас все в порядке, всего лишь рэкетир, а когда выбивавшись из общего ряда, когда лезешь в политику, он тебя давит уже из политического убеждения. Вот, например, приятель пригласил меня на телеканал «Культура»... И я там, сколько хотел, разглагольствовал про современную нашу живопись, а как только вспомнил о вас, мол, был когда-то такой великий мастер пейзажа да портрета, меня сразу остановили, говорят, это уже не об искусстве вы рассуждаете, это уже политика, а искусство у нас вне политики, не тоталитарная мы страна. И, заметьте, вырезали из передачи весь тот кусок, где я, только чтобы приятное своему старику сделать, решился о вас вспомнить...

И не успел Шадрин сморгнуть Сумарину свою благодарность, тот с ликующим ощущением своей правоты пояснил:

— Но ведь и лет двадцать назад, когда почти во всех журналах цветные вклейки были заполнены репродукциями с ваших картин, если б кто-то посмел «Черный квадрат» Малевича опубликовать не в его большевистском виде, ему сразу бы политику пришили!

— «Черный квадрат» — это действительно некий контркультурный манифест. А со страхами перед русским пейзажем вы явно преувеличиваете. Какая тут политика, если на ежегодной выставке Союза художников России почти все пейзажи — написаны с натуры! И никто ее не закрыл ни разу!

— Выставка эта ваша, я извиняюсь, как резервация! Не отправлять же вас всех в Воркуту или в газовые камеры! Вот и дают вам раз в год по две-три картины вывесить. А я, чтобы не расстраиваться, ни разу и не побывал на этой вашей всероссийской братской могиле.

— Есть вещи, которые в могилу не зароешь. Потому что, сколько ни рисуй яблоко квадратным, от этого оно круглым не перестанет быть.

— А я это знаю! И я даже... — Сумарин заоглядывался, словно собрался выдать свою самую большую тайну, — я даже могу вам сознаться в одной истории, через которую, можно сказать, до сих пор мне не удалось перешагнуть...

То есть, когда у нас тут все с ног на голову перекувыркнулось, стал мой отец с испугу в церковь похаживать. Говорит: если уже сатана нагрянул и с телеэкрана нам подмигивает, то почему же мы в Бога не верим? А я только что с девятки на иномарку пересел. Думаю, дай-ка сам получу удовольствие и старика своего с ветерком прокачу. И на иномарке допер его аж до Оптиной пустыни. Поскольку — вы смеяться будете! — все мои тогдашние понятия о возможных радостях для верующего человека были почерпнуты лишь из «Братьев Карамазовых». Ну, отец в храме постоял, глаза у него, как слеза, блестят, дождик начался, а он внимания не обращает. Увидел, как зонтиками своими окружили одного монаха какие-то женщины, сразу к ним подкрался, собственным ухом в этого монаха прицелился. А поскольку тогда народ еще только ринулся в монастыри да церкви, женщины у монаха наперебой спрашивают: можно ли телевизор смотреть? что делать, если муж пьет? — ну и всякое прочее. Я же, чтобы мой старик удовольствие получил полное, решил повернуть разговор на его любимую тему, я эдак важно спросил у монаха: «А как относиться к нецерковной живописи?» И монах, без запинки, как будто ему приходилось каждый день про живопись рассуждать, сразу же ответил: «Если художник только свои фантазии показывает, только себя самого стремится выражать, если человека или дерево, которых Господь создал такими, какие они есть, художник переиначивает на свой лад, то это значит, что он, как падший ангел, бросает вызов Богу, пытается сотворить собственное мироздание. И это тяжкий грех. А если художник в красоте человека и во всем, что Господь сотворил, признает красоту высшую, единственную, то такой художник Богу угодный. И картины его для человеческой души имеют целебную силу». Тут уже и мне стало интересно. Я говорю: «Да неужели, если я беспредметную живопись буду любить, то согрешу тем самым точно так же, как какой-нибудь вор или убийца?» И монах на меня так посмотрел, что женщины перед ним даже расступились. «Вы, — говорит он, — спрашиваете только о том, что в душе своей уже готовы исполнить. Лучше уж по неведению грешите, а не после того, как кто-то вам разъяснит, что в деянии вашем — есть грех». У меня спина похолодела, не стал я судьбу испытывать, отошел в сторонку. Но краем уха услышал, как он свою мысль расшифровывал: «Если художник даже из живого человеческого образа, как из глины, лепит нечто свое, то, значит, не творческий порыв движет им, а жажда жестокосердия... И творения его такие же, как речи какого-нибудь Гитлера или Троцкого, которые тоже естество человеческое — богоподобное! — не уважали, всех хотели переделать на свой лад...» Вот так и припечатал! Ну, я, конечно, не, так сказать, клерикал, я современный человек, но, например, когда салон вот этот у меня появился, то своего старика я побоялся сюда привезти. Думаю, вдруг он посмотрит на мой товар и, так сказать, монаха этого вспомнит? А иногда такие мысли в голове появляются, что салону своему хочется предпочесть обыкновенную бакалейную лавку. То есть если за бензоколонки бандиты меня чуть не убили, то салон этот меня, как червь, изнутри, так сказать, подтачивает... Поэтому я, так сказать, и попытался вам, именно вам, объяснить, почему не приличными картинками торгую, а конкретную производящую... Но — пока спасаюсь, так сказать, простою мыслью: не я эту жизнь поворачиваю в разные стороны, не мне и ломать голову, куда жизнь моя поворачивается. Теперь уже подвиг совершился, если никак не убеешь, ни у кого не увереешь, но — выживешь! А вообще, это вы вот так внезапно появились, разбредили меня своим, так сказать, воскрешением из мертвых, вот я вам все и выложил... Никогда не думал, что будет кому все это высказать... Да.

Шадрин, придя в крайнее смущение от таких признаний хозяина худсалона, сказал первое, что пришло ему в голову:

— Никто и никогда не запретит человеку оставаться именно человеком!

Но слова художника лишь навели необычайно разговорчивого Сумарина на новую, весьма, на его взгляд, важную мысль:

— Да ведь на этом запрете и строится вся современная политика! В этом запрете — самое её острое! Ну как же вы, именно вы, этого не понимаете! — Затем Сумарин после некоторой многозначительной паузы добавил: — Но, например, никто мне не запретит купить у вас эскизиков. Тут, как говорится, я сам себе хозяин! И эту вашу картину я в своем кабинете подержу. Приглажу к ней немного, да и, может быть, прикуплю себе у вас настоящую ее цену... — На последней фразе голос Сумарина столь жертвенно дрогнул, что Шадрин, которому уже давно наивысшим счастьем казались две-три сотни долларов, даже не решился поднять на директора своих глаз.

Тем не менее следующую рюмку выпили они уже стоя. Стоя и закусили. А затем Сумарин положил на край столика пока еще не заполненный бланк, и Шадрин поставил свою подпись в его нижней части.

— Впишите сюда также и паспортные данные, — попросил Сумарин. — Можно сказать, что отныне вы у меня членом экспертного совета числитесь! И знайте, я всегда буду рад, если вот так будете заходить ко мне... Иногда хочется выговориться! Теперь ведь ни с кем не поговоришь, все, как сдвинутые шары, только кукусятся... А мы с вами так приятно побеседовали...

Далее они бутылку коньяка под семгу с ветчиной допили. Хотя Сумарин, ссылаясь на необходимость «одного вечернего присутствия в, так сказать, важном месте», к концу их разговора рюмку свою трогал лишь для формы.

А когда стали прощаться, Сумарин вдруг жестко, словно от этого зависело все дальнейшее, спросил:

— Дмитрий Иванович, а скажите честно, правда ли, что ваши работы Громыко дарил чуть ли не королевским особам? Отец мне говорил, будто ходили легенды, что вам, как и Глазунову да Шилову, даже портреты заказывались всякими важными персонами...

— Да, — у Шадрина, непривычно нагруженного коньяком, нервный зевнок получился похожим на ухмылку, — покупались у меня работы на сувениры для иностранных деятелей. А иногда меня приглашали и за рубеж портреты писать. Сначала к Фиделю Кастро пригласили, затем и другие приглашения пошли...

— В таком случае, я вами из-под полы, как наркотиком, буду торговать! — торжественно поклялся Сумарин. — А что! За одним только Фиделем все эти нувориши в нитку будут тянуться!

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой торговец Сумарин выручает художника Шадрина, но тревожится за собственную судьбу.

То ли от близкой удачи (Сумарин пообещал с покупкой эскизов не задерживаться!), то ли потому, что уже отвык от хорошего коньяка, но ушел наш художник из худсалона, себя не помня. Со стороны, конечно, могло показаться, что он почти в норме, и даже выражение лица у него временами было вроде бы вполне рассудительным, но на самом деле, пока Шадрин своим равномерным, как у тяжело нагруженной лошади, шагом пробирался к метро, мысли в голове его пронеслись наподобие вихрей. Так что если он даже пытался

ся сосредоточиться на одной из них, то от неимоверного напряжения возникал в ушах шум, а перед глазами начинали плавать сверкающие круги.

— Ладно, что будет, то и будет! — чуть ли не скрежетом зубным сдерживая работу всплывшего мозга, воскликнул он, явно пытаясь при этом все же рассудить о значении заключенного — на пустом бланке — договора с Сумариним. Но получилось, что восклицание это имело отношение уже не к договору, а к милиционеру, вдруг появившемуся на тротуаре из невидящей глубины фиолетовых сумерек и сразу обратившему внимание на тяжело шагающего художника.

— А выворачивай мне карманы! Мне на все наплевать! — как бы из последних сил и даже не без определенной доли мужества, но абсолютно беззвучно крикнул милиционеру Шадрин. А потом добавил уже действительно вслух и с хрипом, словно что-то его душило: — Н-н-нет, меня вы за хвост не подергаете... не поде-е-ргаете! Потому что в карманах у меня — нуль!

Служебная строгость на лице милиционера сменилась на обыкновенную усмешку. Он, видимо, рассудил, что угрозы общественному порядку сей столь упрямо сохраняющий равновесие гражданин не представляет. Да и шадринская экипировка выдавала в нем человека действительно заурядного — серая кофта, черные потертые джинсы, старенькие, спортивного типа, туфли... Такого хоть в каталажку сажай, он и не откупится.

— А все же не тронул ты, брат, Шадрина... — с сарказмом заключил художник, когда милиционер определенно оставил его без внимания. — Но только монах бы тебе объяснил, что и ты, ментара, не хищник, а человек!

Далее Шадрин сумел удержаться на мысли о никому не ведомом монахе, заронившем зерно самоедства даже в обитателя торгового рая на главной улице столицы.

— Ах, встретил бы этого Божьего человека, да и с ним надраться до первой слезы! — заключил Шадрин, уже чуть не плача. И стало ему хорошо от своего одиночества. Так хорошо, что и в метро он повел себя чересчур уж любезно — в частности, перестал скрипеть зубами и бормотать невнятицу, а затем даже попробовал уступить место толстой, вооруженной многими целлофановыми сумками женщине; когда же та, сочувствуя его нетвердому положению, сестра отказалась, он не стал ей досажать. Кротко отвернулся и затих.

Супруга открыла ему дверь молча. И даже не поинтересовалась, с какой это стати он так надрался. Так что Шадрину осталось лишь сообщить ей следующие:

— С картиной пока непонятно, но пару тысяч долларов за мелочевку мне дадут. Нашелся-таки один вполне приличный картиноторговец... Сумарин его фамилия... Н-н-да... А имя-отчество его я сейчас вспомню-н-я...

Далее он рухнул на диван и вроде как провалился в сон. Затем вдруг вымолвил вполне отчетливо:

— Но один монах, между прочим, сказал, что надо нам с тобою потерпеть... Да!

И захрапел уже по-настоящему.

А Сумарин привез обещанные две тысячи долларов через пару дней. Долго отбирал эскизы из заранее приготовленной Шадриним папки. Жмурил глаза, восхищенно причмокивал, сожалел, что приехал без отца. Взял с Шадрина слово, что тот покажет старику все свои сокровища.

— Да в любой день приезжайте! — радостно согласился Шадрин. — Звоните и приезжайте! И подберите себе еще эскизиков. А то маловато у вас получилось аж на две тысячи! А они тут так и пролежат без толку... Вот, вспомнил я, где у меня лежит иван-чай! — Он ловко вытащил с одной из полок самые нижние, уже слипшиеся от долгого лежания

картоны, отделил один из них. — Не такой ли иван-чай на картине у вас дома?

— Один к одному!!!

— Это вам мой отдельный подарок! Могу даже подписать.

— Не мне, а отцу подпишите! Я вас умоляю! Петром Викторовичем его величают!

Шадрин размашисто подписал.

А Сумарин расчувствовался.

— Все, больше не добавляйте мне ничего! — заявил он. — Вы даже не знаете, какие бы я деньги за один только иван-чай выложил, если б увидел нечаянно этот эскиз на какой-нибудь выставке!

Затем он вдруг поскуцел и сообщил:

— Делишки-то мои повернулись не в самую приятную сторону...

— ..?

— Впрочем, меня уже не первый раз вот так сажаят на кобчик, — сказал он со вздохом. — Вот и теперь один явно номеклатурный бандит хочет вместо моего салона что-то свое открыть... Но если выкручусь, то куплю у вас за настоящую цену ту работу, которую вы у меня оставили. Очень запал я на нее...

Долго, с мрачным восторгом, разглядывал затем Сумарин шадринские картины, которыми увешана была вся мастерская. И Шадрин с такой же мрачностью наслаждался его восторгом...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, рассказывающая, как, униженная нищетой, жена художника Шадрина испугалась своей нечаянной ненависти к людям.

Но две тысячи долларов впитались в семейный бюджет художника, как в сухой песок.

— А что ты хочешь, у нас только по коммунальным платежам долги за три месяца, — сообщила ему Даша, когда увесистая пачка сто долларов купюр дотаяла. — А мне все-таки надо хоть на какую-нибудь работу устраиваться. Сколько ж можно ждать неизвестно чего?

Как это часто у женщин бывает, все за Дашу решила ее бойкая подруга Зина, которая, оказывается, еще месяц назад плюнула на свой, такой же, как и у Даши, искусствоведческий диплом и устроилась торговать сувенирными изделиями на крытом рынке у Киевского вокзала.

— Это, Дашенька, во-первых, рядом с твоим домом! — начала Зина выкладывать ей свои аргументы. — А во-вторых, деньги тебе там всегда заплатят! Да и не кирпичи же таскать пойдешь!

— Вот я и соглашусь, — отважно заявила Даша.

Шадрин запротестовал. Но Зина возражения его прервала вполне размашисто:

— Вы, мужики, сначала хоть копейку в дом принесите, а потом решайте, где и кем вашим женам работать!

И почему-то Шадрина больше всего задела не слова Зины, а ее простой, как карандашное острие, взгляд, ее некрасиво сжатые губы. Даже ее нос, всегда вроде бы обыкновенный, теперь показался Шадрину вызывающе маленьким и неприятным.

— С голоду у нас пока никто не опух! — сказал он и ушел курить на кухню.

Даша тем не менее, едва Зина ушла, принялась объяснять Шадрину, что сам он ни в чем не виноват, что жизнь надо уметь принимать такою, какая она есть на самом деле, что, в конце концов, к работе на рынке можно относиться как к приключению.

Шадрин от этих ее утешений еще более приуныл. Но — одновременно он еще и обнаружил, что ему уже все равно.

Однако с этого дня он не мог оставаться в квартире или в мастерской, нужно было дать волю вот этой своей, оказывается, столь поскуцневшей обиде то ли на жену, то ли на подругу жены, то ли вообще на весь белый свет. И все чаще он стал уходить из дома с какими-то новыми упрямыми замыслами. Хотя обычно эти его замыслы заключались лишь в том, чтобы заходить и заходить к приятелям в мастерские, — заходить якобы случайно, лишь потому, что шел мимо и не мог не поздороваться, и — заводить с ними разговоры. Потому что — чем черт не шутит! — вдруг в разговоре кто-то, как это всегда бывает, нечаянно вспомнит: «А вот, кстати, мне говорили, что можно заказик один получить...» Но — одно дело на что-то укромно надеяться, и совсем другое дело — идти со своею сиротливою мечтою на люди. Так что, едва Шадрин выходил на улицу, сразу родной город начинал казаться ему враждебным, как неприязельский стан. Шадрин, угрюмо поглядывая на припаркованные к тротуарам иномарки, каждой из которых, если б ее продать, наверняка хватило бы ему на годы жизни, смотрел на витрины богатых и абсолютно безлюдных магазинов и быстро терял уверенность в том, что хоть одной живой душе он в этом городе нужен. Сил хватало лишь, чтобы, не чуя ног, машинально плестись от Дорогомиловской к Арбату, а через Арбат — к бульварно-мозольцу. Или же давно знакомым маршрутом сворачивал он с середины Арбата в сторону Пречистенки...

А звонить Сумарину он не решался из суеверного страха. Потому что, если и столь по-доброму отнесешься к нему картинторговец больше его не выручит, то это будет означать полную катастрофу.

Между тем была самая чудесная пора осени. Над городом, словно над широким да чистым полем, стремительно, чуть ли не со свистом, летели необыкновенно нарядные, синие-белые облака; и клены на бульварах, как и положено им в это время года, вдруг запылали и ожили, так что любому человеку, находящемуся в нормальном состоянии, теперь уже, наверно, нельзя было не заметить чуть ли не каждый их пронзительно-яркий, действительно очень похожий на раскрытую ладонь, лист. Но, несчастный и одинокий, по-сторонний себе и всем, Шадрин присаживался где-нибудь на край холодной, припорошенной листвою скамьи, дабы выкурить очередную сигарету, и даже не удивлялся он тому, что осень уже не вызывает в нем знакомого, торжественно-грустного ответного чувства. В другой раз он непременно решил бы, что превратился в усохшее дерево. И в груди у него стало бы так же горячо, как и от любой иной хоть и излишне красивой, но щиплющей за самое сердце мысли. А теперь ему было просто плохо. И на облака, и на вызолоченные клены смотрел он, как и на все прочее, лишь с застарелой своей неприязнью.

В тот памятный день, словно бы уловив некую перемену в самом воздухе, он не стал испытывать судьбу. И очень скоро вернулся, но не в мастерскую, а на квартиру. Принял теплый душ (на холодный или горячий у него бы не хватило нервов), затем, дабы не томить себя ожиданием новости чего, улегся на диван подремать. Или, вернее, не подремать, а послушать сквозь клеклый свой сон, как хоть и потихонечку, но необычайно упрямо шелестит маятник «Юнганса» (что ли и эти часы продать?), как шумит за окном, словно бы готовая вскоре вспилеть уже по-настоящему, Дорогомиловская улица. Во сне он услышал и тихенький звон ключей вернувшейся домой жены. А окончательно очнувшись Шадрин лишь тогда, когда вместо ожидаемых ее шагов по коридору услышал непривычно сгустившуюся тишину. Тем не менее отнесся Шадрин к своей подсознательной тревоге вполне

скупо. Поднялся, не спеша нашел босыми ногами тапочки, выглянул в коридор. И увидел Дашу, застывшую в прихожей наподобие соляного столба.

— А-а, это все-таки ты... — промолвил он. — Раздевайся, я тебя чаем напою.

Даша, однако, не шелохнулась.

— Что, деньги хозяйские потеряла? — попробовал было он пошутить. Хотя в последнее время от этих натужных его острот Даша только раздражалась.

— Ладно, — махнул он рукой, — я ставлю чайник.

И, чтобы не томиться, ушел на кухню.

Даша появилась на кухне минут через пять. Смотрела она в одну точку. Когда Шадрин придвинул к ней чашку, уставилась она и на чашку.

— Ну что ты молчишь! — не стерпел Шадрин. А потом спохватился и с жалостью скорее к себе, чем к Даше, вымолвил: — Скажи, что случилось...?

— Я больше на работу не пойду, — сказала она.

— Вот и хорошо.

— Если я выйду, то только с автоматом, чтобы всех их перестрелять...

— Все-таки, что случилось? — сердце у Шадрина заныло так, что он отвернулся.

— Они не люди, я это поняла, — сказала Даша.

— Кто?!

— Все эти кавказцы и вообще все торгаши!

— Даша! Неужели ты думаешь, что я в состоянии вот так из тебя выковыривать по единому слову?! Что случилось?

— Ничего со мной не случилось. Просто я для них не человек. Если завишу от них, значит, не человек. И если Зине на это плевать, то я... я... Ты хоть представляешь, что я стала настоящей расисткой, а?

— Что и требовалось доказать! — воскликнул Шадрин без облегчения. Потому что жена-расистка — это все-таки не самая страшная новость. Вскочил, начал ходить туда-сюда по кухне. — Ты просто домашний ребенок! Ты жизни еще не знаешь, как следует! Иначе бы понимала, куда идешь работать! Что, мы пропали бы без твоей работы? Я продам, в конце концов, своего «Юнганса»! Плевать мне на эту готику, если за нее можно выручить тысячи четыре доллара! И в конце концов, найду же я себе хоть какой-то заказ! Вот, роспись стены трансформаторной будки на Хорошевке упрava вроде бы как хочет заказать именно мне... Свой телефон им я уже оставил... Да и осенняя выставка Союза художников, может быть, откроется. Я договорился, что недорого работы вывешу, кто-то купит хотя бы за сто долларов...

— Ты понимаешь, что значит стать расисткой? — Даша словно бы очнувшись и пристально взглянула Шадрину в глаза.

Он, чтобы не расхохотаться над столь, оказывается, не важной Дашинной проблемой, обнял ее голову, а затем и действительно дал волю своей жалости уже не к себе, а к ней:

— Могло бы, Дашечка, случиться с тобою там что угодно! Рынок — это не заведение для хороших девочек, это прежде всего зона повышенного риска! И ты радуешься, что все у тебя позади. Ты помнишь, чем для меня кончилось, когда я решил в подземном переходе картины свои продавать? По крайней мере, ты даже не представляешь, как я рад, что твое наваждение закончилось именно так... И вообще, ты у меня молодец!

Она резко оттолкнула его и заплакала. Вернее, завывая в полный голос, словно задела.

— Ты не понима-а-аешь...! — высоким и ровным голосом выла она. — Ты ничего не понима-а-аешь! Тебе всегда плевать на то, что я тебе говорю-у-у!

— А что ты мне такого сказала?! — начал кричать Шадрин. — Ты сообрази, что ты тут мне особенного сказала!

— Да я же всех, вообще всех ненави-и-жу! Всех я уже боюсь! И тебя скоро возненавижу! Потому что ты не понимаешь, что вокруг происхо-о-одит! Мне страшно жить! Страшно! Страшно! — Даша закрыла лицо ладонями и разрыдалась еще безудержнее. Вернее, с ней случилась настоящая истерика.

— Ладно, успокойся, — испуганно стал уговаривать ее Шадрин, — давай я тебя отнесу на диванчик, и ты валокординка выпьешь, и уснешь... давай отнесу тебя...

Он уже было принаровился взять ее на руки, но она перестала плакать и, уставив на него свои ослепшие от слез глаза, твердо произнесла:

— Оставь меня.

Шадрин даже вздрогнул — таким чужим и неприятным стал ее голос.

— Мне бы твои проблемы... Дура! — резюмировал он, когда остался на кухне в одиночестве.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, показывающая, что если человеку деваться некуда, он непременно уходит в астрал.

Дмитрий Иванович Шадрин когда-то свою Дашу любил весьма и весьма пылко. Но за многие годы пылкость эта прошла, он стал относиться к Даше вполне спокойно, как, может быть, и ко всему прочему в своей жизни. Да. Но это вовсе не значит, что Шадрин уже не испытывал некоего спонтанного восторга или даже настоящей нежности к жене. Просто он постепенно привык даже ко всем своим чувствам и стал наблюдать за ними как бы со стороны, спокойно и, наверно, по-своему мудро. И очень часто он, вот так наблюдая, впадал в размышления вполне посторонние, уже к Даше вроде бы не относящиеся. В размышления, скажем, о жизни вообще.

Сначала Даша от таких его свойств с ума сходила. Даше стало казаться, что он ее уже не любит. А женщины, особенно те из них, которые подвержены такому предрассудку, как вера в идеальное, вечно сияющее счастье, бывают, как правило, непредсказуемыми и в поступках, и, тем более, в мыслях. Заподозрив, что муж ее разлюбил, уже почти скопивши все необходимые подтверждения справедливости этого подозрения, Даша вдруг нервно, как успокоительные капли, начинала искать какой-либо повод для выводов совершенно противоположных, утешительных. И, словно назло мужу (или и на самом деле назло ему?), действительно успокаивалась.

— А может быть, у тебя есть другая женщина? — затем вдруг спохватываясь она в самое, как правило, неподходящее для разговоров на подобную тему время.

— У меня есть ты, — говорил он совершенно спокойно или же раздраженно, ницуть не удивляясь ее столь неожиданному вопросу.

— Почему же я этого не замечаю? — язвила она. А затем остроженно продолжала пытаться: — Я тебе надоела?

— Милая моя, не виноват же я, что ты со мной не Кукрыникисы какие-нибудь, что работать я могу только в одиночестве.

Даша пыталась различить насмешку в его словах, но — не различала и суеверно обрывала разговор. И — не удержавшись, затем ядовито просила:

— Не называй меня «милая моя», если тебе уже все равно, как меня называть.

А однажды она поделилась своими сомнениями именно с Зиной, которая могла со свойственной ей размашистостью нагородить чего угодно. Но тут, слава Богу, пришло в голову Зине лишь следующее:

— Все мужики одинаковые. У них теперь, если не пьянка, то одни только бабы на уме! А твой вон маловат и жалковат. Другой бы от малевания такого беспрерывного в асфальт пошел. Вот и радуйся, что мужик твой всегда при деле, не ищет себе, как мой, пятый угол...

На том Даша и успокоилась. То есть не успокоилась, конечно, но при всей своей импульсивности она была все же достаточно разумной, чтобы остановиться, чтобы не доковырять свое, никак не желающее стать идеальным, счастье. Ну, в самом деле, не станет же ей легче, если уверует она в самые худшие свои предчувствия очень твердо? Да и если бы Шадрин завел другую женщину, она ведь от обиды не умерла бы? И к тому же — обязательно бы не простила его. А как жила бы дальше?

Шадрин иногда различал эти замысловатые узоры ее страхов. И ему тоже становилось вроде как страшно. Хотя и сам он не мог понять, какого края в отношениях с Дашей он страшит. Так что с годами научились они лишних слов друг другу не говорить, научились они только лишь потихоньку, иногда и с опаской, вглядываться друг в друга. Вернее, научилась Даша, а он хранил свой покой всегда.

Теперь же он просто страдал. И причина тому была не выморочной, не такой, как у Дашиних переживаний, а, на его мужской взгляд, вполне внятной, вполне житейской.

Пытаясь заморочить себя хоть чем-нибудь иным, Шадрин устремился в гостиную и с решительной яростью схватил телефонную трубку. В сознании его, как от вспышки молнии, вдруг мелькнула картина: он набирает номер телефона, первый попадающийся, и голос в трубке кричит ему: «Ну, наконец-то, есть и для тебя, Дмитрий Иванович, одна вполне приличная работенка!» И Шадрин спешит к Даше. И они пьют чай, уже тихо и мирно пьют чай. И уже нет им дела до кавказцев, которые своими дикими нравами превратили не только рынок, но и всю Москву в неродной, в непригодный для человеческой жизни город.

Но — это, конечно, только женщины могут себе позволить быть существами крайне физиологичными, это только женщины никогда не могут справиться со своими эмоциями. А Шадрин, как я уже упоминал, умел и страдать, и одновременно со своим страданием беспристрастно, словно за копейки, в песочнице ребеночком, наблюдать.

То есть один Шадрин готов был сейчас дико орать в телефонную трубку, а другой вынужден был не спеша, чтобы не перепутать цифры, вращать пальцем диск старенького телефонного аппарата, смирно да вежливо здороваться, смирно да вежливо осведомляться о том и о сем, а просьбу свою выкладывать невзначай...

От телефона не отпал он в этот день несколько часов подряд. Приятели, едва узнав его голос, тут же скучнели или в лучшем случае начинали добросовестнейше выпытывать о тех деталях его жизни, которые им были почему-то еще неизвестны, и — он это чувствовал! — многих явно согрело то, что есть в Москве человек, в сравнении с которым сами они выглядят настоящими везунчиками. Вот эта нечаянная его роль бескорыстного врачевателя иногда вызвала в нем такой спасительный азарт, что на беседу только с одним человеком у него уходило не меньше четверти часа. К тому же прислушивался он еще и к доносившимся из спальни всхлипываниям уставшей плакать в полный голос жены.

Наконец, выдохшись, стал рассчитывать Шадрин лишь на то, что Даша, тоже испив свои страдания до дна, перестанет плакать и предложит обычным, самым будничным голосом: «Да перестань ты делать вид, что тебе сейчас повезло!» И тогда бы он дал волю своим вечно стреноженным чувствам, а она, не стерпев его отчаянного вида, принялась бы его ус-

покаивать. И этот день вскоре канул бы, как и многие иные, перестал бы торчать занозой в их жизни...

Начав обзвон с первой страницы записной книжки, буква «К» он прикончил в сгустившейся темноте, но свет включать не стал, потому как знал, что если прервется, то телефонное это безумие у него пройдет, и набирать следующий номер он уже не решится. Из кухни же вслипы больше не доносились, но зато запахло валокордином. Тяжко вздохнув, он набрал номер Левыкина, давно работающего в одном вполне солидном издательстве и даже однажды пообещавшего заказать ему оформление какой-либо книжки.

— Пока ничего нет, — ответил Левыкин не приветливо. Хотя Шадрин не успел с ним даже и поздороваться.

— Да Бог с ним, — как можно бодрее сказал Шадрин. — Хотел вот узнать, как ты теперь поживаешь.

— Медленно я поживаю, — процедил Левыкин. — Половину издательства перевели на сдельную работу. А я теперь скорее экспедитор, чем редактор. Надоело все, хоть задницу на голову одевай и беги...

— Ладно, ты не отчаивайся. Меня, например, контролеры в троллейбусе уже даже не пытаются штрафовать. Лишь молча выталкивают из салона. Такой у меня видок!

— Денег тоже пока занять не могу, — сказал на это Левыкин.

Шадрин от отчаянья начал рассказывать анекдот о Мойше, который был должен деньги Абраму и потому плохо спал по ночам. И вот жена этого Мойши (анекдот он рассказывал прямо-таки с вдохновенным восторгом) высунулась в окно и крикнула Абраму, что Мойша ему деньги таки ж не отдаст. А затем к мужу вернулась, говорит: «Пусть Абрам теперь по ночам мучается, а ты спи!»

Покончив с анекдотом, Шадрин нечаянно (или не нечаянно) оглянулся и вдруг увидел жуткое, едва различимое во мгле лицо жены.

— Ты чего...? — испуганно прошептал он.

Тень жены, потревоженная этим его вопросом, тут же исчезла.

Шадрин осторожно отодвинул телефон, включил свет.

Ухо его, раздавленное в пылу разговоров телефонной трубкой, очень неприятно ныло. Хотелось вдруг заскуливать или просто вытянуться на диване, закрыть голову локтями и затихнуть.

Жена опять неслышно вошла.

Но лицо ее при свете выглядело вполне нормальным. И красноту в глазах уже едва ли можно было различить. Как ни в чем не бывало, она начала переодеваться в домашний халат. А он следил за нею, пытаясь понять причину вот этого ее внезапного спокойствия.

— Ужинать будешь? — спросила она.

«Да какой тут ужин!» — хотел было закричать он. Но сил не хватило. И поэтому ответил он так:

— Просто чайку попою.

— Ну, тогда и я только чаю попою.

Затем он сидел на кухне. Хотя к чаю не притронулся. Вслушиваясь, как затихает боль в ухе, как немеют кисти рук, как вообще уходит из него вся жизнь, как пропадают даже бессмертные (все-таки бессмертные, все-таки никогда не умирающие!) жалость да нежность к жене. Серенький лист календаря, который жена оторвала и положила перед ним (раньше он всегда за чаем с жадным интересом прочитывал эти листы), был последним, что Шадрин успел разглядеть на кухонном столе, прежде чем закрыть глаза и приступить к наблюдению за той матовой пустотой, которая появилась в нем вместо бессвязных мыслей и даже как бы вместо головы... Только одна маленькая точка все еще шевелилась в гладком и зыбком, как дорожная пыль, его прахе. И он, по привычке, стал на-

блюждать также и за этой точкой. А жена принялась вдруг изо всех сил трясти его за плечи. Точка тоже затряслась. И была она теперь коричневого цвета. Как буква «Ч». Или даже не коричневой, а, как буква «С», призрачно-синей. Вкус валидола, который жена всунула-таки Шадрину под язык, чуть было не помешал его теперь уже очень пристальному наблюдению за этой последней живой точкой. Он гневно выплюнул валидол, вскочил — нет, не вскочил, а соскользнул с табуретки и, растопырив руки, ничего не различая перед собой, поплыл (или — легко и невесомо полетел) к телефону.

— Господи! Ты с ума сошел, ты же с ума сошел со своим телефоном! — даваясь новыми рыданиями, кричала такая же невесомая его жена. Но с нею тоже что-то произошло, потому что невесомым был только ее голос, а глаза ее, снова мокрые, смотрели на Шадрина очень даже пристально.

— И ты тоже о Сумарине вспомнила?! — спросил Шадрин из самых последних сил.

Но она только еще внимательней на Шадрина уставилась. Даже глаза ее, как ему показалось, еле приметно сощурились.

И тут телефон сам взорвался очень уж громким да залившимся звоном. Шадрин, не потеряв ни мгновения, снял трубку.

— А я тебе называл часа два подряд! Что ли на шнуре твоего телефона кто-то повесился, а? — обрадованно крикнул в трубку голос Сумарина вместо приветствия.

То, что Сумарин, такой вроде бы манерный, теперь столь свойски шутит и вопреки обыкновению обращается к нему не на вы, а на ты, Шадрина сильно обнадежило. Но сам он, чтоб не вспугнуть удачу, на ты перейти не решился.

— Вы мне звонили?! — переспросил он, как в бреду.

— В том-то и дело, что звоню уже часа три подряд! — весело продолжал Сумарин. — Я тут картину одну сегодня пристроил за вполне приличную цену! И знаете кому?! (Он все-таки перешел на вы, но как бы этого и не заметил.) Вот, скажите, кто с сегодняшнего дня числится в моих клиентах?

— Ну-у, наверняка ж не угадаю... — Из последних сил Шадрин покосился хоть и задорной, но очень уж неторопливой игре Сумарина.

— Вот именно, что не угадаете! — продолжал наслаждаться Сумарин своею таинственной новостью.

— И что, я понадобился как эксперт?..

— Уже ближе! Но не то, чему вы сейчас столь обрадуетесь!

У Шадрина пересохло во рту. Он осторожно, словно укладывая от Сумарина, приткнулся головой к спинке дивана, чтобы передохнуть.

А Сумарин, распалась, никак не мог сказать хоть что-то по существу, и от избытка своего покровительственного великодушия то и дело переходил на «ты» и на «вы».

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Сумарин проявляет великие негоциантские таланты.

Чтобы не томить читателя пересказом сумаринских очень обильных слов, я изложу его новость с удобной для читателя краткостью. То есть после почти часового общения с Сумариным Шадрин смог выяснить, что помещение на Тверской у картиноторговца хотел отобрать сам Францов, ранее известный как член «гайдаровской команды», а теперь прочно ушедший в тень. И, видимо, намерение это было настолько важным для Францова, что он даже самолично приехал глянуть на пока еще находящееся во владении Сумарина помещение. Приехал вечером. Естественно, Сумарин был предупрежден, и встретил он своего поедателя с тихим

да укромным мужеством, как и подобает бизнесмену не мафиозиному, самодетельному.

— Ну что вы мне тут спичечный коробок предлагаете, — даже не взглянув на Сумарина, переморщился Францов сразу, как только переступил порог салона. — Тут для клаустрофобов пыточную камеру можно открывать!

— Борис Сергеевич! — не растерялся один из наиболее расторопных францовских помощников. — Помещение, которое вам может понравиться, находится неподалеку и там тоже вас ждут, а сюда мы заехали лишь постольку, поскольку вы хотели на какие-нибудь картины взглянуть!

— А-а, картины... ну что ж, посмотрим и на картины... — промолвил Францов и как-то слишком уж зорко да цепко огляделся по сторонам.

— Что-то я ничего здесь не вижу, — сказал он уже через пару секунд.

И тут на передний план перед столь важным гостем шагнул вмиг осмелевший Сумарин.

— Я прошу прощения, — певуче сказал он. — Если приличная живопись вас интересует, то пройдемте вот в эту дверь... Там у меня вещицы элитные, исключительно, можно сказать, для вип-персон...

Францов его опять не заметил. И в кабинет к Сумарину заходить он явно не собирался; вдруг потухши глазами, так что стала заметной на его лице слегка рытвинная, как у апельсина, кожа, он спросил у помощников:

— А что, более приличных заведений с картинами не нашлось?

— Там у меня в кабинете стоят те работы, которые мы скоро в Лондон на аукцион отправим, — не отступал Сумарин.

— Ну, vedi, только быстренько, — наконец-то стронулся с места Францов.

Однако и из приготовленных для Лондона картин Францову ничего не приглянулось.

— Это все не то, — сказал он, едва Сумарин успел включить более яркое освещение.

— Вот этот художник знаковыми людьми очень даже плохо раскупеается... — Сумарин торопливо развернул одну из стоявших на полу картин так, чтобы с лаковой ее поверхности пропали блики. — Это Стас Фролов, многие известные люди покупают у него... Недавно сенатор из США приобрел аж три его картины... И от ООН ему уже присвоили звание «Посол мира»... как Филиппу Киркорову...

— Но я что-то не врубаясь...

— Это просто композиция такая у него! А серый цвет у Фролова считается самым стильным!

— Сколько? — сразу спросил у Сумарина самый расторопный и, наверно, наиболее важный помощник.

— Учитывая, как сказать, раскрученный бренд и то, что в двух каталогах картина эта уже засвечена... Можно сказать, за три ее сейчас я продаю лишь потому, что пока еще не нагуляла она свою цену реальную... Из Лондона она вернется и я, если хотите, вместе с лондонским каталогом ее вам вручу. Там, в каталоге, и Ника Сафонов, и Андрияка есть... Могу даже в Лондонский каталог заявить ее как состоящую в вашей частной коллекции...

— Я беру.

— А вот еще одна его работа...

Но в этот миг независимо, наверно, от усилий Сумарина, глаза Францова опять ожили, весьма внимательно стал он разглядывать хозяина салона с головы до ног, словно желая понять для себя, какими бывают эти людишки, торгующие по всему миру не нефтью и алюминием, а картинами. Сумарин, еще недавно готовый к самому трагичному для себя результату этой встречи (ну разве он посмел бы такому влиятельному монстру не продать аренду своего помещения!),

под взглядом Францова только чуть-чуть пригнул голову, а глаза в сторону не отвел; как и всякий не самый уверенный в своих силках человек, исподлобья стал он, не мигая, не теряя достоинства, ответно глядеть на своего гостя. При этом он еще и отчаянно гадал про себя: сегодня Францов столь щедро рассчитается с ним за картину хитового Стаса Фролова, оцененную им для Лондона всего лишь в полторы тысячи долларов, или дело отложится...

— Может быть, этот Фролов и приличный художник, — заговорил Францов с Сумариным как-то уже более, что ли, эксклюзивно; — но мне нужно еще и нечто другое...

— Только не Фролов он, а Фролов... — поправил Сумарин остороженько.

— Да мне это и не важно. Мне нужен мастер, который мог бы нарисовать портрет в таком, знаешь ли, старинном духе... Ну-у, как бывают, наверно, в Третьяковке какой-нибудь стариннейшие портреты, когда ювелир колье на картине увидит и сразу скажет, сколько карат в нем блестит. Такой мастер у тебя есть? И, конечно, чтобы человек штучный был, чтобы кому положено знать, знал, Фролов он или Фролов. Ты понял задачу?

— Такой художник меня есть! — Воскликнул Сумарин, не мешкая. И затем быстренько прокрутил в памяти имена всех известных ему художников. Но задача Францовым была поставлена столь невнятно, что Сумарин решил идти ва-банк. То есть, решил он предложить Шадрина: — Точно есть! Просто теперь такие художники на публику не стремятся! Но портреты у него всегда самые элитные... — Затем Сумарин, решив, видимо, что Фиделем Кастро Францова не проймешь, добавил: — Ему даже король Испании заказывал портрет!

— Вот ты и покажи его мне.

На всякий случай Сумарин не стал демонстрировать тот единственный пейзаж, который у него оставил Шадрин.

— Я вам его картины могу доставить куда угодно! И портреты, и пейзажи его вам покажу! Но, я предупреждаю, что это уже классика, это только для знатоков, а не по общему, так сказать, маркетингу... Вот, такую же старую школу — художников из «Москворечья» — в Лондоне однажды выставили, мол, современный реализм, и все такое прочее, и за месяц собрали, так сказать, годовой поток посетителей! И без всякой рекламы! И, например, японцы нашу реалистическую школу охотнейше покупают. Так что, скажите мне, куда вам позвонить, и я художника привезу вместе с его, так сказать, картинами... Шадрин его фамилия. Лауреатство и все прочие регалии у него есть, во все энциклопедии, в старые и новые, он вписан. И в Третьяковке тоже его работы имеются. Сейчас таких, как этот художник, можно сказать, по всему миру уже почти не осталось! Но вы же сами пожелали в духе старых, так сказать, мастеров... И, кстати, вписывать вас в каталог как владельца картины Фролова?

— Обменяйтесь с ним телефонами, — распорядился своим людям Францов. — И созвонитесь, не откладывая, чтобы я смог повидать картины этого Шадрина или как его там... Или нет... Привезите мне этого художника в Жуковку вместе с его портретами! В эту же пятницу мне его привезите; в первой половине дня вроде бы я свободен.

— Может быть, я не только портреты вам на показ у него отберу? — предложил Сумарин. — У него пейзажи, так сказать, на самый изысканный вкус... — А затем добавил наугад, но почему-то твердо веруя, что не превеличивает: — В Ватикане есть его пейзажи! А в 80-е годы разным королевским домам Брежнев с Громыкою только его картины и дарили...

— Привези и пейзажи. И если это будет не лажа, я возьму этого твоего ватиканца. А теперь поехали!

Сумарин, пока Францов шагнул к выходу впереди своей свиты, успевал обращать его внимание на некие наиболее примечательные из выставленных в салоне картин, затем он даже скороговоркой наметнул на свои финансовые трудности, не позволяющие талантливым художникам поддерживать должным образом. «А талант всегда нуждается в поддержке...» — произнес он не без робости, когда два французских охранника, опередив хозяина, вышли на улицу и со зверским видом заглядывались по сторонам.

— Вы так и не сказали, вносить вас как владельца в каталог или не вносить...? — успел-таки крикнуть он Францову уже в последнюю секунду, но тот даже не обернулся и прямо с порога нырнул в открытый охранником салон автомобиля.

Со вскинутой для прощального жеста рукой, Сумарин, после того как Францов уехал, страдальческим выражением своего лица и даже фигурой напоминал, наверно, Лаокоона, только без сыновей. Но через пару минут лицо его вдруг просияло, он бегом устремился к себе в кабинет и, не мешкая, принялся названивать Шадрину, у которого телефон был в это время прочно занят.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, свидетельствующая, что люди бедные даже навстречу своей удаче идут, как на войну.

— Я не знаю, как мне вас благодарить... — выдохнул Шадрин, когда Сумарин закончил свой восторженный рассказ.

По окончании разговора с кинотюторгом он, с трудом переставляя непослушные ноги, поплелся к Даше.

Бедная Даша его сообщение о нечаянной удаче восприняла героически. Внешне вполне спокойно выслушала она и шадринское повествование о том, как, впад в состояние транса, увидел он сначала ошибочную букву «Ч», а затем и правильную букву «С», как, наконец, понял он, что надо звонить Сумарину, как в тот же миг Сумарин сам позвонил ему...

— Главное, ты должен немедленно успокоиться, — сказала Даша мужу.

— Что значит успокоиться?! — вдруг возмутился Шадрин. — Надо теперь что-то срочно придумывать с моими туфлями! Не должен же я заявиться к такому заказчику настоящим бомжом!

Даша, ни слова не говоря, достала из шкафа его давний, почти не ношенный, но успевший выйти из моды и опять в моду вернуться костюм с жилетом, белую рубашку и, наконец, тот легендарно дорожный галстук, о стоимости которого двадцать лет назад спорили вся артистическая Москва.

— Нет, только не белую рубашку под это старье! — решительно возразил Шадрин. — Лучше не расстараться, чем из допотопных штанов выпрыгнуть!

— Не жениться же поедешь, — согласилась Даша. — А туфли я тебе так надраю, что выглядеть будут лучше новых!

— Так только на войну собирают, — вдруг погрузнев, пошутил Шадрин.

— Да что мы, в самом деле, как будто тебе уже сейчас ехать надо! У нас два дня впереди! Давай спать ложиться, а то с ума сойдешь от переживания.

— Ты ж сама зачем-то за костюмом в шкаф полезла, — саркастически заметил он.

— Это значит, что мы с тобою приехали... Я на рынок кинулась... Вместо того чтобы попробовать, как нормальный человек, может быть, в школу преподавательницей устроиться... Лужок же теперь очень даже хорошо платит преподавателям... А ты вообще, как йог, уже и в астрале побывал...

— Ну-у, я просто рассказал, как вдруг примерещилось мне, что надо именно Сумарину позвонить...

— Вот именно, примерещилось. А сахар, кстати, у нас кончился.

Но о сахаре вспомнила Даша уже без обычного отчаянья. И это Шадрину понравилось.

И вот жена принялась выставлять на стол свои любимые чашки, привезенные ею когда-то из Англии. А Шадрин не без удовольствия, давно забытого, рассматривал их мажорный рисунок.

— Вот видишь, — сказал он с нарочитой важностью, — я тоже свои антикварные часы на продукты обменять не успел.

Даша взглянула на чашки, затем на мужа и вдруг поняла, что стал он опять похожим всего лишь на выпускника Суриковского училища, у которого вся жизнь сошлась на том, вывесит преподаватель его дипломную работу вместе со своими полотнами в Манеже, как обещал, или не вывесит. Она, первокурсница искусствоведческого факультета МГУ, ощущала тогда себя, по меньшей мере, княжной Ярославной (Шадрин ей при первой же их встрече прочитал наизусть «Слово о полку Игореве!»), провожающей своего драгоценного князя на битву с половцами, но — очень счастливою от своей жгучей, до дрожи в коленках, тревоги; тревоги за, может быть, лучшего в мире живописца, мрачновато сжимающего уже окончательно онемевшие пальцы ее руки и пытающегося при этом объяснить, что их любовь лишь тогда будет иметь значение, когда его картина попадет в Манеж, когда ради счастья, а не ради утешения он будет завтра искать встречи с ней. «Я не умею быть неудачником, и тебе я побуюсь показаться на глаза в первую очередь...» — гулел он ей в ухо почти злое. Но дипломную его работу, «чтоб прецедента не было», вместе с картинами преподавателя выставком не позволил выставить. И они, узнав эту новость, на следующий день встретились, но не рыдали от горя, а, дурась, даже взбодрились на пустой постамент в сквере у Киевского вокзала, и принялись сначала, в полном соответствии с надписью на нем — «Здесь будет сооружен монумент в память 300-летия воссоединения Украины с Россией» — изображать аллегория единого, но разное названного народа, а затем, войдя в азарт, скопировали и скульптуру Веры Мухиной «Рабочий и колхозница». В этот миг подъехала миллиейская машина, но Даша принялась с жаром объяснять враз ослевешему от ее неистового напора милиционеру, что «если он Митечку заберет в свою чудовищную каталажку», то история ему этого не простит, «потому что Дмитрий Шадрин — это гений»; потому что вот так же инкассаторы однажды убили великого Полкова, а теперь наверняка «кусает локти». «Ну, ладно-ладно, — сказал милиционер, — никто вас пока забирать не собирается, но еще раз увижу, как безобразничаєте, посажу в обезьянник на несколько суток и гения твоего, и тебя». И уехал от них, как от наваждения. А они ушли на Тверскую в кафе «Север», чтобы мороженым и бокалом шампанского на двоих (на два бокала не хватило денег) отметить победу над стражем порядка, над этим, понимаешь ли, новоявленным Дантесом, который даже не понял, на что он руку поднимал...

Вспомнив обо всем этом, Даша взглянула на мужа как-то уж очень жалобно, затем попробовала улыбнуться, но губы ее, едва шевельнувшись, сразу же скривились в тихеньком плаче.

— Ну, ты чего опять...? — мучительно съезжившись, вымолвил Шадрин.

— У нас есть бутылка вина! — Даша уже, оказывается, не плакала, а сияла. — Зина, когда приходила, то принесла эту бутылку, думала, посидим-поболтаем, но отвлеклись мы с нею на что-то и бутылку даже не распечатали... Представляешь?! Мы можем отпраздновать сегодняшний твой выход в тонкие полевые пространства!

— А почему бы и нет! — согласился Шадрин.

Вино оказалось вполне приличным молдавским «Каберне». Но в холодильнике был еще и кусочек сыра. Так что получился настоящий праздник.

Затем Шадрин лежал рядом с Дашей, якобы спящей (чтобы, значит, ему, Шадрину, не помешать уснуть), и слушал, как сердце его то и дело мягко-мягко спотыкается о горячеватый комочек теперь уже ничем не замутненной нежности к жене. «Лишь угнетенный нищетою человек верит, что все в нем, даже его ласка, уродливо. Надо бежать от нищеты!» — с важностью резюмировал Шадрин. А затем, явно испытывая неловкость от того, что даже из своей жалости к Даше он продолжает лепить умозаклечения, Шадрин вздохнул и сказал вслух:

— Я, конечно, если приличный заказ получу, постараюсь так отработать, чтобы оказался он не последним... Уж я выложусь!

— Тебе надо сначала уснуть, — откликнулась Даша. — Хочешь, я корвалолчику тебе дам? Уже поздно...

— Не хочу.

— Но как же ты, не выспавшись... Вдруг уже завтра Сумарин тебя повезет к заказчику?

— А вот так! — Он решительно обнял ее теплые и смиренные плечи. — И нечего так переживать, когда удача сама стучится к нам в окно!

И так долго летел он в обморочную пропасть ее вмиг обмякших рук, ее истаявших, как воск, колен, ее горячего живота, что даже дыхание его загнулось; и сознание к нему вернулось, когда он наконец-то смог, разламывая занемевшую грудь, сделать первый вдох.

Было около четырех часов утра, когда Шадрин вышел на балкон, чтобы выкурить сигарету и глянуть на каменные громады родного города, кое-где освещенные изнутри лампами таких же, как он, сторожащих свою судьбу, людей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, самая счастливая.

Оставшиеся до пятницы два дня Шадрин провел в своей мастерской. Это, казалось, были самые счастливые дни в его жизни. Дело в том, что в последние годы он тайно, в том числе и от Даши (ну, допустим, она лишь делала вид, что об этом не знает), пробовал написать то, к чему никогда ранее подступиться не решался: он одолевал исторический сюжет. А таиться от всех приходилось потому, что огромная, почти на три метра в ширину, картина с князем Игорем, уже многократно замалеванная и заново написанная, уже до мелочей продуманная, уже столько раз вроде бы утишившая его за сердце, так и не вытанцевалась дальше замысла, так и не задышала собственной потаенной жизнью. Послезакатное пламя неба упрямо жило в ней отдельно, явно вымышленно тревожное, а скванные шеломами лица всадников очень уж посторонние чернели на переднем плане. Сощурившись до рези в глазах, так что картина различалась едва-едва, он подолгу всматривался в нее, и когда воображение его вдруг дорисовывало то, что не смогла найти его рука, он брался за кисть, но — картина, такая, какая она есть, сразу же лишала его памяти, глядел он в нее, как в немую стену, с одним лишь пустым отчаянием.

И вот Шадрин, чтобы только не томиться ожиданием звонка от Сумарина, в среду с утра пришел в мастерскую, с большим запасом собрал портреты и пейзажи для Францова. Затем, лишь для того, чтобы себя подразнить, снял он сатиновую ткань со своей незадачливой исторической работы, затем освежил краски на засохшем этюднике, затем, уже не боясь окончательно испортить эту тайную многолетнюю работу, стал он добавлять затейного наугад вкрадчиво-зо-

лотистого цвета в послезакатное небо, в темные силуэты воинов. Затем он понял, что золото надо кое-где пригасить и припорошить, затем, увлекшись, стал он так же наугад оживлять уже тысячу раз выверенные силуэты воинов, затем стал прорисовывать те места, которые в результате вот этой его торопливой работы вдруг зарылись. Затем отошел он и — ахнул, потому что картина словно проснулась и впервые глянула на него уже собственным живым оком.

После обеда нагрянул Сумарин.

— Тут я уже для вас отобрал, но вы и сами посмотрите, может быть, что-то поменяете на другое, — сказал ему Шадрин и кивнул на приготовленные картины. — Я не буду вам мешать.

Сумарин, тем не менее, сначала принялся почтительно наблюдать за не оставшим свою работу Шадриним, но вскоре все-таки спохватился и занялся картинами.

— Я бы все это отвез Францову! — сокрушенно вздыхал он то и дело. — А что, тут их не больше десяти!

Но Шадрин его не слушал. Самозабвенно работал до тех пор, пока не убедился, что уже и передний план связан с со всей картиной, как хорошо подстроенная под общий лад струна.

— Сколько мучался, а оно получилось само, — наконец-то сообщил он Сумарину.

— Вот уж не знал, что у вас еще и исторические, так сказать, жанры имеются! — Сумарин охотно подошел к Шадрину, еще раз оглядел картину, покачал головою, выдохнул: — Впечатля-а-ет!

— Я представил, что князь Игорь у меня отправляется не на битву с обыкновенным разбойным народом, а в такую же нечеловеческую тьму и немоту, в какой мы все пребываем сегодня, — сказал Шадрин с важностью. — То есть реальному князю Игорю все-таки было куда возвращаться, а на моей картине тьма — уже вселенская, где ни у кого нет своего не оскорбленного света. Поэтому так долго мне не удавалось победить первичный цветовой замысел и сделать даже вот это пылающее вытекающим не из заката, а из переживаемого упрямыми воинами человеческого подвига.

— Это у Брюллова в «Последнем дне Помпеи» город весь в огне, а кожей своей этого не чувствуешь, а у Поленова в «Московском дворике» заунывный городской пейзаж, а как будто сам рядом с детишками в травке стоишь и солнышком дышишь... — Привыкший в артистических кругах слыть знатоком, Сумарин все-таки не утерпел и поделился собственными суждениями. Но затем добавил уже от души: — Прямо-таки мурашки по спине ползут, когда смотришь на вашего «Игоря»...

— За эти ваши мурашки спасибо... Потому что вы — самый первый зритель!

— А можно я с отцом и женой приеду, покажу им..?

— Ну что вы все спрашиваете, а не приезжаете! Вы же мне принесите одну удачу!

— Это потому, что я ваш поклонник уже во втором поколении! — польщено напомнил Сумарин.

И затем они пили чай; Сумарин стал необыкновенно сентиментальным, рассказывал о своем отце, который, оказывается, сам пробовал писать пейзажи и очень огорчился, когда его сын не проявил способности к рисованию. А Шадрин молчал и только иногда пристально взглядывал на своего князя Игоря. Наконец он, пробормотав: «Вы уж меня извините, но тут чуточку надо доделать!» — вскочил и опять схватился за кисти. Сумарин вежливо постоял у него за спиной, поняв же, что Шадрину не до него, он хотел было без лишних церемоний удалиться, но — вспомнил:

— А вот же, я извиняюсь, мы не договорились, какую цену вы назовете за портрет, если высотой он будет, скажем,

в полтора метра? У меня такое ощущение, что он вам хочет свой парадный портрет заказать. Так что надо бы условиться нам заранее о цене за работу... И, соответственно, надо нам условиться о цене на картины, которые мы возьмем с собой. Вдруг он захочет еще и пару ваших картин купить...

Шадрин отложил кисти и рассудил так:

— Ну, если холст на полтора метра проработать... По-хорошему если... Но в моем положении можно радоваться и меньшей сумме... ну-у, скажем, хотя бы долларов шестьсот... Да и эти картины — по тысяче можно продать... Ну, можно пару сотен сбросить. Потому что денег у меня — ни копейки! Хотя по пятьсот я тоже согласен... Или, есть тут некоторые подешевле... в моем положении за краски вернуть, и я буду рад...

Сумарин сокрушенно покачал головой, лицо его приняло такое выражение, словно он только что предотвратил, по меньшей мере, гибель «Титаника».

— Видите ли, — сказал он, — наш клиент, если вы не стоите хотя бы пяти тысяч долларов, с вами и связываться не будет. Давайте я сам возьму на себя переговоры о цене, достойной и вас, и нашего амбиционного клиента, а за это я буду иметь всего десять процентов комиссионных. У меня, так сказать, навар бывает и символический. А если у нашего сотрудничества дела пойдут, мы с вами специальный договор заключим. У вас голова не будет болеть, и я себя капиталистической акулой не буду чувствовать, стану менеджером у любимого художника. Вы согласны?

— Да если вы на себя все возьмете...! Без вас ведь у меня никаких просветов не намечалось! — благодарно признался Шадрин.

— Каждый должен делать свою работу, — важно заметил Сумарин. А затем тихонько добавил: — Все-таки, видимо, что-то меняется в текущей жизни, если самому Францову понадобился художник не стильный, а настоящий...

На том они и расстались.

Взбодрившийся Шадрин работал весь остаток дня. И ночевать остался он в мастерской. Проснулся рано утром и — опять работал. Даже когда в пятницу Сумарин ему утром позвонил и предупредил, что через полчаса за ним заедет, он — работал.

А затем, пока Сумарин вместе с мрачным французским человеком выносил картины, Шадрин успел занавесить «Князя Игоря», снять перепачканный краской халат, вымыть руки, пригладить волосы и позвонить Даше.

— А я тут туфли тебе надраила, как новые... — растерянно сообщила она.

— Все, я еду! — сказал Шадрин. — А вечером встретимся в мастерской. У меня тут для тебя одна потрясающая новость есть!

На улице его ждал огромный черный джип «BMW X 5» (это не художник, а дотошный Сумарин успел определить марку сверкающего внедорожника!). Едва Шадрин сел в машину и захлопнул за собою дверку, ему показалось, что он оглох — так тихо было в просторном салоне. Беззвучно машина тронулась и, как огромная капля ртути, легко устремилась в сторону Кутузовского проспекта.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Сумарину начинает казаться, что художник Шадрин потерял рассудок.

«Гляди, запоминай нашего нового Саврасова, ты сегодня одним из первых увидишь те картины, которые, может быть, будут украшать обложки школьной «Родной речи!» Во всем мире люди даже через сотни лет будут узнавать по этим

картинам образ твоей державы!» — восторженно говорил когда-то отец Сумарину, а он, еще подросток, сквозь обычную для своего возраста скуку все же различал в шадринских картинах некое живое мерцание; и даже в ослепительном, жарком и душном облаке софитов эти картины казались ему волшебным сновидением. А возвращаясь с выставки домой, он невольно всматривался в тенистые пространства дворов, в деревья, в мускулисто застывшую гладь Москвы-реки, чтобы либо с какой-то невнятной, призрачной, либо просто с уютной да тихой радостью догадаться, что все это ему уже знакомо, что он уже сердцем стал узнавать то место на огромной земле, где выпало ему родиться и по-своему жить-поживать...

Но не только вот эти грустноватые воспоминания приходили Сумарину в голову. Например, даже и дыхание у него загнулось, когда он, сидя в французском джипе рядом с притихшим художником, вдруг вспомнил: «Всего лишь по пол-тысячи долларов за такие картины! Это же кем надо быть, чтобы себя так не уважать! Ну, если получится, я ему покажу, чего он на самом деле стоит! Как некогда Суслов тайком от партии слушал джаз, так и эти именитые бандиты будут у меня Шадрина покупать!»

От того, что судьба самого Шадрина теперь зависит от него, Сумарин готов был, наверно, даже запеть, но в присутствии молчаливого водителя и двух столь же невозмутимых французских помощников он лишь строже сдвинул брови. А когда более важный французский помощник, назвавшийся Вячеславом Олеговичем Вигонем (менее солидный вообще не счит нужным называть себя), вдруг оглянулся и с открытым недоумением оглядел непрезентабельно согнувшегося на заднем сиденье художника, а затем вопросительно перевел свой рыбий взгляд на Сумарина, тот со значением усмехнулся, мол, что поделаешь, настоящие гении другими не бывают... И тут же спохватился, воспользовался моментом, спросил:

— А я так и не понял тогда, зачем вашему шефу художник понадобился?

Рыбьи глаза французского помощника еще более поводятели, он, ничего не сказав, медленно отвернулся, и Сумарин со своего заднего сиденья теперь видел лишь его по-армейски скучный затылок.

Между тем машина, проехав по Рублевскому шоссе, уже свернула к пестро выглядывающим из-за деревьев кирпичным фантазиям новых хозяев жизни. Дабы не упустить вот этой невероятной возможности наконец-то собственными глазами увидеть то, из-за чего по всей стране постоянно гремели выстрелы киллеров, а из танков среди бела дня расстрелян был даже парламент, из-за чего миллионы людей месяцами и годами жили без зарплат, из-за чего он сам вынужден был бросить аспирантуру на исторической кафедре, Сумарин прильнул лбом к стеклу. Но еще ничего не успел он понять в открывшихся ему диковинных архитектурных иероглифах, а машина остановилась у высоченных металлических ворот. Водитель нажал на кнопку пульта, створки ворот величественно, как в фильмах о Фантомасе, расползлись в стороны, открывая вид на просторный, японско-сочинский, состоящий из живописных камней и диковинных деревьев, парк. Шурша шинами по розовым, вперемишку с голубыми, плитам, машина поплыла по направлению к столь же диковинному дворцу в три, а если считать многочисленные, похожие на паучьи лапки, башни, то и в четыре этажа. Но водитель свернул все-таки к небольшому домику, спрятанному в зарослях на левой окраине весьма просторного японо-сочинского пространства. Именно в этот домик были выгружены картины. Здесь же, в зале с баром и бильярдом, столом, было предложено Сумарину и Шадрину дожидаться своей участи.

— Если захотите выпить, то бар в вашем распоряжении, а если захотите чая или закуски, то — вон та дверь, — сказал французский помощник и не без чувства облегчения после наконец-то выполненной работы удалился вон.

— Видишь, в лакейскую нас поместили. Всякие журналюги, стриптизерши — все, наверно, здесь сидят и дожидаются хозяина. И мы, конечно, даже для этого французского холуя — тоже мелкота. Особенно вы в своей штопаной экипировке, — шепотом поделился своими первыми впечатлениями Сумарин, когда они остались наедине.

— А почему шепчемся? — еще более тихо спросил Шадрин. И только теперь Сумарин вдруг обратил внимание, что лицо у художника будто выпитое.

— Ну, мало ли... — Сумарин поехал. — Уверен, что здесь есть пара камер видеонаблюдения... Это я, так сказать, для вашего сведения...

— Тогда пусть понаблюдают, как я попробую какого-нибудь, может быть, вполне приличного напитка, — сказал Шадрин опять-таки уж очень нервно и тут же направился к бару. Сумарин тоже решил пригубить граммов двадцать, но, увидев, что художник после краткого изучения бутылочных этикеток вдруг налил себе коньяка чуть ли не полный винный фужер и сразу же залпом выпил, решил воздержаться.

— Теперь я буду переживать, что вас развезет, — признался Сумарин Шадрину недовольно.

— Я пить больше не буду, не волнуйтесь, это я, чтобы лишнего в голове не вертелось, — угрюмо объяснился художник. — Теперь же под сигаретку с кофе можно сидеть даже в этом логове... Как выражается мой приятель Левкин: «...все эти «реформаторы» принесли России и ее народу разруху куда большую, чем осужденные в Нюрнберге нацистские преступники...» А мы тут так запросто у одного из них расположились. Кстати, давайте еще и по чашечке кофе выпьем... Вот же, какая у нас гнусная жизнь!

Сбоку от бара в этот миг открылась дверь: оттуда вышла блондинка даже более безупречная, чем, может быть, какие-нибудь горничные из дорогих берлинских гостиниц, и весьма учтиво спросила:

— Вам кофе со сливками?

— Мне чай, — попросил Сумарин.

А Шадрин к кофе попросил еще и бутерброд.

— А то я с утра не успел поесть, — сказал он.

Девушка вполне серьезно отнеслась к шадринским словам и вскоре вернулась с тарелками, на которых помимо бутербродов располагалась еще и запеченная в кляре рыба.

Пока Шадрин поедал рыбу, Сумарин пил свой чай и тихонько, как бы невзначай, вглядел художнику, что от того впечатления, которое они сегодня произведут на столь богатого клиента, зависит все дальнейшее.

Художнику, видимо, не хотелось выслушивать эти сумаринские поучения; вытерши губы салфеткой, он отхлебнул кофе и важно изрек:

— Брат, во-первых, давай уж определенно перейдем на ты, а во-вторых, давай будем помнить о том, что я художник, а не чиновник средней руки. Меня этой вышестоящей поварихой и рыбой можно не удивить, а лишь вернуть в нормальное состояние. Есть такой маленький городок Белозерск, на Белом озере, и вот с тех пор, как я оттуда в семнадцать лет уехал в Москву, никогда у меня не было повода переучиваться на другого человека. И только в последние полтора десятка лет я насомневался в себе досыта. Прекрати, брат, в печенке у меня ковыряться, я тебя прошу...

— Я бы, так сказать, в печенке у тебя не ковырялся, но показалось мне, что ты, Дмитрий Иванович, все-таки не понимаешь, какой у нас важный момент... И вообще — вы... ты... ты сегодня совсем другой человек...

— Да я все понимаю, — вдруг сникнув, признался Шадрин. — Но, честное слово, если с заказом у нас ничего не выйдет, я три раза перекрещусь от радости...

— Ты, Дмитрий Иванович, рассуждаешь, как ребенок! — испуганно прошептал Сумарин. — Но почему только я должен за вас переживать? Зарабатываем денег и затем уж порассуждаем о чем угодно, за милую душу порассуждаем! Вот уж не думал, что ты можешь вот так, в самый ответственный момент, подножку себе и мне поставить!

— Да в том-то и дело, что нищему человеку только нищету свою и можно возненавидеть! Так что можешь на меня положиться! — воскликнул Шадрин вдруг столь запальчиво, что Сумарин вынужден был, дабы художник успокоился, встать и пройтись по залу, якобы осматривая его вместилище пространство.

Шадрин же, оставшись наедине, вытянул ноги, откинул голову на спинку глубокого кресла и то ли затих, то ли даже, под воздействием коньяка, задремал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой все остаются собою довольными.

Впрочем, когда по-фантомасьи важно вошел к ним помощник Францова, Шадрин сразу поднялся.

— Пройдемте к картинам, Борис Сергеевич их уже посмотрел, — сказал помощник.

Шадринские картины, как оказалось, стояли прислоненными к стене в соседней ярко освещенной комнате. Здесь же в полном одиночестве находился и сам Францов. Сразу же оглядел он Шадрина с головы до ног, но ничего при этом нельзя было Сумарину понять по выражению его лица.

А художник глядел на олигарха, как, может быть, дети глядят на взлетающий самолет.

Разумеется, Францов произвел бы на него менее сильное впечатление, если б оказалось, что на обыкновенного человека олигарх совсем не похож...

— Может быть, у вас вопросы возникли какие-нибудь по этим работам? — не дождавшись от Францова ответа на свой учтивый поклон, спросил Сумарин.

— Я привык сам задавать вопросы. Вот, скажи, — Францов опять взглянул на аж вздрогнувшего под его взглядом Шадрина, — ты можешь нарисовать женский портрет, но только не такой, как этот, где у тебя женщина у окна сидит, а чтобы фон был темным, как на старинных картинах?

— Если это свяжется с натурой... — сказал Шадрин, не слыша своего голоса.

— Надо, чтобы все связалось именно с темным фоном, а то, что ты рисовать умеешь, я уже понял.

— Сделаю так, как скажете...

Францов этот ответ явно не показался удовлетворительным. Он слегка поднял бровь в сторону Сумарина, и тот сразу же выпалил то, что, наверно, придумал заранее, когда Шадрин столь безответственно выпил фужер коньяка:

— Борис Сергеевич, вы же сами просили не современного, а лучшего мастера!

Несколько секунд Францов молчал, явно пытаясь самостоятельно понять, чем несовременные художники отличались от современных. Затем он почти улыбнулся и вроде бы как даже с сочувствием сказал Шадрину:

— Только я не люблю, когда уходят в запой, не окончив работу.

— Он не современный вовсе не в том смысле! — охотно заулыбался и Сумарин.

— Мне это не интересно, — уже без тени улыбки сказал Францов. — А об остальном с вами договорится Вячеслав

Олегович. — Францов повернулся к помощнику, вмиг ставшему похожим не на Фантомаса, а на скульптуру древнеегипетского писца, и сказал ему: — Оставайся с ними, а затем переходи в автономный режим.

— В контору, значит, не приезжать?

— Я сам позвоню, если понадобишься, — сказал Францов и ушел.

— Пройдемте в бар, — сразу же предложил помощник. — Там мы и поговорим, а если время у вас есть, то и пообедаем. А затем я вас отправлю в город.

Выражение о лица было теперь почти живым, а к Сумарину он уже обращался, как к своему давнему знакомому. Сумарин увидел в этой перемене добрый знак. И когда они опять оказались в зале, он сразу же стал беседовать с французским помощником по-свои, то есть применяя свои обычные переговаривательские хитрости:

— У вашего шефа, Вячеслав Олегович, редчайший вкус! — воскликнул он. — Вы же знаете, все сначала на истинных гениев, на, так сказать, Сезаннов и Ван Гогов внимания не обращают, хотя они живут у них под боком, а затем миллионы отваливают за их работы! А Борис Сергеевич сразу врубилсь, сразу понял, кто сегодня ему напишет самый крутой портрет!

Шадрин, услышав о Сезанне и Ван Гогге, решительно поднялся и направился к бильярдному столу.

— Да тут не в крутизне дело, — тоже по-свойски усмехнулся помощник (он, видимо, хитроумные ходы Сумарина разгадал, но отнесся к ним с профессиональным уважением). — Борис Сергеевич уже давно прикупил усадьбу во Франции; или, вернее, не усадьбу, а натуральный старинный замок, с парком, которому многие сотни лет, с трухлявыми гобеленами, со старинными портретами прежних хозяев. Какой-то потомок там жил, то есть это имение досталось потомку от крестоносцев и от всяких этих... ну-у, сами знаете, какие у них в Европе маркизы были когда-то. И Борис Сергеевич решил имеющуюся в усадьбе портретную галерею продолжить своею роднею. А жена у него по матери имеет фамилию Бруни, с французскими корнями, и вроде бы как даже голубых она кровей. Сам он, хотя его родной дед комиссарил в Поволжье, а в тридцать седьмом году расстрелян, тоже имеет касательное отношение к знаменитым Поляковым, которые до революции чем только в России не владели... Так что ему и этот, как он говорит, фон темный понадобился, чтобы портрет сочетался с уже имеющимися в замке. Если понравится ему то, что вы сделаете, он, я думаю, вас без работы не оставит... Что, по рюмочке, может быть, выпьем? Или сначала договор составим?

— Я бы сначала дела закончил, — сказал Сумарин.

— Да тут делов всего ничего. О цене договоримся, об авансе, и будем ждать, когда сама хозяйка из Лондона к нам заявится. У них там оба сына учатся, вот она и ездит к ним. А на днях она должна вернуться в Москву. Тут и размер портрета у меня записан... — Помощник достал из кармана толстую записную книжку, полистал ее. — Значит, высота сто шестьдесят три с половиною сантиметра, ширина — девяносто два... Это под старинную раму из замка, мне вчера измерили ее и по телефону продиктовали...

— Я полагаю, что за пятнадцать тысяч долларов на такую работу можно согласиться, — без лишних вступлений сказал Сумарин, — потому что, как вы сказали сами, тут высокий класс требует показать, чтобы человек и аксессуары были современными, а колорит и настрой старинный. И при этом чтобы все органичным получилось, чтобы никто никакой элтики не заподозрил. — Сумарину все же удалось внушить помощнику, что надо слишком много

цовский помощник улыбался, вставлял свои реплики: «Да не беспокойтесь, нашли мы помещение...»; «А зато и вам повезло, очень кстати вспомнил я, что художниками он стал интересоваться...»; «Такой уж он человек, чего захочет, то и получит...».

— А какой он человек? — спросил вдруг Шадрин.

— В каком смысле? — Помощник как бы вынырнул из своей улыбки, глаза его опять стали рыбьими.

— Ну, — Сумарин на всякий случай решил взять инициативу на себя, — все люди чем-то интересуются, машины коллекционируют, за какой-нибудь футбольный клуб болеют...

Помощник опять заулыбался и, не дослушав Сумарина, великодушно сообщил:

— Борис Сергеевич, если захочет футбольным болельщиком стать, собственную себе команду, как Абрамович, купит. Не для того такие люди всего в жизни добиваются, чтобы за чужие команды болеть!

— Но что-то вы связываете его с другими людьми? — продолжал допытываться Шадрин.

— Да ведь всегда друг от друга нам что-то нужно... — сказал помощник то ли со скрытой иронией, то ли с обезоруживающей чистосердечностью. — Вот вы, например, вам нужен заказ, вы и стремитесь связаться с заказчиком. А Борис Сергеевичу понадобился портрет супруги. Вот мы с вами и связались.

— Но со мной он даже не захотел знакомиться, — напомнил Шадрин.

— Ну что ты пристал к человеку! — опять вмешался осторожный Сумарин. — Ты же не знакомишься с каждым, у кого краски и холсты покупаешь!

— Вот именно! — Помощник наклонил свое лицо к Шадрину так близко, что тот еле сдержал себя, чтобы не отпрянуть. — Вам, Дмитрий Иванович, очень повезло с вашим продюсером. Вы рисуете, а он тоже свое дело знает. Хотя, скажу вам откровенно, я был против того, чтобы вот так, не известному нам человеку, портрет заказывать. Это мой принцип. В любом деле я предпочту человека, который для меня уже определенным образом засвечен.

Сумарин понимающе закивал, а Шадрин вдруг сказал не без обиды:

— Ага, раньше вот так же предпочитали коммунистов с дореволюционным стажем! И чтобы чекисты его прощупали с головы до ног!

Увидев, как Сумарин страдальчески отвернулся, помощник поднял свой толстый палец и рассудил так:

— Вот тут-то я вполне согласен. Не дураки раньше были. Потому что для умного человека всегда предпочтителен человек понятный. Знаете, бывает, журналист знакомый, вроде как из своих, звонит, умоляет, мол, помоги взять интервью у шефа. Ему поможешь, а затем глядишь, у него уже книга вышла, и чтоб подороже ее продать, он в этой книге уже напел такого... Но между своими всегда можно разобраться. А вот бывает, когда тебе и не нагадать, а ты гадаешь, почему тебе даже не нагадали. Но вы не сомневайтесь, заплатит вам Борис Сергеевич столько, сколько надо. Да и не привык он экономить. И аванс я выдам. И картины свои пока не забирайте. Он велел, чтобы до приезда Ирины Владимировны вы их не забирали.

— Я могу вам подарить ту работу, которую сами выберете... — сказал вдруг Шадрин, все еще не верящий, что пора его беднежия кончилась.

— Мы с Виктором Петровичем, если понадобится, договоримся о моем участии, не беспокойтесь, — сказал помощник.

Уже в Москве Сумарин попросил водителя подождать, пока он проводит Шадрина до подъезда. А в подъезде достал

из кармана тяжеленный конверт с долларами, вручил его художнику и пояснил:

— Это аванс. Я свой процент пока не буду брать, но, если понадобится, вложу его в гонорар для Вигоня. Хочу, чтобы он твои картины показал таким же помощникам, которые тут в Жуковке при своих хозяевах отираются. Знаешь, когда телевидения не было, весь пиар варился в лакейских. А чем больше людей будет на тебя работать, тем более верный доход ты будешь иметь. Хотя, как мне показалось, все эти тысячи ему, как слону дробина. А ты только поменьше спрашивай, что за человек этот Францов... И вообще, наше дело — зарабатывать хотя бы тебе на жизнь!

— Да не бойся ты...

— Прямо-таки извел ты меня сегодня!

— Я ж говорю, ты не бойся, не собираюсь я с голоду умирать... — Шадрин вздохнул, развел руками. — Заказ появился, вот я рад даже и этому аллигатору... И потом, может быть, в жизни действительно что-то поменялось, если моя репутация их уже не смущает. Ты же сам говорил, что художник я для таких людей запретный. Думаешь, Вигонь не навел обо мне справки?

— Ох, Дмитрий Иванович... А ведь мы с тобою всего лишь та пыль, которая поднимается, когда кто-то из них случайно нас ногой заденет.

— А мне плевать, пыль я для них или не пыль! Мне бы только своего «Игоря» дописать!

— Вот это мне уже нравится! — сказал Сумарин на прощание.

В мастерской у раскрытого «Князя Игоря» Шадрин увидел Дашу. Хотел было тут же показать ей невероятно тяжелый конверт с долларами, но она и без того вся сияла.

— Вот так-то мы... — Он смущенно развел руками. — Это, кстати, обещанный сюприз! Но я не верю, что ты первый раз видишь моего «Игоря».

— Ты же запретил под сатин заглядывать без твоего разрешения! Вот я и помалкивала, хотя обо всем знала! Потому что обидно было, что ты от меня таишься...

— Да что же ты на меня за все обижаешься! Не Кукрыникс-иха ты у меня, а жена, жена-а!

С этого дня будто что-то уже по-настоящему щелкнуло в Шадрине.

С Дашей теперь он говорил исключительно громко, ходил только быстрым шагом, и помимо «Игоря» набросал очень быстро еще одну, совсем нечаянную, историческую картину — «Бориса и Глеба». Так что когда позвонил ему помощник Францова, он даже задосадовал. Хотя и ждал этого звонка с большим нетерпением.

— Сегодня прибыла Ирина Владимировна из Лондона. Так что завтра с утра за вами пришем машину, — сообщил Шадрину помощник почти воркующим голосом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, приоткрывающая некоторые неизвестные широкой публике стороны жизни олигарха Францова и его жены.

Ирина Владимировна Францова по пути из аэропорта заехала к матери. После того как оба ее сына стали учиться в Англии, это у нее вошло в привычку: спешить из аэропорта именно к матери — шестидесятилетней вдове очень влиятельного во времена Горбачева и Ельцина академика Владилен Самвеловича Маркаряна.

Ирине Владимировне академик не был родным отцом. Тем не менее своей стремительной карьере бывший младший научный сотрудник столичного экономического института Боря Францев был обязан именно академику. Владилен

Самвелович сразу же сдружился с амбициозным молодым человеком, принял его, как родного. Но — это все-таки по замыслу академика владелицей почти всей собственности, которую Францов теперь распоряжался, являлась Ирина Владимировна. «Ты, Борис, политик, ты айсберг, вершина которого должна быть абсолютной прозрачна. Тебя в любой момент «семья» может кинуть оголодавшему электорату, как кость, а Ирочка не останется без средств, через пару лет, когда электорату кинут другую кость, Ирочка выкупит тебя у «семьи» за каких-то, может быть, десять-двадцать миллионов долларов, и вы тихо уедете в Испанию или в Швейцарию и далее будете жить уже спокойно, не пресмыкаясь перед этим вечно пьяным кремлевским рылом, не выплывшая перед его Татьяной». Францов даже и не думал возражать. Потому что понимал: настоящей, невидимой частью его «айсберга» был именно академик, находящийся даже с Чубайсом и Гайдаром в отношениях более доверительных, чем он, их ровесник.

И вот наступил момент, когда всемогущего академика не стало, когда Францов, так и не заведя личной дружбы с самыми влиятельными членами «семьи», на всякий случай ушел в тень, а пронизательная мать Ирины Владимировны доложила ей: «Владимир Самвелович был умнейшим человеком, он сразу твоего Бориса раскусил. Потому и заставлял его на твоё имя собирать капиталы. Я уверена, не будь на тебя записаны газпромовские и нефтяные акции, Боря твой в тот же день, когда дети уехали за границу, поменял бы тебя на эту наглую датчанку! Только деньги удерживают его возле тебя! — А затем со свойственной ей эмоциональностью добавила: — Ах, а я всегда боялась, что Владимир Самвелович тебе не заменит отца!.. Но как же он тебя любил, если просчитал наперед всю твою жизнь и заранее тебя защитил! Именно по-мужски, как может только отец, защитил он тебя от этого чудовища!» Ирина Владимировна в ответ на такие обидные для нее слова очень долго затем избегала встреч с матерью. Скандальную, раскрывшую тайну «датчанки», книгу журналистки Маховой — этой «продажной твари, которая мстит бедному Борису лишь за то, что он побрезговал ею и не потащил к себе в постель!» — она считала «черным пиаром», за который «сучка наверняка получила свой гонорар от этих питерских гебистов».

Теперь же у Ирины Владимировны с матерью отношения наладились. Хотя — то, что Ирина Владимировна из аэропорта сначала к ней заехала, мать восприняла как очередной недобрый знак. И после обычной при таких встречах церемонии она тихонечко спросила:

— А ты сама не отталкиваешь его вот этим своим нарочитым холодом?

При этом она еще и обратила внимание на темный брючный костюм дочери, явно купленный в Лондоне не наугад.

— Я должна униженно делить его с датской мырмой? Ты видела ее рожу? С такой рожой я бы умерла от горя! — сказала Ирина Владимировна твердо. И повертелась перед матерью, чтобы та рассматрела ее новый костюм со всех сторон. — Мне тоже сразу он понравился. И я теперь поняла, что к канареечным, как у Собчачки, нарядам уже никогда не привыкну!

— Вот и я предпочитаю одеваться попроще. А то сейчас и на приеме уже приходят, как в бордель. Но зря ты принимаешь Борисовы выходки только на свой счет! Это у Бориса возрастное. И его отношение к тебе тут ни при чем. Поверь мне, матери, которая прожила на целую жизнь дольше тебя! Все мужчины в его возрасте и, тем более, в его положении, когда все доступно, теряют голову. Ты посмотри, даже Починок женился во второй раз! Да и все они уже переженились на молодых хищницах! И еще будут кусать локти,

я уверена! А Борис умный; ты дала ему наиграться, а теперь прости. В этом и заключается женская мудрость, чтобы прощать. Мужа, даже самого любящего, на коротком поводке еще никто не удержал! Да... И сумочка эта к костюму твоему подходит...

— Плевать мне на сумочку! — Ирина Владимировна зацеловала сумку, отшвырнула на диван, нервно зашагала по комнате. — Не забывай, мне всего лишь сорок лет. А ты во второй раз замуж вышла именно в этом возрасте! И прожила со вторым мужем более счастливо, чем с моим отцом. С которым вы грызлись чуть ли не каждый день!

— Грызлись потому, что я дура была такая же, как и ты! — воскликнула мать обиженно.

— Вот и я раньше была душой, да теперь вот перестала ею быть! Со своими деньгами — а датская крыса наверняка не знает, что Борис моими, а не своими деньгами управляет! — я приличного человека на улице подберу и буду с ним жить так, как все люди живут, у семейного очага, а не в паучьей банке! Я устала жить с этими пауками! Устала! Я хочу нормальных человеческих отношений! Хочу встречаться с настоящими подругами, чтобы при встречах греться о них, а не обнюхиваться, как собаки это делают, не уточнять, кто кого. Зачем мне нужны деньги, если я не могу себе позволить жить нормальной человеческой жизнью?! Ты помнишь, как девчонки ко мне приходили, как с однокурсницами мы сидели у нас на кухне, как жили мы весело да привольно? А теперь куда все мои лучшие подруги подевались? Да я за свои деньги могу купить любые нормальные человеческие радости!

— Значит, ты решила подавать на развод?

— Да! Решила!

— Тогда, милая моя, я тебе вот что скажу... — Лицо у матери потемнело, и Ирина Владимировна глянула ей в глаза, как в застывшую весь белый свет грозовую тучу. Глянула и невольно вздрогнула. — Вот-вот, — продолжила мать. — Ты, милая моя, прожила за отцом да за Борисом, как за каменной стеной, и еще не поняла, что такое иметь капитал... Который к тому же не ты и скопила! А ты знаешь, что Борис скорее тебя растопчет, чем расстанется с капиталом? Ты знаешь, сколько вокруг него кормится людей, которые не захотят, чтобы ты сменила Бориса и поставила под угрозу их благополучие? Да Борис и знать не будет, кто из них не даст тебе дожить до развода! Я потому и уговариваю тебя опять сойтись с ним... Я просто боюсь за тебя! И он, я это чувствую, тоже желает, чтобы все у вас по-хорошему обошлось. Вот, он недавно сказал мне, что хочет заказать твой портрет какому-то старинному мастеру... Зачем бы он заказывал портрет, если у него не было бы желания жить с тобой? Ты подумай об этом!

Ирина Владимировна продолжала жутковато глядеть на мать даже после того, как та умолкла. Затем она вдруг очень уж снисходительно улыбнулась. Затем расхохоталась. Затем, ни слова не говоря, вышла в прихожую и принялась одеваться. И лишь когда мать полным страдания голосом воскликнула: «И ты мне ничего не скажешь насчет моих опасений за твою жизнь?!» — она вымолвила:

— А я и без тебя все это знаю.

— И не боишься?

— А ты помнишь, как мы с ним познакомились? Я тебе тогда сказала, что он меня от злющих собак спас. А вот в последние годы поняла, что все тогда не так было. Что не спасал он меня, а в бараний рог скручивал. И что привлек он меня тогда именно тем, за что я теперь его ненавижу... Да! Не-на-ви-жу!

— О, Господи...

— Вот, послушай же, как мы с ним сошлись...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, знакомящая читателя с основами социал-дарвинистского миропонимания.

Опять же, я сам должен буду рассказать читателю о том, что случилось около двадцати лет назад, в другой, теперь уже почти забытой, жизни Ирины Владимировны. Потому что даже не все мужчины способны совмещать гнев с правдивостью, а у оскорбленной женщины собственная память правдивою никогда не бывает, потому как абсолютно все у женщин, стоит их только задеть побольнее, сразу же превращается в орудие мести...

Итак, после сдачи очередного весеннего зачета наша Ирина Владимировна, а тогда просто Ира, Ируля, Ираша, Ирушок — ах, как ее только не называли! — вместе с однокурсницами пошла прогуляться в университетский парк. За студентками увязались два парня со старших курсов — Боря Францов, который всегда был как Ира глаз не сводил, но при этом известный ей лишь как комсорг факультета, и его заместитель по комсомолу, неизменно насмешливый Слава Вигонь. Этот Слава, конечно же, не упускал случая, чтобы высказаться в адрес девушек в своем обычном остро-саркастическом духе. А Боря, как всегда, лишь молча поглядывал на Иру. И одна из Иринных подруг, Света Панова, говорила ей на ухо: «Сейчас он тебя бить будет!» — и они хохотали. Дело в том, что взгляд у Бориса всегда был каким-то странным. Ире поначалу даже страшновато было обнаруживать себя под его пристальным, вонзающимся в нее, как стальное сверло, взглядом. Когда она поделилась этим своим «ну, просто ужасом» со Светой, та сразу же нашла весьма остроумное объяснение Иринных страхам: «А точно так же, как он на тебя, парни смотрят друг на друга, перед дракой!» И вот теперь, оглядываясь на Бориса, подружки с изумлением соглашались: «Да-а-а, свирепо глядит! Сейчас драться будет!» И было им необыкновенно весело.

Затем стайка студенток и увязавшиеся за ними комсомольские вожаки оказались среди кустов цветущей сирени. Ира так и ахнула при виде необыкновенно пахучих, похожих на клубы живописного дыма, зарослей. Подбежала к самому пышному кусту, стала его нюхать. А потом руки вскинула и — от восторга! — вроде бы как даже принялась пританцовывать. Борис устоял на нее еще более свирепо, а Слава уже без сарказма, с чистейшим восторгом, вдруг воскликнул:

— Ну-у, Ираша... если Афродита всего лишь из пены, то ты из самого Боттичелли к нам заявляешь!

Ира смутилась. Но почему-то именно в этот же миг она и вспомнила, что через час ей надо быть дома. Не без сожаления со всеми она распрощалась.

К троллейбусной остановке не шла, а летела. Так ее опьянила сирень, так ей стало хорошо от восторженного признания всегда колючего Славы Вигоня и вообще от всего, что только есть на свете. «Сколько же одуванчиков тут растет...!», «А трава ж атласная...!» — радостно замечала она. «И зачет сегодня чуть ли не провалился... Ужас!» — и она радовалась, что ненавистный зачет уже позади: «Ах, как же хорошо, Господи!» И даже не дышала она, а вся без остатка растворялась в сладком, чуточку знобком майском воздухе. И подошвы ее легеньких матерчатых туфелек будто бы не земли касались, а облака, травяного атласного облака.

Но вдруг облако лопнуло, как резиновый шарик, чья-то до сих пор неведомая Ире, совершенно посторонняя, но — свирепейшая, все опрокидывающая, состоящая только из неистовых хрипов и визгов, ярость хлынула на нее со всех сторон (почти так же она чуть не умерла от испуга, когда дома однажды рухнула у нее за спиной перегуженные книжные полки). Затем Ира все-таки успела разглядеть злобные соба-

чьи пасти. Разглядела она и огромного, неясного, как во сне, в клочьях дымчатой шерсти, пса и рядом с ним — тонконогую, не способного даже лаять, и тем не менее злобно, навзрыд плачущего щенка. «Песики, песики...» — беззвучно прошептала она, но желтые, в мутной пене, собачьи клыки становились все ближе. Один необыкновенно красивый (и потому показавшийся ей особо коварным), с лисьей окраской пес даже сделал прыжок в ее сторону, но тут же услышала она у себя за спиной вроде бы вполне человеческий голос:

— Не бойся!

Чья-то рука впилась Ире в локоть так, что, наверно, она на миг даже потеряла сознание. А в следующее мгновение Ира была уже не одна. Это, оказывается, Борис крепко держал ее за локоть. При этом он еще и очень спокойно внушал ей:

— Вот видишь, они тебя уже боятся. А теперь пойдём, пойдём прямо на них. Видишь, они отступают. Ты смелее шагай!

Ира свободной рукой уцепилась в воротник пиджака упрямо продвигающегося вперед Бориса.

— А теперь я тебе покажу один замечательный фокус... — Борис, не обращая внимания на Ирино полубомбочное состояние, нетерпеливо высвободился от ее руки и пошел к чуть отступившей своре самостоятельно. Собаки сразу умолкли, развернулись и отбежали в сторону метров на десять. Самый крупный пес, издала кольнув Иру своим волчьим взглядом, как-то очень уж равнодушно улегся прямо на дороге. Рядом с ним уселся красивый рыжий пес. Остальные собаки затеяли настоящее броуновское движение вокруг вожака. Лишь тонконогий щенок или, вернее, не щенок, а, оказывается, такой вполне взрослый, концлагерного типа, задохлик, вдруг сделал несколько шагов в сторону Бориса и начал, рыдая, как бы лаять.

— Вот типичный пример трагической самоидентификации угнетенного существа со своими угнетателями! — сказал Борис уже не без азарта.

Ира решила, что это он пытается хотя бы ученой шуткой взбодрить ее, и попробовала улыбнуться. Но оказалось, Борис не шутил. Очень даже серьезно, всё более зажигаясь, продолжил он свои рассуждения:

— Ты бы, небось, пожелала этого заморыша, но он не способен выбирать между тобой и своими мучителями. И вот сейчас он, герой, вернется к стае, а стая, как всегда, укажет ему его место... Давай посмотрим, как это будет выглядеть!

Действительно, едва плаксивый пес, налаявшись, подбежал к своим товарищам, сразу же рыжий красавец показал ему зубы. Поджав хвост и от страха покачиваясь на тонких ногах, заморыш удалился от рыжего на почтительное расстояние. Но два других весьма бойких пса подбежали к нему, и он предусмотрительно лег на спину.

— Видишь, я был прав.

— А почему они его так не любят? — шепотом спросила Ира.

— Да потому что они никого не любят. Это, Ира, чистейшая, без антропоморфных предрассудков, природа! Вот видишь, вожак уложил на спину своего рыжего соперника, и все тут же бросились на него... Ты видишь это?

— Они его разорвут?

— Если надо будет, то сначала сожрут заморыша.

— Какой ужас!

— Не ужас, а природа в ее чистом и честном виде. Целыми днями они только тем и занимаются, что выясняют, кто кому должен подчиняться. Видишь, рыжий уложил на спину полутерьера... А полутерьер сейчас тоже кого-нибудь уложит. И если хочешь знать, люди заняты тем же. Все войны на протяжении многих тысяч лет — это всего лишь борьба вожаков друг с другом за абсолютное лидерство. Представляешь,

как Македонский и Дарий на какой-то равнине натравили свои стаи одна на другую? И с тех пор ничего не изменилось. Только наше вечное соперничество друг с другом стало более лицемерным. Мы не просто зубы друг другу показываем, а ссылаемся на Маркса, мы кусаемся цитатами из Ленина, мы, бывает, стихами, как клякками, скалимся... А американцы придумали еще и права человека. Прежде чем кого-то разорвать на куски, они еще и о правах человека тебе полагают. Поэтому, я тебе скажу, будущее за социал-дарвинистским, за вот таким чисто собачьим и потому не ханжеским общественным строем. Это без всякой двусмысленности открытым обществом умные люди называют.

— Шутки же у тебя... — догадалась Ира и с искренним восхищением перед Борисовым остроумием добавила: — Теперь я поняла, почему Вигонь никак не успокоится... Но ему тебя не переплюнуть! Честное слово!

— Вот ты мне не веришь, но сама же и утверждаешь, что Вигонь хочет меня переплюнуть!

— Да ничего я не утверждаю! Ну, честное слово, хватит меня разыгрывать... А то я после собак этих все воспринимаю всерьез! Дай мне хоть в себя придти!

— В том-то и дело, что я не шучу. Ты же не шутишь, когда утверждаешь, что Вигонь своими остротами хочет у вас на виду меня уложить на спину?

— Я просто так сказала... — Ира вдруг ощутила такую усталость, что невольно огляделась по сторонам. — Тут даже присесть негде... Проводи меня, пожалуйста, до троллейбуса, а то я теперь собак этих боюсь...

— Да я ведь и так тебя провожал... просто шел сзади, чтобы ты не видела, — признался вдруг Борис, и лицо его истончилось до абсолютно прозрачной, как тонкое стекло, печали; и столь неожиданной и поэтому такой странной и одновременно такую нестерпимой была эта печаль, что Ира даже растерялась. И уже чуть ли не вымолвила она невольное, пока ей самой неизвестное, но, безусловно, утешливое слово; и — не успела. Он, опередив ее, натужно перемогил какую-то, видимо, новой, похожей, наверно, на пудовую гиру, мыслью всю свою прозрачнейшую, очень, как оказалось, ломкую печаль, не без заметного усилия развернулся к Ире и мрачно изрек:

— Вот только зря ты не принимаешь всерьез все то, что я тебе говорю... И вообще, зря ты меня не принимаешь всерьез!

— Ну почему же я не принимаю?! — воскликнула Ира потерянно.

— А потому что все вы привыкли жить, как играть, а играючи — жить... А я хочу жить без игры!

«Ну и живи себе, кто ж не дает!» — с этой внезапной мыслью Ира, уже оправившаяся после приключения с собаками, вдруг беззвучно рассмеялась себе в кулачок, а затем, смутившись, взяла Бориса под руку и повела мимо собак в сторону остановки седьмого троллейбуса.

А когда уеслись они в полупустом троллейбусе на заднем сиденье, Ира опять весьма неudelikatно обошлась со своим спасителем. Она достала из сумки зеркальце, оглядела себя, поправила челку, а затем, спрятав зеркальце, сказала:

— Ну, теперь рассказывай про все, к чему я должна отнестись всерьез. А то скучно молчать.

Он в ответ лишь скривил губы и затем, отвернувшись к окну, не проронил ни слова всю дорогу. И расстался с Ирой у ее дома на Кутузовском проспекте очень сухо.

Ира с того дня чувствовала себя виноватой перед Борисом. В ее воображении он из кувалдообразного комсомольского секретаря превратился в человека ранимого, одинокого, знающего о жизни некую роковую тайну, хранящего эту тайну, как колючую проволоку, в своей скрытно страдающей душе.

И Ира уже сама стремилась при каждой нечаянной встрече с Борисом выказать к нему свое особое расположение. А он теперь не только издала сверлил ее своим необыкновенным жгучим взглядом. Иногда подходил поздороваться. При этом лицо его делалось непроницаемым.

Поскольку же Ира жалостливо давала понять Борису, что вызывает он у нее лишь симпатию, то вскоре он стал провожать ее от университета до дома. И Ира все серьезнее воспринимала его пространные рассуждения о человечестве, которое, оказывается, делится на две части: одна, большая, живет абы как и потому находится в подчинении у меньшей части, которая все в своей жизни делает осознанно. Еще, как выяснилось, Бориса угнетало то, что страную управляли дураки и бездари, которые из страха перед умным меньшинством «состригают всех, кто блеснит». Разумеется, Ира сразу же поняла, что Борис и есть самый умный человек на свете. Когда же они однажды гуляли по Поварской улице, сплошь состоящей из старинных, в стиле раннего модерна, особняков, занятых иностранными посольствами, а Борис, показав на один из них, очень серьезно изрек: «Вот в таком доме я должен жить», то она поверила, что в будущем так оно и будет.

При этом у Иры теперь стало как бы две жизни. Одна — прежняя, с подругами, с веселыми походами к однокурснику-дворнику Геночке, который занимал в Шведском тупике у Тверского бульвара аж четырехкомнатную «служебную» квартиру в полувиселенном доме, а другая — тайная, в которой Ира казалась себе возглавляемой Борисом заговорщицей. Впрочем, однажды она затащила-таки Бориса к своим приятелям. Но не к студенту-дворнику, а к Свете Пановой на день рождения. Сначала все весьма чинно пили сухое вино, затем Света, только что вернувшаяся из Исландии, где ее мать работала по линии торгпредства, стала показывать слайды с гейзерами и прочими zahraniчными достопримечательностями. Затем компания увлеклась какой-то весьма занятой беседой, в которой особо блистал остроумнейший Сережа Брайнин. Затем мужская часть не утерпела и задумала смешать со льдом виски, привезенные Светой в качестве главного для всех подарка. «Это делается очень просто», — вдруг подал свой голос Борис с такой важностью, что все невольно принялись затем следить за каждым его весьма уверенным (словно он каждый день только виски со льдом и пил!) движением. Но, едва попробовав теперь уже правильно разбавленного иностранного напитка, Сережа Брайнин стал петь под гитару своим необыкновенно красивым бархатным голосом, а в особо чувствительных местах он при этом столь комично переходил на рычание, что все, особенно Ира со Светой, хохотали до слез. То есть о Борисе опять все забыли.

И когда Ира с Борисом из искусственного полумрака гостиной вышли в ярко освещенную прихожую, чтобы попрощаться со Светой да и уйти, Ира не узнала Бориса. Лицо его было серее серого.

— Что ли ты напилась? — с изумлением спросила она, едва Света закрыла за ними дверь.

— Я вообще не пил, — сказал Борис.

— Но ты выглядишь так, словно три ночи подряд к экзаменам готовился!

— Я не люблю бывать в компаниях, где попусту теряешь время.

— Мы же просто отдыхали!

— Я не могу отдыхать там, где у меня не свое место, — твердо, явно при этом еще и пытаясь внушить Ире нечто важное, сказал Борис.

— Но ты же не какой-то нелюдимый человек! Ты же на институтских собраниях в качестве комсомольского секретаря

всегда сидишь в президиуме! Вот где я бы умерла от страха, так это в президиуме твоём, когда на тебя тысяча человек смотрит, а ты... а я... да я бы сидела, как мумия, и не знала бы, куда руки деть!

— Там я — это я. А тут я — не я. Я не люблю, когда я — никто.

Когда Борис бросил свою научную деятельность, чтобы одним из первых в Москве превратиться в «кооператора», они уже были мужем и женой, и их первому сыну было пол-года. При этом Владилен Самвелович, который коммерческие амбиции Бориса сразу же поддержал, то и дело подсказывал ему: «Бери кредиты любые, скоро рубль обрушат так, что вернешь все мелочью из кармана». И Борис брал кредиты даже просто так, не под сделку. Или, опять же по подсказке Владилен Самвеловича, оформлял поставку эшелонов топлива в какую-нибудь отдалённую область, но топливо тут же продавал на сторону. Затем Владилен Самвелович научил его главному правилу «отката». Это когда каждому чиновнику даёшь больше, чем он ожидает. «Тогда они, как только у них предложение появится, сами именно тебя начнут искать», — пояснял мудрый академик. А предложений у чиновников было столько, что Борис едва успевал крутиться.

Когда «по откату» Борис приобрёл для будущего офиса двухэтажный особнячок — добротный, в стиле ампира, напичканный коммуналками, случилась одна история.

То есть в это время работал у Бориса тот самый Гена, который сначала был известен как одноклассник-дворник, а затем стал мужем Ириной подруги Гали Вишняковой. Он приехал в Москву из какого-то рязанского детдома. Учился в МГУ на физико-математическом факультете очень уж серьёзно. Даже, ухаживая за Галей, возил ее исключительно в читальные залы «иностранки» или «ленинки». А Галю такая его одержимость учебной приводела лишь в восторг. Когда она с Генкой заходила к Ире, а Гена, заскучав, доставал из сумки какой-нибудь фолиант, Галю восторженно шептала подруге: «Не обращай внимания, пусть читает, будущие академики только в роли студентов такие странные!» Ирина же мама рассуждала по-своему. «Вот, — говорила она дочери, — Геночке не на кого надеяться, он и не лоботрясничает!» И старалась она Гену накаркать на три дня вперед. Особенно же она радовалась, когда у девушек получался с ученым Генкой какой-нибудь очень уж умный разговор. Потому что в то время хорошее образование считалось одним из главных достоинств. Но любили же Гену скорее за детское простодушие, за его необыкновенно тихий да ласковый нрав. Ира, например, искренне возмущалась, если узнавала, что Гена опять написал курсовую для кого-то из их общих знакомых. «Вы думаете, если Гена безотказный, то можно на нем ездить? — ругалась она. — А ты, Галя, куда смотришь, ты почему позволяешь на Геночку твоего верхом садиться?!» Все его вот так опекали. И все очень радовались, когда Гену оставили в аспирантуре, когда Гена и Галю наконец-то поженились, когда новоиспеченный кандидат наук был оставлен на кафедре в качестве преподавателя. Но тут-то все и поменялось в этой жизни. Гена, когда зарплату перестали выплачивать, преподавание не оставил, но в свободное время подрабатывал извозом на стареньких «Жигулях», доставшихся ему от Галиных престарелых родителей. И, естественно, Галю, рыдая, рассказала Ире по телефону, как ей Гену жалко. «Его и в Америку приглашают, а он со своими детдомовскими принципами стесняется свою страну предавать!» — жаловалась она. Сердобольная Ира, естественно, упростила Бориса, чтобы он Гену взял к себе. А у Бориса вся фирма состояла только из двух человек — из него самого и Вигоня, который, как оказалось, мог виртуознейше исполнять роль бухгалтера. Вигонь, разумеется, был категорически против того, чтобы

иметь в фирме лишние глаза и уши. Но Борису, который считал всех Ириных друзей и подруг полными ничтожествами, хотелось наконец-то сделать широкий жест: вот, мол, глядите, вы только музыку заказывать умеете, а чуть что, именно серьезные люди за вашу музыку платят. И стал Гена исполнять при Борисе роль безотказного водителя, курьера, грузчика, т.е. «нашего человечка». А тысяча долларов в месяц, которые Борис в него вкладывал, «чтобы он, если что, всегда нагнутым оставался», казались Гене вдруг сбывшейся волшебной сказкой. Уже навсегда погустевший, он полностью от себя отсекся, отработывал неожиданное свое счастье весьма и весьма благодарно, каждой шутке шефов с готовностью улыбаясь, каждому их мрачному настроению покорялся, а Гале зарплату отдавал до копейки, мол, мне некогда, ты уж сама решай, что отложить на будущую жизнь, когда в науку можно будет вернуться, а что сейчас можно потратить.

И вот однажды поздним вечером Гена вез своих шефов по той улице, где стоял особнячок, уже почти выселенный под их будущий офис. И Гена с обыкновенным сочувствием под лаской спросил у своих начальников: «Что, никак не выезжают эти два старичка со своей коммуналки?» — «Да уж попались гады упрямые. Всех мы уже переселили, а эти двое со своим клоповником не хотят расстаться. Не понимают, что все равно здесь, в самом центре столицы, никому им не жить!» — сказал Борис. А Вигонь вдруг предложил остановиться. И с Борисом они не спеша вошли в подъезд. Вернулись же очень быстро. Вигонь, захлопнув за собой дверку машины, только-то и сказал: «Зажалку жалко, без фига! Ее теперь только выбросить, но, по крайней мере, клопов тут теперь уж точно не останется!» А на следующий день Гена узнал, что двое упрямых старичков якобы в пьяном виде курили в своих постелях, и потому «сгорели вместе с клопами». И повесился, оставив Гале записку: «Не обижайся, но я не могу так жить». Ира рыдала не меньше, чем Галю. О том, что Борис с Вигонем сами подожгли особняк, они, разумеется, не знали, решили, что «будущий академик» просто не согласился на другую, без любимой науки, судьбу. Вигонь же Борису сказал так: «При посторонних я себя всегда в дерьме чувствую. Если уж ты чего-то в этой жизни сможешь добиться, то, наверно, не для того, чтобы не иметь права обходиться без посторонних». — «Больше не будет в нашей с тобой жизни этих людишек», — пообещал Борис.

Впрочем, иногда Борису начинало казаться, что он уже потерял рассудок, что так в жизни не бывает. Его начинал мучить страх, он пытался бороться с мыслями и представлять реальную стоимость хотя бы тех целлофановых пакетов с долларами, которые иногда бросал в платяной шкаф вместе со взмокшей от беготни рубашкой. К тому же, именно в это время мэр Москвы Гавриил Попов вдруг сделал официальное заявление о том, что «откат» будет в столице узаконен, что скоро будут введены тарифы взятки для каждого чиновника. «Да он же настоящий провокатор!» — поделился своими страхами Борис с отчимом жены. Академика страши Бориса лишь развешили, а затем от торжественного сообщения: «Эту страну ухватила за задницу такая рука, из которой пока еще ничего не выпадает!» А когда от этой страны одна шкурка останется, то шкурка тоже будет послана и съедена. Так что ты не волнуйся!» И посоветовал Борису ходить на собрания Межрегиональной депутатской группы, где тот встретил многих знакомых «откатных» чиновников (которые очень быстро привыкли считать, что их должности — это тоже товар, который имеет свою рыночную стоимость). А оказавшись среди энергичных и весьма жизнерадостно настроенных новых хозяев жизни, очень разных, но одинаково ненавидящих «эту страну», он наконец и сам успокоился. Потому

как почувствовал, что все эти партийные шишки со Старой площади и союзные депутаты, генералы КГБ и обыкновенные бандиты, психованные нигилисты и феминистки, бывшие сексоты и нашедшие себе крышу в иностранных спецслужбах диссиденты уже вцепились великой державе в горло и зубы свои не разожмут никогда.

Скоро Борис оказался депутатом Верховного Совета РСФСР. Затем Москву заправили танки. А Владилен Самвелович невозмутимо предложил Борису отправиться с утра в Белый дом. Ира трясла от страха. Даже проверила все шкафы на случай, если Борис по привычке забыл там какой-нибудь свой целлофановый пакет с долларами. Владилен Самвелович и ее успокоил: «Не те, кто в танках, распоряжаются этой страной. Скоро спина у твоего мужа будет потеть по другому поводу». И — вот уж во что поверить было невозможно! — даже Государственный комитет чрезвычайного положения, взявший на себя руководство страной, вдруг стал действовать по сценарию, заранее начертанному какими-то явно известными Владилену Самвеловичу силами. А когда Борис уже в качестве заместителя министра в гайдаровском правительстве «потерял» пять из двенадцати тонн переправляемого в Швейцарию золота, всезнающий Владилен Самвелович нарочно при Ире спросил у него:

— Ну как, не вспотела у тебя спина?

А Борис уже открывал банк на имя жены, затем банку этому пробил кредит в тридцать миллионов рублей, а через три дня банк его уже кредитовал тридцатью миллионами нефтяную компанию, чтобы по условиям залогового договора компания, реальная цена которой равнялась нескольким миллиардам долларов (кто теперь скажет, сколько она на самом деле стоила!), уже была собственностью его банка.

Борис, однако, чувствовал, что от той общей солидарности, которую все жили в Межрегиональной группе, следов не осталось. И в правительстве «лаборанты» очень быстро поделились на многие слои, так что проникнуть во внутренний слой, плотно облепивший самого Ельцина, еще недавно игрушечного и трусоватого, покоряющегося даже окрикама какого-нибудь нагловатого Глеба Якунина, а теперь получившего монаршие полномочия, было невозможно. Он несколько раз находил повод «помочь» самой Татьяне сколькими-то миллионами долларов, но ельцинская дочка на доверительную дружбу с ним так и не снизошла (Владилен Самвелович объяснял это продолжающимися его собственными собственными отношениями также и с ненавистной для Ельциных четой Горбачевых). Даже когда Борису за «помощь» Татьяна вдруг само, без его усилий, упало в руки одно весьма крупное восточносибирское предприятие, он вынужден был понять, что это банальнейший «откат», а не дружеский знак внимания. «Старичок, — сказал ему однажды один из вице-премьеров, мечтающий о «своей команде» в ельцинской системе «сдержек и противовесов» и потому со всеми устанавливающий доверительные отношения, — ты слишком серьезно ко всему относишься. Ты достаешь всех какими-то своими правилами. А это игра — по наитию! Ставь на кон побольше и, пока фартит, будь позартней да повеселее! Короче говоря, стань проще, и народ к тебе потянется!» Сам он, однако, вылетел из вице-премьеров очень быстро.

Но вот для Иры Борис казался уже настоящим великаном. Так и не испробовав себя в роли настоящей жены и хозяйки, как это ей когда-то мечталось (чтобы суп на стол подавать непременно в супнице, чтобы глядеть, как муж ест, чтобы вместе ходить в гости или прогуливаться с детьми по набережной Москвы-реки, чтобы по вечерам уютненько разговаривать друг с другом, вдвоем глядеть, как дети раскладывают на ковре железную дорогу, чтобы, затаив дыхание, гасить свет в спальне), она очень быстро поняла, что роль

у нее куда более простая. Оказалось, что не столько помогать она должна была мужу, сколько — не мешать. При всем том, что Бориса она почти не видела. А если и видела, то лишь в совместных поездках по странам, которые быстро смешались в ее памяти, стали запоминаться только гостиничными апартаментами. «Не помню, где это было, но я еще обратила внимание, что там все горничные одеты в нелепо полосатые жакеты», — рассказывала она маме. А иногда она куда-нибудь с Борисом «выходила». Борис придирчиво осматривал Ирину экипировку, и она ему полностью подчинялась, меняла одни серьги на другие. И среди толпы то не в меру наглых, то, опять же, не в меру заискивающих актеров, ранее известных ей лишь по фильмам, среди разнонаправленных политиков, всегда важных, всегда даже шутки роняющих не абы как, среди их либо замороженных, либо слишком уж самодовольных жен, среди неизвестных длинноногих девиц с липучими, густо покрашенными глазами, она чувствовала себя Штирлицем, выполняющим невесть какую-то важную задачу. Кому-то она изо всех сил улыбалась, с кем-то вступала в беседу, а домой возвращалась без мужа, с водителем да охранником, и — полуживая. Однажды муж подвел ее к самому «деду», которого с легкой руки Немцова (вот кто умел играть!) все уже называли «царем Борисом». Ирина, как во сне, сначала различала то ли шальные, то ли просто детские, но при этом еще и полные жуткого веселья глаза Ельцина; а затем, почти теряя остатки сознания под не по-человечески веселым взглядом безумного «царя», она все же ответила ему какой-то, как похвалил ее затем муж, «очень даже обезоруживающей» улыбкой. А вот когда к ней на одном слишком уж многочисленном сборище подошел известный эстрадный артист — весь в кружевах, с лицом, похожим на вдруг ожившее (как в фильме ужасов) тесто, — она не смогла справиться с тут же охватившей ее чувством омерзения и отвернулась. Борис ей за это устроил выволочку, но — как бы в шутку, потому что в это время к ним по-своему обернулась незнакомая пожилая женщина с круглым монголоидным лицом и с депутатским значком на лацкане жакета, — обернулась, оказывается, чтобы ободрить бледную, как сама смерть, жену замминистра следующими словами: «А я тоже его обхожу за километр, потому что даже лицо у него, я извиняюсь, как голая жопа!» «Н-ну, ты меня подставляешь...» — Борис за локоть увел жену подальше от этой от депутатши. — Не хватало мне, чтобы ты тут с маргинальными фракциями относительно наших сексменьшинств находила общий язык!»

У Иры даже и без подобного рода приключений не оставалось сил, чтобы дожидаться того мгновения, когда можно было возвращаться домой. Зато Борис, сдав ее охране, куда-то с кем-то уезжал на всю ночь. И походил он в ненасытности своей на обжору, который съел только маковое зерно. «Как ты можешь сутками не спать, крутиться то на работе, то на этих ночных посиделках...» — сочувствовала ему Ира. «Но одна минута сегодня дает больше, чем, может быть, потом можно будет получить за весь остаток жизни!» — отвечал он в обычной своей торжественной манере. И, может быть, вот этот вечно победный вид мужа позволял Ире испытывать так же и весьма романтические настроения. «А помнишь, — говорила она, — ты так же, как и я в твоих, уставал в моих компаниях, и я не понимала, что можно среди людей так уставать...»

Доходили до нее и слухи о том, что ночные дела мужа могут быть связаны с «банями да девочками», что частенько именно под женский визг делают молодые реформаторы меж собою и своими фаворитами нефтяные скважины, заводы и парходы. И однажды, после того как уже и в газетах появились публикации на эту щекотливую тему (ее муж, впрочем, был удостоен только одной строки: «...а вот Борис Францов вел

себя с приглашенными на чиновный мальчишник девушками с подчеркнутой сдержанностью, лишь один раз в бассейне уцепился он за ногу призывно проплывающую мимо него русалку...», устроила она свой первый скандал. И вечером того же дня к ней приехал Владимир Самвелович, хмуро усадив рядом с собой и в свойственной только ему обезоруживающе брутальной манере заявил:

— А ты знаешь, что твой Борис — существо, не имеющее пола?

— ?

— Вернее, пол-то у него есть, но не мужской и не женский, а всегда верхний!

— Вы просто издеваетесь надо мной!

— Иногда и никому, моя девочка, не позволю издеваться над тобой. Но и ты должна понять, что Борис не из тех, кто без отдыха камень в гору катит лишь ради того, чтобы получить возможность любую лобку задрапать. Камень свой он катит, чтобы не бабу, а саму жизнь под себя уложить! И это я ему велел не отставать от своей стаи; хоть на рабочем месте, хоть в Давосе, хоть в бане, хоть в борделе он должен сторожить свое законное место! Один раз без него обойдутся, и — придет он затем на свое рабочее место, а там хоровод уже без него кружится! Ты все поняла?

Ира поняла.

Но был и другой случай. К ней по городскому телефону пробилась Света Панова, бывшая лучшая подруга, и пригласила на концерт Федосеева, чтобы, может быть, увидеть в оркестре того Сашу Пряхина, который, будучи еще студентом консерватории, пытался за Светой ухаживать и иногда так чудно играл им на своей флейте.

Борис категорически отказался ехать на концерт.

— Но зачем же из себя хозяев жизни изображать, если мы имеем право ходить только на скучные партийные концерты к Ростроповичу и Вишневецкой, если ты уже не можешь себе позволить нормальной человеческой радости! — обиделась Ира. — А Федосеев на сегодняшний день лучший дирижер! К тому же мы со Светой еще и Сашу на этом концерте увидим! С тобой-то мы без проблем зашли бы к оркестрантам!

— Кто лучший режиссер, а кто не лучший, это теперь нам решать. А то, что ты до сих пор считаешь для меня развлечением, на самом деле является политическим жестом, имеющим свои последствия. — Он со значением взял с дивана книжку своего любимого Акунина, и голос его обрел обычную победную твердость. — Запомни, вот этот Акунин, в отличие от Федосеева, является именно тем умным человеком, который сам, заметь, сам понял, что по сравнению с нами он — никто, и что ему позволено писать лишь ни о чем. Потому что мы сами теперь будем определять, кто из этих никто должен считаться кем-то! — Борису так понравилась стройность собственного суждения, что он даже усмехнулся, а затем уже обыкновенным голосом добавил: — А Саше твоему я только свистну, и он вам со Светкой будет играть где угодно. Но и Светка — это теперь лишний балласт. И я тебя прошу: пусть не ты и, тем более, не какая-то Светка будете моей главной проблемой. У меня проблем настоящих — выше крыши!

Ира опять-таки подчинилась. Не столько здравому смыслу (она привыкла ни во что не вникать), сколько официальному, не терпящему возражений, тону суждений мужа.

А редкие отблески своей прошлой незатейливой жизни она теперь видела только по телевизору. Правда, те обыкновенные люди, среди которых она когда-то жила, теперь тоже стали иными. Например, могли они собираться в огромную толпу, которая с неистовостью кричит в телекамеру: «Банду Ельцина под суд! Банду Ельцина под суд!» Ей стало по-настоящему жутко, когда на телеэкране в толпе этой

узнала она и бывшую однокурсницу Галю Вишнякову. Дождавшись, когда муж окажется дома, она поделилась с ним своими страхами. «А ты помнишь, как на тебя напали собаки?» — спросил он. «Помню...» — прошептала она. «Вот и не бойся! Потому что меня загрызть они все равно побоятся, а я, если понадобится, не побоюсь размазать их кишки по всей Манежной площади! Поэтому они там лишь орут, а мы тут живем, как хотим».

— Но им же, я знаю, даже зарплату не платят!

— Не платят.

— А разве так можно с людьми поступать?

— А какими надо быть идиотами, чтобы ходить на работу именно туда, где зарплату не платят? Ты хочешь, чтобы я тоже вернулся в свой институт, где уже никому ничего не платят?

— Но разве ж можно не платить...

— Даже собака пойдет за тем человеком, который ей кусок хлеба кинет, а не за тем, которому она не нужна. А у нас пока еще — страна идиотов! Которые только и умеют злиться на людей более умных и потому более благополучных! Вот, передохнут идиоты, и вообще все лишние рты передохнут, и будем мы с тобой жить в цивилизованной стране.

— Но кто-то же должен в школе учить наших детей?

— Не волнуйся, те, кто наших с тобой детей учит, без зарплат не остаются.

Так она уяснила, что в мире что-то навсегда порушилось. Но — тем более отчетливо она теперь понимала, что не будь Владилена Самвеловича и Бориса, она и сама, быть может, вынуждена была бы вместе с Галей Вишняковой кричать из своего отчаяния про «банду Ельцина»... И даже среди таких же, отверженных, она, при своей беспомощности, была бы, наверно, похожа на того тонконогого песика из университетского парка, которого кусали абсолютно все собаки...

Затем вокруг Ельцина появились новые люди, и для Бориса куда большее значение, чем должность в правительстве, стали значить уже имеющиеся немалые капиталы. Он по наущению все того же Владилена Самвеловича, который тоже вскоре вдруг отошел в мир иной (пришел домой, как рассказывала Анна Аркадьевна, вполне вроде бы бодрым, радовался, что успеет посмотреть игру любимого «Милана» с «Барселоной», а включил телевизор и с кресла уже не поднялся), потихонечку соскользнул сначала в советники, а вскоре и вовсе перестал появляться и в Кремле, и в Белом доме. Хотя — домой все равно приезжал лишь за полночь.

Только когда поселились они в Жуковке, Ира стала видеться с Борисом почаще. Но, видимо, потому, что нужные люди ехали к Борису в Жуковку (на этот его бытовой Олимп!) куда охотнее, чем в офис на Мясницкую или в «заведения».

А однажды Ирина Владимировна нашла мужа неподвижно стоящим на просторной террасе третьего этажа...

Багряный закат — высоченный, в половину неба — пролился своим тревожным отблеском также и на полированный мрамор террасы.

И Борис ей показался вмерзшим в знобкое и неслышное пламя.

Как зачарованная, она шагнула на террасу к Борису. А он, словно боясь истаять в прозрачном пространстве ледяного огня, вдруг взял ее за руку.

— Вот, — наконец медленно заговорил Борис каким-то слишком уж прозрачным голосом, — иногда мне начинает казаться, что жизнь моя, может быть, вовсе не моя... что придет сюда кто-нибудь и скажет: «А ты что тут делаешь?» И я, как подросток, убеги, спрячусь от всех, буду гадать, что же это мерещилось мне все мои последние годы...

Она, чтобы Борис не заметил ее благодарных слез, прижалась лицом к его плечу.

— А почему дрожишь, замерзла...
 — Просто, впервые ты со мною вот так разговариваешь...
 — Как?
 — Говоришь то, что чувствуешь, а не то, что хочешь...
 — Откуда же тебе знать, что я чувствую, а что не чувствую...

— Потому что я всегда жду, когда же ты хотя бы себя самого начнешь замечать...

— Ну, ты ничего не поняла...

— Я все поняла... Я поняла, что тебе вдруг стало одиноко и грустно. И мне так хорошо от того, что тебя я теперь могу пожалеть...

— Вот уж никогда не хотел оказаться в положении человека, который нуждается в жалости. Хотя... Жили бы мы с тобой на необитаемом острове, чтобы никого не видеть, ничего не знать, тогда бы и можно было нам вот так поговорить... А среди людей всегда на душе неприятно от того, что кто-то вслед за нами на вот эту горочку уже взбирается... И карабкаешься, карабкаешься... — Затем, помолчав, Борис то ли с внезапным смущением, то ли с совершенно уж не свойственным ему простодушием сказал: — А впрочем, давай на минутку притворимся, что мы на необитаемом острове...

— Да зачем притворяться, Боря? Вот эта терраска и есть наш остров! Только тебе всюду бывает тесно... Так тесно, что ты себе прикупил бы еще и вот этот закат... Господи! Как же я мечтаю вернуть то время, когда всюду мы с тобой по Москве бродили, как по собственной квартире, когда мне казалось, что кроме меня тебе ничего не нужно...

— Тогда мы еще не знали, какие крупные фишки можно от жизни получить...

— Боря! — воскликнула она. — Когда люди умеют быть счастливыми, им и без фишек хорошо! Как же ты этого не понимаешь! Вот, мать всегда ругала моего отца за то, что тот только фанерным домиком в дачном кооперативе обзавелся, а на кафедре выше доцента не поднялся, хотя до сих пор его все там держат за лучшего специалиста. И знаешь, как однажды он ответил ей?! Он сказал: «А мне что в Гаграх, что тут, на даче, приятнее всего с тобою вот так посидеть да чайку попить». И теперь я его очень даже хорошо понимаю... Да и мать сменила моего отца на Владилена Самвеловича только ради престижа, потому что теперь все ее наиболее душевные воспоминания — о фанерном счастье с первым мужем. Хотя и не устаю твердить, каким он был нерасторопным. Вот и я теперь мечтаю не о золотом, а о фанерном муже...

— Мы тоже с Вигонем один раз не удержались и к пиву ржавой кильки заказали. Получили, между прочим, огромное удовольствие. Но только потому, что могли себе чего угодно заказать. Так что счастье — это всегда нечто относительное.

— Для счастья, Боречка, не кильку ищут, а родную душу!

— А я для тебя не «родная душа»? — сказал Борис как бы насмешливо, чтобы не различила она в его голосе внезапной обиды.

— Да только сейчас и показалось, что родная... — вымолвила она и попыталась заглянуть в его уже до такой детской беззащитности вдруг обнажившееся лицо, так что он даже заморгал, словно сослепу...

Борис, не решившись встретиться с ней глазами, вмиг прижал ее к себе и перестал дышать. Она же, боясь вспугнуть вот эту непривычно безоружную нежность мужа, тихонько гладила его руку только лишь кончиком своего полусогнутого мизинца.

Но это обморочное их стояние не могло быть вечным. Когда они пришли в спальню, Борис уже был прежним, победным.

Но Ирина Владимировна со спокойной уверенностью в том, что одиночество ее закончилось, сказала мужу:

— Ты просто боишься быть самим собой.

— Тебе даже фантазии не хватит, чтобы придумать то, чего я мог бы бояться! — сказал он.

Но она ласково повторила:

— Ты боишься быть самим собой.

Глаза Бориса сузились, стали колючими.

— Слушай, — процедил он, — что-то я не врублюсь, в какую сторону ты хочешь меня наклонить...

Зажмурившись, ничего не видя перед собой, она теперь сама обняла его неподатливые, будто окаменевшие, плечи и не открывала глаз, пока муж не прошептал:

— Ну, ладно, не обижайся...

Прозвучало это очень и очень скупое, но она все-таки различила в шепоте мужа еле заметное сипловатое дрожание. И — от столь трудно добытого своего счастья она стала плакать.

С тех пор у Ирины Владимировны вошло в привычку иногда вдруг пристально вглядываться в лицо мужа. И он в ответ теплел ей навстречу своими вдруг затихающими глазами. А она с ласковой благодарностью ему улыбалась. Хотя с этой своей улыбкой она казалась Борису столь нестерпимо беспомощной, что он часто не выдерживал и через секунду отводил свои глаза в сторону...

...Анна Аркадьевна Бруни-Маркарян (мать Иры фамилию первого мужа предпочла сохранить), узнав о «датчанке», стала все чаще напоминать дочери, что та унаследовала от Владимира Федоровича Бруни не только характер, но и голубую кровь.

Вот и на этот раз, выслушав в прихожей эмоциональный рассказ дочери о том, как она «не сразу распознала в муже его подлую породу», Анна Аркадьевна рассудила:

— А ты будь аристократкой. Ты отдай ему все, с чем сама никогда не справишься, а себе оставь только то, что можно обналичить. Миллиарда, я полагаю, хватит тебе и твоим детям даже и до конца света. И тогда разойдетесь вы без всякого страха. И я буду спать спокойно. Вот же, племянники Владилена Самвеловича, чтобы друг к другу не терять приятности, все, что у них было и что после Владилена Самвеловича им досталось, поделили поровну. А потому что мать у них умная. И они привыкли слушаться ее, хотя у самих уже дети взрослые... Иркача, послушайся и ты свою мать! Пусть мое сердце успокоится!

— Да не нужны, не нужны мне миллиарды! Если бы он хоть влюбился в эту мымру, как нормальный человек, я бы ему все простила! — твердо заявила Ирина. — А он предал меня только из подлости, только по мелочному своему расчету! Вот и пусть его мымра содержит! Да и никогда не поверю, что ничего не нацелил он себе в заглазничек... Пусть довольствуется тем, что я ему проверок устраивать не стану! И через суд он не посмеет действовать, потому что его же партнеры ему не позволят светиться!

— Если он не посмеет, то от ума, а вот ты такая смелая, потому что ума у тебя нет! — воскликнула Анна Аркадьевна, и глаза ее опять потемнели от нехороших предчувствий.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой супруга олигарха Францова, познакомившись с художником Шадринным, решает превратиться в обыкновенного человека.

Помощник Францова доложил хозяину по мобильнику, что художник прибыл. Францов уже через минуту явился к ним. Он был явно не в духе. И как бы даже уменьшился

в росте. Словно кто-то вытащил стальной каркас из его всегда монументальной фигуры.

Без лишнего вступлений он сообщил помощнику:

— Отказалась она от портрета...

— А может, оно и к лучшему? — осторожно спросил Вигонь.

— Ты соображаешь, что говоришь?

— Если честно признаться, — сказал Вигонь своему приунывшему шефу почти сердчно, — мне больше нравится, когда все идет по заведенному порядку... А тут мы и художника чуть ли не на улице подобрали... Не потерять бы голову даже в таких мелочах!

Шадрин сделал вид, что не слышит этого разговора. Но Вигонь обернулся к нему и с такою же, очень неприятной для Шадрина, сердечностью пояснил:

— Вы, Дмитрий Иванович, не обращайте внимания, это мы так, о своем, говорим.

— Ладно, я сам буду решать, что мне нужно, — сказал Францов помощнику опять же без обычной жесткости. — Ты вот умеешь ей зубы заговаривать, ну и сделай так, чтобы она для начала взглянула хотя бы на его картины. Бабы — они всегда бабы. Уверен, ей тоже захочется себя в золотой раме увидеть. А ты, — Францов так же по-своему обратился к художнику, — ты тоже в это время подойдешь к картинам и с Ириной Владимировной незначай познакомишься. Я тебе двадцать тысяч за работу отвалю, если она согласится на портрет. А другого выхода у тебя нет.

— Я попробую... — сказал Шадрин, которому вроде стало даже жалко Францова.

— А если она опять не согласится на портрет, будешь меня рисовать. Она все равно клонет, — добавил Францов.

— Хорошо...

— Но только с фотографий будешь меня срисовывать. Как этот... Ну-у-у, как Ника Сафонов Путина рисовал. — Францову явно понравилось вот это решение. И тут же обратился он к помощнику: — Принеси ему побольше тех фотографий, где я в полный рост!

— Если для замка, то, может быть, ту, где вы при всех клубных причиндалах и в фартуке?

— А что! Это мысль! — Францов аж побагровел, на лице его появилась похожая на мучительную гримасу улыбка: — То же, как-никак, рыцарь я!

Чуть ли не четверть часа, в течение которых Вигонь, вооруженный лишь своими особыми отношениями с Ириной Владимировной, исполнял поручение хозяина, художник и Францов оставались наедине. Шадрин, поняв, что Францов приготовился молчать, взял в руки кий, выставил три шара, принялся без всякого результата загонять их в лузы. Францев же и до бильярда не снизошел, стоял он, как когда-то памятник Дзержинскому на Лубянке, отрешенно глядел на шадринскую бестолковую игру.

И вдруг Ирина Владимировна сама зашла к ним. А Вигонь из-за ее спины энергично делал Францову какие-то знаки. Кратко взглянула Ирина Владимировна на мужа, затем, сощурившись, оглядела и художника. А он, позабыв, что является пока лишь приманкой, вдруг положил кий и взглянул на нее с тою сосредоточенностью, с какою привык всматриваться в каждую свою натуру. Встретившись с художником глазами, Ирина Владимировна от неожиданности вся заалела. И в тот же миг быстрым шагом вышла вон.

— Только я ее нашел, она тут же сама попросила меня, мол, покажи художника, но только не в присутствии Бориса Сергеевича... — доложил Вигонь. — А я сделал вид, что не знаю, где вы находитесь...

— Это уже не важно, — сказал Францов, — я понял, что теперь никуда она не денется.

...Через полчаса Ирина Владимировна увидела в окно, как со двора выехал ее муж в сопровождении джипа. Он всегда ездил в Москву в бронированном автомобиле и с охраной.

«А художник, значит, остался с Вячеславом Олеговичем», — догадалась она и невольно вздрогнула, вспомнив слишком уж пристальный его взгляд. «Наверно, у Геночки на Шведском тупике мы с ним когда-то встречались. Там много художников побывало. И он на меня так взглянул, потому что узнал...»

Не мешкая, отправилась во флигель взглянуть на картины. Но прошла к ним не через гостевую комнату, а с более дальнего, с противоположной стороны флигеля, крыльца.

И — как будто сон увидела она. Как будто она увидела много-много снов, запечатанных в синеватый туман бронзовых рам. И снилось ей какое-то собственное волнение — уже давно забытое, только остренько покалывающее в груди. Это когда узнала-вспомнила она еще и небо — то небо, по которому плыли вот эти пуховые облака; это когда вот эта травинка, вся опаленная солнцем, осторожножно воткнулась в синеву неба и замерла... Да когда же это было! Это когда же дремала она на даче, а мать звала ее ничего не значащим, тающим в синем воздухе голосом; и, слушая голос матери, глядя на такую же травиночку, она тогда так сладко уснула! Или — теперь вот снилось Ирине Владимировне еще и вот это небо: пунцовое, готовое пролиться обжигающе холодным дождем; и — ледяная, как свинец, река была впаина среди темных, жутковато приманчивых ивовых зарослей... Или — вот эта картина, со снежным полем, с похожим на призраком сельцом, с сизой и узкой полоской леса, отчеркнувшей от поля высоченное небо...

Особенно долго Ирина Владимировна стояла возле сирени, вдруг вернувшей ее в те далекие дни, когда она и не жила вовсе, а только дышала, как легкая, податливая ветру травинка. Хотя, почему не жила? Вот же, глядит она на сирень, и в груди ее просыпается, именно просыпается, именно оживает тот тепленький комочек, которым она себя в той далекой-предалекой жизни привыкла ощущать, который плакал и радовался в ней с одинаково счастливым да уютным доверием ко всему, что было вокруг.

Ах, сейчас бы оказаться в университетском парке, умчаться бы в шумной да легкой стайке подруг к Светке Пановой, послушать бы, как Саша Пряхин, влюбленный в Светку, играет на своей тихонькой, до слез, дудочке...

Осторожно, чтобы не размокла тушь на ресницах, Ирина Владимировна сделала несколько глубоких вдохов, взмахнула кончиками пальцев возле глаз, а когда слезы высохли, она достала из сумочки сначала зеркальце, а затем и записную книжку. Но — звонить Светке передумала. «Просто я куплю себе эту сирень, — вдруг догадалась она. — Светку, такую, какую она когда-то была, уже, наверно, не вернешь, а сирень — вот она... такая... моя!»

Ирина Владимировна, вдоволь наглядевшись на свою сирень, подошла затем к портрету молодой женщины. Женщина эта была изображена у окна залитой золотым светом веранды. И, по-кошачьи сощурившись, прислушивалась она, как солнечное тепло впитывается ей в шею и в плечи, как тяжелый шмель шуршит за стеклом в матово-белом колокотелке вьюнка, как беззвучно осыпается сахарная пудра облаков сквозь ветки высоченной (такая и на отцовской старой даче росла!) березы.

«И я точно так же утром после сна на веранде сидела, счастье свое слушала, неизвестно чего с такою же охотою дожидаясь...» — вспомнила Ирина Владимировна.

Чем дольше вглядывалась она в картины, тем отчетливее понимала, что без возможности оказаться на бережку речки — точно такой же, одинокой, вкусно-свинцовой, или вот

этой, спрятанной среди серебряных елей, сомлевшей в полуденном зное — жить она дальше не будет. Что полжизни она отдала только за то, чтобы без охранника, с одной только сладкой грустью прогуляться по вот этому огненному, с пронзительно черными кружевами ветвей, осеннему Тверскому бульвару...

«А что... — вдруг пришла ей в голову совсем уж смелая мысль, — вот бы он тут всегда работал... А я всегда сидела бы рядом. И любовалась бы его необыкновенно красивыми картинами всю свою жизнь... И мы бы разговаривали о чем-нибудь хорошо... А он бы мне был благодарен за возможность ни о чем не заботиться, за возможность только картины рисовать да ездить в Венецию, в Париж, в Мадрид... А она бы глядела его глазами не только на горничных да официанток, а на всю ту вольную красоту, какая только есть на земле... И он бы ее необыкновенно ласково да нежно любил... Она бы уж расстаралась для него, только бы он ее любил!»

Понимая, сколь по-детски глупа ее фантазия, но — уже не желая ни в чем отдавать себе отчета, торопливо пролистала она свою крошечную записную книжку, нашла берлинский номер телефона Люси Фриш, с которой полгода назад случайно познакомилась на выставке современных немецких художников в Москве и с которой после фуршета они уехали к Анне Аркадьевне пить чай.

Люся ответила после первого же гудка. Сразу вспомнила Ирину Владимировну и по-русски принялась выражать ей свою самую энергичную радость.

— Слушай, Люсь, тут такого художника я тебе нашла! А ты говорила, что бизнес твой по этой части. Хочешь, я хотя бы слайды с его картин пошлю тебе по электронной почте?

— Ирен, я не могу так сглазно абсбесать, надо пастмартить! — кричала Люся весьма жизнерадостно. — Я буду в Москве через неделю! И хотела тебе звонить! Передай мама спасибо за чай! Я привезу ей сюрприз!

— А мой сюрприз тебе — вот этот совершенно необыкновенный художник! — перешла на крик и Ирина Владимировна.

После разговора она почувствовала себя совсем другим человеком. И — впервые за многие годы теперь она уже твердо знала, как будет жить дальше.

Высунув еще раз свои щипучие, чуть было не пролившиеся из глаз слезы, она увидела и художника, стоявшего перед ней, как школьник, которого вытолкали на сцену актового зала читать заготовленное для утренника стихотворение. Или, наверно, это она почувствовала себя вдруг оробевшей школьницей. А он глядел на нее вполне вменяемо. Чуть выше среднего роста, по-мальчишески щупловатый, а если глядеть на крупные кисти его рук, то — эдакий жилистый богатырь с простоватым, не запоминающимся лицом, живущий, наверно, какой-то особенной, таинственной, никому не видимой жизнью...

— Где Вячеслав Олегович? — спросила она первое, что пришло ей в голову.

Вигонь тут же появился из-за двери бильярдного зала.

— Позвони ему и скажи, что если я соглашусь на портрет, то прямо сейчас.

— Да и звонить не надо, потому что художник уже готов...

— Значит, вас Дмитрием Ивановичем зовут? — Ирина Владимировна наконец-то решилась протянуть художнику руку.

Он едва прикоснулся к кончикам ее пальцев и представился:

— Дмитрий Иванович Шадрин.

— А меня зовут Ирина Владимировна; я та самая супруга Бориса Сергеевича, портрет которой он предложил вам

написать. И мне очень понравились ваши картины... Могу я их у вас купить?

— ...

— Вы согласны продать их мне все за сто... нет, за двести тысяч?

— Ирина Владимировна! — вмешался в их разговор Вигонь. — Вы хоть понимаете, что такое двести тысяч долларов?

— Вот и хорошо, что ты все хорошо понимаешь. Завтра же сам привезешь ему деньги домой, — сказала она с нарочито не скрываемым раздражением. — Я, между прочим, свои деньги плачу.

— Просто хотел я напомнить, — ядовито нашелся Вигонь, — что всего лишь сто тысяч долларов президент Южной Кореи дал президенту СССР Горбачеву в качестве взятки. Это, Ирина Владимировна, очень крупная сумма! Например, один из ваших соседей по Жуковке на аукционе вложил в ренановский портрет не двести, а семьдесят тысяч! Надо бы хоть проконсультироваться, во что вы собираетесь вкладывать аж двести тысяч.

— Но мне не нужен ренановский портрет. Я хочу жить среди вот этих картин. Мне эти сирень и Тверской бульвар нужнее, чем твой Ренан.

— Но все равно, надо сначала проконсультироваться...

— Ты мне скоро для других консультаций понадобишься, а сейчас, я тебя прошу, оставь нас, — сказала Ирина Владимировна. Затем, смягчившись, добавила: — Вячеслав Олегович, не обижайся, я тебе потом позвоню...

Вигонь многозначительно, дескать, ты, мужик, не промах, взглянул на Шадрина и ушел.

— Хотите кофе такой, какой я люблю? — спросила у художника Ирина Владимировна, когда они остались одни.

Шадрин, который все это время пытался представить, что будут значить для его жизни двести тысяч долларов, смог только кивнуть головой.

За кофе долго сидели они молча. Наконец Ирина Владимировна сочла нужным спросить:

— Вы тоже считаете, что я слишком дорого ваши картины оценила?

Шадрин, не сразу поняв смысл вопроса, ответил так: — Сальвадор Дали утверждал, что богатым он стал лишь потому, что в мире слишком много идиотов, а Пикассо свой успех у публики относил за счет революции против здравого смысла.

— Но мне действительно ваши картины понравились! — выпалила Ирина Владимировна растерянно. — Или меня вы принимаете за идиотку?

— Я нищий, — признался Шадрин. — А с нищими бесполезно вот так горячиться, если речь идет о деньгах.

— А в конце концов, мне плевать, сколько ваши картины стоят на самом деле. — Сказала Ирина Владимировна. То, что художник назвал себя нищим, ее ободрило и она решилась признаться ему в том, в чем никогда бы никому признаться не решилась: — На одной выставке я спросила у Люси, которая живописью торгует, почему картина, где, как на обоях, только какие-то разноцветные линеечки нарисованы, стоит аж половину миллиона, а Люся стала рассказывать мне, что линеечки эти создают какое-то особенное эмоциональное напряжение в пространстве, что их ритм провоцирует нас на эстетическую вибрацию — и, честное слово, я ей голову киваю, как лошади, мол, все мне понятно, а сама чувствую себя полной дебилкой! А в ваших картинах никаких вибраций не надо искать. Я купила их, потому что они сразу показались мне очень родными...

— Мне приятно было об этом услышать от вас... — Шадрин, оказывается, уже привычно стал изучать лицо своей собеседницы.

Она хотела еще что-то сказать, но под быстрыми и жалостливо-острыми взглядами художника совсем стушевываясь.

— Не обращайтесь внимания на то, что вот так, без церемоний, я на вас гляжу. Просто я к вам присматриваюсь. И придумываю портрет.

— Меня один фотограф фотографировал... И так усаживал, и так, а вы просто смотрите...

— У фотографа нет возможности что-то держать в уме. Как вас усадит он, так и на снимке получится. А мне проще.

— А я думала, что проще фотографу.

— Это только так кажется. Вот у вас подбородок легкий, почти детский, когда вы вполоборота, а я могу это впечатление сохранить, когда вы и не вполоборота...

— Вы так смотрите... Кажется, что вот-вот расплачетесь.

— ..?

— Нет, правда, как будто я уже умираю, и поэтому вам на меня жалко глядеть...

— Но если я не смогу увлечься жизнью вашего лица точно так же, как мы, может быть, увлекаемся каким-нибудь фильмом, то мне неинтересно будет работать.

— Я не думала, что так не просто быть для художника моделью.

— Одни мои модели были слишком чопорны, чтобы меня не смущаться, другие слишком сердечны, чтобы сразу мне раскрыться... А вы... я прошу прощения, но мне показалось, что вы вроде бы как немножко не в себе... То есть я хотел сказать, что вас мне очень трудно поймать... Ну, в смысле, понять...

— Я сама себя только что начала понимать...

— Простите, если я что-то не то сказал.

— Нет, мне с вами интересно... А мы не встречались с вами у одного дворника на Шведском тупике лет двадцать назад? У него квартира была огромная, в полувыселенном доме. И мы приходили к нему, как к себе домой. А он из своей комнаты к нам присоединялся только чайку попить. Все время что-то читал. И вообще, как стала я теперь понимать, таких, как он, людей, наверно, уже не бывает...

— У меня был знакомый сокурсник дворником, но он на Пречистенке жил.

— В таком случае, вы мне просто напоминаете о чем-то таком, о чем я уже забыла, а теперь вдруг захотела вспомнить...

— Это потому, что вы недавно вернулись из Лондона. Я тоже, когда домой возвращался из таких поездок, то мне все люди в Москве казались старинными знакомыми.

Шадрин опять взглянул на нее с почти бабьей жалостью. Она вспыхнула, но сделала вид, что волнения своего не замечала. А затем как бы с шутливым значением спросила:

— И что за фильм вы смотрите на моем лице?

— Мне просто не терпится приступить к работе.

— Ваша жена, наверно, самый счастливый человек. Поэтому что с вами очень интересно. А я уже отвыкла вот так запросто с людьми разговаривать.

— Как любит выражаться мой приятель Левыкин, ко всему можно привыкнуть, — сказал Шадрин, которому неловко было говорить с Ириной Владимировной еще и о счастье.

— Вы можете меня, как на одном из ваших портретов, у окна нарисовать?

— Но там — не нынешний осенний пейзаж...

— Думаете, что осень будет наметать на мой возраст?

— Да что же вы себя так... Я не думаю о вашем возрасте.

— Тогда сами решайте, каким должен быть мой портрет.

Шадрин тут же, словно только этого мига и ждал, поднялся, установил штатив, поставил на него холст. Затем принялся высматривать место для Ирины Владимировны. Получилось, что если поместить ее в темный угол у бара, а на лицо направить отраженный какой-нибудь белой тканью свет от окна, то лучше и не придумаешь.

— У вас есть кошка?

— Кошка у мамы, в Москве.

— А маленькая собачка?

— И собачки у меня нет, — послушно отвечала Ирина Владимировна.

— А платье темно-вишневое?

— Кто же носит теперь вишневые платья? Есть, например, темно-фиолетовый костюм.

— Годится. А белое что-нибудь, на плечи набросить?

— Да уж найду...

Несколько раз она уходила переодеваться, затем предложила ему работать в доме, в ее гостиной, но он сказал, что здесь в флигеле уже привык к освещению. И, наконец, через час он уже вовсю работал, то и дело со своей острой жалостью вглядываясь в нее из-за холста, а она стояла, облокотившись о стойку бара, но не в фиолетовом костюме, а в белом, до пят, платье, с тяжелыми браслетами на запястьях, с массивным колье на шее, с волосами, стянутыми на затылке так туго, что щеки ей казались голыми. И старалась привыкнуть к его слишком уж сострадательно мерцающим глазам.

«Я буду дружить и с ним, и с его женой, — твердо решила она. — А Люся его волшебные картины будет выставлять и продавать. И это будет уже только моя жизнь... Только моя!»

А когда пришла пора Шадрину уезжать, она предложила:

— Вас на моей желтенькой «эсельке» отвезут! Уверена, вам понравится моя машина!

— Я даже не слышал о такой...

— Это «Мерседес» SLK, с кузовом типа «купе».

Шадрин сделал вид, что понял, какой у машины кузов.

Но тут пришел Вигонь и сообщил, что ему все равно надо ехать на Мясницкую к Борису Сергеевичу, поэтому Шадрина подбросит в Москву он сам.

— Не пойму, почему ты так опекаешь Дмитрия Ивановича! — сказала Ирина Владимировна Вигоню недовольно. — Всех же обычно водитель или, в крайнем случае, кто-то из охраны привозит и отвозит.

По дороге в Москву Вигонь спросил у Шадрина:

— Как вы думаете, много на портрет времени уйдет?

— На портрет Ирины Владимировны времени много уйдет, потому что лицо ее очень трудно все целиком поймать, — сознанал Шадрин. — А Бориса Сергеевича, если нужно, я с фотографий сделаю дня за два. У него в лице, как на готовом портрете, все определено.

— А много времени — это сколько? А то шеф спросит, а я буду не знать...

— Я постараюсь побыстрее. Может быть, за неделю успею, а потом у себя, уже без нее, подворю...

— И сколько ровнять вам потребуется?

— Да если по-хорошему, то бывает, что месяцы уходят, пока все в портрете свяжется. А если надо, то я и через неделю оба портрета представлю. На копировании с фотографий я уж точно не задержусь. Но если можно не спешить, то над Ириной Владимировной я бы подольше поработал...

— Ну, если понадобится, я вас потороплю, а так не торопитесь...

— Ага, а потом вы скажете, что шефу вашему нужен другой художник, — пошутил Шадрин.

— Да не обижайтесь вы на меня за мои разговоры, — усмехнулся Вигонь. — Когда в салон к вашему Виктору Петровичу мы завернули, сразу и охрана занервничала, и я себя не в своей тарелке почувствовал, и сам ваш Виктор Петрович растерялся. Чем выше человек, тем меньше у него должно быть неизвестного. Разве это не понятно?

В это время машина ненадолго застыла в пробке, образовавшейся на выезде с Рублевки на Можайское шоссе. Шадрин разглядел на обочине сидевшего в инвалидной коляске безногого калеку. Вигонь опустил стекло и поманил калеку к себе. Тот рывками своих, видимо, невероятно сильных рук развернул коляску и быстро подъехал к машине.

— Вот, возьми. — Вигонь сунул калеке десятидолларовую купюру. — В следующий раз буду ехать, ты подходи, не бойся.

Шадрин разглядел глаза калеки — мертвые, на таком же застылом, похожем на камень, лице, абсолютно постороннем для проворно управляющихся с коляской огромных рук.

— Почти каждый день я его тут вижу, — сказал Вигонь, поднимая стекло. — Должно быть, бывший военный, потому как очень уж складно на плечах у него камуфляжка сидит.

Водитель, однако, отнесся к проявленному Вигонем чело-веколюбию с большим недоумением.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой Даша начинает замечать, что все в жизни меняется к лучшему, Сумарин, наоборот, делится апокалиптическими предчувствиями, Француз раскрывает кое-что из новых технологий своей власти над людьми, а Вигонь в очередной раз понял, что является самым умным.

Оказалось, что Шадрина ждали дома Сумарин и празднично накрытый в гостиной стол.

— Виктор Петрович позвонил, чтобы узнать, какие от тебя новости, а я пригласила его на ужин! — торжественно сообщила Даша. Она, оказывается, успела и в парикмахерскую сходить. И теперь, как новенькая, сияла мужу своими серенькими, в пушистых ресничках, глазками.

— Да уж сразу признайся, что Виктора Петровича ты пригласила не на ужин, а ради такой красоты на твоей голове, — сказал Шадрин, радуясь ее прежней, вдруг воскресшей веселости. — Но ты еще не знаешь, что сегодня произошло!

— Ну, говори же скорее! — Даша стала нетерпеливо тормошить Шадрину. — Говори же скорее свою новость!

— Я продал сегодня все десять картин. И — аж за двести тысяч!

— За двести тысяч! — ахнула Даша.

— Долларов! — не совсем уверенно подсказал ей Сумарин.

— ?!

— Да, долларов, — уточнил и Шадрин.

— Что, действительно все десять картин куплены? — Сумарин все-таки не верил.

— Вроде бы как уже завтра деньги привезет Вячеслав Олегович, — сказал Шадрин. — И вроде бы как действительно все двести тысяч долларов привезет. И за портрет хозяйки не пятнадцать, а все двадцать тысяч мне Француз пообещал... То есть, с твоей легкой руки, Виктор Петрович, я опять становлюсь вполне богатым человеком!

— Ну-у, — Сумарин стал весьма энергично тереть кулаком свое переносе. — Я ничего не понимаю... Это ж, если еще и портрет Францова напишешь, четверть миллиона получится! Я самых раскрученных за такую цену не продавал!

— Да я сам ничего не понимаю! — Шадрин развел руками. — Хозяйка только глянула на картины и тут же предложила сначала сто тысяч, а я еще не успел с превеликой радостью согласиться, она сумму сама удвоила... Так что, Дашенька, мы с тобой теперь до конца жизни вполне средный класс! А вообще хозяйка очень уж не похожа на олигархшу. Вполне нормальный она человек. Даже понравилась она мне.

Если бы речь шла о меньших деньгах, то Даша бы от счастья разрыдалась. Но невероятную, сказочно невероятную новость она по своему обыкновению восприняла, как должное.

— Все! — воскликнула она. — Не хватало мне, чтобы из-за каких-то двухсот тысяч у меня свинина пережарилась! Немедленно садитесь за стол! Я не переживу, если свинина будет не сочной!

Шадрин с Сумариным послушно уселись за живописнейший стол, где Дашина очень простая кулинарная таблица была представлена в почти полном объеме. Во-первых, сразу же Шадрин обратил внимание на «лыжную смазку» — свою любимую закуску в виде тертого сыра с чесноком и майонезом. Из прочих Дашиных фирменных изделий были тут «картофельные торты» (это она придумала вырезать середину крупных картофелин для супа, а получившиеся в остатке картофельные плоскости заправлять грибами, мелко порезанной колбасой или ветчиной, или — еще лучше беконом, а также жареным луком, мелко порезанными солеными огурцами и маслинами, тертым сыром, сметаной и выкладывать в духовку), «картофельники» (из протертого картофеля, мелких кусочков парной свинины и лука лепятся маленькие котлетки, обваливаются в муке и жарятся в кипящем свином жире), а также «антоновка» (обваленные в муке дольки печенки обжариваются и затем тушатся вместе с антоновскими яблоками до тех пор, пока яблоки не превратятся в кашу). Из рыбных закусок — «зеленый судак» (дольки судака вперемешку с обильными слоями крошки из укропа, петрушки, сельдерея, зеленого лука и мало ли еще какой зелени выкладываются в кастрюлю и тушатся под крышкой в собственном соку на плите). Обязательная мясная нарезка (свинина или телятина нашинговывается морковью, чесноком и стеблями сельдерея, запекается в фольге с черносливом, а затем нарезается тоненькими дольками и подается с зеленью, помидорами и огурцами). Из салатов — «гречневая кашка» (с отваренной гречкой смешиваются жареные грибы, лук, мелко порезанные соленые огурцы и все это заправляется соусом из печенки и антоновских яблок); зеленый салат (помидоры, огурцы, лук, зелень, вымоченная и измельченная брынза под оливковым маслом); и еще — на вкус Шадрина — очень крупно порезанные и обильно посоленные помидоры со сладким луком и подсолнечным маслом; яйцо всмятку (мелко порезанные зеленый лук и листья салата смешиваются со сваренным всмятку яйцом); а также — с кукурузным акцентом салат-оливье; тушеная капуста (с рисом, луком и копченой грудинкой); протертая свекла со сметаной; протертая зеленая редька с майонезом; порезанная тонюсенькими дольками и пустившая в сахар обильный сок черная редька...

Сумарин, у которого жена тоже переняла старую московскую привычку к кулинарному изобилию, особенно к публичному, когда хоть один гость ожидается, обратил внимание на то, что у Даши было слишком уж обширный для одного ужина ассортимент. На что Даша со смущением призналась, что уже лет десять питались они с Шадриным только тушеной капустой да овсянкой и, разнообразия ради, постными щами.

— А тут я на рынок сходил с утра и навьючила себя так, что еле дошла домой. А как готовить начала — уже остановиться не могла. Если бы на парикмахерскую не надо было

время выкраивать, я бы сегодня и что-нибудь новенькое придумала. Вот, печенку с антоновкой и «картофельные торты» я сама очень давно, к тридцатилетию Мити, изобрела. Но, конечно, так, как моя бабушка умела, я никогда не смогу! Да и если б уже не привыкла я, что всегда денег нет, то осетринки и икорки хотя бы красной купила к столу. А так, даже в голову не пришло мне, и — получился у меня стол для бедных...

— Что ж, посмотрим, какие мрачные мысли навевают твои произведения для бедных! — Шадрин в первую очередь положил себе «лыжной смазки». Затем налил себе и Сумарину водки, а Даша согласилась на бокал каберне.

Первый тост Шадрин предложил за Виктора Петровича Сумарина, «без которого я бы, конечно, пропал».

— Случилось то, чего не должно быть! И это для меня великая загадка! — отвечивал Сумарин важно.

— А я вот чувствую, что что-то в этой жизни меняется! — горячо вmeshалась Даша. — Они, наверно, опомнились, и теперь Путин станет давать всем людям жить! Вот увидите! И Хворостовский недавно на канале «Культура» целый час пел, и Погодин стал постоянно появляться на телевидении, и Распутину президентскую премию дали! А по «Свободе» все только Путина и склоняют! Значит, у американцев, которые уже привыкли у наших бандитов краденое скупать, он не на поводке! Я уверена, скоро все станет на свои места!

— Да при чем тут Путин! — сказал Шадрин, не без сожаления разрушая фантазии своей жены. — Просто у Францеза что-то не сложилось с супругой. И он, видимо, хочет ее чем-нибудь поразить. А она, назло ему, купила еще и мои картины... Мне вот только жаль дачного портрета. Сейчас, когда опомнись, ни за что его не продал бы. Впервые в этом портрете мне удалось по-своему передать лактионовское сочетание закрытого помещения и свободного, смешанного с яркой зеленью, солнечного света.

— Да сроду, Митя, ты на Лактионова не был похож! И от Платова ты отличаешься! — воскликнула Даша.

— У Платова, у Ткачевых и у Кугачей главными являются наши русские световые и цветовые образы! — сказал Шадрин. — И я умру от счастья, если обо мне точно так же будут говорить.

— Ах, какие же вы замечательные люди! — Попробовав понемногу почти всех закусок, Сумарин наконец-то вник и в слова художника. — А вот мой отец, когда заводил разговор о своем любимом Шадрине, то при этом вспоминал только о Саврасове!

— Ну-у, глупее разговора уже невозможно придумать, — погрустнел вдруг Шадрин. — Да я бы и за «Заросший пруд» Серова полжизни отдал. И портреты же у него... И вообще, я пока не получил настоящего удовольствия от своей работы. Сначала тянулся в нитку, чтобы Даше доказать, что я тоже чего-то стою, затем рад был хотя бы трансформаторную букву во дворе на Хорошевке расписать, а теперь вот по всем статьям я вроде же человек свободный — и Даше себя показывать не надо, и денег хватит почти на всю жизнь, а все так быстро вокруг меняется, и сам я так быстро меняюсь, что вот и «Князя Игоря» я никак не могу закончить. Потому что все время с новыми мыслями его переписываю...

— А ты пиши новые работы! Ты старые не переписывай! — почему-то обиженно воскликнула Даша.

— Но князь Игорь был у нас один. А я чувствую, что нам сегодня тоже надо не на победу рассчитывать, а хотя бы на то, чтобы и уже в плену, в полной тьме, сохранить свой человеческий образ и свой свет...

Даша после таких слов мужа как-то уж очень плаксиво приуныла, затем вспомнила про свинину и убежала на кухню. А Сумарин вдруг спросил:

— А как получилось, что ты сошел с орбиты? Ведь и Глазунов, и Шилов, и все, у кого до девяносто первого года имя уже было, потом не потерялись, а ты вот остался никому не нужен?

— Да какое там имя! Лет пять после большой персональной выставки и выхода альбома я только-то и побыл на виду. А после августа девяносто первого года у меня началась болезнь. То есть я все время чувствовал себя тем персонажем анекдота, который спрашивает у рязанского радио: «Ах, скажите пожалуйста, что такое сольфеджио?» А рязанское радио ему отвечает: «На полях сев, а вы про такую ерунду спрашиваете!» Вот и мне проще было не картины писать, а кинуть гранату сначала в Горбачева, а затем и в Ельцина. Ну, по митингам бегал. В октябре девяносто третьего года оказался я под прозрачной, как сетка, баррикадой из арматуры. Бэтэры стреляют по нам, а я, естественно, не боец, лежу на асфальте и весь смысл моего лежания заключается только в том, что вот, мол, останусь жить или погибну я, но — человеком. И весь страх мой только о том, что вот, даже не знаю, приперлась ли сюда Даша. А она такая, что не легла бы на асфальт, как я. Ей чем страшней, тем меньше страха и больше смысла. Встала бы и, как Зоя Космодемьянская, крикнула в лицо врагу рода человеческого все, что ей в этот миг пришло бы в голову. Но, слава Богу, когда накануне блокада парламента была прорвана, у Ивана температура поднялась под сорок. И она дома спасала собственного сына, а не меня. Потом повели нас, тех, кто ушел, на стадион расстреливать. Такой чисто языческий ритуал. Какие-то, одетые, как в кино, во все черное и очень похожие на гробовщиков, люди пляшут, как под шаманский бубен. И не омовцы, а гражданские парни с автоматами развлекаются; то одного уложат, то другого. А какой-то офицер с группке, в которой я стоял, со свирепым видом подошел, нас построил, кричит: «Падлы-патриоты! Уж я сегодня отведу душу!» И — вывел нас со стадиона, якобы на мучение, но затем говорит: «Бегите, смертнички, во дворы! И не кучкуйтесь, прыгаться по подъездам, по одному к метро пробирайтесь!» Я во двор забежал. Сделал вид, что живу тут, даже в подъезд решил зайти, чтобы там прийти в себя. А навстречу мне из подъезда женщина бежит, орет: «Бабурина убивают! Бабурина убивают!» Оказывается, единственного из депутатов, Бабурина, они все-таки приговорили. И, представляешь, я конспиративно прохожу мимо омовцев, которые добивают Бабурина. А потом опомнись, бегу по лестнице вниз, чтобы, значит, возмутиться этим убийством. И опять мне повезло. Появились в эту секунду милиционеры, забрали Бабурина у омовцев, мне говорят: «Проходите, не задерживайтесь!» И я законопослушно вылетел на улицу, пошagal к метро. Потом, правда, узнал я, что милиционеры эти приговоренного Бабурина спасли и спрятали на Петровке. И держали его там несколько дней, пока он не поправился. Ну, а затем жизнь таким чередом пошла, что я вдруг понял: на всякое мое желание остаться человеком уже заготовлен кукловод типа Рыбкина или Жириновского, что уже весь мир возглавлен этими кукловодами. Это раньше человек мог хотя бы встречать себе сопротивление, а теперь его всегда и во всем только возглавляют, теперь появилась вот эта восточная борьба. Это когда никто тебе не становится поперек, когда против тебя используется инерция твоего же порыва... Ну, захотелось людям справедливости, людей возглавили и повели в казарменный социализм. Захотелось людям демократии — их возглавили американские агенты влияния и отдали в управление самым бестыжим ворами. И это ведь не только у нас... На Западе студентам в шестидесятые годы не понравилась «буржуазная мораль», их возглавили и ихними же руками сделали культурную да сексуальную рево-

люция, превратили их в наркоманов и натуральных скотов. Ну, я понял все это и вернулся к своему привычному делу. Но было уже поздно, меня уже никто не помнил, и я оказался предоставленным самому себе...

— Это же действительно чисто дьявольский прием! Не сопротивляйтесь нормальным людям, а их же и возглавьте! — воскликнул Сумарин. — А знаешь, почему я тебя похоронил прежде времени? Потому что... Я это тебе, Дмитрий Иванович, говорю честно! Потому что мы тут сидим, радуемся, что жизнь тебе улыбнулась, а в это время картины твои в Третьяковке и у тебя дома, так сказать, превращаются в прах... Превращаются, так сказать, в бабушкину швейную машинку «Зингер», на которую, как на чудо великое, уже никто не посмотрит. Потому что сама человеческая душа перестала что-то значить! То есть, так сказать, по законам нового времени я тебя похоронил, а не по невежеству!

Тут появилась Даша с противнем, на котором свисела обещанная ею свинина. Она, видимо, услышала рассуждения Сумарина и потому, поставив свинину на стол, ни слова не сказала, устоявшая на строго сдвинувшего реденки брови картиноторговца.

— Потому что уже все превращается в прах! — воскликнул тот. — Представьте себе, что даже собрания сочинений Чехова и Гончарова вчера утром я обнаружил возле мусорного контейнера! Заметьте, пока еще не в контейнере, а возле! Совсем новенькие собрания! Значит, хоть что-то их и выбрасывал, но истинную цену книгам пока еще знал! И надеялся, что если не ему, то хоть кому-то это пригодится! Но — люди меняются... Вот, мой отец умрет, и я уже буду жить в иную эпоху, буду жить, так сказать, в постисторическом времени, в зеркальном отражении прошлой жизни, где у всего противоположные смыслы... — Сумарин даже задохнулся от этих своих слов, но тут же еще более твердо продолжил: — Какая-то страшная жизнь надвигается! Египетские пирамиды по камню в сто лет осыпаются, и то думаешь: «Вот время что делает!», а тут в один миг, прямо на глазах Шекспира и Пушкины сменились на дичайшую дрянь, на грязь типа Сорокина да Ерофеева; вместо музыки и пения какое-то нелепое визжание; ворье всякое элиту из себя изображает; в Большом театре какие-то туалетные стишки собираются петь; а люди настоящие, подлинные, пропадают, как слона на асфальте... Да!

Над столом нависла совсем уж гнетущая тишина. И Сумарин в тишине этой повторил:

— Пришло время страшное!

А потом добавил:

— Я иногда хоть и маленькие по размеру да цене, но вполне приличные работы вывешиваю у себя... А их уже и не берут! А один художник у меня приспособился, малюет абы как кирпичную стену, к которой якобы листья кленовые подурачки гвоздями прибиты! И уже штук пятнадцать этих шизофренических картин продан! Я бы это у себя дома повесил и — сошел бы с ума. А люди покупают. Потому что истинное страдание им уже куда более по душе, чем чувственное живое да полное! Нового человека они своим сатанинским телевидением создали! Голема они создали! Сбылась, так сказать, вековая мечта всякой нелюди!

Опять за столом зависла тишина. А затем мужчины услышали тоненький голосок Даши:

— А Путин все-таки в церковь ходит, я видела по телевизору, как он лоб свой крестит! Не может он, человек верующий, не чувствовать всего того, о чем вы, Виктор Петрович, нам тут рассказываете!

— А может быть, Дарья Леонидовна, это он не Богу молится, а вашу чистую душу пытается возглавить! Чтобы заманить ее в какую-нибудь новую пропасть! — Сумарин многозначительно поднял палец, да так и застыл.

— Но Дашина свинина в этом не виновата, — мрачно сказал Шадрин, которому апокалиптический энтузиазм Сумарина вдруг стал нестерпимым. — Давайте свинину попробуем.

Под мясо наполнили рюмки водкой, молча выпили. И свинину — сочную, сладкую — поедали молча.

Но вскоре неугомонный Сумарин, утомившись молчать, взял пустую рюмку и изрек:

— А я понял, зачем они свой культурный переворот нам устраивают! Человек рождается, как пустой бокал. И, попадая в определенную культурную среду, он этой средой наполняется. Какая культура, такой и человек! Традиционная, то есть сакральная культура лепит сакрального человека. А культура модифицированная — человека модифицированного! Голема она лепит! Вот и получается, что, модернизируя культуру по некоей заранее заданной схеме, можно создать такого, какой нужен нынешним властителям, биоробота! Японцам с их электроникой — это всего лишь смысленные дети! Да! А тут тебе не япощка, а новосветский дьявол уже и человека по собственному образу сотворяет! Вы думаете, почему про биороботов уже даже черный кардинал нового мирового порядка Бжезинский стал, как Герберт Уэллс, стал книжки писать? А мы все стесняемся на людях признаться, что Бог есть... Образованных из себя корчим! И Фукуяма уже про постчеловеческую историю твердит. Не терпится им от человека и от Бога избавиться!

Но Даша опять по-своему поняла слова Сумарина. Она, вздохнув, вымолвила:

— Вот я и говорю, что там, наверху, уже поняли, к чему их политика может привести. И начали менять нашу жизнь. И теперь у Мити опять начнут покупать картины... Думаете, им, наверху, не страшно оказаться среди нелюдей? Думаете, им самим не хочется стать людьми?

— Кому-то, может быть, и страшно. Но многим, я полагаю, очень даже радостно! Это ведь, Дарья Леонидовна, совершенно другая человеческая порода! Я в «Независимой газете», когда она была еще под Березовским, читал, как у Абрамовича люди попросили денег на церковь, а он им отвечает: я другой веры! А когда недавно попросили у него денег на захоронение останков солдат, оставшихся не погребенными после Отечественной войны, он сказал: а на Чукотке не было военных действий! Вот же, чудо-юдо, налогов почти не платит, чтобы у нас свой бюджет был, чтобы без него мы тут обходились, все под себя гребет, а уши у него из-за другой его веры не краснеют. Ну, Дарья Леонидовна, вы бы так смогли? Вот, я, например, великий хитрец, но я бы застрелился, если б узнал, что это для моего блага почти вся страна в разоре живет, что для моего блага миллионы детей беспризорными маются. Нет, они не хорошие и даже не плохие, они — совсем другой породы люди! И они точно так же, как спартанцы боялись заразиться от афинян демократией, больше всего боятся они заразиться человечностью! Вот, жил когда-то профессор Поршнев, который утверждал, что произошли мы от хищных и травоядных предков. И я с ним согласен. Потому как появляются среди нас совершенно противоположные человеческие типы. Одни — готовы сожрать любого, другому же — стыдно даже плохое слово человеку сказать, а третьи — и то, и другое...

— Сами же и говорили, что надо не умничать, а верить в Бога, — заметила Даша.

— А думаете, из какой глины нас Бог слепил? Из гжельской? Уж нам ли не знать, что истина всегда должна быть спрятана в метафору, чтобы никому не показалось, что он уже знает, какою бывает истина в голом виде. Потому что не все умеют видеть что-то иное, кроме самих себя. Для Европы, например, перевели Библию с латинского — и сразу появился умник Кальвин, который христианство свел к «божественному пре-

допределению». Дескать, у Абрамовича деньги есть, значит, он попадет в рай, его Бог любит, а честный человек будет и на том свете мучиться... Да многим без священника Евангелие даже в руки брать нельзя, а не то что читать!

— Без священника не надо и разговоры такие заводить, — осторожно настаивала на своем Даша.

— Ну, хорошо... Есть ли у вас Евангелие?

— Да хватит же тебе... — отмахнулся было от Сумарина уже и Шадрин.

— Н-н-нет! Ты дай мне Евангелие! — уперся Сумарин.

Даша сердито поднялась, ушла и вскоре вернулась с увесистой книгой подмышкой.

Сумарин с жадностью выхватил у нее Святое Писание, открыл с конца, быстро нашел нужный текст и, словно бы пробуя на ощупь каждую букву, принялся читать:

— Вот, слушайте же: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, тьма не объяла его»... Н-н-ну, сколько все это повторялось нами на разные лады, а может быть, вся суть только в том, что слово, то есть культура наша — это и есть сакральная среда нашего обитания, которую нам Бог дал, из которой мы вылепляемся по образу и подобию Божьему, без которого ничего не начало быть? Может быть, пока мы тут празднуем, уже сатана исхитрился и яду своего, своей, так сказать, тьмы капнул нам в нашу культуру, и я, так сказать, не просто картинками чумовыми торгую, а леплю ему его бесенят? О-о-о, я ж говорю, что рождаемся мы все в виде пустого бокала, и только слово, только культура нам сотворят нашу живую душу из своей, так сказать, духовной материи, которая была в начале у Бога, а затем была передана нам на хранение...!

Шадрин слушал Сумарина с явным интересом. А Даша тоже вроде бы какое-то время не без напряженного внимания вникала в речь своего говорливого гостя, но затем она подавленно заключила:

— Все равно, никто ничего не знает...

— Ну, допустим, никто не знает... — согласился Сумарин. — Но ты только вдумайся в то, что я тут вам прочитал! Ты только вдумайся! Пусть я и не прав, но не просто так ведь было сказано нам про Слово! Что это за Слово, которое в начале было у Бога, а теперь — у кого оно, а? Как это можно было допустить, чтобы даже Слово отдали в собственность медийным магнатам?

Вот так они и доужинали. А затем Шадрин, захмелев, затянул свою любимую казачью песню «Не для меня весна придет...». Даша ему своим тоненьким голоском подпела. Сумарин же, видимо, вмиг позабыв о своих страшных рассуждениях, принялся им помогать.

На десерт Даша принесла пирог-шарлотку с антоновскими яблоками. И этому ее последнему кулинарному изданию повезло больше, чем свинине, потому что Сумарин, выговорившись на политические да богословские темы и даже наладившись пением, наконец-то показал себя и как настоящий гурман.

— Все! — заключил он. — Я своей супруге скажу, чтобы и она обратила внимание на антоновские яблоки! Даже интересно мне стало, произрастает ли антоновка где-нибудь, кроме России!

...А в это время Вигонь докладывал Францову в его офисе на Мясницкой:

— Ирина Владимировна уже на портрет запала. И в художника она вцепилась. Я же чувствовал, что с другого он огорода.

— Пусть цепляется. Это не ее, а наша игра.

— Нет, это тоже в пользу моей правоты относительно художника. Не случайно она, как только поперек вам стала, так сразу же именно в него и вцепилась. Женщины всегда более чувствительны. И она чувствует, кто твой, а кто не твой фрукт. Нарочно хвостом перед ним завертела. Но портреты уже через неделю, если надо, будут готовы. Хотя — это еще не самая главная новость...

— Какая же главная?

— Она купила все его картины, которые в Жуковку были привезены. За двести тысяч! И велела мне вручить ему уже завтра все деньги.

— Вручи.

— Но...

— Потому что она как из Лондона вернулась, так сразу же и заявила о разводе, — мрачно сказал Францов. — Сейчас ей поперек становиться — еще больше дров наломать. А что касается развода, то это по-прежнему между нами. Никто не должен знать, что она собирается развестись.

— А может быть, наоборот, дать утку, и кто-то из акционеров сам решит, как с ней надо поступить?

— Кто-то из акционеров обязательно решит, что она в деле ни в зуб ногой, и с прелевой радостью предложит ей себя в менеджеры. И все, что я вот этими руками собрал, на себя перекачает. А потом нам с тобою и ей, как натуральному луху, ручкой своей белой помашет.

— А если ей сказать, что с датчанкой покончено?

— Не будет покончено. Потому что я так хочу: для меня это мой завтрашний день. И потом — я не могу вечно зависеть от настроений своей окончательно свихнувшейся жены. Не датчанка, так что-то другое ей может не понравиться. Если шлея под хвост попала один раз, то попадет и в другой.

— Значит, выхода нет?

— То, в чем для тебя нет выхода, для меня именно выход и есть. Так все складывается. А художника поторапливай. Я не могу долго оставаться в подвешенном состоянии. Я вообще всю жизнь в подвешенном состоянии! Всю жизнь! Никогда не было, чтобы я не озирался по сторонам! Никогда! А я хочу всего лишь легитимности своей жизни! Чтобы все понимали, что я — это я! И чтобы я тоже, в конце концов, свялся с мыслью, что моя жизнь касается только меня!

Францов говорил уверенно, так что не сразу и ощутил он шершавую резь в горле. Только по удивленному выражению лица вечного своего помощника он понял, что слишком уж обнажился перед Вигонем. Стремительно ушел он в комнату отдыха. И, запершись, упал на диван.

«Идиотка!!! — беззвучно шептал он. — Не подглядывали бы припиленные ко мне твоим же отчимом его племянники-акционеры, я бы капитал наш с тобою сам давно развел, и твоей бараньей голове хватило бы на жизнь только того, что я тебе оставил бы в любом случае! Ты сама себя приговорила, дура!»

А когда немного пришел в себя, позвал Вигоня. Тот, ни слова не говоря, подошел к бару, налил себе и Францову и, не дожидаясь шефа, выпил.

— Да, давно мы с тобой не сидели, — согласился Францов.

— Я заметил, что душевно сидим мы с вами только тогда, когда появляются проблемы, — сказал Вигонь.

Францов тоже выпил, поморщился и попросил:

— Дай хотя бы лимончика... и водички... — а затем и объяснился: — Ты не удивляйся, что меня вдруг вот так скрутило... Ты помнишь, как мы с тобой комсомолы в университете, чтобы нас, как белых людей, в зарубежные поездки включали? А другие палец о палец не ударяли и имели больше, чем мы... У нас что, печать на лбу? Ладно, я понимаю, кто-то в Гарварде постажировался, его там на крючок поймали, а затем, когда

тут все перевернулось, стал он в Кремле уже вашингтонской номенклатурой, окружил себя цэрэушными советниками, а через них — поставил себя в прямую зависимость не от кремлевского пьяного придурка, а от мирового парткома. Но почему именно Абрамовичу так обломилось? Кто такой Немцов, если ему, пляжному мальчику, и губернию сразу же дали в кормление, и чуть ли новым президентом не сделали? Почему Чубайса, а не тебя или меня назначил мировой порядок вколачивать последние гвозди в этот русский гроб? Почему именно Чубайсу обломилось быть непотопляемым?

— А Ходорковский? — с усмешкою напомним Вигонь. — Кто бы подумал, что именно его посадят?

— Ходорковский полез в бутылку, решил только себе любимому власть купить за свои большие деньги. А вот почему я теперь на обыкновенный развод должен идти, как на танк, с гранатой? Почему?! За них же всех пахали я, да еще, может быть, Починок! А остальные только по телевизору лялакали! Они же — мелкая шпана!!! Фраера самопальные! Ничего они не умеют! Даже бизнес-план не умеют они составить! Понимаю, умные были бы в цене, а то ведь полным нулям фишки теперь вручают! Да всех этих Кудриных, Грефов — как карандашей в канцтоварах! Почему же все фишки теперь у них? Такие талмуды составляли мы с тобой, когда я в правительстве работал, что голова лопалась! А сколько я тебя на должность самую завалующую ни продвигал, чтобы хоть один верный человек у меня там был, всюду только глухую стену встречал! Почему именно я не могу быть уверенным, что завтра меня не тряхнут? Почему именно я должен всю жизнь в кулаке у жены прятаться? Мне надоело сидеть в осаде!

— Теперь уже никто ни в чем не уверен, — сказал Вигонь. — Потому что любая система требует ротации. А голодные новобранцы, впервые наевшиеся, — всегда самые верные. И беспредельщики на Украине — это только первый звонок. А скоро нахнут и у нас, как на Украине, друг у друга куски изо рта выхватывать. А успели бы вы, как тот же Немцов, сделать знак и прогнуться под оранжевого американского зятя, никакая ротация нас бы не коснулась. Я, например, уже не знаю, что на Украине мы из своего удержим.

— Поэтому я и решил уехать. Фирмы для слива давно готовы. Договора с ними уже работают. Теперь вместо меня тут посидишь, потому что только у тебя все в голове. А потом и сам съедешь! Купишь себе, как когда-то мечтал, приличный домик на берегу Средиземного моря. И яхту, как у Абрамовича, купишь. А что? Не всегда же на деньги надо горбатиться, пусть и они на нас пошатнут! Стари-и-ик, надо пожи-и-ить!

— Я не хотел тебе говорить...

— Что, слить хочешь от меня? — Францов со смехом хлопнул помощника по плечу, а глаза его тоскливо пристыли, потому что Вигонь даже в вот таком дружеском разговоре переходил на ты лишь в том случае, если на правах вечной правой руки своего шефа приходилось ему касаться вещей крайне неприятных.

— Ты датчанке доверяешь? — спросил Вигонь, уцелившись своими всегда мутными, как консервы, глазами в Францова.

— Она, по крайней мере, без комплексов, без такого, как у нашей с тобой Ирины, умения вечно создавать себе полосу препятствий. И вообще, я понял, что Европа в отличие от России — это как породистая собака в сравнении с дворнягой! Они там рождаются с уже готовой программой в голове! Чип у них в мозгу есть! И если у тебя тоже голова на плечах, то можно с ними рядом жить без лишних проблем.

— И ты готов жениться на этой, как говоришь, отличной бабе?

— А почему бы и нет? Телку себе, если понадобится, я всегда заведу, а с датчанкой я, как и с тобой, чувствую себя

вполне комфортно. Только в отличие от тебя, Слава, она живет на хорошо прополотой грядке, люди ее круга давно живут по единому правилу, хоть и находятся кто в Париже, кто за Пиренеями, кто за Ла-Маншем. Это тебе не наша паучья банка! А кто себя привык уважать, тот и других уважать умеет. Ты это хоть понимаешь?

— Не думаю, что твоя датчанка...

— В конце концов, ты не моя теща, ты можешь назвать ее и по имени!

— Хорошо. Но твоя Франциска тебя-то как раз и кидает! Пока Францов глядел на Вигоня заново пристывшими глазами, тот неторопливо придвинул к себе солонку, отрезал тоненькие кружочки от лимона, затем спросил:

— Текилы тебе не налить?

— Да сроду я не буду пить эту твою дрянь с солеными лимонами! — закричал вдруг Францов. — Что ты резину тянешь? Говори, если уж начал!

— Ей просто надо было рухлядь продать. А я навел справки... Ты за замок заплатил чуть ли не в полтора раза дороже объявленной ими ранее цены! А теперь посчитай, сколько миллионов на тебе она заработала своим, как ты говоришь, умением не создавать лишних проблем!

— О-о, ты, как я посмотрю, за натурального лоха меня держишь! А я, представь себе, знал, что переплачиваю. Я просто подыграл им. Они привыкли, что мы тут в России деньгам своим счета не знаем, вот я и не стал их разочаровывать! Но Франциска об этом я сказал. Чтобы поняла, с кем имеет дело. Просто я сделал жест, который они все ожидали и — оценили. А тебе, ты уж прости, ничего не стал объяснять. Потому что ты все равно не поймешь, что есть вещи, которые только по-умному и купишь. А если деньги превратить еще и в очень красивый, всеми ожидаемый жест, то тогда ты как раз и получишь все, чего тебе всегда не хватало!

— И что же ты за свой жест получил?

— Меня Франциска приводила на их тусовки, и они шарались от меня, как от турецкого янычара. А когда узнали, что я не просто чужое родовое гнездо огреб, а и переплатил, то все они сразу вокруг меня завертели. А знаешь, почему завертели? Да потому что каждому из них такого же чуда от меня захотелось! А мечтать, Слава, никому не запретишь! То есть я просто, по-умному, их построил вокруг себя и наклонил! И теперь буду жить в их компании вполне комфортно.

— Уж не Франциска ли подсказала?

— Представь себе, что тем самым я и Франциску наклонил. Не стал, как лох, говорить ей, что цену она загнула, а просто дал ей понять, что хорошо ее понимаю, что покупаю себе вместе с замком также и ее. Потому что владеть, я это хорошо понял, можно только тем, за что хорошо заплачено. Мне вот Ира досталась задарма, да еще с приданым в виде Владилена Самвеловича, вот и ищет она свой пятый угол. А Франциску я купил. И весь ее бомонд теперь выстроился ко мне в очередь в расчете, что вот так же я и всех их себе прикуплю!

— А меня, — Вигонь с ласковой грустью взглянул на шефа, — меня ты тоже купил..?

— Да, купил! И, как ты знаешь, за очень большие деньги. Был бы ты не помощником у меня, а партнером, таких бы денег ты не имел! Поэтому я тебе доверяю.

— За это я тебе благодарен, — с чувством сказал Вигонь и придвинул свое лицо к лицу шефа так близко, что тот невольно отодвинулся.

— Ладно, про нас ты сам все знаешь, — сказал Францов, когда машинально еще и утерся салфеткой.

— Но все-таки я не пойму, зачем ты еще и художника прикупил? — невозмутимо продолжил разговор Вигонь.

— Это, Слава, игра, в которую я, хоть еще и здесь живу, уже начал играть. А играть в любую игру надо только по правилам. То есть замок обязывает, чтобы от моего прошлого в нем тоже что-то имелось.

— Но тогда и художника надо было искать по правилам?

— А чем тебе этот не нравится?

— Я же тебе говорил, что у него нутро такое же, как и у твоей жены.

— То есть?

— Объяснить толком не могу, но чувствую, что не зря он при всех своих прошлых успешных делах теперь никому не нужен оказался.

— Просто наверху люди поменялись, вот и он, оставшись без прежних связей, сошел с орбиты. А был бы при связи, стал бы рисовать хоть на голых жопах, как вся эта наша шпана рисует. Это только когда перспективы нет, люди чужими делаются! А в долларах все растворяется, как в серной кислоте! Когда этим людишкам хорошо платят, они и собственное дерьмо жрут, и иконы топорами рубят, и из собственной мамами могут шашлык изготовить.

— А я бы у себя ни одну его картину не повесил...

— Да почему, Слава? Когда-то в Европе вся элита только таким художникам заказы давала! Ты что, не повесил бы у себя в кабинете Сикстинскую Мадонну Рафаэля?

— А зачем мне чужая баба в кабинете? И пейзажи этого Шадрина я не повесил бы.

— Но почему, Слава?

— Потому что я не мазохист! — вдруг сказал Вигонь и сам же рассмеялся над своим доводом. А затем пояснил: — Не люблю я все эти сюсю-мюсю, все травиночки-малышечки... Я в школе стихотворение Пушкина наизусть выучил, а учительница вытаскала меня к доске, и постеснялся в эту лабуду читать... Ну, как там... «Любовь моя, быть может... утасла еще не совсем...». Так, в шутку, еще можно все это вокруг себя развесить, а если всерьез, то... Вот твоя Ирина тебе свой стишок читает, вместо того, чтобы по тебе разойтись, а ты теперь переживаешь...

— Я по ее поводу не переживаю, — сказал Францов, видя с заметной неприязнью, а затем все-таки смягчился. — Видно, ты уже текилоу нагрузился. Но спасибо за разговор. С тобой вот так посидишь и голова в порядок приходит.

Далее они все-таки вполне приятельски начали прощаться.

— Но, может быть, мне попробовать последний раз поговорить с Ирой, чтобы разошлись вы по-хорошему? — на всякий случай снова предложил Вигонь. — Язык-то у меня не ослухнет. Да и она привыкла доверять мне.

— Слава, я не верю, что ты ее победишь своей упертостью. Ей, насколько я понимаю, уже и Анна Аркадьевна пробьет мозги поправить. Но если тебе удастся, у меня лишний замах с плеч свалится.

— Я ей сегодня же вечером позвоню. Приеду домой и позвоню.

— Вот и позвони.

— Значит, поеду я?

— Неохота тебя отпускать, но... Уж очень хорошо мы посидели!

...Вигонь позвонил Ирине Владимировне сразу, как только отъехал от офиса на Мясницкой.

— Вы как там, Ирина Владимировна? — спросил он вполне душевно. — Я вашего нового приятеля доставил, и вполне приятно мы с ним побеседовали.

Она ответила с таким же дружелюбием:

— Славочка, я так благодарна тебе за то, что ты, хитрец, заманил меня к этому художнику!

— Да я сразу понял, что вы уперлись только в собственный же каприз...

— Это не каприз, Славочка! Я понимаю, ты теперь должен только на стороне Бориса быть, но мы с тобой много лет друг друга знаем, и я на тебя обижаться не буду, честное слово.

— А может быть, на Бориса Сергеевича своего тоже не обижайтесь? А что, разоидетесь по-хорошему, как все расходятся. Мы все с вашей долей будем помогать управляться. Сами знаете, как сейчас зарубежные счета в один миг блокируются. А вы, Ирина Владимировна, привыкли в эти проблемы особо не врубаться... Подумайте хорошенько!

— Ты лучше Бориса умеешь во все врубаться, и именно ты оставшись со мной, останешься на своем прежнем месте, только уже без своего вечного шефа!

— Вы это серьезно говорите?

— Ну, ведет он к своей мымре, а ты за ним в качестве няньки поедешь? Вот я тебя, Славочка миленький, и подберу! Та-а-а, как ты, на дороге у меня не валяешься! Да для тебя ведь ничего и не изменится! Просто теперь не у Бориса будешь работать, а у меня! Я узнала, что мне надо тебе только доверенность написать, и ты уже сам, если захочешь, все у меня возглавишь. А ему пусть мымра датская помогает!

Вигонь прежде чем ответить, остановил машину у обочины.

— Почему ты молчишь? — спросила она.

Вигонь, собираясь с мыслями, еще минуту вращал свою априори головою, азартно вглядываясь в густые и сочные ветви вечнозеленого Садового кольца, а затем поднес мобильник к уху и заговорил:

— А, ле...

— Ты что ли меня не слышишь?

— Связь почему-то плохая!

— Просто я хотела сказать, что Борис пусть не надеется, что ты меня уговоришь дать ему солидное приданое. А с тобой, Славочка, нам делить нечего. И не буду я на тебя обижаться за то, что ведешь ты себя как старый и добрый товарищ моего уже окончательно обалдевшего от собственного величия мужа.

— Ну что ж, за доверие вам спасибо. А завтра я художника опять привезу.

— Ну я и сама могу привезти! Я действительно не пойму, почему он именно тебе художника поручил!

«Смущивалась, что портрет этот делается неспроста!» — подумалась Вигонь, когда разговор был окончен.

А поставить в стремительно развивающихся обстоятельствах еще и за Ирину Владимировну ему подсказала даже не она, а сам Францов, действительно уже теряющий под влиянием хитрой логичности свой прежний фасон. Это когда он Вигоню объяснял, почему о настроениях Ирины Владимировны никто из акционеров не должен знать. Но почему же он, Вигонь, не может ситуацию склонить в свою пользу, если и сама Ирина Владимировна, как килограмм рыбака, ему прямо в руки выпрыгивает?

При этом Вячеслав Олегович Вигонь еще и твердо решил, что если вмешиваться в ход событий он не будет, что последнее решение относительно собственной судьбы он примет только тогда, когда надо будет всего лишь мизинчиком пошевелить.

Загородный дом Вигоня располагался в Жаворонках, и по ночному шоссе он добрался туда за полчаса. Дом у него был даже больше, чем у Францова, однако без архитектурных изысков — просто трехэтажный четырехгранник под красной крышей. За десять лет Вигонь так и не привык спокойно высидеть в свой просторный, на полгектара, без модной экзотики, двор. Каждый раз ему словно бы хотелось убедиться в том, что вот, действительно, это уже не начерченная карандашом на листе бумаги мечта, это уже взаправдашний пирог, начиненный пылающим залом, сауной и бассейном, винным погребом, библиотекой в три тысячи томов (а как же!), оранжереями, тремя кабинетами, банкетным залом и всем тем про-

чим, что только могла вместить почти на тысяче квадратных метров его тайно от всех истосковавшаяся фантазия.

Жена Вигоня, как это у нее повелось в последнее время, сама его встретила. Сама сняла с него и пиджак. Затем, когда он вымыл руки, поторопилась подать полотенце. Была она плотной, с короткой шеей, с крупной, как и у мужа, головой, с огромными, резко очерченными глазами, с губами, похожими на очень уж сочные лепестки алой розы. Но — у любого человека, который решился бы взглянуть в нее попристальнее, могло возникнуть ощущение, что она необыкновенно красива, что красива она, может быть, как существо пока еще совершенно нам незнакомой, пока еще непривычной для наших глаз породы.

— Я особо ужинать не хочу! — сразу объявил Вигонь.

— А баранью ножку, как ты любишь, с салатиком?

— Ну, только если немножко...

Сама затем она поставила на стол запеченную в духовке ногу барашка, сама налила в бокал красного итальянского вина.

— Сява, какое удовольствие тебя встречать! Я собственноручно ужин тебе сготовила, а ты хотел, чтобы я таки ж не увидела, как ты будешь ужинать! Этого я не переживу!

— Ты у меня птичка, Зюля!

Читатель, без труда догадавшись, из чего получилось имя Сява, может быть, догадается, откуда получилась еще и Зюля (честное слово, я не знаю, как это расшифровать!). Но должен буду заметить, что до размолвок между Францовым и Ириной Владимировной Сява с Зюлей жили, как Бог даст, собою друг друга не утруждая. Чаше супруга уже спала, когда Вигонь возвращался домой. А если и не спала, то лишь для приличия убеждалась, что пришел именно супруг, а не тать какой-нибудь, и спешила вернуться к телевизору, чтобы досмотреть сериал про питерских ментов или — самый любимый — про следователя Настю Каминскую, про эту вроде бы не очень красивую, но легко обуживающую всех мужиков женщину. Вся личная жизнь Зюли, казалось, уже вместились в эти бесконечные сериалы. Ну, разве что еще любила она действовать на нервы хохлушке-горничной, чтобы потом величественно ее же и простить: «Ладно, ладно, таки ж я не обижаюсь, стану я тут на всех вас обижаться...»

Но как только у Францова, у этого выскочки, со студенческих лет привыкшего руками ее Сявы жар загревать, расклеилась семейная жизнь, сразу Зюля о сериалах забыла. Муж едва приходил домой, она тут же от всей души принималась выказывать ему свое внимание. Не из страха, что Сява по примеру шефа тоже начнет ухлестывать за посторонней женщиной, а только чтобы порадоваться, что вот, мол, живем мы душа в душу, что мы таки ж люди разумные, знаем, что почем в этой жизни, не как Францов и его жена, которым покойный Владимир Самвелович (вот умнейший был человек!) преподнес все на блюдечке...

— И что там нового? — спросила Зюля, охотно дождавшись, пока Сява дожует кусок приготовленной ею ножки и освежит рот бокалом вина.

— Да все по-прежнему. Продолжает она настаивать на разводе.

— А он?

— А ему ж не хочется выпускать из рук все то, чем привык он распоряжаться.

— И что он...?

— Да примет меры. Ему не впервой себе дорогу прочистить.

— Таки ж и ее...?

— Уберет и ее с дороги.

— Вот что значит, ума у нее нет!

— Да, ума у нее нет.

— Потому что не знает она, откуда у нее все взялось!

— Не знает.

— Теперь же узнает!

— Теперь узнает.

— Какие страсти в жизни творятся...!

— А может, и не узнает. А то он привык, что все получает сы только так, как ему хочется.

— Ну?!

— Без меня он только галстуки себе покупает.

— Да без тебя он никто!

— Когда выяснилось, что горный комбинат к его рукам не прилип, я сколько раз ему говорил, чтобы он поскорее его продал?

— Много раз ты ему говорил, Сявочка...

— А он уперся.

— А он уперся.

— И я его на акции нефтяные сам с племянниками Владимира Самвеловича успел обменять.

— А ты успел обменять.

— А он даже спасибо не сказал.

— Не сказал.

— Шагу еще не сделал он без меня.

— Я ж тебе всегда об этом твержу, Сява!

— Вот я и говорю...

— И что ты таки ж задумал?

— Да пора мне не на дядю, а на себя пахать.

— А он?

— А он пусть отдохнет, — сказал Вигонь вдруг со значени-ем, словно припечатал.

— Я так переживаю за тебя...

— А что за меня переживать. У меня голова на плечах имеется.

— Я всегда тебе удивляюсь.

— А то его уже понесло. Уже и замок с фонтанами он себе купил, и картину с будущей покойницы-жены нарисовал, чтобы всяким маркизам показывать, чтобы они ахали и охали вокруг него... Птфу!

— А может, не торопись рисковать?

— Я просто сказал. А будет то, что будет. Пусть дураки лезут на рожон. А если так сложится, то я уже почву себе прозондировал. Ирина без меня, как без рук. Она хочет, чтобы муженек ее за кордон слинял, а я на ее хозяйстве остался.

— Значит, она уже в курсе?

— Ну, что я, идиот, чтобы кто-то мои мысли читал?

— Я ж говорю, что не перестаю тебе удивляться.

— Главное, что я и теперь, и всегда — из рук своих ничего не выпускаю...

Он, не торопясь, прожевал еще один кусок, запил вином. И долго они затем глядели в глаза друг дружке с той особенной нежностью, на какую только способны лишенные лебединой, кошачьей, лошадиной, жирафьей и прочей природной грации два, может быть, гиппопотама. И ощущение своей особенности в этом несовершенном, если не сказать глупом, мире теперь внушало им такую чудесную, такую сладкую, слаще бараньей ножки, любовь друг к другу, что вскоре они приникли один к другому еще и лбами, а Вигонь даже тоненько да ласково вдрут завыл: «И-и-и-и...»

**ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой
картиноторговец Сумарин находит новые доказа-
тельства скорой гибели всего человечества, а же-
на олигарха Францова упрямо пытается стать
счастливым.**

Над портретом Ирины Владимировны Шадрин работал не без азарта и написан он был, вопреки его ожиданию, очень

быстро. Францов, всего лишь кратко взглянув на картину, уже вправленную во временную массивную раму, работой художника остался доволен. А собственный парадный портрет он разглядывал долго. Особенно ему понравилось то, что черный фрак его был почти растворен в вожденном темном фоне, так что фарук, широкая лента через плечо, крест с розой и прочие знаки, а также треугольник его строго лица словно бы всплыли из бесконечного хаоса — как, бывает, тройка, семерка и туз вдруг сами выпадают тебе из первозданной, пока еще неизвестной карточной колоды.

— Это то, что надо. Вот только жалко, что пока еще не каждому этот портрет можно показать, — сказал он Шадрину. — И сегодня же Вячеслав Олегович с тобою рассчитается.

— За свой портрет я сама заплачу, — твердо сказала Ирина Владимировна. — И, кстати, сама же его в город отведу.

— Делай, как знаешь, — Францов, даже не взглянув на жену, удалился.

Шадрин тоже портретом остался доволен, и именно поэтому в последний момент он все-таки обнаружил в нем некоторые почти досадные места. Но при столь явном разладе между Францовым и Ириной Владимировной пожелание его продолжать работу могло бы выглядеть не вполне приличным.

Вскоре они выехали на Рублевку. За рулем «эсельки» Ирина Владимировна сидела сама. «Потому что надоели мне свидетели моей и без того далеко не личной жизни!» — весело объяснила она Шадрину.

— А вас не смущает, что портрет все-таки постановочный? — спросил художник.

— Я даже не могу понять, о чем вы мне говорите. Потому что теперь в свою гостиную вхожу, как в праздник! Так хорошо на душе, когда я на ваши картины смотрю! А как вы считаете, ваша жена может со мной подружиться?

— Нормальный она человек, — сказал Шадрин. Но тут же и добавил: — Хотя, честно сказать, может быть, ей будет не просто увидеть жену одного из тех деятелей, из-за которых она уже давно не имеет возможности любимой работой заниматься...

— Вы много лет жили без денег?

— Да не так уж...

— Я ведь тоже ничем не могла заниматься... А другие, такие же, как вы, художники, есть в Москве?

— Художники есть и в Москве, и всюду.

— А вы можете меня с кем-то из хороших художников познакомиться? Скоро ко мне приедет одна знакомая из Берлина. Она держит большую галерею и продает картины. А я хочу тем же самым здесь заняться. Не для денег, а просто так, для удовольствия. Буду вас и ваших друзей ей предлагать, а она в Москве своих пусть выставляет. Можно, как только она здесь появится, я к вам с нею заеду?

— Да хоть с ней, хоть без нее приезжайте. Я вас и со своим, как теперь выражаются, продюсером поближе познакомлю. Живописнейший человек! И — настоящий артист! Может быть, он захочет вместе с вами картинами заниматься. У него ведь уже и опыт имеется.

— Вот это было бы здорово!

Шадрину вдруг обнаружил, что ему все-таки очень и очень приятно было вот так беседовать с Ириной Владимировной. Ему теперь казалось, что это вовсе не он еще недавно бродил по Москве, переживая свое нестерпимое отчаяние, не он звонил по телефону всем подряд, выживая любой нечаянный заказ.

А вскоре они сидели у него на кухне и втроем пили чай. И Даша, вопреки ожиданиям Шадрина, была необыкновенно приветлива да сердечна с женой олигарха. Может быть, потому что Ирина Владимировна показалась ей очень уж не-

счастливой, не такой, какими женщин из этого сословия до сих пор рисовало ее воображение.

А жадная до новых впечатлений гостья сразу обратила внимание, что и на кухне висит одна малюсенькая картина. Но выяснилось, что это Даша еще студенткой попробовала «великого Шадрина» удивить и вот теперь «ее маэна» висит здесь, как память о прошлой веселой жизни.

— Мы можем в мастерскую подняться, и он вам свои работы покажет, — предложила Даша.

К Дашинуمو разочарованию, на «Князе Игоре» гостья своего внимания не задержала. Но зато в портреты она прямо-таки вливалась своими сияющими глазами. «Это кто?», «А на этой картине кто?» — спрашивала она у Даши и была потрясена, когда узнала, что мужчина, портрет которого был вправлен в самую дорогую раму и висел на самом приметном месте, является никому не известным рыбаком, согласившимся попозировать лишь потому, что все равно клева в тот день на Сенеже не было. От явно некрасивого, сероватого лица его, словно сожженного солнцем, невозможно было оторвать взгляда, как, впрочем, и от густой да сочной травы под его локтями. Потому что он лежал, запрокинув руки за голову, и глядел в небо с той счастливою отрешенностью, какая возможна только у человека, который жизнь свою проживает просто и вольно, наподобие легкого белого облака. Даша принялась рассказывать про некий особый лад русской жизни, однажды открывшийся ей в этом портрете. Но Ирина Владимировна в слова Даши особо не вникала, продолжала то и дело спрашивать: «И вы даже телефон его не записали?» «Не записали», — отвечала Даша. «А я-то думала, что все эти люди какие-то для вас особенные...» — грустно призналась Ирина Владимировна. И казалось ей, что это очень несправедливо — нарисовать человека и довольствоваться только его портретом. А когда Шадрин, взяв в руки кисть, остановился возле «Князя Игоря», Даша, которой все-таки очень хотелось поделиться с гостьей содержанием одной своей давней, вызвавшей много разных споров и толков, журнальной статьи, предложила: «Пойдемте же ко мне на кухню и там поговорим, а то его теперь клещами от этой картины не оттащишь!» И Ирина Владимировна не без сожаления ушла с Дашей из мастерской.

Жена художника все же почувствовала, что Ирина Владимировна, оставшись с ней наедине, сразу поскучилась. Но — и это было удивительно — обычной ревности она теперь не испытала. Напротив, рядом с, конечно же, такой красивой, такой ухоженной, но одинокой и, как ей сразу показалось, почему-то очень несчастной женщиной Даша наконец-то смогла ощутить себя человеком вполне в себе уверенным.

— Да я вам лучше книгу свою подарю! — вспомнила она о своей последней книге, вышедшей ровно пятнадцать лет назад. — Там есть все, о чем я вам тут рассказывала! — А затем она и призналась: — Хотя, если вот так подумать... Ой, я даже не верю, что теперь это кому-нибудь нужно. Мы когда-то собирались у нас, к Мите кто только не приходил! И все о чем-то говорили, говорили... И я каждую свою статью писала и знала, что все ее читать будут, что, как в вот этой чашке, если ложечкой в ней помешать, все вокруг заволнуется да закружится... А теперь будто кто-то всю нашу жизнь вдруг, как электрический свет, выключил. Как будто уже выпита наша чашка, сколько ты в ней ложкою ни верти, она пустая, и ничего в ней уже не кружится... Нам тоже так кажется?

— Да я уже лет двадцать нормальных людей не видала...

— Но у вас ведь была какая-то своя жизнь...

— Была, пока я замуж не вышла. А потом появилась у меня не жизнь, а роль при муже. И вот, наконец, я поняла, что даже

роль эта — не моя... Я теперь вроде как развожусь. Потому и к вам приехала, чтобы почувствовать себя уже в стороне от мужа, чтобы поскорее начать свою жизнь заново. И спасибо вам за то, что мне с вами так хорошо...

Даша некоторое время глядела на Ирину Владимировну почти с испугом. Но таким, как Даша, женщинам, не приспособленным к разного рода житейским бурям, проще кого-то спасать, чем самим спастись. Поэтому хрупкое личико Даши вскоре приняло выражение более чем решительное.

— Значит, так, — сказала она, — считайте, что у вас есть тот человек, к которому вы в любой момент можете прислониться! Я тоже тут сижу дома, ни за что мне браться уже не хочется, закисло, одним словом. И давайте начнем ходить по выставкам, как раньше я всегда ходила. У меня есть подруга Зина, тоже искусствовед по образованию, и хоть ни одной моей книжки она не дочитала, но зато кого хочешь расшевелит! И я ее за это очень люблю. Вот увидите, она вам тоже понравится!

Ирина Владимировна молча взяла Дашину руку и благодарно прижала ее к своему лицу. А затем вдруг тихонечко спросила:

— А хотите, мы с вами сейчас в одно местечко съездим..?

— Но уже ночь... — растерялась было Даша. — А завтра мы с вами сходим в Третьяковку! Я там тысячу лет не была!

— Да через час вы уже дома будете! И заодно проедемся по ночной Москве...

— Просто прокатиться хотите?

— Да.

— Ой, так неожиданно... Хотя это же здорово! А надо переодеться?

— Да просто накиньте на себя что-то сверху, чтоб не замерзнуть...

Когда они вышли на лестничную площадку, Ирина Владимировна вспомнила:

— А Дмитрий Иванович не будет искать вас?

— Он теперь полночи возле картины своей простоят! Еще ни одну работу свою он не признал законченной!

С Дорогомиловской улицы Ирина Владимировна вырвалась на набережную в сторону Воробьевых гор. «Как же красиво ночью ехать!» — восторженно подумала Даша. Она сначала, не отрываясь, глядела на призрачно белое, под фиолетовую тьму неба, здание Киевского вокзала, затем стала смотреть на разноцветные огни, отраженные в неразличимой бездне Москвы-реки... Когда машина, словно взлетая, легко устремилась вдоль Воробьевых гор, Даша вообще закрыла глаза, вслушиваясь в свою веселую тревогу, — вот же, убежала из дома, сама не зная куда! А машина минут через десять остановилась в глухом, плохо освещенном пространстве, вроде бы как среди огромного парка, где ничего не было, кроме совершенно немой и совершенно неподвижной тишины...

— Где это мы? — спросила Даша шепотом.

— Я в этом парке когда-то гуляла с подругами... — так же шепотом ответила Ирина Владимировна. — Это рядом с моим университетом...

— МГУ, что ли? Я тоже училась в МГУ... Но где же сам университет?

— А за деревьями тут не видно ничего...

— Даше выходить из машины страшно...

— Не бойся, на газ нажми и улети, как птичка! Но... Послушай! — Ирина Владимировна вдруг откинулась на спинку сиденья, впилась руками в руль. — Чувствую же, что-то не так... Как будто босая или вообще в ночной рубашке тут в машине сижу... А я же сегодня в первый раз и без водителя, и без охранника из дома выехала! Вот здорово! И в гараже

на это не обратили внимания... Почему?! Что ли я действительно уже свободна?

— Я не пойму, ты рада или не рада этому?

— Да я-то рада, но с непривычки как-то не по себе...

— Давай уедем отсюда, а то тут действительно жутковато...

И из машины я не стану выходить...

— А я выйду!

Впрочем, Даша тоже вышла из машины и сразу почувствовала, как тишина тяжело легла ей на плечи, на грудь, как словно бы споткнулась она об эту непривычную тишину. А все небо было усеяно звездами, такими же, как тишина эта, немые, неправдоподобными. Даша, себя не чуя, только щуря глаза, чтоб слезы не выступили, стала глядеть в звезды.

— Ты тоже плачешь? — спросила Ирину Владимировну, услышав, как та зашмыгала носом.

— Какая же я ненормальная... Среди ночи приехала в свою прошлую жизнь и думала, что с тех пор отсюда никто и не уходил, что увижу, как с занятием мои подруги идут... А тут просто ночь, такая ночь, какой я еще и не видела... Какая же я ненормальная!

И еще сколько-то минут они озирались по сторонам — Даша со своею, ей же самой непонятной, печалью, а Ирина Владимировна со страхом пред тою тьмой, в которой уже ничего родного было не узнать.

— Где-то тут, — вспомнила Ирина Владимировна, — я со своей подругой Светой лекции прогуливала, а ее ухажер приезжал играть нам на дудочке... Ах, как же я его слушала! Даже не помню, как эта тонюсенькая дудочка называется. Он в консерватории учился. А теперь не верится, что на своей дудочке он кому-то другому до сих пор играет... Не верится, что он продолжает жить своею, неизвестной мне жизнью...

— Никто теперь не живет... Все нормальные люди, как на вокзале, сидят и сами не знают, чего ждут...

— Все ждут...

Затем, не сговариваясь, нырнули они в машину и опомнились только тогда, когда из-под Бородинского моста выехали на Дорогомиловскую.

— Вот видите, потащили вас неизвестно куда... Даже не могу понять, в какой части парка мы там остановились... — сказала Ирина Владимировна совсем потерянно.

— Если не одна, а две дуры, то это уже и не дуры вовсе, а вполне нормальные люди, — сказала Даша. — Я всю жизнь вам буду благодарна за это наше приключение!

— И я вам очень благодарна...

— А хотите если, то оставьте у нас ночевать!

— Нет, у меня и так сегодня много чего произошло... Я сумасброд с непривычки... Да и завтра одна моя знакомая прилетает из Берлина, я должна буду ее сама встретить. И, кстати, может быть, и вы со мной попробуете картины заниматься? Вы ведь в этом так хорошо разбираетесь!

Даша, конечно же, с превеликой радостью согласилась.

...А Шадрин даже не заметил, как в мастерскую вошла его жена. Он с азартом прописывал темные контуры упругих стеблей травы на переднем плане «Князя Игоря», — так, чтобы часами можно было смотреть на картину и всего не пересмотреть...

...Сумарин же в этот вечер сначала лежал у себя дома на диване и никак не мог оторваться от только что купленной книги Патрика Бьюкенена «Смерть Запада». Его толстушка-жена, исхитрившись, наконец-то выхватила книгу из его рук и спрятала в карман своего широконосного халата.

— Верни немедленно! — со свирепой яростью вскричал он. — Если не вернешь, вообще ужинать не буду!

— Ну что ты как маленький, — певуче уговаривала его жена. — Сколько тебя просить можно? Дети тебя не дождалась, покормила я их и они спят. А нам, что ли, охота дожидать-

сч? Быстренько поешь и затем читай свою книгу хоть всю ночь! Ты же знаешь, что твой отец, если не с нами ужинает, то обижается...

— Ладно, ты только сразу и чай мне налей, чтобы осты-
вал! — согласился Сумарин, все же поддавшийся гипнозу
абсолютно ровной речи жены.

Но на кухне он задержался надолго. Потому что вдруг при-
нялся пересказывать жене и отцу все то, что уже успел прочи-
тать. Жена слушала его вполне спокойно. И только когда он
особо распался, отодвигала от него то чашку, то тарелку,
чтобы он не опрокинул. Отец же, кажется, не верил ни одно-
му его слову. Уже усохший, уже весь прозрачный, заметный
разве что безукоризненной белизною своих все еще густых
волос, он, упрямо склонившись над свежесколько запеканкой,
отделял от нее вилкою маленькие кусочки, отправлял себе
в непослушный рот и медленно жевал.

— Да ты или не понял? — Сын столь порывисто попытал-
ся заглянуть отцу в его невозмутимое лицо, что супруга еле
успела спасти розетку со сметаной. — Ты что ли не понял,
что американцы, как и все мы, тоже не знают, куда им теперь
идти?! Представляешь, их, так сказать, детскую органи-
зацию... ну, бойскауты у них есть... И вот Верховный суд
обязал этих бойскаутов принимать в качестве воспитателей
для детей — кого бы ты думал? Гомосексуалистов! А христи-
анские организации у них в университетах уже, так сказать,
запрещены, а организации, так сказать, противоположного
толку — разрешены! Значит, это не они с нами вели холод-
ную войну! Значит, сами они тоже кому-то проиграли! Ты
хоть понимаешь, что над американцами некто надругается
точно так же, как и над нами?!

— Это все пропаганда, — дожевывая очередной кусочек запе-
канки и медленно проглотив его, прозрачным голосом заго-
ворил старик. — Так и станут они сами себя уничтожать!
Югославию и Ирак — это пожалуйста, нас с тобою — это
не жалко... А себя им зачем уничтожать?

— Но не стал бы Патрик нам врать!

— Это они сами в себя превращаются. Сказано же в Писа-
нии, что блудливая дева будет над всеми царствовать... Вот
и выльплется из них та блудливая дева, которую они в себе
до поры до времени прятали.

— Да при чем тут дева! Это же их Верховный суд прини-
мает такие распутные решения!

— А ты думаешь, как последние времена настанут? Именно
по суду несправедному и будет объявлено их наступление.

— Ты, пап, как в церковь стал ходить, так и успокоился, —
одобительно сказала старику невестка. — А Витя чем дальше,
тем охотнее себе всякой ерундой голову морочит. Ну, что ему
эта Америка? Что он так над Америкой этой надрыдается?

Сумарин ничего не сказал, обиженный допил успевший
остыть чай и ушел дочитывать книгу. А старик, покончив
с ужином, принялся искать очки.

— Да вот же, на столе они лежат, — подсказала невестка.
— Вы только дайте мне телевизор включить, пока посу-
ду буду мыть.

— Не нужен тебе телевизор, — сказал старик. — Ты вот
послушай, что будет с этими телевизорчиками, когда Гос-
подь нагрянет...

Он открыл по закладке массивное, с огромными буквами,
Евангелие и сначала губами долго шевелил, а затем и стал
вслух читать: «И голоса играющих на гуслях, и поющих,
и играющих на свирелях, и трубящих трубами в тебе уже
не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника,
никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже
будет в тебе; и свет светильника уже не появится в тебе; и
голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе: ибо
купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим

введены в заблуждение все народы. И в нем найдена кровь
пророков и святых и всех убитых на земле...»

— Ах ты ж, Господи... — цепеная то ли от страха, то ли
от восторга, вымолвила невестка, и, чтобы старика не оби-
деть, далее стала она слушать молча его жутковато спокой-
ный голос.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, из которой стано- вится ясно, почему художник Шадрин должен был оставаться для олигарха Францова запретным.

На следующий день Ирина Владимировна, едва позавтра-
кав, засобиравшись уезжать. Но вдруг пришел ее водитель
и сообщил, что «мерседес» почему-то неисправен.

— «Эселька» моя неисправна?!

— Да. Я попробовал из гаража выехать, а мотор не фу-
рычит.

— А джип?

— Джип-тойота услан еще с вечера для тюменцев. И прие-
дут они сюда к Борису Сергеевичу к обеду. Остался толь-
ко джип-бээмвэ, но на нем сам Борис Сергеевич должен
ехать.

Татьяна Владимировна, расстроившись, набрала номер
вигоневского мобильника.

— Я даже не знаю, что делать, — сказала ей Вигонь. — Вашу
машину сегодня вообще еле отмыли, уж не могу придумать,
где вы вчера ездили на ней. Но никто не ожидал, что она
еще и неисправна окажется.

— Мне надо ехать в аэропорт! У меня подруга прилетает!

— По секрету вам скажу, — сказал вдруг Вигонь очень
и очень тихо, — что Борис Сергеевич, может быть, и никуда
не поедет сегодня. Потому как из Тюмени к нему именно
сюда прибудут люди для очень важного разговора...

— Вот я и поеду на его машине! Только без охраны и без во-
дителя поеду!

— Это как захотите, Борис Сергеевич велел мне теперь
уже не перечить вам. Но вы его хоть предупредите! А то
я же и буду во всем виноват.

— Сам предупредишь! Короче говоря, я тебя умоляю, ты
сам скажи ему, что на его машине я уехала! А он, если что,
с Мясницкой себе какую-либо машину вызовет!

«Он не тот человек, который может на любой машине ез-
дить», — должен был, как всегда, сказать Вигонь, но вместо
этого он с какою-то ледяной натугой спросил:

— Вы сию минуту уезжаете?

— Да нет уж. Хотела выехать пораньше, чтобы в парик-
махерскую успеть, но теперь торопиться некуда, через час
выеду прямо в аэропорт.

Вигонь сразу пришел к Францову и доложил, что Ирина
Владимировна, как и было задумано, выезжает в Москву
именно в его машине. Францов в ответ только кивнул.

«Ну и нервы же у него!» — отметил Вигонь, а заодно уди-
вился и собственному спокойствию. А вот же недавно, когда
приходилось именно Вигоню убирать слишком много знав-
шего и потому начавшего терять дистанцию Геру Пистона,
с ладоней у него пот ручьями стекал...

И все же, оставшись опять наедине с собой, Францов
не смог долго усидеть в своем кабинете. Спустился в холл.
Просто так. Некоторое время поглядывался по сторонам,
прислушиваясь к беззвучной жизни своего огромного до-
ма. И очень обрадовался, когда со стороны бассейна в холл
вдруг выкатились двое работяг в синих комбинезонах. Они,
увидев его, ступешались.

— Что там с бассейном? — спросил Францов вполне по-
отчески.

— Не стоило и тревожиться! — нарочито бодро и чуть ли не хором сообщили работяги. — Просто все время неправильно подогрев включал кто-то. Но мы опять его настроили. А теперь вот, по просьбе Ирины Владимировны, ее портрет перевесим к ней в зал. Не побеспокоим вас, если дремлю у хозяйки немного поскребем? Или подождать, когда уедете?

— Не побеспокоите. Впрочем... Впрочем, займитесь портретом минут через пятнадцать!

Теперь ему вдруг захотелось сидеть минуту увидеть портрет, на который он за все это время, оказывается, успел лишь кратко взглянуть, чтобы только убедиться, что художник его пожелание угадал.

А обнаружив, что к портрету теперь он поднимается по лестнице почти крадучись, Францов усмехнулся, сделал глубокий вдох, распрямил плечи...

«Ах ты, ж... какая она тут на нас глядит! — с беззвучной яростью затем вышептал он. — Вот, куринная голова! Сама же и не захотела, чтоб по-хорошему...»

Но Ирина Владимировна в ответ на эти его мысли никак с портрета не среагировала. Оставалась она посторонней для его внезапной ярости. Лицо Ирины Владимировны смутным белым пятном проступало из густой, запечатанной в массивную золотую раму, тьмы, так что не сразу он и разглядел ее то ли немножко удивленные, то ли даже обиженные глаза. А когда всмотрелся, то понял, что глядит она вовсе не удивленно и не обижено, а с какою-то хоть и не заживающей, но давно ею обжитой скорбью. Но и скорбь эта была едва различимой. Скорее это была даже не скорбь (ах, как же стремительно менялось ее лицо, пока он пристально вглядывался в него!), а испуг. Словно бы она вдруг вышла ему навстречу, как из некоего невидимого домика, из всех своих тайн, из всего, что было ему в ней непонятным, и замерла в ожидании...

Францов даже задохнулся, когда представил, как сегодня — в свой последний миг! — она вот так, как на картине, то ли вдруг попробует улыбнуться, то ли вообще не поймет, что с нею произошло...

— Борис Сергеевич, у меня все в порядке... — это Вигонь неслышно нашел Францова и тоже глянул из-за его плеча на портрет.

— Да что ты вечно толчешься возле меня! — вскрикнул Францов, а потом, придя в себя, сказал: — Прости меня, Слава, но ты иногда любишь чуть ли не в лицо мне вскарабкиваться...

— Я просто хотел доложить.

— Ну, доложил и теперь оставь меня в покое! Не твою же жизнь мы вот так кромсаем, а мою!

— Я понял.

Вигонь ушел, а Францов еще долго стоял в полном оцепенении; и когда очнулся, то лицо его истончилось до абсолютно прозрачной, как тонкое стекло, печали. Это вдруг ущипнула его нестерпимо больно вот эта догадка: «Хороша же... Как же она хороша!»

Так, еще будучи студентом, он, не доверяясь кипению крови, не доверяясь тому горячему жжению, которое он обнаруживал в себе, когда вдруг обращал внимание на чью-то очень уж примамчивые локоточки, на чью-то почти до стона стиснутую блузкою грудь, на глаза, вонзающиеся, как тонюсенькие иголки, он выжидал, выжидал из неперменной своей гордости. И, как истинный оценищик, сурово доискивался не до прелестей, а до изъянов. И когда Ира, со всех сторон и насквозь просверленная его взглядами, показала ему самую драгоценную, он дал волю и жжению в груди, и звону в ушах, и гулкому току крови в висках, но и рассудок при этом не терял, чтобы, значит, если

надо будет, можно было вынырнуть даже из этого своего сладчайшего наваждения, из самой первой своей любви и напрочь забыть о ней. До последнего дня он не переставал придирчиво всматриваться в Ирину, чтобы убедиться, что и с этой фишкой он не обманулся...

«Да даже она не заставит меня ее потерять!» — рассудил он уже более холодно.

И только после этого дал волю своей уже и жалости к Ирине Владимировне.

Уж теперь-то он подойдет к ней, давая волю любой своей вольной радости, любой своей печали, ничем не стесняя свое дыхание. Потому что — ради чего еще стоит жить? Он, оказывается, уже истосковался по дыханию, которого не чувствуешь, по мыслям, которых не замечаешь, по жизни, которую не надо толкать, тянуть, которая течет сама, как река...

И потом, без ожидания ее встречного взгляда, всегда то с испуганного, то восхищенного, то просто нежного, то, как в последние дни, беспомощно-ненавистливого, — в чьих глазах он сможет с такою же острой внятностью находить отражение собственной жизни?

Да, этот нищий художник всего лишь напомнил ему о том, что он сам всегда знал... А уж он-то может себе позволить не отказываться от собственной жизни! Может! Может! Может! И Франциску он деньгами уже так нагнул, что она сама найдет себе место при нем! И всех, кого надо, он уже нагнул! А сам никогда не нагнется! Никогда!

Все вот эти мысли — весьма причудливо спутанные (ну, такая у него жизнь!) — превратили Францова в тугую сжатую пружину. За секунду он влетел в свой кабинет, быстро набрал телефон Вигоня, а всего лишь мгновение помешкав (из уже привычной осторожности), он необыкновенно ровным и спокойным голосом сказал своему помощнику:

— Ты, Слава, только ничему не удивляйся. То есть сообще Ирине Владимировне немедленно, что ее «эселька» уже покинута. И действительно сделай так, чтобы машина ее была в порядке. То есть все отменяется. Ты понял?

— Да, я понял.

— Все, абсолютно все отменяется!!!

— Я понял.

— И тюменцев отмени. Скажи им, что встреча моя с ними на завтра переносится. Пусть погуляют по Москве. А еще лучше будет, если ты свяжешь их с кем-то из наших думских клиентов. Тюменцы эти думают, что за малые деньги можно заполнить лоббистов. Вот и пусть наших депутатов они подкормят. Ты только дай понять, что они по моей рекомендации.

— Это гениально. Я понял.

— Сколько тебе надо времени, чтобы я уже не беспокоился?

— Меньше чем за пару-тройку минут я из вашего джипа все уберу.

— И она уедет на своей машине?

— Не только уедет на своей «эсельке», но, как я понял, еще и обратно вернется. Так?

— Действуй!

Затем он позвонил Анне Аркадьевне.

А с нею было разговаривать проще всего. Потому что он знал, какие слова она от него ждет. Потому что она, будучи мудрой, всегда сама давала ему понять, что Ира ему нужна, что без нее жить он не сможет точно так же, как и без всего, что успел за свою жизнь приобрести, — без недвижимости в Лондоне, Париже, Сан-Тропе и Риме, в Альпах, на берегах Средиземного моря и Атлантического океана, покупаемой почти наугад, одного восторга ради, без хоровода имени-ных пресмыкателей, без денег, которым уже нет ни цены,

ни счета, которыми он привык пользоваться, как водой из крана...

— Другую такую Ирочку, я вам, Анна Аркадьевна, скажу, ни за какие деньги не купишь! — кричал он в трубку. — Я просто повелся немного, как подросток!

Анна Аркадьевна захлопала носом.

— Приезжай немедленно! — сказала она. — Не может быть, чтобы два умных человека не придумали, как им сделать счастливой самую родную для них двоих девочку!

— Еще никогда не было так, чтобы я чего-то захотел и не смог! — уже с прежней, но только очень и очень радостной уверенностью кричал он в трубку. — Я сам во всем виноват, но зато теперь у меня есть только одно-единственное желание! Зато теперь я знаю, как буду дальше жить!

— Жду тебя, Боречка! Жду! А Ира мне только что звонила, из аэропорта с Люсей она сразу ко мне приедет. Вот сегодня все и решится! Ты приезжай ко мне, и мы вместе в ноги ей кинемся! Она добрая душа, она копия ее отца, которого я теперь только и вспоминаю, она, я же знаю, больше склонна к тому, чтобы все только по-хорошему было...

— Я скоро приеду! — уже не помня себя, крикнул он и положил трубку.

Далее полчаса, не больше, понадобилось ему, чтобы сделать несколько быстрых звонков на Мясницкую, переодеться и спуститься в гараж. Водитель удивился, когда увидел шефа. Но ничего не сказал, сразу позвонил охранникам. И те догнали джип с Францовым уже у ворот.

Вигонь глядел из флигеля, как, на ходу застегивая плащи, охранники прыгают в машину. А когда ворота за ними закрылись, он сокрушенно покачал головой и вымолвил:

— Ну что ж, прощай, браток... То какого-то Геночку на работу по просьбе супруги ты взял, чтобы он удавился, то художника нашел, который и тебя, и твою жену ума лишил... Но есть люди и поумнее тебя! Да.

— ...А Ирина Владимировна уехала? — спросил Францов у водителя прежде, чем ощутил холодок тревоги в груди.

— Да, уехала. Сначала хотела она даже на вашей ехать в аэропорт, чтобы немку Люсю встретить, но Вячеслав Олегович сам пришел в гараж, всех поставил на уши, и «эселька» ее заработала. Хотя так никто и не понял, что с ней было. В первый раз я видел, чтобы хорошая электроника так себя повела. Наверно, когда мыли машину, вода в проводку проникла. А проводка подсохла, «эселька» сразу же сама завелась.

— Вот и хорошо! — Францов откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. И не без наслаждения понял он, что все, абсолютно все непонятное у него уже в прошлом, что это уже не он, а совсем другой, более внятный человек выезжает на Рублевское шоссе... Ах, как же ему хотелось поскорее обнять Иру и, может быть, действительно расплакаться, разрыдаться, чтобы в обильных и вольных слезах его растаяла вся та морока, которую до сих пор была полна каждая секунда его жизни!

Он даже рассмеялся этим своим мыслям. А затем сказал водителю:

— А что? Вот так живешь и не знаешь, что тебе на самом деле нужно!

Но водитель по-своему понял его слова и ответил так:

— Да уж в аэропорт Ирина Владимировна даже на такси готова была поехать. Очень уж запала она на эту поездку.

...Не дождавшись зятя ни через час, ни через два часа, Анна Аркадьевна позвонила ему, но мобильная связь оказалась выключенной. Тогда Анна Аркадьевна по своему обыкновению, чтобы только отвлечься, уселась у телевизора. Но, видимо, уже так она наводновалась, что сразу же

и задремала в кресле. И когда ненароком пробуждалась, то, экономя силы, старалась сон свой продлить.

Даже когда Ира с Люсей приехали и шумом своим ее разбудили, Бориса еще не было.

Люся вручала Анне Аркадьевне банки и коробки с разными чаями, что-то энергично и радостно ей говорила. Но Анна Аркадьевна после сна с трудом понимала ее плохой русский язык. Затем она, уже не обращая внимания на не умолкающую Люсю, сказала Ире, что свое мнение о Борисе переменяла, что Борис — человек золотой.

— И ты это скоро поймешь! Так что не спеши показывать ему свой характер! — заключила она.

— Мама, все будет хорошо! — воскликнула Ирина Владимировна с такою безмятежной радостью, что от сердца у Анны Аркадьевны сразу отлегло.

«Люся эта кого хочешь заморочит!» — решила она и с благодарностью взглянула на Люсю, которая с дикой иностранной улыбкой неотрывно глядела на нее. Впрочем, была она похожа скорее на американку, чем на немку. Не только улыбкой, но и густыми веснушками на лице, на шее, на морщинистых не по возрасту руках.

— Раз уж тебе так мой чай понравился, то переодевайся, в ванну зайди с дороги, а я заварю зеленый чай точно также, с промывкой, как в прошлый твой приезд, — сказала Анна Аркадьевна и не удержалась, обняла Люсю.

— О, чай! Чай пить! — зарадовалась еще больше Люся. И теперь даже глаза у нее по-американски диковато округлились.

— Вот и ты, Ира, учись у Люси быть всегда веселой, — Анна Аркадьевна и с Иррой еще раз обнялась. И вот так, обнявшись, услышали они, как теледикторша, которая, оказывается, все это время, как и Люся, не умолкала, вдруг посуровела и сообщила:

— А теперь вернемся к сегодняшнему трагическому событию на Рублевском шоссе. По только что поступившей к нам уточненной информации, от необыкновенно мощного взрывного устройства, сработавшего в машине бывшего замминистра Францова Бориса Сергеевича, погиб он сам и его водитель. Оба его охранника в настоящее время находятся в больнице. При этом состоянии одного из них оценивается как критическое. Взрыв произошел на выезде с Рублевского на Минское шоссе. При этом Борис Францов, как нам удалось уточнить, следовал из Жуковки в Москву без своей обычной машины сопровождения. Что свидетельствует о том, что у него не было повода предполагать о готовящемся на него покушении... А теперь наша справка. Борис Сергеевич Францов родился в Москве в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, окончил физико-математический факультет МГУ, кандидат физико-математических наук, в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году ушел в бизнес, политическую деятельность начал как сторонник политических и экономических реформ, принимал активное участие в поддержке Межрегиональной депутатской группы, был членом Верховного совета РСФСР, одним из наиболее заметных членов команды Гайдара, с уходом из правительства наиболее радикальных молодых реформаторов он вернулся в бизнес...

Когда Ирина Владимировна очнулась и более или менее осмысленно взглянула на мать, то в потемневших глазах ее сразу же прочитала нечто такое, что заставило ее испытать еще больший ужас.

— Ты? — наконец-то сумела вымолвить Анна Аркадьевна.

— Да как ты... как ты могла такое подумать!!! — Ирина Владимировна оттолкнула мать и в истерике стала метаться по комнате.

Наконец, забившись в угол, между окном и диваном, так что видны были только ее плечи, она завывала в голос. Анна Аркадьевна хотела было к ней подойти, но ноги ее стали ватными, и она осела на ковер, как, может быть, оседает искусно ликвидированное взрывниками многоэтажное, подлежащее сносу, здание.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, которая должна внушить читателю, что жизнь может быть только такою, какая она есть на самом деле.

Даша, узнав о случившемся от Сумарина, по такому случаю вдруг примчавшегося на Дорогомиловскую, сначала пыталась дозвониться до Ирины Владимировны. Но после того, как Шадрин вечером того же дня допросил следователь, она беспокоить свою новую подругу уже не решалась.

А дня через четыре ей позвонила немка Люся.

— Мне Ирен дать твой телефон, чтоб мы познакомится! И у нас будет обязательна встреча! Я в Москве задержаться еще на один день! Можно у нас с вами будет встреча? — прокричала она.

— А как там Ирина Владимировна? — не утерпев, спросила Даша.

— Ирен уже хорошо, и мама Ирен тоже хорошо! Но волнение сильно!

— Приезжайте в любое время! — невольно перешла на крик и Даша. — Предупредите меня по телефону, чтобы я дома была, и приезжайте!

— И еще Ирен просит, чтобы пригласить на нашу встречу господин Сумарин!

— Я его приглашу!

В назначенный Люсей день Сумарин приехал не один, а с отцом. Шадрин повел их в мастерскую. Старик, однако, смотрел не столько на картины, сколько на Шадрин. И все порывался ему что-то сказать. Но когда Шадрин склонился к нему, чтобы выслушать, он лишь беззвучно шевелил губами.

— Он очень волнуется! — шепнул Сумарин Шадрину. — А где же твоя супружница?

— Пошла немку встречать, чтобы та не заблудилась.

— Так что же ты хочешь Дмитрию Ивановичу сказать? — не выдержав, обратился Сумарин к отцу.

Тот пошамкал своим непослушным ртом, в прозрачных глазах его вдруг вспыхнул веселый огонек и, наконец, старик промолвил:

— Не думал я и не гадал... Да!

— Спасибо вам, — невольно заулыбался и Шадрин.

— Не думал и не гадал... — повторил тот. А затем, остановившись в центре мастерской, стал энергично оглядывать сразу все увешанные картинами стены.

Шадрин принес старику легкое плетеное кресло, усадил его и сказал:

— Мне Виктор Петрович о вас всегда рассказывает. И я хочу подарить вам какую-нибудь старую картину, из тех, которые вам когда-то, может быть, нравились. Хотите сами выбрать?

Но старик ничего не ответил, только веселый огонек в его глазах похлал и похлал.

Шадрин оставил старика в покое, чтобы выслушать сообщение Сумарина о том, как следственная бригада допросила также и его.

— А вдруг на нас все свалят? — спросил Шадрин как бы в шутку.

— Да ты не волнуйся. По телевизору сообщили, что убийцы уже нашли. Взрывное устройство прилепил один бывший

спецназовец. В Чечне он взрывником был. Ну, ноги ему и оторвало. А затем он стал именно на выезде с Рублевки побираться. Там иногда пробка небольшая образовывается, вот он и подкатывал к иномаркам на своей коляске. И, оказывается, в то утро видели, как спецназовец к французскому джипу на коляске подъезжал. Ну, якобы он и прилепил под машину какой-то очень уж чудовищный по силе заряд из пластида. Ты, что ли, телевизор не смотришь? А кроме инвалида арестовали еще двоих его бывших сослуживцев, которые иногда навещали его дома, а также одного студента, который в какой-то крутой патристической организации состоит. И следствие выяснило, что бывшие силовики чуть ли не войну олигархам объявили. Покушение на Франца — это только первое из задуманных ими акций.

— Я видел этого инвалида, — вспомнил Шадрин. — Даже не верится, что это он... Как будто уже и не живой он был...

Несколько минут они подавленно молчали. Затем Сумарин сказал:

— А я набрался наглости и позвонил Вячеславу Олеговичу, чтобы, так сказать, выразить свое соболезнование. Ну и о том, что нас с тобой уже допросили, тоже сообщил ему. Но тогда, по его словам, прорабатывалась даже версия, что в убийстве замешаны, так сказать, племянники отчима Ирины Владимировны. Якобы бизнес Францова на самом деле они контролировали. Вот уж, не приведи Бог, оказаться в таком бизнесе! Меня только за бензоколонки чуть не убили, а у Францова — миллиарды! Кстати, Вячеслав Олегович остается теперь при Ирине Владимировне. Я после допроса и ей позвонил, говорю, сейчас такие времена, что на оставшихся после мужа деньгах сидеть хуже, чем на бомбе. Ну и предупредил ее, чтобы поменьше доверяла тем, кто на ее мужа работал. А она сказала, что Францов своим Вигонем только помыкал, а настоящим мозгом был у него все-таки Вигонь. Вот она и рассчитывает, что все у нее останется по-прежнему... Хотя, как мне кажется, именно Вигонь теперь ее и сожрет.

— А мне показалось, что по характеру он — открытый и даже простоватый...

— Поверь мне, я покрутился среди этого типа людей и понял, что, так сказать, открытых надо опасаться больше всего. В глаза тебе он будет простоватого смотреть, а зубы его в это время будут тебя впиваться! Францов в сравнении с ним — надувший щеки мальчишка!

— Именно потому, что Францов даже перед нами так щеки надувал, мне его теперь очень жалко, — признался Шадрин. — И калеку жалко за его теперь уже, наверно, напрасное античное геройство.

— Да все мы думаем, такие-сякие крокодилы эти олигархи. А с любым человеком стоит познакомиться хотя бы мельком, сразу и будешь переживать за него, как за самого себя, — сознался и Сумарин.

В это время старик стал делать Шадрину какие-то энергичные знаки.

Шадрин подошел к нему.

— Я говорю, среди такой красоты, да прожить бы всю жизнь... От начала и до конца прожить! — сказал старик достаточно внятно.

Шадрин только руками развел. Затем вспомнил:

— А вы вот еще не знаете, что у меня теперь есть и исторический сюжет!

И указал на огромное полотно «Князя Игоря». Старик, сияя теперь уже всем своим прозрачным лицом, опять стал глядеть скорее на Шадрин, чем на его главное полотно. Собственная память старику была явно дороже, чем любая даже самая, может быть, приятная новость.

Затем пришли Даша и необычайно конопатая немка. Даша стала собирать чай в специальном, для гостей, просторном закутке мастерской, а Сумарин принялся показывать немке картины. Шадрин, как тень, ходил за ними, не без удовольствия вслушиваясь в восторженные восклицания иностранной гостьи. «В Европе так уже не могут писать!», — наслаждался шадринским триумфом и Сумарин. «Не могут!» — охотно соглашалась с Сумариным Люся. Наконец все устелись. Немка пожелала, чтобы старика усадили именно рядом с ней, но тот упрямо не оставил свою, видимо, очень ему понравившуюся диспозицию в центре мастерской. Вместо старика к немке подсел Сумарин. И сразу стал излагать ей предложения относительно возможной совместной работы. Шадрин как ни вслушивался в их разговор, даже к концу чаепития не смог понять, согласна Люся на совместный проект с Сумарином или не согласна. И переживал он скорее за Сумарина, а собственное будущее ему теперь казалось вполне сносным (он успел вычислить, что заработанных денег ему хватит, по меньшей мере, лет на тридцать!).

А когда Люся засобиралась на свою еще одну деловую встречу, вдруг приехала Ирина Владимировна. Изрядно осунувшаяся, бледная, без обычной своей прически, она выглядела как-то очень уж жалко.

Даша чуть не расплакалась, когда ее не без труда узнала.

— Ну, как вы? Почему нам не позвонили ни разу? — спросила она жалостливо.

— Дарья Леонидовна, — не удержала слез и Ирина Владимировна, — что же я буду вас занимать своими проблемами... Да и всегда хотелось, чтобы меня кто-то пожалел, а когда случилось все это, захотелось от всех спрятаться... Я, наверно, только тогда и приду в себя, когда всем надоест спрашивать, что теперь у меня на душе творится... А к вам вот приехала потому, что дома сидеть еще тягостней... Да и Света, подруга, услышала по телевизору мои новости и опять меня разыскала, а я дала ей ваш адрес... Это ничего, что и она сюда придет?

— Как вам можно дома кого-то дожидаться в таком состоянии! — сказала Даша. — У нас вы с подружкой и поживаетесь!

— Да и не хочется мне в Жуковку ее приглашать... И сама я туда не хочу возвращаться... Поеду от вас к матери, — призналась Ирина Владимировна. А затем спохватилась и спросила: — Я вот еще беспокоюсь, Люсе понравились картины или не понравились?

— О-о-о! Оцен! Оцен! понравились! — охотно отозвалась Люся. — Я один раз видеть в Лондон на выставка этот русский школа! Но этот самый лучший русский школа! Никто не поверит, что сегодня такой живописи есть! Очень! Очень живописи!

Сумарин просиял. Даша тоже зардовалась такому наконец-то определенному итогу встречи с торгующей картинами иностранкой.

— Значит, ты сама отберешь те картины, которые мы тебе затем привезем в Берлин? — спросила Ирина Владимировна.

— Нэт! Нэт! Это не можно продат, на это не можно получить заказ, — ответила та очень серьезно. — Человек простой боится так открыто публиковать свой чувств, а человек, который ничего не боится, привык ходить в маска. Поэтому я не могу продат картину твой друг. У нас так писат картина есть плохой тон. Надо прятат чувство, надо не быть голый.

— Не чувства они прячут, — с жаром шептал Шадрину в ухо Сумарин, почему-то вдруг ставший очень похожим

на своего старика-отца. — Это с Голгофы они уходят! С Голгофы! Уже не помнит Европа, как две тысячи лет на Голгофу со слезным восторгом взлезала! Все люди сегодня уходят с Голгофы! Големам нечего делать там!

— Но, Люсечка, это тебе только так кажется, что немцы испугаются этих действительно живых работ! — завопила Ирина Владимировна. — А они, как и ты, увидят картины и ахнут! Я расхожусь все беру на себя! Ты же сама говорила, какое сильное впечатление на тебя и на англичан произвела Лондонская выставка наших художников из «Москворечья»! Люся, я умоляю, ради меня попробуй!

— Я никогда не признаюсь тебе в свой провал. Это... это траурих... Я много купить «Москворечье» в Лондоне, я купить Кугач, я купить Чегадаев и много-много других художник. Но продат нет, никто не покупать у меня эта живопись! И Лондон любит смартерть, а не покупать!

— Да просто запрещено вам настоящими нашими художниками торговать! — воскликнул Сумарин с тем особым ожесточением, на какое способны разве что лишь очень несправедливо обиженные люди.

— Запрещено нет! — с таким же внезапным ожесточением возразила ему и Люся. — Мы свободна страна! У нас запрещать — есть плохой тон! Просто у нас не принято жить вчерашним днем. Ваш друг был бы великий художник вчера. Он такой, как очен старый мастера. Он не прогресс, не передовой! А у нас принято, что все завтра лучше, чем все вчера.

— Вот Европа! — опять с обычным своим мрачным восторгом зашептал в ухо Шадрину Сумарин. — Я тебе сколько раз пытался объяснить, почему твое время прошло, а она, Европа, вот так запросто все уже расставила по своим местам! Шлифует, шлифует Европа абсолютно все! До изящества доводит даже свое разложение и свой предательский уход с Голгофы! До изящества!

Люся, уже со всеми попрощавшись, затем вспомнила о старике и, заулыбавшись, подошла к нему.

— Мы с вами начинать прощаться! — сказала она старику.

— Я вот тоже сижу и радуюсь! — по-своему истолковал старик ее невероятно выразительную улыбку. — Среди такой красоты только бы и пожить!

— Оцен! Оцен красиво! — согласилась Люся и взяла руку старика в свои жилистые ладони.

— Ну, до свиданьячка. — Старик наконец-то понял, что она прощается. — А я, пока Виктор не торопится уходить, даст Бог, еще посижу...

Когда Люся ушла, Шадрин начал утешать Сумарина. А Даша принялась утешать Ирину Владимировну. А Ирина Владимировна стала утешать их всех. А Сумарин кулаком тер свое мягкое переносье, готовясь, видимо, высказать какую-то свою очередную очень важную мысль, но затем он вдруг предложил художнику:

— А давай сделаем у меня в салоне только твою постоянную экспозицию. Пока не прикроют. Я ничего не потеряю! Меня этот монах оптинский уже доконал... Читаю американца Бьюкенена и монаха оптинского вспоминаю. А на твоих картинах я, может быть, еще больше заработаю, если меня не прикроют. А прикроют — пойду преподавать. И еще буду, как Бьюкенен, книги писать. Расскажу, каких биороботов нам впаривает Бжезинский... Так что из-за немочки ты тоже не расстраивайся! Обойдемся без немецких дамочек!

И даже не заметили они, как с экрана телевизора, у которого Шадрин лет десять назад навеки отключил звук, Вигонь делал заявление о том, что убийство известного реформатора Францова — это, несомненно, результат пробуждения

вечного русского зла, что лично он вполне мужественно принял этот очередной вызов, брошенный всем либеральным силам страны.

Затем Шадрин догадался, что все столь усердно утешают друг друга лишь потому, что хочется им просто побыть какое-то время вместе. Или, по крайней мере, не оставаться в одиночестве именно в тот миг, когда стало одинаково ясно и неясно, как завтра сложится у каждого из них жизнь.

Уже приехала Света Панова, а они все еще продолжали стоять кружком посреди мастерской и о чем-то утешительном разговаривать между собой. Ирина Владимировна сразу же к Свете бросилась. А Света — уже не остроплечая студенточка, а эдакая крупная, очень статная тетка с крепкими руками, с широкими бедрами и с той уже навеки вызревшей снисходительной улыбкой, которая до сих пор, как панцирь черепахи, хранит многих русских женщин от любых житейских невзгод, — теперь такая вот Света стала гладить ее по голове, как ребенка. Одет была старинная подруга явно наспех, но — явно же и во все лучшее, редко ношенное, непривычное. Даже какой-то макияж она успела наложить на свое необыкновенно спокойное и простое лицо. Затем, отстранив от груди Ирину Владимировну на расстояние вытянутых рук, Света стала рассматривать подругу с тем выражением, с которым женщины вдевают нитку в иголку. Затем она позволила Ирине Владимировне, уже потерявшей рассудок от великих переживаний, продолжить жаркое объятие; затем, виновато оглянувшись на вдруг разрыдавшуюся супругу Шадрина, она усадила Ирину Владимировну на диван, и едва Даша успела убрать с этого дивана Бог весть как там оказавшиеся мотки шпата, сама уселась рядом.

— Я всегда мечтала с тобой встретиться... — прошептала Ирина Владимировна, как во сне.

— А мы все тебя вспоминаем, — сообщила Света как-то слишком уж просто и поправила верхнюю полурасстегнутую пуговицу на красивом черном костюме подруги.

— И Саша вспоминает?

— Какой Саша?

— С дудочкой...

— О, Господи! Она еще и Сашу помнит! Он же сначала пропал лет на пять, а затем у него с оркестром определилось и мы с ним и с его супругой хоть раз в год, но видимся.

— И на дудочке он играет?

— Да какие теперь дудочки! Мотается он по стране, чтобы хоть на концертный фрик себе заработать. А у нас с мужем швейное ателье свое. Он на карандашной фабрике работал. А когда я с подругами шитьем стала подрабатывать, он всю эту нашу самостоятельность превратил в целое предприятие, друг моих делал компаньоном. Так и крутимся. Сначала подвальчик он арендовал. А теперь и фабричку свою мы открыли в Подмосковье в бывшем военном городке, и магазинчики свои уже имеются.

— Я хоть деньгами тебе, если надо, помогу...

— А помогать мне уже не в чем, слава Богу, старшим мы и учебу оплачиваем, и квартиры им купили, и машины бэушные у них уже есть. Крутимся! И с бандитами, и с чиновниками научилась я все улаживать. Уж и не знаю, когда нам жить нормально дадут они. А дочку жалко в эту жизнь посылать. Уговорила я ее в Свято-Тихоновский институт поступить, учиться она вышивать золотом. Сначала сомневалась она, а теперь рада, что кругом нее люди все сплошь хорошие. Да и она у меня девочка домашняя, ласковая. А мне больше ничего и не надо в этой жизни. Прихожу домой, обниму ее и, бывает, сидим по полчаса, ни слова друг другу не говорим. Мне больше ничего не надо. Витька и Вовка у меня тоже парни добрые. Но их уже не обнимешь.

Внуков теперь от них ожидаем мы с мужем... А ты вроде бы как в холодильнике все эти годы хранилась. На лице какая была, такая и осталась. Только вот будто внутри тебя свинцом забальзамировали... Но, подруга, ты знай, что проходит всякое горе, даже твое, самое великое. Потому что жизнь наша всегда оказывается больше любого нашего самого большого горя.

— А я уже и не знаю, что у меня горе, а что не горе... — честно призналась Ирина Владимировна.

— Это, подруга, потому, что у каждого человека должно быть что-то большее, чем он сам. Жить человеку всегда для чего-то надо, никто еще не смог прожить жизнь просто так.

— Да я ни для себя, ни для кого-то еще не жила... Даже дети мои больше с охранниками были, чем со мной... И, как рыбы, уже в свою жизнь они унырнули. Я вот недавно опять приехала к ним, а у них уже свои дела...

— Ты, Ираша, человек хороший, мы всегда знали, что ничего новорусского из тебя не получится... А к кому это я приехала сегодня?

— Это мои новые друзья.

— Картины какие хорошие тут висят... А что, это он уже и меня рисует?

— Да не обращай внимания, он всегда что-нибудь рисует.

— Ты ж знаешь, как только кто-то обратит внимание на меня, так сразу и выясняется, что прическу я не успела сделать... Помнишь, как у меня колготки на щиколотках расплзлись, а мой будущий супруг вдруг сподобился нас с тобой до троллейбуса провожать. Я чуть от ужаса не умерла!

Они глянули друг на друга и рассмеялись, как раньше, когда обе были еще только хохотушками. И опять почувствовали себя такими родными друг другу, что Ирина Владимировна спряталась Свете под мышку, стала укрывать себя ее горячей рукой, а Света гладила ее по плечу и приговаривала:

— Ничего, подруга, мы с тобой кого хочешь пересмеём... Мы все наши болячки пересмеём! Я, чуть что не так у меня, сразу и вспоминала, как мы с тобой смеялись! Да и уже я вся высмеялась, мне уже ничего не надо...

Пока они вот так радовались окончанию своей долгой разлуки, Даша уже заново собрала чай, а Шадрин успел сделать карандашом несколько набросков к композиции своего будущего полотна, где над баррикадой из камней, деревянных ящиков и металлических прутьев (ах, из чего только не сооружали свои форпосты у здания парламента школьные учителя и участковые врачи, шоферы и преподаватели вузов в памятный 1993 год!) будет возвышаться не безумная аллегория «Свободы» француза Делакруа, не «Красавица Осом» из дома Абура-а японца Утамаро и тем более не по-большевистски бездушный идол американской «Свободы», а вот эта нормальная русская тетка, вот эта широкобедрая матрона с добрыми да ясными глазами, готовая ради своих детей на любую работу и на любой смертный шаг. Скольких вот таких же теток видел Шадрин рядом с собой, когда казалось ему, что стоит еще немного проявить свое упрямство и — зло, выгорев само в себе, истает, само «склонится ниц», а все эти гайдары да чубайсы разожмут свои клыки, утрут с губ остатки русской сукровицы, уползут в свои сатанистические бездны. Ах, как же стыдливо опускали глаза долу эти тетки, когда пытались их обезумить красноречием от крика Анпилов, когда Зюганов читал им свое сострадание наизусть и с выражением, как детский стишок, когда Жириновский и бывшие грушники по чьему-то зловещему... пытались превратить их в демонов. А они

никого от себя не шугали, верили, что только добрый политик может в их предсмертный час с ними рядом стоять. Потому что, как оказалось, были они теперь единственным живым человеческим веществом, из которого только и может нормальная жизнь выплестись...

Шадрина так увлек внезапный новый замысел, что он готов был поставить на пустой штатив первый попавшийся подрамник да и приступить к работе.

А Сумарин, оставшись предоставленным самому себе, решил помочь старику-отцу все-таки не потерять время и, раз уж выпало ему посетить мастерскую любимого художника, то не пропустить ничего мимо своего внимания. То есть Сумарин не без труда уговорил старика подняться с кресла, да и пригладиться к «Князю Игорю» попристальной.

— Это не просто пейзаж или портрет! Это уже высокий жанр! Ты только глянь, и сразу увидишь, как тут передано совершенно новое ощущение человеческого подвига! Это когда утешительная слава земная — уже невозможна, потому что земля уже вся покрыта тьмой, потому что человеку человека в этой тьме уже не увидеть... Это когда человек идет на подвиг только потому, что Бог есть!

Но старик, как капризный, не приученный к послушанию ребенок, на картину — самую огромную, выделяющуюся среди прочих особой тяжелой мрачностью — не всматривался, больше глядел он по сторонам, а затем, указывая пальцем на прислоненный к подножию штатива картон, воскликнул:

— Надо же так сосенки было написать! Какие шустрые сосенки тут притаились!

Расстроившись, Сумарин подозвал Шадрина, чтобы сам художник объяснил своему почитателю, что в мастерской нет ничего более значительного, чем «Игорь». Шадрин же рассеянно выслушал Сумарина, покивал головой и — устремил свой почти плачущий взгляд на Свету, потому как показалось ему, что голова этой женщины находится именно в том ракурсе, который ему нужен.

— Короче говоря, — заново приступил к своей просветительской работе Сумарин, — когда ты внашал мне, что картины Дмитрия Ивановича будут украшать школьные хрестоматии, то это, так сказать, было одно, а теперь началось новое осмысление образа родной земли, теперь вот эта тьма и есть самая точная да самая емкая русская метафора!

Старик, услышав о хрестоматиях, видимо, наконец-то понял, о чем ему сын пытается толковать. Детский восторг на его лице сменился, однако, на выражение даже более радостное. Сияя уже нездешним, как у ночных звезд, светом своих глаз, он воскликнул громко, на всю мастерскую:

— Христос тоже шагнул во тьму, а уже через три дня всем людям в глаза ударил свет Воскрешения Господа!

«Вот же какой старик... — потерянно догадался Шадрин, — теперь уж точно буду «Игоря» своего заново переписывать... Очень уж нарочита в нем безысходность!»

А Даша вдруг поняла, что если сияю же секунду все не усядутся за стол и не начнут пить приготовленный ею чай, то слова, сказанные ими сегодня друг другу, останутся висеть тут, как картины, и время не потечет дальше, и жизнь, какая она ни есть, в душе каждого человека уже не продлится...

Но чаепития не получилось. Уже все уселись за стол. Уже и старик изъявил желание чайком подкрепиться. И уже Ирина Владимировна, придвинув к себе чашку, вдруг вся преобразилась и с какою-то совсем безмятежной улыбкой сказала Свете:

— Вот, кого я еще сегодня должна сюда должна была бы позвать, так это нашу Галю Вишнякову... Почему-то тебя и Галю нашу все эти последние дни я вспоминала!

— Да, Галю теперь уже не позовешь, — сказала Света. — Мы хотели могилку ее хотя бы найти, но нет у нее даже могилки...

— Какую могилку?! — вскричала Ирина Владимировна, как ужаленная.

— А что ли ты не знаешь, что ее в девяносто третьем у Белого дома расстреляли? Господи, какая же я дура! Не надо было тебе этого сейчас говорить...

Ирина Владимировна упала к Свете на колени без чувств. А когда уложили ее на диван, она открыла свои уже мертвые, как у того инвалида, что побирался на выезде с Рублевки, глаза и сказала:

— Все, не буду вам больше мешать... я должна жить одна...

Затем она встала и, шатаясь, как пьяная, вышла из мастерской прочь. Все устремились за нею. Но она уже на лестнице с таким ожесточением и одновременно с такою мольбою велела им оставить ее в покое, что Света не выдержала, схватила подругу чуть ли не под мышку и потащила ее обратно. При этом Шадрин пытался поддерживать голову Ирины Владимировны, а Сумарин вроде бы как обеими руками держался за ее редкие, с необыкновенно изящно изогнутой подошвой, босоножки.

Разумеется, после многих дальнейших, всех окончательно утомивших, переговоров Ирина Владимировна выдохнула, что она им всем благодарна за участие, что могут они успокоиться. Угрюмо сидела она за столом и, держа чашку двумя ослабевшими руками, пила чай. Точно так же угрюмо Света спешила допить собственную чашку. А Даша глядела на них широко раскрытыми глазами и, моргая при каждом их движении, ждала неизвестно чего. Сумарин с Шадриным тоже померкли, курили и о чем-то мрачно переговаривались. И старик, приуныв, сидел за столом, как самый виноватый, к чашке своей не притрагиваясь, бормоча:

— Да... да... вот же как оно поперхнулось...

Именно в это время мне выпало оказаться на Дорогомиловской; разумеется, я решил заодно проведать и Шадрина. И очень удивился, увидев столько незнакомого, одинаково невеселого народа у него в мастерской. Но никто на меня не обратил внимания. Шадрин только едва кивнул мне, мол, садись, пей чай. И я, боясь помешать общему молчанию, стал ждать...

Затем Даша, оглянувшись на окно, и то ли испуганно, то ли уже радостно вскрикнула:

— Глядите! Глядите, какое необычное сегодня небо!

Все словно только и ждали этого ее (или хотя бы чье-нибудь) зова, быстро поднялись из-за стола, подошли к окну и молча уставились на пока еще белесое, но уже с ядовитой позолотой, небо, на город, словно из колючего сизого дыма сотканный. Распластавшийся до самого горизонта, город этот гудел и гудел каким-то бесстрастным, обреченным лишь на немоту, голосом, — так что впечатлительной Даше показалось, что и сама она, и, может быть, все люди уже давно живут, как навеки застывшие в янтаре мухи — эдакими досадными соринками. А кто-то, наверно, глядит на них сквозь небо, как сквозь лупу, и уже ничем им не может помочь. Потому что, начавшись где-то в прошлых веках живым, среди полей да лесов, ручейком, сама человеческая жизнь уже давно превратилась в лишенный всякого смысла и движения каменный океан...

Поразившись этим своим мыслям, Даша ухватила мужа за руку, а когда пальцы его вдруг ворохнулись в ее ладони, она, наверно, восприняла это как самое невероятное чудо...

Датков Жиколдай

Вновь за окном весной повеяло,
Цветет вечерняя заря.
Как хорошо сейчас в Дивееве
За стенами монастыря.

Там синь над храмом не колыхнется,
Покорно ничем ненарушим.
И многих горяшко услышится
Там, где почует Серафим.

Наверно, там сейчас моление,
Прижато к сердцу столько рук,
И от иконы «Умиление»
Свет разливается вокруг.

Колыбельные песни там пели не мне ли?
И не там ли я слушал напев лебеды?
Отшумели мои, отзвенели метели,
Облетели мои золотые сады.

Я туда, может быть, и вернусь, и приеду,
Может быть, я по улице нашей пройду.
Но никто уж меня не окликнет к обеду,
Лебеда за двором не страшит мою грусть.

Отцелована юность на зореньке вешней,
Я ее удержать не сумел и не смог.
Лишь на память остался лазорево-нежный,
Шитый жемчугом рос деревенский платок.

ВЕРА

Церковь разве могла лишь присниться
В этой Богом забытой дыре.
Он сюда приходил помолиться
Каждый день на вечерней заре.

Над речонкой в серебряном звоне,
На пригорке, где вербы цвели.
Каждый день в неизменном поклоне,
На коленях — почти до земли.

...Навозили и тесу, и жести,
Кирпичей навозили и плит.
Грянул день...
На намоленном месте
Нет его, а церквушка стоит.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Солнышку кто же не рад?
Хочешь, паши, хочешь, сей.
Встанет весною солдат
В ржавой шинельке своей.

Дома-то, братцы, милей.
Он не любимый ли сын?
Сколько в России полей,
Сколько лесов и долин!

Сколько пройдет городов.
Сколько пройдет деревень.
И под родительский кров
Встанет прозрачная тень.
«Слава Те...» Вот он пришел,

Вот прислонился к стене.
Невыносимо тяжел
Был его путь на войне.

Только от прежней поры
Здесь не осталось следа.
Там, где стояли дворы,
Глухо шумит лебеда.

Запах душистых берез,
Свежесть полноточной росы...
Не утирай ему слез,
Господи, в эти часы.

Знаешь Ты все о бойце.
Был он рисков и горяч.
Сядь на незримом крыльце,
С ним, если можешь, поплачь.

ОТЕЦ

Когда над Родиной набатом
Беда качнула небосвод,
Отец мой стал простым солдатом
В тот страшный сорок первый год.

Идя сквозь слезы, кровь и пепел,
Чье сердце гневно не дрожит?
Не знаю, где он пулю встретил,
Не знаю я, где он лежит

И чья рука его зарыла,
Песок или глину постеля.
Но знаю, что его могила —
Вся им спасенная земля.

«На суд Россию!» — слышен крик
Европы, позабывшей вмиг
Позор фашистского потопа.

Кричи, коль есть кривой язык.
Ведь если бы не русский штык,
То чем бы ты была, Европа?

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО

Спасское! Крылья взлетающей утки
Яблонный цвет прикрывает собой.
Хочется просто упасть в незабудки,
В их освежающий дым голубой.

Так и стоял бы я там на коленях
Перед водой, родниково-речной.
Слушал бы там, как с охоты Тургенев
Молча шагает по тропке ночной.

Сыпятся искры от звездного круга,
А на востоке синей и синей.
Чу! Не оттуда ли, с Бежина луга,
Смех ребятишек и ржанье коней?

Липы в усадьбе столпились у входа,
Ясень прикрыв молодые кусты.
Боже! Какая живая природа,
Сколько здесь райской почти красоты!

Нет, это все сберегли не случайно —
В соре, в распыле, в войне, в грабеже.
Родина духа!
А дух — это тайна,
Та, что заложена в русской душе...

Выпито это вино,
Крылья исчезли в эфире,
Даже касаться грешно
Струн на есенинской лире.

Многим, увы, невдомек,
Как засекречены звуки.
То, что нашел паренек,
Это в одни только руки.

Тот светозарный венец
Столько в тоске примеряли.
Смолкли,
поняв наконец,
Сколько они потеряли...

НЕКРАСОВ

Вновь зарождение классов
В смятении лихом...
Мне стал родней Некрасов
С его простым стихом.

Какая бы погода
Ни застила нам свет,
Но ближе у народа
Заступника и нет.

Почти изъяли в школе.
А в строчках, ты взгляни,
Почти про наши боли,
Почти про наши дни.

Какой светильник чести!
Друзья! Почтим его.
Сегодня мы все вместе
Не — стоим одного.

В краю, где столько яблонь, ягод,
Церквей, музеев, хлебных нив,
Сегодня столько грустных тягот,
Что думаешь: ужель не миф
Вот эта жизнь,
где корка хлеба
День ото дня вдвойне горчей,
Где только синь родного неба
Еще бесплатна для очей?

Какая странная картина,
Но в ней-то и таится суть,
Мать со слезами молит сына:
«Езжай, сынок, куда-нибудь...»

Не героями в раме,
Не кремлевскими башнями —
Русь держалась веками
Деревнями да пашнями.

Корни прочные, древние.
Ни срамного, ни пошлого.
Родом все из деревни,
Из далекого прошлого.

И не будет иного.
Дым в субботу над банькою,
Что бы ни было, снова
Встанет Ванькою-встанькою.

Сколько бед пересилили,
От земли по природе мы.
Без деревни в России —
Все равно что без Родины.

За село,
где гуляла гармошка,
За сирень
у родного окошка,
За синичку
на тоненькой ветке,
За погост,
где лежат мои предки,
За приставший снежок
лебединый
На простом каблучке
у любимой... —

Мне ли не знать,
за что умирать?

ЧАША

В надзвездном царственном эфире,
Где дух на троне, а не плоть,
Один, один безгрешный в мире
Всемиловитый наш Господь.

В руках, как дивное сказанье,
Наполненная по краю
Сияет чаша со слезами,
И это Родина моя.

25 января 2005 г. в «Татьянин день» 250-летия МГУ им. М. В. Ломоносова и определения его отныне Президентом РФ «Днем студентов», — отошла в вечность благороднейшая из москвичек Валентина Яковлевна Данильченко-Данилевская, — действительный член Дворянского российского собрания, ответственный секретарь историко-патриотического общества «Потомки участников войны 1812 г.»; биограф и правнучка русского духовного мыслителя Н. Я. Данилевского (1822–1885), принадлежащая и к роду великого духовного церковного писателя святителя Игнатия (Брянчанинова) (1807–1867).

Замечательнейшая женщина современного потомственного дворянства была в единодушии и единомыслии с лучшими людьми России, деятельно-патриотично мыслящими соратниками вечной «русской идеи», в высокодуховном православном подвижничестве и просветительстве. Она обладала наследственным историко-философским литературным пером, врожденным чувством историзма, реализма, патриотизма, православного вероисповедания и верности заветам своих именитых и знаменитых предков, родовая генеалогическая связь с которыми ею была доказана по архивным документам за 400 лет. Она была аристократкой духа — духовной максималисткой, — обладала мудростью опыта и чувством духовного достоинства при поразительной красоте ее души и внешности. Единство духа, которое связывало ее с соратниками на ниве духовного патриотизма, связало ее в писательском соавторстве с «сестелями» и «деателями» на ниве образования и духовного просвещения в многочисленных опубликованных научно-литературных трудах о своих досточтимых предках, о проблемах российского консерватизма, о теории локальных цивилизаций. Говоря словами Ф. М. Достоевского, она «благодарила Провидение за честь принадлежать к народу русскому». Пушкинская «любовь к родному пепелищу» и к отеческим гробам» привела ее к мысли возродить историческую, духовную память и научное историко-философское достоинство великой книги «Россия и Европа» (1869 г.) Н. Я. Данилевского, воспевавшего «идеал красоты человеческой — русский народ», по мысли Ф. М. Достоевского, с которым, заметим, в идейном дружестве находился Н. Я. Данилевский.

В ПАМЯТЬ

Нашими обоюдными усилиями в мае 2001 г. в МГПУ была созвана на высоком научном, духовном, культурном и организационном уровне 1-я Международная научно-практическая конференция «Идеи выдающегося ученого-энциклопедиста Н. Я. Данилевского и реалии современного мира», посвященная 130-летию первого книжного издания (1871 г.) — «Россия и Европа». Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому, и подготовленная факультетом романо-германской филологии и кафедрой социально-гуманитарных наук МГПУ. Это была первая в Москве научная конференция по духовно-научному наследию Н. Я. Данилевского, объединившая более 50 ученых, послуживших своим умом и сердцем восстановлению связи времен по воскрешению имени великого философа с мировой известностью, патриотизм которого был «безграничным, зорким и неподкупным» (Н. Н. Стахов). В своем итоговом слове Валентина Яковлевна благословила участников — ученых и студентов — на развитие генеральных и спасительных для Отечества идей, выдвинутых в цивилизационной теории и не утративших своей актуальности, — Н. Я. Данилевского, верного сына России. Видится промыслительным и тот факт, что эта конференция состоялась

в молодом педагогическом университете (1995 г.): воспитывая будущих учителей на примерах жизни и творчества наших замечательных соотечественников, таких, как Н. Я. Данилевский, можно смотреть в грядущее с верой в то, что и они в своей педагогической деятельности будут сеять Разумное + Доброе + Вечное!

Валентина Яковлевна осознанно и действительно считала, что надо помогать лучшим людям Москвы продвигать на практике народного воспитания и образования великие теоретические мысли грядущего воскресения Отчизны согласно цивилизационной теории основоположника философского учения о культурно-исторических типах Н. Я. Данилевского, — поэтому она и дарила свое имя и время жизни помимо общества «Потомки участников войны 1812 г.» историко-патриотическому обществу «Наследники Александра Невского» и всероссийскому форуму «Глинские чтения», «Международным Рождественским образовательным чтениями», общественно-консультативному Совету при Департаменте образования города Москвы «Образование как механизм формирования духовно-нравственной культуры общества». Как «блокадница», она сотрудничала с «Ассоциацией блокадников», землячествами — Вологодским, Липецким, Крымским. Непосредственно перед кончиной ее люботрудное сердце предпринимало заслуживающие продолжения конкретные усилия по созданию памятника на могиле Н. Я. Данилевского в Крыму в его поместье в Форосе. Она изучала богословские труды ее сродника — святителя Игнатия (Брянчанинова). Валентина Яковлевна не почивала на лаврах, а воздавала им честь, память и поклонение их святым идеалам, своими делами и молитвами, оставаясь верной заветам предков, и высоким жизненным принципам благотворительности, милосердия и справедливости в благородной простоте и блистательной искренности душевного величия. Нас связывали интересы духовно-творческой дружбы, сердечности, бескорыстия в поклонении святым высшим идеалам: именно на примере ее многотрудного жизненного пути можно проследить пути воспитания патриотической личности. Как настоящая русская женщина она создала любящую семью: воспитала двоих дочерей и трех внуков, посадила великолепной красоты сад и «возделывала сад своей души». Как ее духовная сестра и душеприказчица могу свидетельствовать, что она «не за честь, а за совесть» была в авангарде патриотической интеллигенции с традицией СЛУЖЕНИЯ роду — наро-

¹ (словарь В. Даля = наследованные от Отца или от предков дом, жилище, земля). У сербов вместо слова «патриотизм» используется «родолюбие» — истинная любовь и верность роду, народу, вере.

ду — Родине: «Если в душе христианина ярко горит пламень патриотизма, он сам найдет пути для проявления своей любви к Отечеству», — такой заповедью схиархимандрита Иоанна (Маслова) руководствовалась Валентина Яковлевна в своем общественном духовно-патриотическом служении.

На одном из горельефов храма Христа-Спасителя изображен преподобный Сергей Радонежский, благословляющий Великого князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву, справа от него изображен боярин Михаил Бренко, любимый наперсник князя, «душу свою положивший за други своя» — в одеж-

де Великого князя он героически погиб на Куликовом поле, а его род впоследствии дал Отчизне будущего святителя Игнатия (Брянчанинова). Вспомним, что 2005 г. является годом 625-летнего юбилея Куликовской битвы, «Поля Куликова»... но и на поле великого ратного подвига по сей день уничтожаются и жгутся кресты нашими одичавшими современниками «без Бога в сердце, без Царя в голове»?!

В мае 1876 г. в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский выразил свои сердечные чаяния на будущее обновление России, связывая их во многом с РУССКОЙ ЖЕНЩИНОЙ, как более стойкой

и надежной хранительницей русской духовности, и отметил, что она гораздо более мужчины «верна чистому поклонению идее». На такую вот женщину и возложил великий Достоевский свою огромную надежду «духовного обновления и нравственного возвышения нашего общества». И по его же мысли: «Лучшие люди — это те, перед которыми мы вольно преклоняемся. Но которые и заставляют поклоняться!»

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ рабе Божией
Валентине Яковлевне Данильченко-Данилевской

(13. XI. 1935–25. I. 2005)

Лариса МАКСИМОВА

Как активный член АКИРН (Ассоциации по комплексному изучению русской нации) под руководством профессора Е. С. Троицкого, доктора философских наук, академика МСА, Валентина Яковлевна Данильченко-Данилевская принимала деятельное участие и в его секции «Философские проблемы русской нации и славянства» Российского философского общества (РФО) РАН. Она писала тезисы доклада к IV Конгрессу РФО в мае 2005 г. в Москве, но Бог судил иначе...

Мы предлагаем услышать её голос по тезисам к III Конгрессу РФО в сентябре 2002 г. в Ростове-на-Дону, опубликованным в I томе 4-томника «Тезисов IV Конгресса РФО»

Валентина Данильченко-Данилевская 2002 г.

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

В час раздора, сомнений, тщеты, беспредела и комедианства

Ты восстал у последней черты, очистительный гений Славянства.

Л. С. Шершнева. «Ключ Данилевского» Крым, 1999 г.

Почти 100 лет имя русского мыслителя, естествоиспытателя, публициста не вспоминалось: в энциклопедических словарях он был наделен уничтожающими эпитетами людьми, не сумевшими понять сути идей, нужных для нормального бытия русского человека и истинного понимания истории. Сейчас идет возрождение русского национального самосознания, славянского единения, которое будет ядром, основанным на общей истории и традициях самобытной Святой Руси. В 1987 г. по настоянию родственников отделом культуры Крыма в поселке Мшатка была установлена мемориальная доска в том месте, где жил, работал и был похоронен Н. Я. Данилевский. Исторический музей г. Ялты запросил у потомков некоторые документы Данилевского. В 1991 г. в Москве была переиздана его книга «Россия и Европа» по изданию за 1871 г., составитель С. А. Вайгачев (90 000 экз.). Следует подчеркнуть, что западные историки этой книгой интересовались намного раньше: в 1890 г. книга «Россия и Европа» была издана на французском языке, в 1920 г. — на немецком, в 1966 г. — на английском, в 1994 г. — в Белграде на сербскохорватском языке. В 1995 г. она переиздается в Санкт-Петербурге по изданию за 1895 г. с портретом автора, его биографией, написанной Н. Н. Страховым, и предисловием составителя 6-го издания А. А. Галактионова (14 000 экз.). В 1998 г. переиздаются и политические статьи Н. Я. Данилевского под названием «Горе победителям», составитель А. В. Ефремов (3000 экз.). Официально научное изучение трудов Данилевского началось в Крыму Центром гуманитарных исследований (КГПИ): с 1994 г. ежегодно стали проводиться «Чтения Н. Я. Данилевского». Отделом культуры Крыма была учреждена премия имени Н. Я. Данилевского. 25.05.1996 г. была восстановлена могила славянского философа, которая в 30-е годы XX в. была залита бетоном, и на этой площадке разместились туристы.

22.05.1997 г. рядом с могилой был освящен камень в фундамент будущей часовни Николая Чудотворца, а мэром г. Ялты было зачитано покаянное письмо от современного поколения. В день 175-летия со дня рождения ученого — 10.12.1997 г. — прошли конференции и вечера памяти: в Крыму (Форос), в Липецке (Департамент науки и образования) с посещением села Обереч Липецкой области (место рождения философа). В Санкт-Петербурге этой дате было посвящено творческое заседание Русского Философского Общества им. Н. Н. Страхова. В Москве 25.11.1997 г. были проведены чтения, в которых приняли участие: Всемирный русский народный собор, Правление Союза писателей России, Московское городское объединение архивов. 17.03.1998 г. прошел вечер, посвященный его памяти в Российском фонде культуры. 10–11.12.1999 г. в Липецке была созвана научная конференция ученых и общественных деятелей Крыма и Липецкой области: в ЛГПУ состоялась конференция, в Краеведческом музее была развернута выставка по творческому наследию Н. Я. Данилевского. Ученые договорились о совместной работе по восстановлению исторической памяти Данилевского и использованию его трудов в духовном единении однокорневых и единоверных народов, для укрепления государственности России, Белоруссии и Украины. 29.05.2001 г. впервые в Москве, в Московском городском педагогическом университете (МГПУ) состоялась 1-я международная конференция «Идеи выдающегося русского ученого-энциклопедиста Н. Я. Данилевского и реалии современного мира» (авторская программа конференции была разработана профессором Института истории РАН Б. П. Балуевым), на которой было представлено около 50 докладов. Результаты конференции были освещены в «Вестнике МГПУ», № 1 (2), 2002 г. в обзорной статье «В память о прошлом и с верой в будущее», а к 10 декабря 2002 г. был издан юбилейный сборник научных статей по проведенной конференции. Московское правительство по инициативе фонда «Память мучеников и исповедников РПЦ» и ряда ученых зарегистрировало научное учреждение «Институт славянских исследований им. Н. Я. Данилевского», которое в декабре организовало чествование 180-летия со дня рождения, собравшее истинных его почитателей, с изданием тезисов докладов. В юбилейный год появилось еще три издания «России и Европы», подготовленные разными издательствами.

* * *

Р. С. «Институт славянских исследований им. Н. Я. Данилевского» предполагает переиздать экономические статьи славянского философа и 2-томник «Дарвинизм. Критическое исследование» в рамках подготовки «Полного собрания сочинений Н. Я. Данилевского»; а также, что памяту православному подвижнику и биографу-правнучку Валентине Яковлевне Данильченко-Данилевской, подготовить сборник её статей с разработанным ею генеалогическим древом рода Н. Я. Данилевского и святителя Игнатия (Брянчанинова) со старинными и современными фототрафиями семейного архива, воспоминаниями родных и соратников-единомышленников.

ВПЕРЕД!

ГРЕНАДЕРЫ,

О Великой Победе над фашистской Германией поэты и писатели написали много проникновенных стихов и правдивых рассказов; о трудных боях и фронтовых дорогах слагаются песни и былины. Казалось, что тема войны и победы уже давно исчерпана и закрыта, но нет. Из поколения в поколение передаются воспоминания тех людей, кто был участником и очевидцем войны. Да, ещё долго мы будем прославлять подвиг советских людей, отвоёвавших свою свободу и независимость. Мы просто обязаны это делать.

И вот грянула великая дата — 60 лет Победы в Великой Отечественной войне. Весь наш народ готовился отметить это событие. Учащиеся и педагогический коллектив школы № 3 г. Строитель также принимали активное участие в таком торжестве. К этой дате мы обновили экспозиции в школьном Музее боевой славы, провели встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, организовали акцию «Подарок ветерану»; отряд юнармейцев в смотре-конкурсе занял 2-е место, школьники приняли участие в вахте памяти и многие другие дела, которые были подготовлены в честь исторической даты.

Когда мы получили сообщение о проведении Всероссийского конкурса «Гренадёры, вперёд!», активно в него включились. Нам, жителям Яковлевского края, есть о чём рассказать. Ведь мы живём на героической земле, омытой кровью в суровом 1943 году. Наша земля — это памятник победе, здесь распрямилась Курская дуга, здесь возстал Прохоровское поле. Наша история — это подвиги лётчиков, танкистов, артиллеристов, партизан, медиков...

В номинации «Литературное произведение о боевой дружбе и офицерской чести в годы Великой Отечественной войны» участвовали учителя русского языка и их воспитанники: Зубова В. П. — «Мужество танкистов» Зубовой Е., 9 «Г» кл.; Душина Е. И. — «Второе рождение солдата» Винакова С., 11 «В» кл.; Воложитина Т. Н. — «О боли не кричат...» Дровникова М., 9 «Д» кл.; «Как мало нужно для счастья» Панкова Е., 9 «Д» кл. Все участники получили Дипломы победителя.

Учитывая, что школа работает и по оборонно-спортивному профилю, я, как курирующая этот профиль, решила вместе с учащимися тоже принять участие в этом конкурсе и рассказать о памятных местах, расположенных вдоль трассы Москва — Симферополь. В назначенный день весь 10 «Д» класс выехал по местам боевой славы. Мы посетили всё: Прохоровское поле, мемориал «Курская дуга», памятники Герою Советского Союза танкисту Вольдемару Шаландину, Герою Советского Союза лётчику Александру Горовцу, «Катюша» — артиллеристам; братские могилы на х. Крапивенские Дворы. Ребята расчистили снег на могилах, возложили цветы и венки. А потом рассказали об этом в своей газете «Память» — не забываются на нашей земле святые места...

Итоги конкурса были подведены 6 мая 2005 года при участии писателей-ветеранов, полномочного представителя Президента РФ по Центральному федеральному округу Г. С. Полтавченко, представителей Совета Федерации и Государственной Думы РФ.

Вызов в Москву пришёл неожиданно — во Всероссийском конкурсе «Гренадёры, вперёд!» в номинации «Художественная реконструкция основных битв Великой Отечественной войны» за газету «Память» оборонно-спортивный профиль

школы № 3 г. Строитель занял 3 место. По условию на чествование должны выехать руководитель и один ученик.

Посоветовавшись с учащимися этого класса, мы решили, что вместе со мной поедет Гречихина Елена, потому что эта девушка — достойная кандидатура. Она — участница областных соревнований «Зарница», «Армия. Родина. Долг», прекрасно разбирает и собирает автомат, прыгает с парашютом, смелая, честная и добрая.

В Москву мы отправились ещё с двумя участниками из других районов нашей области, которые также стали победителями в данном конкурсе. В номинации «Художественная реконструкция основных битв Великой Отечественной войны» работа «Поле боя» заняла 2 место. Эту интересную экспозицию подготовили ребята из СЮТ г. Губкина Чуриков Е., Борисенко С., Коротаев А., и их руководитель Малахов Н. А., очень увлечённый и преданный своему делу педагог.

В номинации веб-страничка Волоконовский район ЦДТ «Ассоль» занял 3-е место. Остапенко Сергей и его руководитель Будько И. А. создали свой сайт, где предоставили содержательный и очень интересный материал о ветеранах Великой Отечественной войны, проживающих в районе; о городах-героях и памятных местах Белгородчины.

*Пускай назад история листает
Страницы легендарные свои.
И память, через годы пролетая,
Ведёт опять в походы и бои.*

Москва встречала нас гостеприимно и дружелюбно. На торжество из 20 регионов России прибыло множество детей и их руководителей, а всего 1500 участников! Ганичева Марина Валерьевна и её команда журналистов отнеслись ко всем с глубоким уважением и признательностью за участие в этом конкурсе. Каждое присланное сочинение, творческая работа — это отражение детской души, это продолжение памяти наших отцов, дедов. Если мы будем помнить всё это, значит, мы сможем спасти нашу Родину.

Торжественная часть прошла на высшем уровне. В зале Союза писателей России нас встречал духовой оркестр, на входе стояли гренадеры. В зале организована выставка самых интересных детских работ. Здесь можно было увидеть макеты боевых машин, сражений, памятников. В каждой такой работе — частичка души ребёнка, его руководителя. Смотришь и думаешь: есть, есть продолжатели великой Победы! На самом видном месте мы увидели свою газету «Память». Здесь для нас она была частичкой родного края, а с фотографий смотрел весь оборонно-спортивный класс, ребята как будто нам говорили: «Мы с вами!»

Кроме этого, участников торжества привлекла выставка факсимильного издания рукописного подлинника «Тихого Дона» М. А. Шолохова.

Но самое интересное — чествование победителей конкурса. В торжественной церемонии награждения приняли участие первый заместитель Председателя Госдумы ФС РФ Любовь Слиска, заместитель председателя Госдумы ФС РФ Артур Чилингаров, писатели-фронтовики — Герой Советского Союза, заслуженный лётчик-испытатель СССР Иван Водерников, лауреат Государственной премии РСФСР Семён Шуртаков, лауреат премии «Сталинград» Семён Борзун, Ямил Мустафин, а также участник боевых действий в Чечне Виталий Носков, Владимир Крупин, поэты Владимир Костров, Анатолий Парпара, Константин Скворцов, президент группы компаний «Гренадёры» В. И. Гаврилов, заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора, Председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев и многие другие. В зале царил обстановка торжества, добродушие и тепла. Каждого участника встречали с улыбкой, говорили много хороших слов. Здесь же зачитывались отрывки из самых лучших детских сочинений.

Все победители получили ценные подарки. За 2–3-е места нам подарили магниты, именные наручные часы, Дипломы победителя, книги известных русских писателей.

Среди награждённых были учащиеся общеобразовательных школ, гимназий, станций технического творчества, кружков, курсанты суворовских училищ, кадетских классов. Но представительница прекрасного пола оборонно-спортивного профиля Гречишина Елена была одна.

Мне по долгу своей работы приходилось очень часто принимать участие в мероприятиях патриотического значения районного и областного уровня. В нашем регионе этому уделяется достаточно большое значение. Но здесь, в столице, мне было особенно приятно, что Москва протянула руку глубинке, чтобы вместе, всей Россией заниматься делами, направленными на воспитание личности, преданной своей Родине, родному краю, желающей и умеющей сохранять и продолжать лучшие традиции своего народа.

Организаторы данного мероприятия Союз писателей России, Группа компаний «Гренадёры», Министерство обороны РФ, журнал «О Русская земля», Федеральное агентство по образованию смогли выявить таланты из глубинки и организовать для них большой праздник, который надолго останется в памяти детей. Ведь после торжества мы посетили Красную площадь, Кремль, мы побывали в Третьяковской галерее и Бородинской панораме. Все победители Всероссийского конкурса «Гренадеры, вперед!» на этом не остановятся, каждый будет продолжать начатое им дело: творить, чтобы помнить.

С конкурса все дети уезжали с прекрасными воспоминаниями и хорошим настроением. Мы протянули Москве руку дружбы, она ответила нам добрым рукопожатием.

**Т. Н. Нестерова, заместитель директора по УВР
СОШ № 3 г. Строитель Белгородской области.**

Наталья ЗАГОРУЛЬКО
ученица 7 кл. ГОУ СОШ № 5 п. Красочный

«Я РОССИЙСКОЙ АРМИИ СОЛДАТ»

Строевая песня

У меня четыре брата. Два из них служат в рядах Российской армии: Сергей — в пограничных войсках в городе Железноводске, Владимир — курсант Военно-космической академии имени Можайского в городе Санкт-Петербурге. В этом году младший из моих братьев — Андрей — тоже станет солдатом. Мы с мамой сочинили песню своим солдатам, чтоб они с ней строем шагали солдатскими дорогами. А музыку к песне написала Л. П. Пирогова, учитель музыки ГОУ СОШ № 5 п. Красочный.

**Я Российской армии солдат!
Шлю привет тебе, любимый брат!
Я служу, и этому я рад!
Я Российской армии солдат!**

**Припев:
Не плачьте, девчонки!
Не грустите, сестренки!
Мы вас защитим,
В обиду не дадим!
Мы день и ночь
На страже Родины стоим.**

**Мне любое дело по плечу,
Офицером очень стать хочу!
Чтоб страну родную защищать,
Чтоб врагу отпор надежный дать.**

Припев:

**Скоро, брат, ты в армию уйдешь,
Здесь друзей надежных ты найдешь.
Будешь тоже, как и я, служить
И солдатской честью дорожить.**

Припев.

Береснева Екатерина, 14 лет, ученица 9 «Б» класса средней школы № 2 города Котельнич Кировской области. Занесена в Книгу Чести школы как лучший командир поискового отряда. Уже несколько лет посещает православную воскресную школу при Никольском храме г. Котельнича. Принимает ежегодное участие в Почетном карауле у памятной доски выпускника школы Белых Дениса, десантника Псковской десантной дивизии, павшего в Чечне. Проявляет активный интерес к русской истории, славному боевому прошлому России и боевым подвигам вятчан.

ЕКАТЕРИНА БЕРЕСНЕВА

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Ореолом немеркнувшей славы освящено имя святого благоверного князя Александра Невского. И не только доброе имя защитника Отечества, но и удивительная личность его привлекает внимание потомков. История сохранила много сведений о жизни и деяниях князя, а в произведении иконописца дошел до нас и его облик. В Покровском соборе в Москве находится замечательная икона Александра Невского в житии, написанная в XIV веке для кремлевской церкви Св. А. Невского. В центре на золотом фоне высокая фигура в монашеских одеждах. Ряды клейм посвящены рассказу о жизни князя. Сцена рождения и крещения в доме добрых и благочестивых родителей. Следующее клеймо — начало трудов на государственном поприще. В 16 лет Александр Ярославич стал самостоятельно княжить в Новгороде. Летом 1240 года войско под предводительством ярла Биргера подступило к устью Невы. Уверенный в успехе король направил послов к Александру Ярославичу со словами: «Аще можеш ми протививиси, и се уже аз пришел есмь к тебе, хошу пленити тя, и будеш ми раб и сынове твои».

15 июля в сражении на Неве княжеская дружина разбила шведское войско: за эту победу князь получил прозвание Невского.

Значение Невской битвы было глубоко понято иконописцем. В каждом клейме несколько эпизодов. Моление князя в Соборском соборе. Следующее клеймо посвящено чуду явления святых Бориса и Глеба.

Затем иконописец изображает труды князя по устройству земли русской, поездки в Орду, сопряженные со смертельной опасностью. В то время ордынские ханы заставляли православных русских князей поклоняться своим идолам. Не желавших тут же казнили. Князь Александр кланяться идолам отказался, сказав: «Тебе, хан, как великому воину, я поклонюсь, а идолам не стану, не они нас покорили». И хан отпустил князя. Но надвигалась опасность со стороны Ливонского ордена. Немцы предательством захватили Псков. И решающим становится сражение 5 апреля 1242 года на Чудском озере, вошедшее в историю под названием Ледового побоища.

За скупыми словами летописей проступают живые черты личности Александра Невского. После освобождения Пскова он отпустил пленных немцев «паче меры милости», замечает летописец, но всех предателей велел повесить. Исправно посылал деле в Орду и при этом постоянно выкупал русских пленных, добился учреждения в столице Золотой Орды православной епископии, когда же послы Папы римского пытались склонить его к принятию католичества, обещая помощь в борьбе с татарами, князь Александр твердо стоял на православной вере.

С новой силой имя Александра Невского зазвучало в петровское время. После победы над шведами в Северной войне мощи святого перевезли из Владимира в новую столицу на Неве в Троицкий собор Александрово-Невской лавры. В 1725 году Екатерина I учредила орден Александра Невского — одну из высших наград российской империи. Крест ордена Александра Невского — золотой, покрытый с обеих сторон красной эмалью. Между концами креста располагались золотые двуглавые орлы под императорской короной и с распушенными крыльями. В середине креста — изображение Александра Невского, в красно-синем одеянии, сидящим на белом коне. Обычно на этом изображении присутствует рука Господа, благословляющая всадника из облаков. На обратной стороне креста латинский вензель (святый Александр) под княжеской короной. Звезда ордена серебряная, в центре ее на белом поле — вензель СА, вокруг него по красному полю идет орденский девиз: «За труды и Отечество». Красная муаровая лента ордена надевалась через левое плечо, звезда носилась на левой стороне груди. Правила ношения ордена Александра Невского имели свои особенности: крест носился на ленте у бедра, со звездой лишь в торжественных случаях, обычно же при сюртуке, на шее,

на более узкой ленте. К кресту и звезде, вручавшимся за военные подвиги с 1855 года, стали присоединять два скрещенных меча, проходящих через середину. Орден Александра Невского по своему статусу был довольно высок — не разделялся на степени или классы. За 1812 год орденом Александра Невского был пожалован всего шесть раз (среди награжденных были прославленные генералы Н. Н. Раевский, П. П. Коновницын, А. И. Остерман-Толстой). В этом же году еще шесть человек, которые уже имели простые знаки ордена, получили алмазные (в том числе Ф. П. Уваров, М. И. Платов, М. А. Милорадович, Д. С. Дохтуров).

В годы Великой Отечественной войны орден Александра Невского вновь засиял на груди защитников Отечества. Орден давался за личную отвагу, мужество и храбрость, умелое командование подразделением или частью, обеспечившее успех боя. Им могли быть награждены командиры подразделений, частей и соединений от взвода до дивизии. Орден Александра Невского представлял собой выпуклую пятиконечную звезду на фоне правильной десятиугольной пластины. Звезда покрыта рубиново-красной эмалью, края ее имеют позолоченные ободки. В центре погрудное изображение Александра Невского на круглом щите, по окружности щита — надпись «Александр Невский». Щит окаймлен позолоченным лавровым венком. Внизу — щиток с позолоченными серпом и молотом. Из-за круглого щита выступают два позолоченных бердыша, и за нижним щитком изображены меч, копьё, лук и колчан со стрелами. Из всех полководческих орденов он единственный не имеет степеней. Орденом Александра Невского за годы Великой Отечественной войны было награждено более 40 тысяч человек, в том числе и наши прославленные земляки.

Свое первое боевое крещение Сергей Карлович Сбоев получил еще на советско-финской войне, в 1940 году. Отважного артиллериста, участника штурма линии Маннергейма тогда наградили медалью «За отвагу».

В годы Великой Отечественной войны он командовал артиллерийским дивизионом. На всю жизнь запомнился ему тяжелейший бой на Курской дуге, в районе станции Понеры. Немецкие танки, прорвав линию обороны нашей пехоты, двинулись на позицию дивизиона. Артиллеристы капитана Сбоева не дрогнули — они стали бить по «тиграм» прямой наводкой, подбили 19 танков и самоходных орудий. Немалые потери понес и дивизион, но не отступил со своего рубежа. За этот бой Сергей Карлович был награжден орденом Красного Знамени. А орден Александра Невского ему вручили позднее, в 1945 году за боевую операцию, осуществленную дивизионом при освобождении г. Данцига. В том же году наш земляк отличился при форсировании р. Одер, за что удостоен второго ордена Красного Знамени. Ратный труд капитана Сбоева отмечен также двумя орденами Отечественной войны.

Капитан Алексей Андреевич Шестаков командовал стрелковой ротой. Всегда действовал смело и решительно. В ночь на 26 января 1945 года его рота под сильным огнем противника на подручных средствах переправилась через р. Одер и захватила там плацдарм. Немцы численностью до 400 человек, поддерживаемые танками, несколько раз предпринимали ожесточенные контратаки, но были отбиты с большими для них потерями. Спустя пять месяцев, 27 июня 1945 года, в полк пришла радостная весть: «Командиру роты А. Шестакову присвоено звание Героя Советского Союза». Кроме Звезды Героя его грудь украшали ордена Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и многие медали.

Орден Александра Невского, как и другие боевые награды, с гордостью носили наши земляки — Герои Советского Союза майор Валентин Сергеевич Зевахин, капитан Анатолий Петрович Селезнев, генерал-майор артиллерии Владимир Сергеевич Матвеев.

Зевахин в годы войны был заместителем командира батальона. Селезнев командовал взводом, затем стрелковой ротой. Матвеев в войну прошел путь от командира артиллерийского до командующего артиллерийской роты.

Фронтные тяготы и лишения, раны сильно сказались на здоровье фронтовиков. Генерал В. С. Матвеев ушел из жизни в 1953 году в возрасте 54 лет. Еще меньше (51 год) прожил В. С. Зевахин. Нет среди живых и Селезнева, и Сбоева, и Шестакова. Из фронтовиков-кавалеров ордена Александра Невского своими воспоминаниями о получении ордена Александра Невского делится Анатолий Петрович Сычев: «Орден Александра Невского получил за удачную боевую операцию на Северском Донце. Было это летом 1943 года. Мы закрепились на левом берегу, а на правом держали оборону немцы. Нашему батальону было приказано вброд форсировать Донец, чтобы занять высоту, с которой просматривается вся окружающая местность, и деревню. Гвардейцы шестой роты, которой я командовал, действовали храбро и слаженно. После получасовой артподготовки преодолели водный рубеж, тройные проволочные заграждения и ворвались в окопы на высоте. Дрогнули, не выдержали штыковой атаки немцы. Ведь боевой дух гвардейцев был так же высок, как и у ратников князя Александра Невского на льду Чудского озера».

В Союзе писателей России (Комсомольский пр-т, 13) прошла организованная Всемирным Русским Народным Собором, Союзом писателей России и Центром духовно-патриотического воспитания им. святого праведного воина Феодора Ушакова, Соборная встреча «Преодоление средостения. Церковь, власть, народ», посвящённая 400-летию патриарха Никона, — выдающегося церковного и государственного человека, богослова и проповедника, иконописца и зодчего, строителя Иверского, Крестного Онежского и Воскресенского Ново-Иерусалимского монастырей — годовщину рождения которого Русская Православная Церковь празднует 6 июня с.г.

Митрополит Антоний (Храповицкий) назвал патриарха Никона «величайшим человеком в русской истории за последние 200–300 лет», «величайшим святителем не только поместной русской, но всей Вселенской церкви».

И всё же имя святейшего патриарха ещё не прославлено в лике святых, не заняло оно достойного его деяниям места среди российских мучеников, чудотворцев и молитвенников, несмотря на то, что более трёх с половиной веков Русская Православная Церковь живёт в соответствии с правилами служб и обрядов, установленных патриархом Никоном...

Патриарх играл огромную роль в укреплении российской государственности... Велико его участие в деле воссоединения в 1654 г. России и Украины — только после обращения Богдана Хмельницкого к нему напрямую (царь Алексей Михайлович колебался с принятием решения) всё быстро решилось, и славянские народы, исповедующие единую веру, стали и народом единым...

До сих пор довлеет негативное восприятие образа патриарха, превалируют штампы, поверхностный анализ сложнейшего периода русской истории, оценки, в подавляющем большинстве своём вводящие общественное мнение в заблуждение... К примеру, абсолютно ошибочна позиция, в соответствии с которой на Никона целиком возложена вина за трагедию раскола. Да, патриарх вынужден был поступать жёстко, но на это имелись свои причины. И всё же многочисленные исследователи доказано, что не он повинен в гонениях и казнях старообрядцев, не он был инициатором исправления книг... Это убедительно подтверждается хотя бы тем фактом, что и старооб-

ОТ БОГА ОПРАВДАН, А ЛЮДЬМИ ОКЛЕВЕТАН

К 400-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПАТРИАРХА НИКОНА

рядцев, и патриарха Никона осудил один и тот же церковный Собор от 1 декабря 1666 г., решения которого, впрочем, не были легитимными, так как прибывшие на суд в Москву Александровский и Антиохийский патриархи не имели полномочий Константинопольского и Иерусалимского патриархов...

Попытки объяснения негативного отношения к патриарху Никону, базирующиеся на некой их размолвке с царём Алексеем Михайловичем Романовым или на враждебном отношении к нему боярства... не выдерживают никакой критики. Ключ к глубинному пониманию истинных причин забвения одного из величайших сынов России надо искать во взглядах патриарха на саму роль Церкви — как в обществе, так и во взаимоотношениях светской и духовной власти. Именно

тогдашние, при Алексее Михайловиче, «либерал-демократы» мечтали интегрировать Россию в мировое сообщество, внедряя западную модель развития государства, которая получила своё продолжение при Петре I. Никон же был последовательным и бескомпромиссным сторонником и проводником идеи Москвы, как Третьего Рима, глубоко осознавая, что пришло время, когда Божья благодать оставила Вторую Рим — Константинополь и освятила Москву.

И здесь не лишним было бы ещё раз напомнить широко известный факт, что в 1652 г. условием своего избрания патриархом Никон поставил обет, который должны были дать царь, духовенство, бояре, весь народ «слушаться патриарха как главного пастыря и отца», что означало всемерное уважение прав патриарха сохранять Евангельские Христовы догматы и «благочестивых (греческих. — Авт.) царей законы»...

Отдать дань памяти святителю Никону и в рамках Соборной встречи попытаться осмыслить исторический опыт государственного строительства, обратив особое внимание на роль Русской Православной Церкви в преодолении смуты и нестроений в государстве Российском, в Союзе писателей России собрались — заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора, Председатель СП России, докт. ист. наук, профессор В. Ганичев, настоятель Вознесенского храма-часовни (г. Истра) о. Дмитрий Шмелёв, сопредседатель Союза писателей России, докт. ист. наук С. Перевезенцев, секретари СП России главный редактор журнала «Новая книга России» С. Котьяло, В. Крупин, В. Личутин, В. Шамшурин (Нижегород), Н. Рачков (Санкт-Петербург), А. Дорин, ректор Азамасского государственного педагогического института докт. ист. наук, профессор Е. Титков, писатель А. Стрижев, докт. филол. наук В. Гуминский, иконописец М. Тодорова, председатель оргкомитета по празднованию 400-летия со дня рождения патриарха Никона Н. Колотий, директор Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» Н. Абакумова, главный редактор журнала «О Русской земле» М. Ганичева, канд. ист. наук Г. Аксёнова, главный редактор газеты «Русь Державная» А. Печерский, писатели М. Чижов (Нижегород) и В. Дворцов (Новосибирск), В. Румянцев (Институт истории России РАН), профессор Г. Баранкова и др.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В 2005 году мы достойно отметили 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Этому был посвящен IX ВРНС. В этом же году есть еще целый ряд знаковых, знаменательных, духовно-политических юбилеев, крайне важных не только для отечественной истории, но и вообще для исторического бытия России, определяющих ее прошлое, настоящее и будущее. Итак, 2005 год.

- 9 мая — 60-летие Победы в Великой Отечественной войне.
- 6 июня — 400-летие со дня рождения патриарха Никона.
- 15-летие (июнь) интронизации патриарха Алексия II.
- 5 (18) июля — 765-летие Невской битвы.
- 25 августа (7 сентября) — 475-летие со дня рождения первого русского царя Ивана IV Васильевича Грозного.
- 26 августа (8 сентября) — 610-летие со дня чудесного спасения Руси от нашествия Тамерлана. Сретение Владимирской иконы Божией Матери (перенесение Владимирской иконы, чудо от которой основало Тамерлана, в Москву).
- 8 (21) сентября — 625-летие Куликовской битвы.
- 27 октября (10 ноября) — 500-летие со дня смерти «Государя всея Руси», великого князя Московского Ивана III Васильевича.
- 12 (25) ноября — 525-летие «Стояния на Угре», фактическое обретение Русью государственной независимости.

В 2005 году мы достойно отметили 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. В этом же году есть еще целый ряд знаковых, знаменательных — духовно-политических юбилеев, крайне важных не только для отечественной истории, но и вообще для исторического бытия России, определяющих ее прошлое, настоящее и будущее: 525-летие «Стояния на Угре», т.е. фактического обретения Русью государственной независимости; 625-летие Куликовской битвы; 475-летие со дня рождения первого русского царя Ивана IV Васильевича Грозного; 400-летие со дня рождения патриарха Никона.

Все эти духовно-политические юбилеи самым непосредственным образом связаны, во-первых, с воинскими победами Руси, во-вторых, с выдающимися русскими историческими деятелями, и, самое главное, они отмечают исторические вехи борьбы Руси за обретение государственной независимости и превращение Русского государства в великую мировую державу, единственную независимую Православную державу во всем мире. Во многом именно эти события повлияли на то, что Русь стала отождествлять с «Третьим Римом», а в самой России с конца XV в. все более утверждается убеждение об уподоблении России «Новому Иерусалиму». В этих условиях в России и формулируется великий идеал-образ Святой Руси, ставший духовным символом нашего народа на все будущие столетия.

Кардинальной юбилейной датой в этом кругу является 12 (25) ноября 1480-го, день, когда ордынские рати окончательно покинули берег Угры, а Русская держава снова окончательно обрела полную и фактическую политическую независимость. Причем изначально, с самых древних времен, и, конечно, в конце XV в. Россия была многонациональным государством, в частности, тогда уже существовало Касимовское царство, где жили перешедшие на сторону России татары, в составе единого Русского государства. По сути дела, 12 (25) ноября — истинный исторический праздник независимости многонациональной России. Интересно, что этот день в некотором смысле совпадает с современным официальным государственным праздником 4 ноября — днем Казанской иконы Божией Матери, днем освобождения Москвы от поляков в 1612 г.

В перечне знаменательных и знаковых дат стоит 400-летие со дня рождения великого патриарха Никона. Как сказал высокопреосвященный Антоний (Храповицкий), архиепископ Волынский, в 1910 г.,

«патриарх Никон — звезда первой величины на нашем духовном небосклоне и самый великий человек русской истории». Лекцию, прочитанную в Волынской семинарии, высокопреосвященного Антония закончил так: «Этот великий человек понимал, что нет ничего на земле святее Храма Божиего, и потому усердно строил храм — это есть как бы книга, живое существо, воплощение религиозного восторга. И вот, размышляя смиренно об этом величайшем человеке, думаешь: каких даров ему не хватало! Аскет и демагог, правитель и отшельник, художник и хозяин, демократ и друг двора, патриот своего народа и вселенский святитель, поборник просвещения и строгий хранитель церковной дисциплины, нежная душа и грозный обличитель неправды». Действительно, патриарх Никон боролся за «оцерковление» всей жизни, за «соразбачивание Богу» и проповедовал искреннюю любовь между людьми, церковью, обществом и миром». Уверен, что многие великие достоинства жизни выдающегося сына Русской Православной Церкви, державы Российской и народа нашего будут названы и обозначены в этом году.

Состоявшийся в Союзе писателей под эгидой Всемирного Русского Народного Собора круглый стол «Преодоление средостения между властью, церковью и обществом», посвященный 400-летию святейшего патриарха Никона, в центр обсуждения поставил вопросы власти и церкви — той подлинной симфонии, которая складывалась между государственной и духовной властью в начале патриаршества Никона и царствования Алексея Михайловича и ее разрушения в силу объективных и субъективных причин. В силу козней находившихся у трона, гордыни царской, прямого вмешательства папизма, объединенного фронта иноземцев и даже государств и враждебности восточных деспотий, возможно, излишней прямоты и некоей небесной наивности самого Никона.

Как известно, довел дело до расправы, воспользовавшись царевой ревностью, Паисий Лигарид, международный авантюрист, о котором Константинопольский патриарх Дионисий сказал: «Я его православным не называю, ибо слышу от многих, что он папешник, лукавый человек».

Высокая идея Третьего Рима у патриарха Никона отнюдь не была чисто государственно-нической, его взгляд был истинно христианским на устройство мира, в котором духовное и мирское находятся в неразрывном единстве при главенстве духовного начала. «Иерусалим», «Новый Иерусалим» — его цель. Он хотел предназначения на земле Небесного царства, устройства земного по закону небесного.

Вместе с Алексеем Михайловичем они заложили захватывающую идею всемирно-исторического духовного возвышения России, необходимости стать ей духовным светочем для всего человечества. И это всколыхнуло ее врагов, заставило их объединиться. Итогом борьбы видимых и невидимых за духовное торжество, к сожалению, стал Раскол, отнюдь не только между церковью и старообрядцами, а во всей единой русской, общественной жизни (где церковность — полнотой наполняющей все во всем). Духовный Раскол пошел во всем, по всем линиям, получил свое полное развитие при Петре I и вывел общество на крах самодержавия и кризис начала XX века. Как писал протоиерей Лев Лебедев: «к чему все это привело русскую монархию — хорошо известно из истории. «Рим» и «Иерусалим». Мирское и духовное разошлись, разбежались на огромное расстояние». Внешнее могущество расходилось с духовным смыслом. Сколько тут аналогий и прошлых, и современных! Ныне раскол духовности и власти не меньше, а больше и по многим линиям.

Наверное, предстоит продолжить разговор о преодолении средостения между властью, церковью и народом на примере исторической судьбы патриарха Никона. И духовный опыт патриарха Никона еще будет многие и многие века предметом для изучения потомками. А потому представленный сборник будет истинно любознательным и духовно пытливым читателем как возможность познакомиться с этим опытом и познать для себя великую связь времен между прошлым и будущим России. Имеющий уши да услышит...

АЛЕКСАНДР СТРИЖЕВ

ОБРАЗ ПАТРИАРХА НИКОНА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Совершенно естественно, что такой великий человек, каким был патриарх Никон, не мог не оставить глубокого следа в нашей отечественной словесности. О его деятельности на благодатной ниве Христовой существует огромная литература, созданная историками церковной жизни и, конечно, государственниками, потому что Никон — деятель национально-государственного масштаба. Существуют воспоминания его современников, начиная с записей келейника и кончая обширной «российкой», то есть писаниями иноземцев, посетивших Россию в эпоху царствования Алексея Михайловича. Образ патриарха Никона получил отображение и в поэзии. Остановлюсь для начала на стихах Лермонтова, нашего незабвенного, темпераментного классика. Михаил Юрьевич Лермонтов с младенчества посещал знаменитые русские святыни. Первый раз он вместе со своей богомольной бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой (1773—1845) побывал у киевских угодников. Тогда ему было всего три года. В Новый Иерусалим, к могиле патриарха Никона в Воскресенском монастыре, маленький Мишель приезжал всё с той же своей бабушкой. Было это осенью 1818 года. Запомнились ему в храмах мерцающие лампады и умирительное пение. Поэтический склад характера, чувство творческого порыва искали выражения в слове, и затем уже в отроческом возрасте вырвались из души и заговорили своим голосом замечательные его стихи. В 1830 году наши богомольцы опять оказались в Воскресенском монастыре. Это было третье их посещение обители патриарха Никона. В этот раз юный Михаил Лермонтов, преисполненный неудержимого вдохновения, прямо на ходу сочиняет стихи. Записал их на листе бумаги, приложенном к стене скита подвижника Божия Никона. Получилась вот такая импровизация:

*Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней ещё горит,
Но колокол растреснувший молчит.
Его, бывало, заунывный глас
Звал братья к осенней в сей мирный час!
Зелёный мох, растущий под окном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая поляна — всё, всё без слов
Нам говорит о таинстве гробов...
Таков старик, под грузом тяжких лет
Ещё хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нём печать могил
Тех юношей, которых пережил.*

Там же, в Воскресенском монастыре, Михаил Юрьевич пишет другое стихотворение, перекликающееся настроением с первым. Стихотворение это большое, выделим из него лишь фрагмент, относящийся к Новому Иерусалиму:

*Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,
Где образ Божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред Богом изливали
Свои грехи, свои печали.*

И слова эти оказались пророческими. Цветущая обитель Никона была богорубцами разорена и подвергнута глумлению. Понадобилось много лет, чтобы она снова почиталась всенародно и постепенно начала возрождаться. Стихи Лермонтова замечательны ещё и тем, что в них впервые в русской поэзии отразился личный опыт общения со святыней. Ведь до этого русские поэты, приступая к духовной теме, стремились выразить своё постижение божественной реальности через надмирность Божьего замысла, через сознание ограниченности и бренности человеческого бытия. Здесь же речь идёт о конкретной обители и о том, какой её увидел поэт. Его размышления касаются и будущей судьбы монастыря, вместе с его насельниками. Надо прямо сказать, духовная составляющая поэзии Лермонтова нашими исследователями ещё почти не раскрыта, православный аспект его сочинений не выделен в отдельное рассмотрение, он остался как бы за скобками литературных фактов. А между тем Михаил Лермонтов — поэт духовный. Вспомним его «Молитву», 1839 года. Вот как она звучит:

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В звучанье слов живых.
И дышит непонятная,
Святая вера в них.*

*С души как бремя скатится,
Сомненья далеко,
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

«Благодатной силой» овеваны и другие «молитвы» Лермонтова, их у него несколько. Заметим кстати, что в честь небесного покровителя Михаила Юрьевича в Тарханах уже при жизни поэта строилась церковь Архистратига Михаила; освящена в 1840 году. А когда совершилось убийство на Кавказе, то за телом Лермонтова послали крепостных Арсеньевой, с которыми бабушка Елизавета Алексеевна передала икону «Всех Скорбящих Радость». Тогда её определили в Пятигорскую Скорбященскую церковь. Образ этот уцелел, несмотря на лютые деяния, и ныне икона находится в Лазаревском храме, что у врат того кладбища, где первоначально был погребён Лермонтов, до перемещения его гроба в Тарханы. Скорбященская церковь подверглась уничтожению, а памятную икону благочестивые люди сохранили, и вот теперь она в святом месте почитается всеми за большую духовную достопримечательность.

Образ патриарха Никона, его сокровенного дитя — Воскресенского монастыря, величайшей русской святыни, образ Небесного Иерусалима поэт пронёс через всю свою, увы, весьма недолгую, жизнь. По замечанию одного из пронзительных историков русской литературы, «Небесное» было для Лермонтова своей стихией. Говоря о нем, он умел находить такие же поэтически точные, «окончательные» слова, какие Пушкин находит, говоря о земном. Когда Лермонтов касается мира бесплотности, самый стих его окрыляется, точно освобождаясь от веса» (П. П. Перцов. Литературные афоризмы // Российский архив. Выпуск 1. М., 1991. С. 224).

Патриарх Никон в пору своего земного величия олицетворял собою нашу Богоизбранную церковь, украшенную всеми щедротами народного гения. Весьма впечатляюще представлен он в воспоминаниях современников. Так, Павел Алеппский, сопровождающий Антиохийского патриарха Макария в Москву в 1654 году, в своих записках рассказывает, в частности, и о том, каким они увидели патриарха Никона: «При входе нашем во внешнюю часть палат, где находится третья лестница, вышел патриарх Никон, одетый в мантию из зелёного рытого, узорчатого бархата, со скрижалями из крас-

ного бархата, на коих в середине изображение херувима из золота и жемчуга, и с источниками из белого галуна с красной полоской в середине. На голове его был клобук из камки, верхушка которого имела вид золотого купола с крестом из жемчуга и драгоценных камней. Над его глазами было изображение херувима с жемчугом; воскрыля клобука спускались вниз и также были украшены золотом и драгоценными камнями. В правой руке он держал посох». Замечу, что клобук патриарха Никона и его посох сохранились и ныне: их можно видеть в крестовой палате собора Двенадцати апостолов, в Московском Кремле. Записки Павла Алеппского, который побывал на Руси ещё раз, уже в год суда над Никоном, также теперь доступны: они только что изданы в Москве Обществом сохранения литературного наследия (М., 2005).

Даже кратко рассказывая о деяниях патриарха Никона, нельзя не упомянуть о втором его сокровенном детище — Иверском монастыре, великой святыне на Валдайском озере. Всего за четыре года воздвигнута эта обитель на пустынном острове, а какая мощь, какой молитвенный порыв зодчества! Кто побывает там, навсегда сохранит в душе облик Святой Руси, застывшей в камне. Ежели Новый Иерусалим — небесный символ Третьего Рима, как величала себя в пору Никона Святая Русь, то Иверский монастырь — её живая, земная мощь, овеянная Божьей благодатью. Духовный писатель Сергей Нилус, подолгу живший на Валдае, именно под колокольный звон Никоновой обители создавал свою великую книгу «Близ есть, при дверех», о противостоянии сил добра адскому напору осатанелости и агентам разложения. Святейшего Никона, его молитвенную помощь он ощущал буквально каждый день.

Образ великого подвижника Божия, духоносного патриарха Никона опозитирован не только словом, но и кистью. Уже в недавнее время, в пору хрущёвских гонений на Православную Церковь, была создана замечательная картина, изображающая великого патриарха в изгнании. На фоне северной природы крупным планом выписан благоуветливый, смиренный мудрый Никон, сидящим около убогой деревянной кельи. Кругом благоутишие, дремь лесной сторонки. Но святейший не одинок: к нему наведались... лебеди. Они слетелись к нему, будто из Рая вернулись. Недаром же в старину говорили: «Птицы небесные из Ирья идут». Другими словами, птицы небесные, птицы перелётные, из Ирья, или из Вьрья, — так в древности на Святой Руси называли Рай, стало быть, из Рая, прибывают к нам по весне. И лебеди, согласно замыслу художника, первым делом наведались к опальному Никону, чтобы поведать ему о нежном свидетельстве его единения с вселенским коловращением времён года. С его сильным стоянием внутри миропорядка. Картина эта создана монахиней Иулианией, в миру Марией Николаевной Соколовой, и находится она при Церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии.

Рассказывая, пусть и фрагментарно, о поэтическом воплощении образа патриарха Никона, следует добавить несколько слов о литературных горизонтах этого великого человека. Помимо великолепенного знания Священного Писания и церковных книг, святейший Никон был начитан ещё и в западных авторях. Вот тому пример: не успев в 1647 году появиться на Балканах в славянском переводе богословский труд Фомы Кемпийского «О подражании Христу», как спустя всего с десяток лет патриарх Никон уже вкладывает экземпляр этой книги в только что основанный им Ново-Иерусалимский монастырь; памятная надпись гласит: «Лета 7166 (1658) года, мая в 27 день великий Государь, святейший Никон, архиепископ царствующего великого града Москвы и Всея Великия и Малыя и Белья России Патриарх, положил сию книгу в свое великого Государя строение Нового Иерусалима Живоносного Воскресения Христова монастырь, при архимандрите Герасиме, при наместнике старце Зосиме с братиею». Книга переплетена в кожу, обтягивающую дубовые доски, а чтобы створки прикрывали листы, переплёт скреплён прочными застёжками. На верхней крышке книги изображено Распятие — символ нашего спасения. Экземпляр Никона сохранился и находится в собрании старопечатных изданий Центрального государственного архива древних актов (фонд 1251). Впоследствии трактат Фомы

Кемпийского будет издан в России 54 раза, в 20 переводах, самый известный перевод принадлежит знаменитому обер-прокурору Синода Константину Петровичу Победоносцеву.

С какой стороны ни рассматривай деятельность патриарха Никона, убеждаешься: фигура эта в отечественной истории для своего времени — ключевая. Православная Церковь ему обязана своим истинным величием и своим национально-государственным весом. Его судьба сходна с судьбой всех великих мужей. И теперь на расстоянии нескольких столетий он видится ещё более значительным, поскольку его правота полностью оправдалась. Оттого-то так настоятельно и справедливо требование о прославлении патриарха Никона в лике святых. Народ же Божий издревна Никона чтит как святого подвижника. Да будет он прославлен, да будет так!

СВЯЩЕННИК ДМИТРИЙ ШМЕЛЁВ

РУССКАЯ ПАЛЕСТИНА

Патриарх Никон явился создателем удивительной топографической иконы Русской Палестины, которая находится в ближнем Подмосковье — это окрестности Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. И всё-таки хотел бы предварить своё выступление некоторой преамбулой. Дело в том, что многие оценки деятельности патриарха Никона, в том числе и прозвучавшие на Соборной встрече, позволяют говорить о том, что до сих пор фигура патриарха Никона в общественном сознании является своего рода огромным «белым пятном». Это особенно присуще, ибо речь идёт о важнейшем, переломном этапе русской истории. Сегодня наша страна проживает как бы «семинадцатый век наоборот». В этом смысле 1654 год, Переяславскую раду, мы миновали и движемся уже к началу XVII века, собственно, к Смутному времени. Сейчас, увы, произошло «рассоединение» России и Украины. А когда-то святейший Никон был инициатором созыва Собора и освобождения этой части русского государства от иноверческого пленения, поддержал духовный ренессанс, возникший на Украине в XVII веке.

Сейчас образ патриарха Никона окутан мифами и предельно упрощён. Кто ныне, например, усомнится, что книжная справа — деяние патриарха Никона? Однако первые справщики книг приехали на Русь в 1648 году, т.е. когда Никон не был ни патриархом, ни митрополитом. Парадокс, но править книги начали в эпоху, когда представители «кружка ревнителей благочестия», будущие лидеры старообрядчества играли при Алексее Михайловиче решающую роль.

Как известно, в 1666 году патриарх Никон и старообрядцы осуждаются одним Собором. Так что знаменитые гонения на часть церкви, примкнувшую к старообрядцам, это дело рук вовсе не патриарха, но государства...

Как духовную реакцию на эти гонения можно воспринимать казачье восстание Степана Разина (донские казаки — это по преимуществу старообрядцы). И вот что интересно: ряд атаманов-старообрядцев прибыли в ссылку именно к патриарху Никону и просили его благословения на восстание. Благословения он не дал, но согласитесь, сам этот факт вопиет против упрощённого понимания событий тех лет. Для нынешнего старообрядчества патриарх Никон — однозначно негативная фигура. В их глазах несомненно его вина в расколе. Но исторические факты свидетельствуют об ином. Процессы, которые происходили тогда, более сложны и неоднозначны, нежели существующие в представлениях нынешних хулителей Никона. В яростных обличениях святителя Никона уходит в тень главный вопрос, а именно спор патриарха с царём. Спор о том, кому должно принадлежать духовное водительство в стране. И здесь патриарх Никон прямо указывал царю на своего предтечу Иоанна Златоуста, указывая на Василия Великого и святителя Филиппа... То есть на тех, кто нашёл в себе мужество возвысить свой голос в защиту церкви перед лицом государственной власти.

В противостоянии духовной и светской властей победу одержала светская. Причём методы со стороны государства применялись весьма изощрённые: то оно загоняло старообрядцев в остроги, то разрешало им проповедовать в Москве против Патриарха.

Мы привыкли с гневом вспоминать Петра I, упразднившего патриаршество, основавшего светский механизм управления церковью. Но на самом деле эти тенденции возникли гораздо раньше Петра, при Алексее Михайловиче. Монастырский приказ, в котором заседали люди светские и ведали делами церковными, занимались назначением настоятелей монастырей, возник задолго до петровских реформ. И патриарх Никон, даже в лучшие времена своих отношений с Алексеем Михайловичем, ничего поделать с этим не мог. Превосходство государственной мощи над духовным, примат имперского Рима над духовным Иерусалимом — лежащий в основе будущих потрясений России — ярко проявился именно в XVII веке. И патриарх Никон планомерно отстаивал линию духовной власти, пытался вычленив то пространство, куда государство не может вторгаться ни в коем случае. Потому что тогда государство начинает брать на себя вопросы духовные, проблемы решаются не посредством проповеди, но при помощи гонения, ostrorogov, сыска, применения войска. Об этих противоречиях, предопределивших последующие потрясения, говорит нам эпоха патриарха Никона. Мы должны ещё более внимательно взглянуть в эту фигуру, преодолеть всяческие стереотипы и упрощённый взгляд на историю. Это поможет нам урвать и последствия раскола.

Русская Палестина, которая существует и сейчас, — удивительное детище патриарха Никона. Она являет собой своего рода топографическую икону, когда в определённую часть Подмосковья (где ландшафт удивительным образом воспроизводит ландшафт Святой Земли) были «перенесены» основные святыни Святой земли. Окрестностям Ново-Иерусалимского монастыря были даны названия святынь мест Палестины: Вифлеем, Назарет, Елеон, Фавор, Ермон, Вифания, Капернаум, Рама, река Иордан, Гефсиманский сад, Кедронский поток.

И сейчас, в год 400-летия патриарха Никона, в нашем городе Истра возрождается образ Русской Палестины. Были заложены новые храмы: Жен-мироносиц (у места, где по замыслу патриарха должна быть Вифания) и Вознесенская часовня на горе Елеоне (близко к месту, где стоял Вознесенский храм, построенный при патриархе Никоне). Сейчас мы воссоздаём поклонный крест патриарха Никона. Этот крест восьмиконечный. Кстати, ещё один миф — это то, что он боролся с восьмиконечными крестами...

Закладку совершал митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Он произнёс тогда удивительные слова, назвал жителей истринской земли жителями благословенной Русской Палестины. Так удивительна эта, проходящая сквозь века, связь времён, когда святыни начинают возрождаться уже в наши дни.

Центром этой земли, этой иконы является Ново-Иерусалимский монастырь. Совершенно уникальное мистическое творение патриарха Никона, Новый Иерусалим начинает жить жизнью своего прообраза. Но это и образ, устремлённый в будущее.

Когда Патриарх Никон создавал ландшафтную икону Святой Земли вверх по течению Истры-Иордана, где должно располагаться Галилейское море, никакого крупного водоёма не существовало.

Однако в 30-е годы XX в., в самые лютые времена гонений на Православную Церковь, возникает Истринское водохранилище — именно там, где оно должно было появиться по замыслу патриарха Никона. Этот факт ещё в полной мере не осмыслен... Так, неведомым образом, руками боготворцев в Подмосковье воссоздаётся подобие Святой Земли. Значит, замысел патриарха Никона принят Богом. Это несомненно.

В этом году мы празднуем победу в Великой Отечественной войне, а ведь город Истра стал первым городом, освобождённым в годы войны. Река Истра-Иордан стала оборонительным рубежом: на западном берегу стоял наступающий враг, а на восточном держали оборону наши войска. И именно под стенами Нового Иерусалима вермахт потерпел своё первое поражение. Это знамение очень значительно. И оно также ещё до конца не осмыслено.

До революции Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь был третьим по значению паломническим центром — после Киева и Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Мы веруем, что в год 400-летия святейшего патриарха Никона приблизится возрождение Русской Палестины. Мы веруем, что эта во многом забытая для наших современников святая обретёт своё законное, истинное место, как то задумывал святейший патриарх Никон. Мы веруем, что когда-нибудь сбудутся его пророческие слова от том, что в последние времена, когда верные не смогут поклоняться святым местам в Палестине, на нашей земле — в месте, где воспроизведена главная святыня всего человечества, — они смогут поклониться образу места распятия и воскресения Господа нашего Иисуса Христа.

И ещё одно небольшое уточнение, подтверждающее, насколько скрупулёзно при патриархе Никоне была воспроизведена святыня Палестинская. Как я уже сказал, мы сейчас воссоздаём поклонный крест патриарха Никона. И для воссоздания шрифтов XVII века резчикам надо было показать одну из плит каменного путеводителя нашего монастыря, которая указывает на то, что же находится в данном месте на Святой Земле. И вот резчик, которому показали плиту, говорит мне: «Странное какое-то надгробие вы мне показываете, батюшка». — «А почему вы считаете, что это надгробие?» — «Да вот тут указано, что похоронен какой-то Фридулс...» И я прочитал такую надпись: «Здесь лежит Фридулс Булеон, Святую Землю взял для веры и души его». А Фридулс Булеон — это Готфрид Бульонский — предводитель первого Крестового похода, с участием которого произошло освобождение Иерусалима от мусульман в Великую пятницу, в день крестной смерти Господа нашего Иисуса Христа. То есть по этой плите, мы можем узнать то место, где лежит на Святой Земле Готфрид Бульонский (я, честно говоря, не уверен, что на Святой Земле сохранилось указание на это место).

Гроб Господень у нас предстаёт в таком виде, каким он был в XVII веке. Сейчас кувулка, которую вы видите по телевизору во время сожжения Благодатного Огня — это более поздняя версия, она выполнена в виде мраморной часовни барочного типа. Как же выглядел Гроб Господний в XVII век, можно увидеть только в нашем Ново-Иерусалимском монастыре... именно как гроб.

Таким образом, подмосковная святыня скрупулёзно воспроизводит святыню Палестинскую. И эту удивительную святыню патриарх оставил нам.

Дела человека лучше всего свидетельствуют о нём. Новый Иерусалим говорит нам о патриархе Никоне как о художнике, как о человеке, как о духовном деятеле.

Как сказано: «Приди и виждь!» Спаси, Господи!

МАРИЯ ТОДОРОВА

«Отмечая четырехсотлетие великого патриарха Никона, мы должны обратиться к его духовному наследию, его идеям, и попытаться извлечь их из глубины забвения и клеветы. Думаю, что в наследии этом найдем мы немало актуального для дня сегодняшнего и вечно имеющего цену.

Основная тема богословских трудов и жизни Святейшего Патриарха — это осмысление иерархии «церковь, власть, народ».

Понятие иерархии очень важно для мировоззрения патриарха Никона. С объяснения этого понятия начинается «Скрижаль», изданная Московским печатным двором во времена его патриаршего правления. Этой книге патриарх придавал большое значение, как учебной, раскрывающей внутренний смысл церковной жизни, сути богослужения.

Само понятие иерархии говорит о гармоническом неравенстве высших и нижних чинов. Как в человеческом организме, так и в любом обществе и церкви здоровье и жизнеспособность возможны лишь при сбалансированности всех частей, составляющих систему.

При любых перекосах, нарушающих баланс, в иерархии происходит дисгармония, а следовательно, болезнь и смерть.

Так бывает и в отдельном организме, и в обществе и в государстве.

Московское царство XVII века представляет из себя глубокое соединение с православной церковью. Границы церкви совпадают с границей государства. Крещение делало человека не только членом церкви, но и гражданином Московского царства. Церковь освящала практически все сферы жизни тогдашнего общества.

При таком положении очень важно правильное разграничение полномочий и иерархичность всей церковно-общественной жизни. Это предполагает гармоническое неравенство, где высшие чины освящают и несут ответственность за низших, а низшие в послушании освящаются и возрастают через высших. Подобное разделение не является разрушающим, но созидает весь организм в любви.

Так выстраивается иерархия: дух, душа и тело, где дух есть церковь, душа — наука и искусство, а тело — мирское, телесное начало, то, что относится к обслуживанию физического существования в этом мире.

В случае нарушения баланса всей системы, преобладания низшего над высшим, возникает болезнь, и если иерархию не удастся восстановить — нарушение приводит к деградации и смерти; конфликтам, крушению всего организма.

Патриарх Никон не только увидел нарушение гармонии в русском церковно-государственном организме, но и засвидетельствовал об этой опасности перед всем обществом. Он создал и обосновал законченную теорию церковно-государственных отношений на основе византийской Симфонии. Патриарх предвидел ход развития последующей истории нашего государства и церкви и всей своей жизнью пытался предотвратить катастрофу. Не получив поддержки и понимания практически ни в государстве, ни в церкви, Патриарх стал жертвою. И по сей день, уже посмертно, он продолжает быть жертвою церковно-государственной и научно-исторической клеветы и обмана.

Дисгармония в русском обществе XVII века, с которой пытался бороться Святейший владыка, выражалась в чрезмерности самодержавия. При тесном слиянии государства и церкви царская власть занимала слишком много места в духовном пространстве тогдашнего общества. Она имела слишком большое значение, вытесняя церковь. Царь стоял выше, чем архиерей (эта традиция идет от Византии, развитая иосифлянами, к Ивану Грозному и далее Алексею Михайловичу).

Московский царь взял на себя не только всю полноту светской власти, практически являясь тираном и деспотом. Его власть была авторитарной, с сильнейшей централизацией в столице. Культ личностей правителей это давняя русская традиция. Царь присваивает себе роль духовного владыки. Алексей Михайлович говорил, что во всем подобен властью Христу, только смертен. Царь фактически управляет церковью, являясь высшим в ней авторитетом. Он авторитарен во всех сферах жизни его государства.

Патриарх Никон сделал попытку остановить процесс секуляризации и подавления духовного начала началом мирским. Это должно было совершиться через восстановление авторитета патриарха и всего священства. Святейший владыка пытался ввести царя в некоторое послушание церкви. Ибо, как власть духовная, церковь стоит выше любой мирской власти и любого государства.

В центре жизни верующего христианина стоит Христос, как царь и первосвященник. Только в нем полная гармония, слияние двух начал, двух властей. Литургия есть центр жизни христианина.

Совершающий литургию священник наиболее причастен к Христу, к Богу. Ибо он имеет власть предлагать Святые Дары в Тело и Кровь Христову. Что выше всей власти на земле.

В церкви пребывает вечное начало Истины и Жизни — Бог.

Потому патриарх так много внимания уделял авторитету священства в отношении к богослужению. Он хотел сделать духовное незримое торжество литургии видимым, зримым. Поднять богослужение на должный уровень, чтобы оно не превращалось в мелкую частную потребу, с небрежным к нему отношением.

Пришествие Царя Царей должно быть окружено царственной пышностью и величием. Живые люди, совершающие и участвующие в богослужении, обязаны подобающим образом к этому относиться.

Для того Патриарх и создавал свои роскошные облачения, возлагал на главу свою митру — короны «венец от камней честных». Его службы отличались небывалой красотой и торжественностью.

Все его творчество, его монастыри, особенно Ново-Иерусалимский собор, посвящено Евхаристии, являясь и местом ее свершения, и толкованием ее в образах и символах.

Подавление церкви, превращение ее в государственный институт — отказ от источника жизни. Оскорбление ее ведет к распаду и смерти.

Этот процесс мы и видим в нашей истории: царь Петр, сын Алексея Михайловича, обезглавил церковь. XVIII в.: церковь государственный институт — духовная коллегия; как, следствие падение ее авторитета, значения иерархии, секуляризация общества — революция, приводит фактически к гибели России.

Все это предвидел и предсказал Патриарх Никон.

С истории Патриарха Никона, точнее, с суда над ним в 1666 году начинается поворот к расщеплению и гибели России.

Сейчас нам дается шанс снова воцерковиться и привести свою жизнь в гармонию с божественными законами.

Патриарх Никон не только изложил учение о соотношении властей, но только обличил самодержавную светскую власть в превышении своих полномочий, пытаясь на самом деле спасти ее. Он сам попытался предотвратить катастрофу. Он имел дар духовно-исторической прозорливости, и в этом Патриарх подобен пророкам Ветхого Завета — свидетель Христов.

Он являет собой чистую библейскую фигуру, где человеческая природа необыкновенно соединяется с великими дарами Божиими, с благодатью не только священства, но и пророчества и мученичества, и одновременно с гениальностью творчества.

Патриарх Никон невероятно талантливый и сложный человек, очень яркий. В нем нет ничего среднего, ровного; но все чрезмерно. Ни один патриарх не был столь возвеличен, ни одного не окружал такой блеск и красота, и так же велико стало его унижение, его извержение, его страдания.

Необыкновенна и история его дружбы-любви с царем. В этих отношениях Никон видел воплощение византийской Симфонии. Патриарх — духовный отец и одновременно в данной ситуации приемный отец царя. Он освящает и благословляет жизнь и труды царя и указывает ему духовные пути, царь же, пребывая в послушании и любви Патриарха, возрастает сам и успешно исполняет возложенную на него функцию управления государством. Патриарх же управляет церковью и ведет свой народ ко Христу, освящая все через таинства и священнослужения, проповеди, учения, книги и свои творения. Через благословение святителя подается благодать, то есть жизненные силы на все сферы жизни.

Но царь не выдержал эту любовь-послушание. Авторитарен не Никон, а царь. Это лично-общественный, идейный конфликт. Здесь тайна. Никон обвиняет себя во всем, как старший, как священник берет ответственность на себя. Он возлагает всю вину на себя и уходит с московского патриаршества. Он изгоняет себя самого и одновременно бежит в пустыню от гнева любимого духовного сына. Почему? Он не желает делать любимое свое чадом своим гонителем — судьей, вроде Ивана Грозного с митр. Филиппом. И одновременно он ожидает изменения в сердце царя — покаяния, возвращения его любви.

Никон все равно был бы мучеником, останься он или уйдя. Конфликт разрешается преследованиями и судом над патриархом. Он слишком значительная фигура. Никон ожидает покаяния царя и его изменения, а царь с радостью свалил всю вину на Никона, за все проблемы и за раскол в том числе. У Никона более тонкое мученичество, чем обычно: более скрытое для понимания людей.

Суд над Никоним — событие вселенского масштаба. Это крушение средневековой Руси с ее стремлением к Симфонии, с ее воцерковлением всех сфер жизни. Не просто отказ от авторитета церкви, но и прямое нарушение всей иерархической гармонии.

Царь принимает на себя функции судьи патриарха. Царь является организатором, судьей и тайным движущим началом всего процес-

са. Царь осуждает и снимает сан с патриарха через послушных ему духовных и мирских лиц. Всё нарушилось: иерархи в послушании мирянину.

Прямое последствие тех событий — события XX века.

Мирская власть может творить все, что хочет, не боясь ни людей, ни Бога — это страшно. Патриарх Никон — жертва и свидетель перед Богом и людьми. Он указал духовную перспективу деградации общества, власти и народа. Начало деградации — непочтение к духовной власти, к отцу духовному, и в его лице к Богу, принятие на себя мирской властью фактически власти Божией. Царь убирает патриарха и начинает править церковью, но не имеет на то Божьего благословения. Не служит он Литургию, не посвящая Богом. Профанация всего, все лишается внутренней силы, выхолщивается — церковь становится государственным институтом, неинтересным, скучным, все делается по указке. В XIX веке — обязательность исповеди и причащения. Такая церковь породила революционеров — церковь без силы духовной, без святости, формальная. Торжество светского начала, но оно лишено силы жизни, убивает само себя.

Народ, бывший церковным глубоко, познавший благодать Духа Божия глубоко и лично, отказывается от него, его силы. Но святое место пусто не бывает — приходят противоположные силы. Духовные люди не могут быть нейтральными. При познании Живой Истины — идеала личного дается сила — Благодать, и происходит поляризация духовных начал. Если человек грешит или отпадает, он становится не просто светским, нейтральным, но попадает под власть другого полюса. Что страшно.

Безбожие революции — духовная и физическая смерть целого государства, народа, общества.

Понадобились такие страшные жертвы и в таком количестве, чтобы мы имели шанс вернуться просто к жизни...

ВЛАДИМИР ЛИЧУТИН

«...Ведь как умолял Никон собиного друга Алексея Михайловича отпустить в монастырь с патриаршей стулки, но царь просил погодить, побытьazole хотя бы года три, пока не устоится в России затишье, и перемены в церкви, так немилостиво, досадливо затеянные на скорую руку, вступят в почву, пустят корни... Согласился патриарх, перебои тревогу, предчувствие, ещё пытался устроить холод и дразни, и наветы, и боярскую немилость, что улюбовист сетью опугали прежнюю дружбу с царем, но подговорщики, насыльщики-латинчики, лазутчики, проникнув во всякую щель Двора, будто голодные псы, накинлись на Никона, как на дворного медведя, вцепились в полы ряски и давай терзать, и уже никакими палками-хвостами нельзя было отогнать их от преданного на заклятие святителя... Почуяли кровцу-то прелюбавити и шпыни, и теперь воспламенилось их подлое сердце, чтобы стоптать под пяты Отца истинного русского православия. Они-то хотели под себя поднять Никона, водить под руку, учить уму-разуму, чтобы втащить Россию пусть и не в ересь жидовствующих, то хотя бы «в унию», и прелестный славою, слегка помутившийся разумом Никон не смог сразу разглядеть всего коварства зарубежных патриархов и митрополитов, их глубокого таинственного улова, в котором легко может утонуть и самая добродетельная душа... Да и царь уже глубоко возревновал к земной славе Отца отцев и хотел перенять всю честь на себя, и, зная поклёпы на Никона, все наветы, уже не хотел вступить за собиного друга, когда-то искренне, со всей глубиной юношеской души названного отцом, зажимал душу, не давал ей растечься, ибо царское место требовало твердой воли, а тут бывший волдемановский мужик со всей своей крестьянской хваткой и в поперечливостью каждое начинание государя не только ревизовал с пристрастием, но и старался перенять на себя, словно бы он, патриарх, и был истинным государем...»

И вот на этом судилище, отчего-то названному вселенским собором, сметываясь взглядом на такие знакомые лица и наискивая чувства, он увидел лишь презрение к себе, не несущему нынче никакой выгоды. Никон, наверное, впервые почувствовал, в какой неправде он участвовал прежде, к какому провалу он, ослепший,

подвел свою паству и, услышав смрадный жупел огня, отступил. Но не поздно ли? Нет, не поздно, ибо Бог милостив и всегда примет искреннее покаяние.

А правил сей расправой верный папский нунций, убежденный католик и содомит Паисий Лигарид, ради коварных замыслов поменявший веру, до смертного часа получавший иудовы деньги от самого папы. Съехались-то на Русь самозванцы или отставленники, или уже бывшие под судом патриархи, и, чуя свою временность, зыбкость и унижающую бедность, они с особенным пристрастием пытались унижить русского святителя. Да, впрочем, не только из-за него, и прежде именно не из-за него тащились заморские гости обозами через нуду и стужу, а чтобы унять гордость великой Руси, возмечтавшей стать Третьим Римом, истинным обители Христе. И эта твердость русских в православной вере особенно угнетала судей, давно утративших не только свою волю, но и свободу веры.

Антиохийский патриарх Макарий велел Никону сесть на скамью возле Паисия Лигарида. Макарий потеснил Воскресенских старцев, плотно окруживших его, и сказал: «Ты, Макарий, велишь мне сесть, а я того места никак не разгляжу. А своего крестца я не притартал. Так, может, мне сесть на пол, где стою?.. И не тебе меня судить, алтынник из обжорного ряда!»

Но тут Макарий напомнил, что сам Никон когда-то признал прилюдно в Успенском соборе, дескать, он, Никон, хлы и сын русского, но убеждения его и вера греческие, и крепкой клятвой клялся смертно стоять за истинную веру, воссиявшую с Востока.

«Да, была когда-то греческая земля адамантом веры, а нынче вся трухляво изохла, — гневно возразил Никон. — Шляетесь, липнете ко всякому чуждому дому, как репы на собаках, затеиваете смуты по святым местам. Кто вас звал, обманщиков? Сбежались, как шакалы на падаль. Уж давно, Макарий, ты низложен с престола, и в епархии забыли не токмо твой вид, но и твое иноческое имя. Иль не веришь, что на твоём месте уже давно иной архиерей сидит?» — закричал Никон, накаляясь.

«Послушай, мы патриархи истинные, не изверженные». — Макарий отвел хмурый взгляд. Ещё съезжая на Русь, он был уведомлен, что изгнан с престола, и сейчас, при виде Никона, в его потухающей славе вдруг невольно прозрел и себя, догнавшего в турецкой тюрьме за корысть и сребролюбие. И то, что Макарий сам был в темной опале и бежал по православным землям, будто заяц, преследуемый агарями, особенно будоражило в антиохийце нерасчетливую глухую злобу к Никону и ко всей Руси.

Вот и Паисий Лигарид, боясь распалты, накануне просил у Алексея Михайловича отпустить в родную митрополию, но царь велел остаться, и сейчас нахально улыбаясь на гневные речи Никона, гордовато восседал в одной избе с государем, обещая предать всякого, кто отступит от греческого чина, анафеме-маранафе, — так вот этот папский лазутчик ещё не чуял, что и над ним уже висит карающий меч Господний, и суждено ему помереть в Киеве в монастырском заточении.

«Если ты не низложен, Макарий, то дай клятву на Евангелии».

И тут все закричали на Никона, обвиняя его в кошунах. И государь, недолгою морщась, отвернулся от бывшего собиного друга. Царь знал, что Никон призван для расправы, и этой расправы желал. Даже сейчас передерзостным взглядом, грубостью низких мужичьих речей Никон словно бы подчеркивал свое превосходство, откровенно презирая суд, и невольно ронял государя в глазах иереев. Алексей Михайлович любил Грецию и не раз заявлял, что ради Греции он готов пожертвовать не только русское войско, но и свою жизнь, если на то будет угодно Господу. И обратился государь к собору, обложившись о резную поручь кресла, о взъерошенную головизну костяного льва: «От начала Московского государства не бывало такого бесчиния, какое учинил бывший патриарх Никон. Ради прихотей своих и чудачеств и неутешенной гордыни, пожравшей полностью его сердце, он самовольно оставил православную церковь и от патриаршества отрекся, никем не гоним. Никон к тьме подтолкнул великую Русь и церковь обрек на вдовство. И, борясь с еретиками, сам впал в ересь. Вот и допросите хорошенько, по какой нужде сотворил Никон немилосердное

зло? Почему он отрекся от престола с клятвой?» — «Я не отрекся с клятвой. Все то наветы врагов, — прервал Никон государя. — Бог тебе судия. Я узнал на избрании своем, что будешь ты добр ко мне шесть лет, а потом буду возненавидим и мучим». — «Но многие слышали, как ты отрекся с клятвой. Де, если буди патриарх, то анафема буди; де я не ворачиваюся назад, как псу на свою блевотину».

...Никон молчал, погрузившись в скорбь, и ждал скорейшего конца. Будущее уже ничего хорошего не сулило. Лишь вериги грели да образ Пречистой впечатывался сквозь ребра в самую душу. Господи, где были у него глаза... Ведь как веровал он в свет неизреченной Царьградской Софии, но блудни-греки схитили её, обмазали варом и детгем, извляли в перьях, затмили сияние. Так стоит ли метать бисер перед свиньями?.. И вот этих кобыльников, оставивших свою паству, чтобы спасти живот, он любил пуще матери-России...

Это же он, Никон, стерегся всяких новин, это он хотел сохранить в чистоте истинную церковь, да вот поддался коварным и впустил чужой дух. Это он, Никон, ставил храмы и монастыри по всей Руси, сам таскал крошки с кирпичами, которые не под силу и дюжему наймиту. Иверской Божьей матери за короткое время он вознес храмину на Валдайском озере и на Кий-острове на берегу Белого моря поднял обитель. А когда решился воздвигнуть Новый Иерусалим, то сам и место святое отыскал на Истре, какое явилось ему в тонком сне; и однажды, стоя под вечер на глядене на берегу реки, обозрел просторы, мысленно перенес Иерусалимский храм и Святые Палестины на берега русской реки и вдруг увидел Обитель во всей полноте и украсе, как бы сошла она на миг с неба пред очю. И потерял Никон счет дням, и пряс с государем затмилась, посчиталась лишь клязуой, затерянной лазутчиками; порою думалось, вот очнется государь-собинный друг, выйдет в ум, и сам притащится на Истру-реку, чтобы уединиться с патриархом в духовной беседе, когда все наузы и клеветы источатся, яко утренняя роса под солнцем... Сам и за стройкой следил, и тяжкой работой не брезговал, подавляя плоть, и наблюдал, как кормят наймитов, да чтобы приказчики не обсытывали в магарыче, да тем же брашном, не гнушаясь, питался за общей трапезой, пока однажды чуть не отравили святителя. И с насад по сходям кирпич таскал в крошнях, обливаясь потом, и раствор месил и тем как бы поверстался с последним трудником... Часто ходя обозом по пространной Руси, Никон мечтал всю родимую землю, из которой взошел на божий свет, уставить свечами веры, ибо православие, полагал он, это негасимое полднеевне незаходящее солнце, а государева власть — полночная луна со своими сумерками, кобыями, коладовскими насылами и навадниками, когда невольно подпадает под их власть плоть человеческая, утесняя душу... И если государь — лишь наместник Бога на земле, то он, Никон, явленный образ самого Христа. Как было Никону не сойти с патриаршего места, если государь вместо благодарности за неустанные труды обозвал его б...сыном, а значит, и всю русскую церковь обозвал блуднею. Да, он, Никон, мужик, у него «каравые» от земных трудов ладони, у него плечи оскизали от верижных ремней, а крест впечатался в грудь, изъедая до язв кожу; но это он призвал встать и Украину, и Белую Русь к одному православному светильнику, и те, не боясь ляхов и латынников, готовно потянулись под благословение русского патриарха. Страстный человек, Никон все делал со страстию, и даже самая-то сухоядная, постная монашеская жизнь не могла пригнетить его порывистой натуры, вогнать в русло покоя и созерцания; он, быть может, рожден был по характеру и недюжинной силе полки водить иль ковать в кузне, копал руды иль, как Пимен, ослепнув от сумерек кельи, писать в уединении святое предание, но вот с детства впечатлительная душа отрока повела решительную борьбу с плотью и, казалось бы, победила её, но Никон придумывал себе самое жестокое испытание постовой и изнурительными молитвами, чему завидовали монахи, но и этот подвиг шел не в науку, а как бы потворствовал гордыне: де вот как я ещё могу. И невольно путь святительства качнулся на дорожку водительства, а значит, жесткости, порою и жестокости, скорой расправы с неслушниками, желания подчинить своей воле, сломать всякого неугодики, кто носит в себе мысль, не сходную с патриар-

шей... Монастырский приказ Никон перетаскал на патриарший двор, и, скорый на расправу, он и кичливого боярина ставил на правез за всякую провинность и тем низил, как последнего смерда; ну как такого патриарха залюбишь, если он в каждой бочке затычка, если ему никто не наука. И ополчились власти на Никона, и скоро при дворе не стало к патриарху сердечности и поклончивости, и всяк вдруг вспомнил, что правит ими бывший мужик, человек подлых кровей.

«А коли изгнать решили, так гоните в шею, — закричал Никон Собору и тут же сметнулся на царя. — И ты, государь, как дворе учинился бунт на Москве, и сам неправду свидетельствовал. Бунтом прихаживали к тебе слобожане, и ты, убоясь их гнева, обещал простить. И ты свое слово нарушил...»

«Не лги, владыка, — вспылал государь. — Никто ко мне бунтом не прихаживал!»

«Тогда почто же языки рвали православным, носы резали да руки-ноги рубили? Мои вины сыскиваете по-за углам, справляйтесь у заушателей, что уже давно Христа позабыл, а сами своих вин не хотите знать?»

«Как ты, чернец, Бога не боишься! — раздались крики со всех сторон. — Кабы государева воля, твой срамной язык давно бы пожарил псы»

«Ага! Значит, живой образ Христов, что перед вами, топтать можно? Ну и пляшите на костях моих! Ты, государь, со мною волен всяко поступать. Я направляю туда, куда укажешь... Но вот вы, самозванцы из чужих земель, прежде чем судить неправедно русского патриарха, оглянитесь на образ Спасителя нашего, на его карающую десницу».

«Отымите, отымите крест от бешаного. Безумец!» — вскричал Маркарий Антиохийский.

Двенадцатого декабря 1666 года в церкви на воротах Чудова монастыря Никону объявили его вины. Александрийский патриарх снял с него клобук и пангию и сказал, чтобы впредь патриархом не назывался, а писался бы простым монахом и жил бы в монастыре тихо и немаятно.

«Знаю и без вашего поучения, как жить, — ответил Никон. — А что вы клобук и мантию с меня сняли, то жемчуг с них разделите по себе, достанется вам жемчугу золотников по пяти да золотых по десяти. Вы — султанские невольники, бродяги, ходите всюду за милостыней, чтобы было чем заплатить дань султану. Зачем вы действуете здесь тайно, как воры в монастырской церкви?»

На Никона надели простой клобук, снятый с греческого монаха. Никон вышел на площадь, она была сплошь заполнена людьми. Сядя в сани, он промолвил с печалью: «Никон! Отчего все это тебе приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты уголовлял богатые трапезы и потрафлял властям, то оставался бы по-прежнему в милости».

...Сани тронулись, окруженные стрельцами, в Феропонтов монастырь на Белоозеро.

...Потянулись долгие годы заточения. И лишь в 1681 году государь Федор Алексеевич разрешил вернуться Никону в Воскресенский монастырь. Патриарх был совсем плох; подумали, что в возке не дотянет до Москвы, растрясет дорогою. Решили сплечь по воде. Устроили на струге палатку и ложе для старца, по Шексне и Волге двинулись на Ярославль. Никон в пути стал слепнуть, будто его поместили в тафтяной полог, хотя Русь ещё различалась во всем безбрежном размахе, но уже без подробностей. Вода сливалась с небом заодно, и старцу казалось, что его поместили в прохладный ковчег. Никон уже не отрывал головы от подушки, а покойно, с улыбочкой глядел в мерцающий таинственный окоем, расписанный малахитами, испрошенный червчатой, золотной и серебряной нитью, похожий на патриаршую ризу. Гребцы молча, без натуги взмахивали веслами, от лопастей наносило в лицо живыми брызгами, словно бы сам Христос кропил своего сына святой водицей. Кирилловский архимандрит Никита стоял в головах старца и постоянно освящал с веничка проплывающие погосты и селища, баб и детишек, что слюма голову мчались навстречу плывущему поезду и решительно забредали в реку, чтобы припасть к руке святителя. У Никона при виде такой искренней любви во всю дорогу, пока помнил себя, не просыхали слезы.

Какими-то неизвестными почтами слух об умирающем опальном патриархе летел по берегам куда скорее царевых посольщиков и заставлял выбрехать на Волгу людишек из самых дальних деревень. Никон попросил положить себя поудобнее, чтобы видеть поклонников, протягивал для целования исхудавшую руку, потерявшую прежнюю грубость и угловатость, ту некогда тяжкую длань, что так круто и жестко правила церковью. За полверсты от Толгского монастыря он велел остановиться, исповедался и причастился Святых Тайн из запасных Даров Великого Четверга. Когда подплыли к Ярославлю, город заиграл колоколами; посадские во множестве, оставив город, подались к речке Корости, где у Спасского монастыря должны были пристать патриаршие лодки. Видя Никона умирающим и уже безучастным, люди плакали, припадали к руке святителя, прося прощения; одни по берегу, другие по воде, облепив суденко, тащили его к берегу. В городе заиграли колокола к вечернице. Блаженный Никон стал обирать себе волосы, бороду, опрядывая руками грудь и одежду, приготавливая себя к вечной дороге... То был конец дня 17 августа 1681 года. Через девять дней гроб с телом Никона привезли на Истру и остановили лошадей на Елеонской горе напротив Воскресенского монастыря у часовни, поставленной когда-то Никоном в знак любви патриарха к государю».

СЕРГЕЙ ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

«Уже говорилось, что XVII век был противоречив. Противоречия были не как принято говорить о конфликтах в литературных произведениях, — между «плохим» и «хорошим». По состоянию людей того времени это было противоречие между одним «хорошим», другим «хорошим» и третьим «хорошим» в стремлении к «лучшему». Потому что все участники духовной, идейной борьбы XVII столетия — и государь Алексей Михайлович, и Святейший патриарх Никон, и лидеры тех, кого стали называть раскольниками, старообрядцами, — они все хотели сделать Россию великой святой страной. Они все стремились к тому, чтобы Москва на самом деле стала Новым Иерусалимом, Россия стала Новым Израилем и была великой православной державой, хранящей правую веру до Второго пришествия. Но споры шли о том, как же этого достичь. Нужно ли что-либо улучшать или, наоборот, святость уже пребывает в России неизменно, Россия богоизбрана, а Москва и впрямь прославленный Новый Сион? Это противоречие и является трагическим фактом нашей истории, когда в ходе борьбы между «хорошим» и «хорошим» за «лучшее» в жизнь вторгается нечто... «плохое». Вторгается нечто, что ведет к трагедии не только идейной, духовной, но и к трагедии народной».

Одно из главных противоречий XVII века — это противоречие между светской, царской властью и властью духовной, церковной. То, что Никон утверждал превосходство духовной власти над светской, а Алексей Михайлович, наоборот, считал, что светская власть выше духовной, — это противоречие не было выражением соперничества только двух отягощенных самолюбием людей. Шла идейная борьба: кто же будет вести Русь в то самое великое Русское царство, в Святую Русь? Кто и как поведет Русь в Небесный Иерусалим? Кто возглавит русское воинство в Последней битве? Собственно, вокруг этого и шла борьба. А не вокруг каких-то личных или узкополитических интересов. Алексей Михайлович был полностью проникнут православным миропониманием, впрочем, как и патриарх Никон. Недаром царь был награжден титулом «Тишайший», ведь в этом понятии — «Тишайший» — концентрируется вся совокупность представлений русского человека о царе: жизнь должна быть тихой при таком царе, благой, благой, благой. Алексей Михайлович считал, что именно он, как государь Российского царства, способен обеспечить такую жизнь своим подданным. Поэтому во многом начал наступление на Церковь, чтобы она не мешала царю осуществлять его предназначение.

Наступление началось задолго до противостояния царя и патриарха. Уже в Соборном Уложении 1649 года государство впервые в русской истории брало на себя право наказывать всякого человека за какой-нибудь богохульный поступок. В Соборном Уложении 1649 года фак-

тически ликвидировался церковный суд и священники оказывались подсудными светским судьям. Был создан Монастырский приказ, которому отдавали право распоряжения церковной собственностью. Были изданы несколько указов, запрещающих распоряжаться церковной собственностью или делать вклады в Церковь. Все то, что было проделано с Церковью в XVIII столетии в годы правления Петра I, было сформулировано еще в Соборном Уложении.

Патриарх Никон был первым и единственным, кто поднял голос против поползновений светской власти ликвидировать церковную самостоятельность. Известна его записка о Соборном Уложении, где Никон довольно жестко оценивает этот документ, да и о самом государе отзывался очень жестко. И во многом благодаря патриарху Никону, этой мощнейшей фигуре XVII столетия, так и не удалось в ходе усиления абсолютизации светской власти, которая шла при Алексее Михайловиче, окончательно подчинить Церковь государству. И вскоре после смерти патриарха Никона многие положения тогдашнего русского законодательства, ущемляющие права Церкви, были отменены, как был упразднен и Монастырский приказ.

В основе противоречия между официальной властью, официальной Церковью и старообрядчеством тоже лежало разное понимание места и роли России в истории. И когда говорят, что именно Никон победил в борьбе со старообрядцами, — конечно же, все было намного сложнее. Стоит напомнить, что на церковных Соборах 1666–1667 гг. практически одновременно были осуждены и старообрядцы, и... патриарх Никон, лишенный тогда патриаршества. И, конечно же, в этой борьбе победу праздновала светская власть, а именно государь Алексей Михайлович.

Но мы, потомки и наследники (может быть, и не самые достойные наследники) великих русских деятелей, каковыми были и патриарх Никон, и царь Алексей Михайлович, и вожди старообрядчества, должны не просто «судить» их, а учиться у них — учиться у истории, извлекать уроки из давних и недавних исторических событий. И если говорить кратко, то из событий второй половины XVII века мы можем извлечь два важнейших урока. Урок первый: сейчас раздается немало призывов к тому, чтобы Церковь и православную религию сделать государственной религией, максимально приблизить к государству. События XVII и последующих XVIII–XX вв., когда Церковь была превращена во всего лишь одну из государственных структур, свидетельствуют, что лучше этого не надо делать. Мы должны понимать, что самостоятельность Церкви, отделенность ее от государства — не в духовном, а в политическом отношении — намного важнее и для Церкви и для нас, мирян, участвующих в церковной жизни. Урок второй: нужно учиться понимать и прощать друг друга, прислушиваться друг к другу, верить друг другу. Смирение собственной гордыни во имя достижения общей цели — важнейшее качество всякого человека, а тем паче государственного деятеля, по-настоящему, сердечное озабоченного настоящим и будущим народа. Иначе говоря, противостояние «хорошего» с «хорошим» в стремлении к «лучшему» не должно заканчиваться взаимоуничтожением. Иначе мы не увидим не только «лучшего», но потеряем и все «хорошее». А победит, воцарится то самое «плохое», как это, к сожалению, уже не раз бывало в нашей истории.

ВЕРА РУМЯНЦЕВА

К 400-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПАТРИАРХА НИКОНА

Патриарх Никон — великий иерарх Русской Церкви. Его необычайная одаренность, многогранная духовная деятельность произвели на современников сильное впечатление. Однако нельзя сказать, чтобы он был понят в свою эпоху. Вероятно, поэтому вокруг его имени сложилось множество мифов, легенд и небылиц. Как ни об одном из российских патриархов, о Никоне существует огромная литература — научная, церковная и художественная. Авторы придерживались, мало сказать, разных, нередко диаметрально противоположных

суждений, хотя почти все (за исключением старообрядцев) признавали значение его трудов. В настоящее время интерес к патриарху Никону возрождается. Появились новые монографии о нем, статьи и публикации. Но на пути к единому мнению имеются значительные трудности: не изданы его сочинения, а те, которые опубликованы, нуждаются в тщательном источниковедческом анализе. Богатое эпистолярное наследие патриарха не собрано в архивах, публиковалось выборочно, без археографического описания. Между тем переписка Никона с царем Алексеем Михайловичем и его семейством, частными лицами помогает раскрыть его человеческий облик, душевный настрой, отношение к людям, жизни.

Православное исповедание и новаторский дух патриарха Никона взаимосвязаны. Это знать необходимо, потому что даже в наше время одни авторы считают его палистом, другие видят в нем традиционалиста по образу Иосифа Волоцкого или старообрядца, третьи называют властолюбцем, государственным деятелем, а не церковным пастырем. Историческая эпоха, когда он жил, уже достаточно изучена: ее определяют как переходную. Это было время «ключевого поворота» от средневековой Руси к России Нового времени. Соборное Уложение 1649 года свидетельствует, что в правительственных верхах осознавалась потребность в преобразованиях — создано единое правовое поле с привилегиями для дворян, крепостничеством и холопством для народа. Но лишь очень немногие при царском дворе, а не в боярской думе, создавали в какой-то степени необходимость реформирования старой образовательной системы, развития отношений между государством и обществом на нравственно-культурных принципах. В сущности, еще только намечался путь к светскому обществу. По такому пути уже давно развивались все европейские страны, с которыми Россия поддерживала дипломатические контакты.

Если рассуждать о последовательности преобразований, прежде всего, необходимо было привести средневековый строй Русской Церкви в соответствие с реальностью и образом Святой Церкви, созданной Апостолами, Святыми Отцами и подвижниками. Долгая церковная служба, например, ослабляла внимание и понимание смысла. Печатное дело нуждалось в унификации текста, в переводах, совершенствовании грамматических форм и т.д. Для преодоления самоизоляции Русской Церкви от других Православных Церквей Никон начал «поновление» с внешних форм — обрядов, чинопоследований, сократив число земных поклонов, — по греческому Служебнику (его «придерживались все восточнохристианские Церкви»). Так, вместо привычного двоеперстия для крестного знамения вводится троеперстие, как символ Троицы. На этом «новшестве» настаивал патриарх Константинопольский, к которому Никон обращался за советом. А по убеждению самого Никона, местные обычаи допустимы в каждой Поместной Церкви, но не должны препятствовать исповеданию «Учения Христова» и единению православных народов.

Когда решительные и даже властные распоряжения патриарха вызвали ропот и недовольство, он разрешил наряду с новыми обрядами, пользоваться старыми. Внешнеобрядовые формы Никон, в сущности, не придавал такого значения, какое они получили в результате оппозиции в среде духовенства и возникшего народного движения раскола — старообрядчества: причины его достаточно глубокие — в крепостнических порядках, недовольстве жизнью. Вдохновителями движения выступили противники никоновых реформ из придворных боголюбцев (при царском дворе действовал просветительский кружок, которым руководил духовник царя Алексея Михайловича протопоп Стефан; их называли в Москве боголюбцами), среди них Иоанн Неронов (в монашестве, старец Григорий), близкий к боярской среде, известный царю Алексею Михайловичу; духовный сын Неронова, протопоп Аввакум, популярный проповедник и талантливый писатель. Его обличительные проповеди и послания переписывались и широко распространялись. Этот самобытный природный ум не приняв церковных преобразований, видел в них крушение веры. В его сочинениях слышится призыв «пострадать на Земле во имя Царствия Небесного».

Совсем других православно-культурных ориентаций держался патриарх. Еще в юности, находясь в монастыре послушником, он овладел книжным и каллиграфическим письмом, зодчеством, иконописанием. Где бы он ни жил, везде украшал лик земли храмами, палатами с прудами и садами. Любимое его творение — ансамбль Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. Никон известен не только как церковный иерарх, но и как «собиный» друг царя Алексея Михайловича, его духовный отец и советник. В Москве, а затем в Воскресенском монастыре он сформировался и как писатель-полемист. В его сочинениях пульсирует живая творческая мысль, присутствуют логика в рассуждениях, знание и опыт.

Наиболее важное его начинание — просветительская деятельность в широких конфессиональных границах. Расширяя свой кругозор под руководством царского духовника благовещенского протопопа Стефана, Никон становится грекофилом, изучает творения Святых Отцов Восточной Церкви — Василия Кессарийского, Иоанна Златоуста, Григория Богослова и других, учившихся в Афинской древнеязыческой школе. Затем у прибывшего в Москву из Киева в 1649 году православного ученого Епифания Славинецкого учится богословию, философии, праву и эллино-греческому языку. Так он пришел к осознанию необходимости освоения древнеклассического наследия «елинского любомудрия», связанного с христианством и приобретением к достижениям западноевропейской светской культуры. В патриаршем Чудовом монастыре действует ученое братство. В нем занимались переводческой, издательской, литературной, поэтической и педагогической деятельностью. Руководитель ученых монахов Епифаний Славинецкий, обучавшийся в Европе, трудился над переводами с древних и новых языков, наблюдал вместе с патриархом за деятельностью Печатного двора, составлял учебные пособия и словари. Известно, как много средств Никон тратил на собрание и покупку книг, посылал за ними в разные страны, на Афон, в Иерусалим. Для этого не жалел и личной (келейной) казны. По подсчетам архимандрита Леонида (Кавелина), им было собрано до 1658 года, пока он был на патриаршестве, 1300 рукописей и книг, причем не только на церковно-славянском, но и на греческом, латинском, польском, немецком и других языках.

Не прошло и года по вступлении на Патриарший престол, как Никон публично выступает с критикой неприкосновенного для всех подданных кодекса — Соборного Уложения 1649 года (за выступление против Соборного Уложения полагалась смертная казнь). В боярскую думу и к царю тотчас поступили доносы от боголюбцев, не разделявших идейную позицию патриарха. В своем полемическом сочинении «Возражение, или разорение смиренного Никона», написанном в Воскресенском монастыре по поводу вопросов-ответов боярина Симеона Стрешнева и Паисия Лигарида, он резко отзывался о Монастырском приказе, его властных функциях и секулярных мероприятиях в церковном вотчиновладении. Фактически в его сочинении сформулировано в терминологических обозначениях эпохи понятие о церковно-общественном фонде земель с крестьянским населением. Согласно проекту Никона, монастырские земли должны управляться соборно и централизованно контролироваться, а доходы с них распределяться по следующим статьям: 1) на содержание духовенства («Закон Божий повелевает служащим Олтаря от Олтаря кормиться»); 2) благотворительность и милость («приходящую странную братию гостить и кормить»); 3) просветительно-образовательные цели: создание типографий, училищ, библиотек. Никон выступил против судебной и пенитенциарной системы суровых наказаний (в Соборном Уложении смертная казнь применялась в 60 случаях). В результате, невозможно стало обличать духовенство сильных властью бояр, дьяков и воевод, которых патриарх назвал «дневными разбойниками».

Против патриарха сплотились бояре, церковные иерархи и представители придворного белого духовенства. Никона представляли нарушителем тишины и спокойствия, церковного и политического порядка. Аввакум и его сторонники проповедовали, что патриарх унижил царское достоинство. 13 января 1657 года Неронов говорил

царю в придворной церкви: «Смутил всю Рускою Землю и твою царскую честь погряз и уже твоей власти не слышать, от него врага всем страх». Алексей Михайлович перестал посещать патриаршие богослужения, не приглашал уже Никона для бесед.

Сложилась тяжелая психологическая ситуация. Патриарх остался в одиночестве. И вот 10 июля 1658 года после богослужения в Успенском соборе, он снял с себя дорогие патриаршие облачения и в одежде монаха ушел из Кремля на свое подворье, вскоре уехал в Воскресенский монастырь. Здесь он провел 8 лет на положении опального. Собор 1660 года не лишил его патриаршества, потому что богослов Епифаний Славинецкий объявил низложение составом местных епископов незаконным по каноническому праву. На Соборе в декабре 1666 года в присутствии восточных патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского Никон был осужден, лишен не только сана, но и священства. Простым монахом под охраной стрельцовой головы его отправили в ссылку в Ферапонтов монастырь; а после смерти царя Алексея Михайловича, которого до конца дней мучили угрызения совести, по указу патриарха Иоакима, Никон был переведен в Кириллов монастырь. В 1681 году по просьбе монахов Воскресенского монастыря больному старцу царь Федор Алексеевич разрешил вернуться в свой Воскресенский монастырь. По дороге Никон скончался около Ярославля. В следующем 1682 году от восточных патриархов были привезены грамоты, снимающие с Никона обвинение и повелевавшие почитать его в сане патриарха.

В наше время преобразенная патриархом Никоном богослужебная практика стала нормой. До сих пор историки обращают внимание на главное направление, по которому двигалась Россия к Новому времени, — через укрепление господствующего положения дворянского сословия, утрату Церковью средневековых привилегий, вотоиновлаждений и подчинения ее светской власти. В 50-е годы XVII века строительство отношений между государством, Церковью и обществом могло бы развиваться по сбалансированному направлению с ослаблением крепостничества и включением в цивилизационный процесс всех сословий. Дело церковного преобразования не увенчалось успехом, но творческие идеи патриарха Никона оказали влияние на религиозную и светскую культуру России.

Н. КОЛОТИЙ

«...К патриарху Никону надо относиться не хорошо или плохо, а — справедливо. Давайте не будем цитировать только Паисия Лигарида, особенно тяжело слушать о суде, о том, что приехали патриархи... А чем это кончилось для приехавших патриархов? Как распорядился Господь? Оба были повешены (как не исполнившие повеления на поездку в Россию у султана). Паисий Лигарид, который сумел добиться расположения и оказал большое влияние на принятие решений Алексеем Михайловичем, был отстранен от сана за свою антиправославную книгу и был предан анафеме патриархом Иерусалимским Нектарием. Иосиф (Тверской) был убит казаками, Мефодий — скоропостижно умер в Ново-Спасском монастыре. Так Господь распорядился с этими совершенно неправедными судьями, которые не имели ни прав, ни полномочий...»

Везли Никона в Ферапонтов монастырь в жестокую стужу. Только один ученик отдал ему свою шубу... Поместили в тесную душную келью, заколотили окна, поставили стражу... Иногда же приходится слышать чуть ли не о комфортных условиях пребывания Никона в ссылке — всё это выдумки Лигарида...

Иногда также говорят о его гордости, гордыне... Я вам скажу, нам, живущим в Истре, невозможно относиться к Никону иначе, чем с искренним восхищением. Потому что каждый день мы видим его великое творение, — живое воплощение его помыслов о будущем России. Народная память о Никоне жива в Истре настоящее, что существует множество легенд, рассказов, фиксируются все чудеса, которые произошли на его гробнице... Есть у нас такой удивительный человек — Галина Митрофановна Зеленская (сотрудница музея «Новый Иерусалим»), написавшая много работ о патриархе

Никоне, активно участвующая в проходящих в Истре Никоновских чтениях, именно она фиксирует все рассказы, все чудеса... Ну какие ещё нужны доказательства, ну какие ещё можно внести в душу сомнения, чтобы сказать что-либо плохое в великом подвижнике земли Русской... И здесь нельзя не вспомнить, что ещё в 1887 году Обществом истории и российских древностей были опубликованы строго и документально выстроенные «Дела святейшего патриарха Никона, паче же рещи чудеса врачевные». В этой публикации, в частности, приведено свидетельство богомольца, старца Емельяна Иванова, удостоверенное двумя наместниками и казначеем Воскресенского монастыря, о том, что — как «дух на яви» ему явился муж светлый, облачённый в святительские одежды (он подумал, что это святитель Дмитрий Ростовский), но преподобный сказал: «Я не Дмитрий, а патриарх Никон. Вчинен в соборе преподобных, от Бога оправдан, а людьми оклеветан». И, действительно, имя святейшего патриарха пока не прославлено в лике святых...

Мы говорим, с одной стороны, что он инициатор раскола, но, с другой стороны, он разрешил Неронову служить по старым книгам. Именно это дало основания историку Макарию Булгакову написать, что если бы патриарх Никон не был послан, то никакого раскола не было бы вообще. Я уже не говорю о боярине Морозовой, жившей далеко после смерти Никона, — и то же ему плетут. Столько накручено вокруг патриарха ложного, невежественного, абсурдного... Нам же не нужно ничего, только чтобы отношение к патриарху Никону было справедливым...

А что касается Нового Иерусалима, который сыграл в судьбе Никона такую трагическую роль, — его так называемые судьи обвинили в том, что он будто бы хотел объявить себя патриархом Иерусалимским, — то это из того же ряда измышлений Лигарида...

Все рассказы о его импульсивности, резкости, гордыне просто возмущают тех, кто глубоко изучал документы, связанные с жизнью и творчеством патриарха... Грех так говорить о человеке, который прославлен чудесами...

Или вот, к примеру, читаем интервью с предстоятелем Русской Православной Старообрядческой Церкви митрополитом Андрианом, который рассказывает о Крестном ходе, в котором участвуют русские и греки. Русские идут посолонь, т.е. за солнцем-Христом, а греки в другую сторону. У алтаря встречаются, и царь Алексей Михайлович разворачивает русских, и Крестный ход продолжается вместе с греками. В этом эпизоде ответ на вопрос — можно ли было обойтись без реформ? Конечно же нет. Иначе Россия была бы ввергнута в изоляцию... от греческой церкви, от малороссийской...

Патриарх Никон вёл очень гибкую, выдержанную политику, говоря, что не стоят разногласия русской крови, давайте креститься кто двумя, кто тремя перстами...

И не надо забывать, что в кружок «ревнителей благочестия», боровшихся за реформы, входил и Аввакум, и Неронов, и Бонифатьев, и Никон, митрополит Новгородский. И только когда именно его избрали патриархом, а не кого-нибудь из кружка, всё и началось... Заговорили, будто бы он «сидит широко, ездит далеко», дескать, возгордился... Но сохранилось множество свидетельств, что, к примеру, на строительстве монастыря Никон не в раззолоченных рясах похаживал, а работал каменщиком, со всеми наравне... Голландский путешественник Вицин, которого не заподозришь в больших симпатиях к России, пишет, что патриарх каждый день делил трапезу со странниками... Далее Н. Колотий рассказала о нынешнем состоянии монастыря, которое иначе как плачевным не назовёшь, при этом она отметила такой чудесный факт, что когда немцы взрывали монастырь, то не разрушилась именно та часть, которую построил Никон, а упавший с колокольни колокол не разбился... И некому, с болью отметила выступающая, задать вопрос — когда же этот колокол снова зазвонит?

В Дворцов (Новосибирск) в своём коротком выступлении высказал мысль, что главный вопрос раскола — это вопрос крестоношения. Патриарх Никон дал бой тем, кто пытался свести Вселенское

православие (а именно в этом суть русского крестоношения) к доплемённой религии, что является проблемной составляющей старообрядчества.

ЕВГЕНИЙ ТИТКОВ (Арзамас)

«Мы стараемся чтить память наших великих земляков, к числу которых, безусловно, относим и патриарха Никона, родившегося на нижегородской земле в селе Вельдеманово (что в 70 км от Арзамаса) в простой мужицкой семье... Уже третий год в Арзамасе действует отделение Всемирного Русского Народного Собора, и пятую Соборную встречу, в феврале 2005 г. наше отделение посвятило памяти патриарха Никона... Скоро выйдут из печати материалы этой встречи с глубокими, добротными докладами С. Перевезенцева, Г. Аксёновой, М. Тодоровой...

Месяц назад Патриарх Московский и всея Руси Алексей II принял у себя большую делегацию арзамасцев во главе с епископом Нижегородским и Арзамасским Георгием, и одобрил два больших дела, которые совершаются в нашем городе, — программу «Арзамасские купола» (в семью к четырём постоянно действующим городским храмам приходят одновременно ещё десять строящихся, над семь из которых уже стоят купола, а скоро добавятся и оставшиеся — это реальный итог объединения усилий власти, церкви, общественности и бизнеса) и план создания в городе первого в России музея всех российских патриархов...» Далее выступающий рассказал о реализации в Арзамасе комплексной программы православного образования — введения в школах курса «Основы православной культуры», на филфаке педагогического университета — специализации по основам православия, а с этого года открывается ещё и теологическое отделение...

Н. Абакумова рассказала о Ново-Иерусалимском монастыре, где прошли самые счастливые и самые трагические годы патриарха Никона, обратила внимание собравшихся на то, что в последнее время состоялось несколько мероприятий, посвящённых патриарху, его духовному наследию, — выставка в Государственном историческом музее «Патриарх Никон и его время», конференции с последующими публикациями материалов... и даже защиты диссертаций. В этом юбилейном году в Государственном музее «Московский Кремль», Кирилло-Белозёрском музее-заповеднике и в истринском музее «Новый Иерусалим» будут открыты выставки, пройдут научные конференции. Выступающая продемонстрировала участникам Соборной встречи великолепно изданный (при финансовой поддержке администрации г. Истра) том материалов Никоновских чтений.

«К сожалению, — сказала, завершая своё выступление Н. Абакумова, — монастырь, спустя 60 лет, находится практически в руинах, как бы символизируя повторение судьбы патриарха Никона. И всё же мы не теряем надежды, делая с помощью администрации города всё возможное, тем более, что сейчас есть некоторые подвижки — и со стороны федерального Министерства культуры, и со стороны областного... Идет разработка реставрационных программ... Но, конечно, главная святыня — Воскресенский собор — ещё требует и научного осмысления, и значительных материальных средств...»

Г. Баранкова (под её редакцией, при участии СП России, была издана книга митрополита Киевского Никифора «Чиста молитва твоя» — о единстве и духовном наставничестве, присутствующих во взаимоотношениях митрополита с Великим князем Владимиром Мономахом):

«Мы сегодня много говорили о единстве Церкви, народа и власти, рассматривая в этом контексте деятельность патриарха Никона. Эти вопросы, конечно, возникали в древнерусском обществе и раньше. А как они интересно решались, можно видеть на примере митрополита Никифора, грека по происхождению, 900-летие прибытия которого на Русь датируется декабрём 2004 года. От первых митрополитов-греков до нас дошло не так-то и много произведений — документальных

свидетельств той эпохи. В основном эти произведения сосредоточивались на антилатинской полемике, что совершенно естественно. Митрополит Никифор оставил 4 произведения. Два из них были обращены к Владимиру Мономаху (митрополит служил во времена правления двух князей Изяслава и Владимира Мономаха, с последним у него сложились тёплые, доверительные отношения). Вообще, творчество митрополита Никифора можно поровну разделить на два тематических раздела — это великопостные произведения и произведения, посвящённые антилатинской тематике. Из произведений видно, что Никифор обращался не только к князьям, но и к простому народу. Например, в одном из произведений он разъясняет верующим, как надо себя вести в период Великого поста... Говоря с простым народом патриарх находит одни слова, а говоря о том же с Великим князем, известным своей учёностью и набожностью, раскрывая значение Великого поста, с одной стороны, а с другой стороны, наставляя его, Никифор как бы создаёт идеальный образ светской власти, показывает необходимость влияния духовной власти на светскую. При этом Никифор даёт очень интересный, человеческий портрет князя, известного своим аскетизмом... И в то же время Никифор намекает на некоторые отрицательные стороны княжеской власти (в частности, предостерегает его от влияния клеветников). Но главный смысл произведения, обращённого к Владимиру Мономаху, заключается в том, что в нём прекрасно запечатлён образ князя-христианина, который должен быть и милосердным к своим подданным, и должен всё время иметь в сердце Бога. Это произведение по праву считается одним из лучших произведений древней русской словесности».

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ

«...Открывая Соборную встречу, Валерий Николаевич говорил о средоточии церкви, власти и народа, и, конечно же, недаром он перечислил столько знаменательных дат приближающихся юбилеев — важнейших дат в истории нашего Отечества. И я думаю в этой связи, не случайно 60-летие Великой Победы совпадает по времени с 400-летием патриарха Никона... Наши светская и церковная власти не должны пройти мимо этой даты. Президент же бывал в Звенигородском монастыре, почему бы ему в этот день не приехать, не поддержать истринцев в их святом порыве. Такие юбилеи могут дать новый заряд к нашему действительно объединению власти и простых верующих, и даже не верующих, но русских людей...»

ВАЛЕРИЙ ШАМШУРИН

ОГОНЬ ПОД ПЕПЛОМ: ТРИ РАСКОЛА И СПАСИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ СЕРГИЯ СТРАГЕРОДСКОГО

Стоит хорошенько разворошить слежавшийся пепел, и под ним обнаружится ярый огонь. Известное противостояние в наши дни в Украине, безусловно, подогрето этим огнем, разоженным еще во времена Брестской унии.

Возникший тогда внутри церковный раскол сказался не только на устойчивости священных догматов, не только на межгосударственных отношениях, но и на самой народной жизни, оставшись в ней глубокой трещиной. «Огнем и мечем!» — с этим убийственным кличем польские католики пытались завоевать Православную Русь. Великими мятежниками, коварным самозванством и вероломством иноземцев, захвативших Московский Кремль, обозначила себя Смута с ее религиозной подоплекой, и понадобилось ополчиться всем народом, понадобились такие жертвенные подвижники, как патриарх Гермоген, Минин и Пожарский, понадобились неисчислимые утраты, чтобы отстоять свою веру, самобытность и Отечество. Но огонь под остывшим пеплом не перестал тлеть.

Долголетие было предопределено расколу, вызванному исправлениями в церковных книгах и сугубо церковных обрядах, которые осуществились по воле нетерпимого к оппозиции и властительного

Никона. Этот раскол топором рассек народ, породил в нем вековых изгоев. Им были сужены ссылки, казни, самосожжения, антихристовы расправы царя Петра, скитничество в непролазных лесах, более чем трехсотлетнее озлобление против официальной церкви и власти, которая эту церковь поддерживала. Скрытое противостояние в народе подтачивало сам народ, порождающий из поколения в поколение непримиримых оппонентов. Огонь под пеплом продолжал тлеть.

И настали самые губительные времена. Раскольный, безотказно срабатывающий опыт как нельзя эффективнее был использован воинствующими атеистами в 20-е годы XX века. Раскол применялся как верный способ, уничтожения Православной церкви. В секретном письме от 2 мая 1922 года членам Политбюро ЦК РКП/б/ Троцкий советовал «не толкать обе стороны к сближению, а наоборот, дать возможность борьбе развернуться в самой яркой и решительной форме». Речь шла о противостоянии так называемых «обновленцев», тайно поддерживаемых ГПУ, и сторонников патриарха Тихона, то есть истинно преданных Русской православной церкви священнослужителей. Раскрывая свой коварный замысел, Троцкий вместе с тем советовал на время не подчеркивать публично большевистской антирелигиозности, вмешательства в дела религии. Но разве можно было утаить подлинники намерения распускавшимся атеистам. Главный редактор газеты «Правда» Бухарин утверждал, что вера в Бога есть выдумка буржуев. Ранее Бухарина редактировавший «Правду» Сольц, проклиная все религии и всех богов, призывал: «Всем им беспощадная война». Так что хитрые уловки новых хозяев жизни не воспринимались в народе всерьез.

Инкриминировав Святейшему Патриарху Тихону и его сторонникам контрреволюционную деятельность, осудив их противодействие изъятию церковных ценностей и враждебную настроенность к Советам и потому засадив за решетку, власти в то же время разрешили «обновленцам» провести Поместный собор в Москве, на котором последние постановили закрыть монастыри, ликвидировать святые мощи, разрешить второбращение священникам. Тайно было решено отправить депутацию этого лесобора к Тихону, чтобы снять с него патриарший сан. Все эти действия нельзя было расценить иначе как подрыв Церкви, как пролог к ее полному уничтожению.

Однако поначалу деятельность «обновленцев» некоторыми влиятельными иерархами воспринималась как спасительная миссия среди полной вакханалии и хаоса. Когда за неповиновение властям священников подвергали расстрелу и расстрелы приобрели массовый характер, поневоле возникла мысль: не слишком ли это большая жертва, чтобы проявлять упорство, в чем большевистская пресса и упрекала Тихона, как якобы виновника расправы с русским священством, называя патриарха «кровавым». Стоицизм главы Русской церкви мог рассматриваться частью иерархов неадекватным обстановке противодействием. К сожалению, искушению возложить свои надежды на ретивых «обновленцев» поддавался и такой авторитетный иерарх, выдающийся богослов и просветитель, единомышленник патриарха Тихона, как митрополит Сергей Страгородский. Решение примкнуть к «обновленцам» повлекло за собой тяжелые последствия. Пример Сергея стал сигналом для многих его приверженцев, для которых он был и оставался образцом мудрого пастыря, всегда отстаивавшим чистоту православия, противостоящим духовному мраку.

Более года понадобилось Сергию, чтобы осознать свою ошибку, разглядеть в «обновленцах» авантюристов, посягнувших на единство Русской церкви и сокрушающих ее устои. Пользуясь тем, что патриарх Тихон чуть ли не постоянно пребывал в темницах, что в любой из дней мог стать днем расправы над ним, что на него одно за другим совершались покушения, узурпаторы церковной власти в конце концов сбросили свои личины, открыв мерзкие хари антихристовых пособников. Все их движение предстало как пошлое издевательство над православной церковью. И несомненно, ужас содеянного тяжкого греха охватил митрополита Сергея, когда перед ним разверзлась верная бездна его отступничества.

Он понял, что стал невольным виновником самого гибельного в России раскола. Раскола, создаваемого искусно, творимого наверняка со всей беспощадностью и наглостью. И целью этого раскола было не только уничтожение православной церкви, но и уничтожение православного народа и в конечном счете России. Пепел не выдерживал жара подспудного адского огня: он струями разлетался во все стороны, омертвляя животворные силы.

Когда в июне 1923 года патриарх Тихон вышел из тюрьмы, Сергей отправился к нему, не зная, примет ли он покаяние сокрушенного грешника. Святейший отпустил грехи отпадавшим в обновленчество архиереям в своей келье, но к Сергию он не мог быть так милостив, потому что с Сергия был спрос особый, строжайший.

Свою вину и свое преступление митрополит Сергей искупал прилюдно чином покаяния в день празднования Успения Пречистой Богородицы в Донском монастыре. В простом монашеском клобуке, без пангии, склонив седую голову, он двигается к амвону пред очи патриарха. За ним несут его белый клобук, пангию с крестом и святительский посох. Низко кланяется Сергий Святейшему Тихону, признаваясь в своих винах и прося прощения. Постепенно из своих рук возвращает ему патриарх митрополичьи регалии, обменивается с прощенным собором во Христе кротким лобзанием. Божественная литургия соединяет их в сослужении.

Стараясь сохранить церковь, владыка Тихон был готов принять любые муки и так отвечал тем, кто упрекал его в соглашательстве с Советской властью: «Пусть погибнет имя мое в истории, только бы Церкви была польза». При этом он уверял духовенство, что ни при каких обстоятельствах не пойдет на соглашения и уступки, которые привели бы «к потере чистоты и крепости православия».

Тяжкий крест главы Русской Православной церкви пришлось нести среди атеистического разгула и мстоблюстителю патриаршего престола митрополиту Сергию. Немало испытаний выпало ему. Но он остался верен слову, данному им в минуты покаяния владыке Тихону, принимая на себя удары судьбы, как бы они ни были уничтожительными. Его цель: сохранить Русскую церковь, — окупала все его личные невзгоды и лишения.

И первым был его голос в обращении к народу 22 июня 1941 года, когда гитлеровские полчища напали на родную землю:

«Братия и сестры!

Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она Небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг...»

Через несколько дней, выступая по радио, Сталин повторил отозвавшееся эхом в его душе обращение митрополита Сергея: «Братия и сестры!»

И народ проникся духом этих вещей слов.

Едва ли кто решится сказать, что ныне Русская Церковь вполне благополучно решает свои проблемы, что связь ее с народом как никогда крепка, а с властью как никогда благостна. Нет, и теперь у Церкви немало трудностей. Конечно, не страшны ей такие вырожденцы бывшего «обновленчества», как Глеб Якунин, не представляющий для нее особой опасности хулителю из Зарубежной церкви, не сбивают ее с толку антихристианские выпады недоумков, что, по примеру поэта Мариенгофа, горазды кипятить чай из самовара, нащепав лучины из старой иконы. Есть вещи посерьезнее: достаточно вспомнить заявление Бжезинского о необходимости уничтожения русского Православия, — как сразу видно тление огня под многовековым слоем пепла.

«Я хочу поблагодарить всех участников Соборной встречи, — сказал, завершая заседание, В. Ганичев, — за состоявшийся столь многогранный, многоплановый разговор. Был представлен широкий спектр мнений, в оценке которых вполне уместна и полемика, как, например, с В. Личутиным и др., который вместе с тем дал серьёзную,

панорамную оценку роли патриарха Никона в нашей Отечественной истории, в истории Русской Православной Церкви. На Соборной встрече были рассмотрены глубинные связи современности с историческими событиями многовековой давности.

И безусловно, знаменательно, что разгром фашистских войск под Москвой начался со сражения под Истрой. Лет пятнадцать — двадцать назад сказали бы, что это простое совпадение, сейчас же многие исторические события осмысливаются неизмеримо глубже, фундаментальнее...

Надо вывести из забвения всю нашу историю, весь смысл нашего бытия... Вы знаете, как непросто сделать это. Как говорит наш Святейший патриарх, Бог мудрый, но и дьявол проворный. Дьявол очень проворный, он действует по всем направлениям. Вместе мы успеваем, во славу Божию, многое сделать, но далеко не всё, что хотелось бы... Отраден тот факт, что появился целый ряд издательств, выпускающих книги по отечественной истории, истории Русской Православной Церкви, труды подвижников и молитвенников, в частности, издательством «Ихтиос» издаются книги серии «Памятники церковной письменности», «Славянский мир»...

На Всемирном Русском Народном Соборе мы подарили Святейшему Патриарху книгу «Что значит быть русским» — это сочинения старшеклассников, и хотя книга уже вышла, я испросил у Святейшего благословения.

И вот недавно от Святейшего Патриарха пришло изумительное послание:

«Дорогие братья и сестры! Ныне возрождается древняя традиция покровительства Русской Православной Церкви над многими сторонами жизни, и особое значение придаётся духовно-нравственному воспитанию молодёжи. Как это всегда было в истории Руси, в трудные дни, дни испытаний лучшие люди искали духовной опоры для принятия решений, спасавших страну и народ. Юные герои не раз брали на себя жертвенный подвиг во славу Отечества, и в том был Промысел Божий. Ныне народу русскому тоже нужна опора духовная. Молодёжь призвана сохранить лучшие традиции русского народа, целостность государства, передать потомкам высокие идеалы Добра и Справедливости.

Мысли молодых о том, что значит быть русским сегодня, перекликаются с духовными поисками подвижников святой Православной веры. И свидетельство тому — книга «Что значит быть русским сегодня?», составленная из сочинений старшеклассников. Много вокруг говорится о бездуховности молодого поколения россиян, его уходе в бизнес, в заботы о материальном достатке. Голос тех, кто поддерживает своими силами духовное единство народа, кто чувствует призвание служить Отечеству и Православию, кто не на словах, а на деле проявляет любовь к ближнему своему, милосердие, доброту, неслыханно, нередко заглушен, не слышен, не замечен. Тот, кто прочтёт эту книгу, убедится, как значимы ценности патриотизма для молодых россиян. Отрадно сознавать, что думы о русском народе, вера в его высокую миссию и стремление служить Отечеству наполняют сердца и умы нашей молодёжи.

Выражаю надежду, что мысли юношества о судьбах русского народа будут услышаны всеми, кому дорога Россия. Издание книги, что представила нашу молодёжь думающей, совестливой, радующей о благе народа, — благородное дело. И да сопутствует организаторам издания и молодым авторам в деле этом помощь Божия!»

Этими словами Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II о значении духовно-нравственного воспитания молодёжи и непрерывности древней традиции покровительства Русской Православной Церкви над многими сторонами деятельности государства, имеющими прямое отношение к теме состоявшегося сегодня разговора, мне бы и хотелось завершить нашу Соборную встречу».

Материалы
к публикации подготовил
Александр ДОРИН

На родине патриарха НИКОНА

28 мая 2005 г. на родине патриарха Никона в селе Вельдеманово Перевозского района Нижегородской области торжественно отмечали его 400-летие. В торжествах приняли участие епископ Нижегородский и Арзамасский Георгий, губернатор Нижегородской области Г. М. Ходырев, заместитель председателя правительства Республики Мордовия В. В. Конаков, глава местного самоуправления Перевозского района Ю. Ошарин, ректор Саранского духовного училища протоиерей Александр (Пелин). Празднование началось с общей молитвы: в восстанавливаемом храме во имя Казанской иконы Божией Матери была отслужена Божественная литургия. Был освящен поклонный крест — знак уважения мордовского народа, привезенный из Мордовии на родину

патриарха Никона. На нем выгравированы слова: «Его Святейшеству Патриарху всея Руси Никону от мордовского народа». На другой стороне надпись: «Памятный знак установлен по инициативе общественности Республики Мордовия, представителей мордовского населения России и при поддержке Главы Республики Мордовия». После чина освящения креста и панихиды по патриарху Никону владыка Георгий, обращаясь ко всем собравшимся, произнес замечательные слова: «Мы сегодня празднуем память великого деятеля Русской земли. Никон вышел из простого народа, из русской глубинки, которая рождает великих людей. Мы сегодня вместе молились и вспоминали те корни, которые дали такого святителя, и его родителей и прародителей. Из худого источника не истекает чистая вода. Так и эта земля воплотила в себе святость и мудрость всей Русской земли и явила нам светильника Божия. Мы верим и надеемся, что Господь из таких простых сел даст нам новых истинных ревнителей и хранителей веры».

Губернатор Нижегородской области Г. М. Ходырев, преподнося в дар храму и его прихожанам икону Казанской Божией Матери, отметил, что патриарх Никон дорог нам прежде всего тем, что при нем было организовано строгое каноническое управление Русской Православной Церковью, повсюду восстанавливались храмы, была развита благотворительность. «Благодаря

его реформаторской деятельности Церковь приобрела удивительную устойчивость, которая помогла выстоять государству в сложные периоды, когда сама церковь подвергалась гонениям», — сказал губернатор.

Заместитель Председателя Правительства Республики Мордовия В. В. Конаков, оценивая роль патриарха Никона в истории государства Российского, подчеркнул, что патриарх «явил нам пример того, как надо служить Родине».

Моя встреча с жителями села состоялась не в дни юбилейных торжеств, а два месяца спустя, в августе. Издалека, на далеких подъездах к селу были видны огромный купол церкви и кресты. Вздох радости — храм больше не стоит обезглавленным. Многое было сделано на родине патриарха при подготовке к юбилею: восстановлен купол на церкви, на колокольне — крест; на месте его дома строится часовня; привели в порядок, почистили колодец и святой источник. Но не достроена купальня у святого источника, а вокруг дивных прудов, расположившихся в овраге, между двумя холмами, все заросло бурьяном.

Праздник прошел и, к сожалению, как это часто бывает, приостановились восстановительные работы. (Хочется думать, что это временно.) И, конечно же, от этого боль и обида в сердцах жителей села. Но главное, что печалит и огорчает их — это отсутствие настоятеля храма. Некому нести слово Божие в Вельдеманово. Уже несколько писем они отправили в адрес Нижегородской епархии, собираются ехать в Москву с прошением о назначении в храм священника. Верится, что все должно наладиться у жителей старинного села: они замечательные подвижники и труженики. Ведь и первые полы в храме они сделали сами, и крест поставили на собранные ими пожертвования. И главное — они всегда помнят о своем выдающемся земляке, патриархе Никоне, который родился и провел свои детские годы здесь, в Вельдеманово.

Галина АКСЕНОВА

**Подписка принимается
в любом отделении связи
по каталогу "Роспечати"
с любого месяца**

**Подписные индексы
на полугодие (6 номеров):**

48542

для индивидуальных
подписчиков

48543

для библиотек
и учебных учреждений

на год (12 номеров):

79172

для индивидуальных
подписчиков

79173

для библиотек
и учебных учреждений

**Подписаться на журнал
или приобрести его оптом
и в розницу можно по адресу:
Комсомольский проспект, д. 13
(м. "Парк культуры")**

**Редакция приглашает
к сотрудничеству распространителей
Тел./факс: (095) 246-03-47**

Учредители: В. Н. Ганичев
Издатель: Редакционно-издательский дом
"Роман-газета XXI век"

Адрес редакции: 119146, Москва,
Комсомольский проспект, 13.
Телефон: (095) 246-03-47, факс: (095) 246-03-47
© АНО РИД "Роман-газета XXI век", 2005 г.

Компьютерная верстка С. Панфилов
Корректор Е. В. Феоктистова

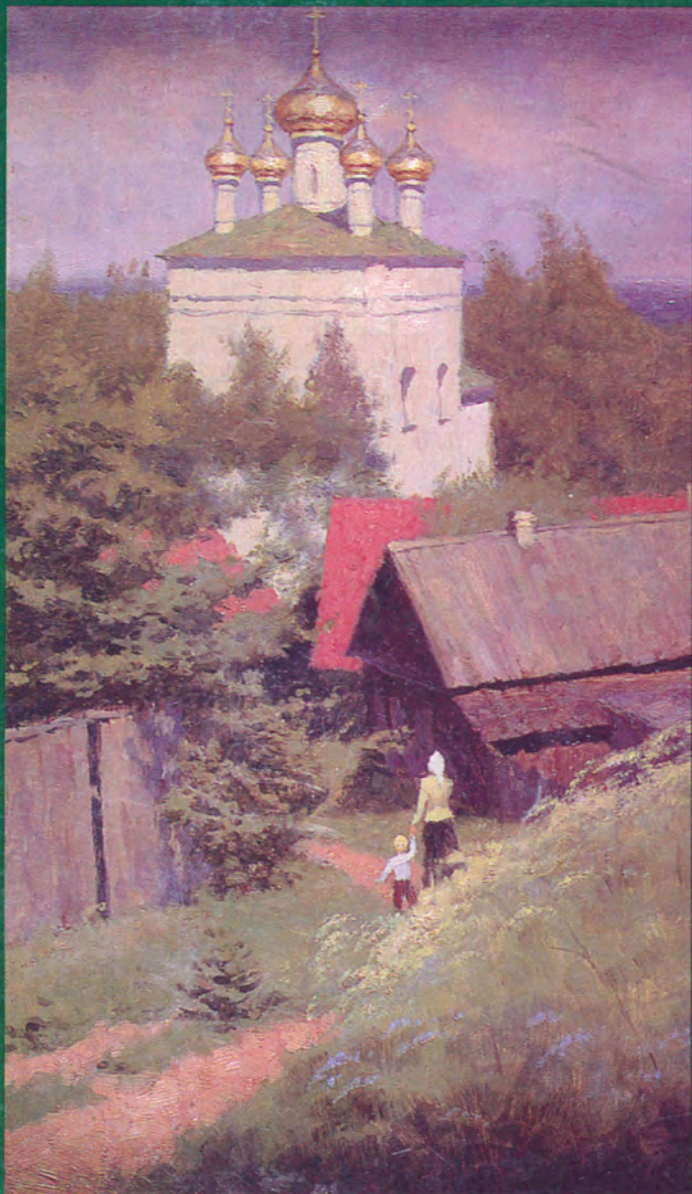
**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.**

Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена
Трудового Красного Знамени ОАО «Чеховский
полиграфический комбинат»

142300 г. Чехов, Московская обл.
Тел.: (272) 71-336, факс: (272) 62-536

Тираж 5 000 экз.
Цена свободная
Заказ № 4594.

Художник Дмитрий Шмарин. Гороховецкая улочка. 1988 г.

Александр РОСКОВ

* * *

...Житие у реки в захолустном глухом городке,
где на том берегу тарахтит и визжит пилорама,
где при свете луны отражаются звезды в реке,
а при солнечном свете старинные белые храмы,
где на площади главной растут лопухи и трава,
где в тени колокольни вино мужики распивают,
где пешком на обед каждый день городской голова
по мосточкам идёт, головою проходим кивая.
Дома ждут голову щи горячие в русской печи,
телевизор «Рекорд», а другого ему и не надо...
Житие у реки, где пастух под окошком кричит,
собирая коров поутру от подоиников в стадо.
Житие в городке, где все знают друг друга в лицо,
где любая кума непременно нуждается в куме,
где крапивой густой затенило забор и крыльцо
вросшей в землю избы,

где хозяин единственный

умер.

Где в одном помещении с ЗАГСом находится суд,
где весной голубой, год за годом, еще раз и снова
во дворах перед Пасхой перины хозяйки трясут
и гоняют мальчишек к реке за водой родниковой.
Где вороны истошно орут в ожидание дождя,
где мужик на завалинке смачно дымит папироской,
где стоящая в сквере еловом фигура вождя
отливает не бронзой, а старой сереет известкой.
Житие в городке, где подать до погоста рукой
и любой старичок добрести сюда в Троицу в силах,
где за каждой оградкой – уют, тишина и покой,
где покойников чтут и сажают цветы на могилах.
Где, гостей провожая, старушка в цветастом платке
крестит их со спины и рукой вслед автобусу машет.
Житие у реки в захолустном глухом городке
есть как раз – ЖИТИЕ,

а не жизнь

сумасшедшая

наша...